10 тайн
Охотницы на демонов
Светлана Гольшанская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда-то Стражи защищали этот мир от злобных порождений червоточин. Прошло время. Славные деяния Стражей были преданы забвению. Началась долгая, кровопролитная Война за веру и они проиграли. Охотники сами стали добычей.

Чтобы исполнить древнюю клятву своего рода, Дэвид Комри отправляет младшего сына Николаса на Охоту Стражей. Его путь лежит на край света в таинственный храм Шамбалы, где его ждет испытание Мертвого бога. Только после этого он сможет вернуться домой. Если ему еще будет куда возвращаться.

- Светлана Гольшанская
  - Пролог. Повитуха
  - Тайна 1. Старый друид
  - Тайна 2. Девочка из тумана
  - Тайна 3. Священная долина
  - Тайна 4. Небесный клинок
  - Тайна 5. Рубиновое яблоко
  - Тайна 6. Великая библиотека
  - Тайна 7. Компания Норн
  - Тайна 8. Лютый зверь
  - Тайна 9. Легион Теней
  - Тайна 10. Око Бури
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

Светлана Гольшанская
10 тайн Охотника на демонов

Пролог. Повитуха

Озерный край. Авалор. Туманный остров на краю владений человека. 1551 г. от заселения Мидгарда[1]. Канун Самайна[2].

Теплая сытая жизнь нехотя отступала под натиском суровой владычицы-зимы. Природа погружалась в долгую спячку. Царственной поступью смерть входила в свои владения, повсюду оставляя следы медленного увядания. Так каждый год начиналась холодная темная пора.

Грань между мирами истончалась, позволяя духам перешагнуть через порог и проникнуть в обитель смертных. Эта ночь всецело принадлежала им, могущественным и необузданным, древним, как сам мир. Мудрой волей они вели тех, кто внимал их наставлениям. В последние годы люди начали забывать своих старых покровителей, прельстившись щедрыми посулами нового Единого бога.

Но здесь, на островах, вдалеке от большой земли, старая вера все еще давала отчаянные бои захватчикам с востока. Главный праздник мертвых до сих пор помнили и уважали. Тайком, в чащах дремучих лесов, подальше от чужих глаз друиды в белых одеждах отправляли древние обряды. Простоволосые жрицы танцевали у костров и пели дивные завораживающие слух песни.

Опавшая листва чуть тронутая серебристым инеем шуршащим ковром покрывала землю. Ветер громко завывал в скрюченных ветвях деревьев. Совсем скоро весь мир укроется снежной периной и проспит безмятежным сном аж до самого Бельтайна[3].

Единорог беззвучно ступал по мерзлой земле. В закатных лучах солнца его белая шерсть оттенялась нежным розовым цветом. Стройная девушка с волосами цвета меди и проницательными зелеными глазами медленно покачивалась в седле в такт движений великолепного животного. Риана, так звали всадницу, давно уже бросила поводья золотой уздечки и позволила единорогу самому выбирать себе путь. Вдруг зверь остановился, чуть слышно всхрапнул, привлекая внимание всадницы, свернул с большой дороги на едва заметную тропку и помчался по ней, следуя зову доступному только его чутким ушам. Девушка крепко ухватилась за гриву, зная, что куда бы ни принес ее чудесный зверь, на то была воля духов.

Вскоре они выехали из леса и оказались у большой усадьбы. В окнах не горел свет, не было и праздничных фонариков из тыквы. Наверняка, здесь жили чужаки, единоверцы, сталью и

коварством навязавшие народу Туманных островов свою религию.

Риана спрыгнула на землю. Узда и седло тут же исчезли. Единорог скрылся за деревьями, чтобы не привлекать лишнего внимания. Девушка скинула капюшон дорожного плаща и поднялась по ступенькам на широкое крыльцо. Никто не вышел встретить непрошеную гостью, не слышно было даже лая дворовых собак. Риана постучала в дверь, но ответа не последовало. Прошло несколько минут, прежде чем до ее слуха донеслись торопливые шаги. На пороге показался темноволосый мальчик со свечой в руках.

— Вы к отцу? Извините, но он сегодня никого не принимает, — усталым голосом сказал хозяйский сын, ошибочно приняв ее за кого-то из арендаторов.

Свеча осветила герб, висевший над входом в дом. Риана поморщилась: на нем был изображен рыцарь, мечом пронзающий крылатого змея. Это не чужаки. Комри, предатели, изменившие своему народу и ставшие на сторону Единой веры. Когда-то они считались героями, предводителями Стражей Авалора, что оберегали эти земли от орды демонов, порождаемых червоточиной Хельхейма на севере. Теперь же сила дара Комри выродилась, а его потомки влачили жалкое существование в самой глуши, сторонясь как попавших в немилость староверов, так и адептов новой религии. Правда, Комри до сих пор свято чтили клятву предков, по достижении шестнадцати лет отправляя своих младших сыновей на Охоту. Да только живым с нее давно никто не возвращался.

Риана уже хотела развернуться и уйти, так ничего и не сказав, как вдруг за спиной хозяйского сына появилась девочка в просторной ночной сорочке.

— Эдвард, маме совсем плохо, — потирая кулачком заплаканные глаза, сказала она.

— Джун, я же просил тебя присмотреть за Лизи! — укорил ее брат он.

— С ней Мэри осталась, — прошептала девочка. — Мне страшно. Мама ведь не умрет?

— С мамой все будет хорошо, — неубедительно соврал Эдвард, но донесшийся из дома истошный женский крик опроверг его слова.

"Помоги им", — прозвучал в голове Рианы тихий шепот.

— Пропустите меня! — сказала она повелительным тоном и прежде, чем дети успели ее остановить, вошла внутрь.

— Эй, что там происходит? Джаспер привел лекаря? — в холле показался высокий темноволосый мужчина лет тридцати пяти, одетый в слишком строгий для домашней обстановки

костюм. Спину он держал неестественно прямо, а на осунувшемся лице под глазами были заметны темные круги.

— Кто вы и что вам надо? — не замедлил поинтересоваться он, увидев вместо ожидаемого слуги незнакомку.

— Я хочу вам помочь, — сказала Риана.

— Чем вы можете мне помочь? Моя жена рожает, мне нужен лекарь, а не сопливая девчонка! — раздраженно ответил мужчина.

— Знаю, поэтому я здесь, — полным самообладания голосом ответила девушка.

— Повитуха? — скривился он.

— Целительница, — Риана смерила его холодным взглядом.

Мужчина несколько мгновений колебался, стоит ли принимать помощь от староверов, ведь само присутствие целительницы в доме могло навредить репутации его семьи в епископате. Но слуга, посланный в город за лекарем, задерживался, а каждая минута промедления могла стоить его жене жизни. К тому же, целители никогда и никому не вредили. Такова была суть их родового дара.

— Идемте, — сказал хозяин дома и скрепя сердце отвел Риану в спальню.

Измученная и обессиленная женщина, лежавшая на широкой двуспальной кровати с застеленной белой простыней, тихо стонала от нестерпимой боли.

— Преждевременные роды, — сразу же заключила целительница.

— Еще месяц, — кивнул головой отец семейства.

— Принесите теплой воды и чистые простыни, — сказала девушка, выпроваживая его из комнаты.

***

Дэвид Комри, хозяин усадьбы, винил в том, что происходило с его женой, только себя. У них и так было четверо детей. Дэвид не хотел еще одного. На этот раз он точно знал, что родится мальчик. Младший сын, которому суждено всю жизнь нести на своих плечах тяжелое бремя. Со времен первого Стража Авалора, легендарного Джорджа Драконоборца[4], повелось, что старший сын одаренного рода наследует титул, земли и состояние отца, а младший отправляется на Охоту за собственной гибелью. Так было с дядюшкой Дэвида, который сгинул в Ледовитом океане, так было с братом, которого разорвала на части безымянная тварь из Муспельхейма[5]. Дэвид не хотел такой участи ни для кого из своих детей.

В былые времена Стражей считали самыми уважаемыми и влиятельными людьми во всем Мидгарде, а их ремесло — охота

на демонов — почетным занятием для любого человека. Для них не существовало сословных различий. Людские законы были не властны над ними, а их воле подчинялись даже короли.

Беду принес восточный ветер вместе с проповедниками Единой веры. Он посеял в душах людей смуту, разжег пламя раздора в их сердцах. По всему Мидгарду прокатилась разрушительная война, которую позже летописцы назовут Войной за Веру. Стражи потерпели поражение. Из охотников они сами превратились в добычу для тех, кого клялись защищать их предки.

После войны Комри пришлось отказаться от своего наследия и веры, чтобы не попасть на плаху, ведь таких, как они единоверцы убивали без суда. Телекинез, самый нечестивый, по словам Защитников Паствы Единой веры, дар Стражей, передавался в роду Комри от родителей к детям, хотя в последнее время он начал угасать. Дэвид обладал лишь жалким его подобием: он с трудом мог передвинуть силой мысли порожнее ведро. Его отец считал, что так их род расплачивается за малодушие и трусость. Но Дэвид никогда не верил в это, как не верил ни в духов, ни в Бога Единой веры, но только до сегодняшнего дня.

Теперь же он впервые задумался о возмездии за преступные мысли против собственного ребенка. Он, не рожденный, погибал у Дэвида на глазах, забирая с собой жизнь его милой, доброй, ни в чем не повинной жены.

Разбавив кипяток из котелка, висевшего над очагом, холодной водой Дэвид вернулся в спальню.

— Ну, как она? Вы сможете ей помочь? — спросил он, с надеждой глядя на повитуху.

Риана повернулась к нему. Теперь от нее исходила настолько мощная волна силы, что Дэвид испуганно вздрогнул, ощущая, как по спине пробежал озноб.

— Все будет хорошо, — тихим, лишенным всякой интонации голосом сказала Риана. — Не мешайте.

Дэвид обреченно кивнул и вышел. Оказавшись в темном коридоре, он закрыл глаза руками и опустился на пол.

— Папа, я уложил девочек спать. Джаспера с лекарем до сих пор нет, — из коридора показался Эдвард. Восьмилетний сын присел на корточки рядом с отцом.

— Пап, это же староверка, зачем ты ее к маме пустил? — спросил он, пытаясь разглядеть лицо Дэвида в тусклом свете свечи.

— Если нам больше никто помочь не в силах, так пусть будет староверка, — ответил он.

***

Роженица мучилась уже несколько часов. Схватки с каждым разом становились все сильней, буквально разрывали ее на части. По лбу градом катился пот. От захлестывающей ее боли, женщина не могла больше ни сдерживать крик, ни даже просто дышать.

Риана положила руки ей на живот, запрокинула голову и воззвала к древним богам. Ее руками водила Бригантия[6] в белых одеждах. Рогатый хранитель[7] леса неустанно наблюдал за действиями целительницы. Сам Белен[8] с нетерпением ждал появление ребенка на свет.

Никогда целительница еще не присутствовала на таких тяжелых родах. Как будто мары[9] хотели забрать малыша прямо из утробы матери и утянуть обоих на тот свет. Но Риана не сдавалась. В канун Самайна, когда сами духи привели ее на порог этого дома, целительница просто не могла позволить демонам смерти выиграть эту хватку. Вот уже показалась головка. Еще чуть-чуть, одно небольшое усилие и ребенок оказался у нее на руках — совсем крохотный багровый комочек с темным пушком волос на макушке, гораздо меньше всех новорожденных, которых она когда-либо видела. Риана потерла его стопы, провела рукой по спине, изо всех сил пытаясь заставить его закричать, но малыш остался нем. Он не дышал.

Из глаз целительницы покатились слезы. Неужели все усилия пропали зря? Риана отерла рукавом лицо, и тут прямо на ее глазах свершилось чудо. Зловещую тишину как ножом разрезал бой часов. Наступала полночь. На лбу ребенка зажглась белым светом руна Перт[10] и погасла с двенадцатым ударом. Как раз в этот момент малыш возвестил о своем прибытии громким плачем. Оторвав от малыша завороженный взор, Риана увидела прямо перед собой Рогатого. Тот мягко улыбнулся, склонил голову перед целительницей в благодарность за проделанный труд и растворился в воздухе.

Дверь тут же распахнулась, и в комнату ворвался изнывающий от беспокойства отец.

— Как она? — взволнованно спросил Дэвид, глядя на свою затихшую жену, неподвижно лежавшую на кровати.

— Роды были очень тяжелые, но все обошлось, — ответила повитуха, заворачивая мальчика в полотенце. — Скоро она проснется.

— А ребенок?

— Можете его взять, — сказала жрица, передавая малыша отцу, чтобы удостоверится, что с роженицей все будет в порядке.

— И все-таки мальчик, — пробормотал Дэвид себе под нос, разглядывая новорожденного. — А какой крохотный… Мой сын. Я

назову его… — "Николас, Николас, Николас…" — зашептал тихий бесплотный голос у него в голове. — Николасом. Да, именно так и назову.

— Хорошее имя, как у нашего первого короля, — ответила целительница, с улыбкой глядя на гордого отца.

— Первого короля? — удивленно переспросил Дэвид, укладывая ребенка в колыбель. — Того, что основал королевство Авалор десять веков назад, а потом бесследно исчез?

— Вы слишком хорошо знаете наши легенды для предателя, — горько усмехнулась Риана, умывая руки и лицо.

— Жаль, что предательством у нас стало желание выжить, — возразил он.

— Жаль, что выживают теперь лишь трусы, — покачала головой целительница и пошла к выходу.

— Подождите, а как же плата за услуги? — уже на пороге догнал ее хозяин дома.

— Вы думаете, что можете предложить мне что-нибудь стоящее? — усмехнулась девушка. У ее ног терся невесть откуда появившийся рыжий кот. Она взяла его под лапы, внимательно изучая мерцающие в темноте глаза.

— Держите, это вам ночной сторож для малыша, — сказала Риана, передавая животное остолбеневшему от удивления Дэвиду. — Прощайте.

Целительница вышла за ворота, села на выбежавшего ей на встречу из-за деревьев единорога и умчалась в ночную тьму.

Дэвид задумчиво глянул на тощего кота и, вздохнув, понес его в дом.

Тайна 1. Старый друид

Озерный край, Авалор, 1559 г. от заселения Мидгарда

Солнце заливало густую изумрудную лужайку перед большим домом из белого камня ярким светом. Девочки босиком бегали по мягкой траве, играя в салочки. Невысокий щуплый мальчишка сидел, прислонившись спиной к стволу развесистой старой яблони, и выводил пером в своем альбоме замысловатые фигуры. Рядом с ним, вытянувшись на солнышке, грел желтое брюхо жирный рыжий кот.

Через пару минут мальчик оторвался от своего занятия, потянулся и зевнул. Тут он заметил едва-едва подрумянившееся яблоко на верхней ветке. Мальчик плутовато огляделся по сторонам: отца нигде видно не было. Он поднял вверх руку и пристально посмотрел на соблазнительный плод. Яблоко медленно повернулось вокруг своей оси, оторвалось от ветки и упало прямо в подставленную руку. Разморенный от летнего зноя кот открыл глаза и укоризненно глянул на мальчика, напоминая ему, что отец строго на строго запрещал подобные шалости. Но мальчик, ни сколечко не чувствуя за собой вины, протер рукавом яблоко и откусил кусок, изучая свой рисунок в альбоме. На нем был изображен человек в плаще, правящий лодкой с помощью длинного шеста. Мальчик видел его вчера вечером на берегу, когда в погоне за редкой серебристой лисицей случайно вышел к морю.

— Ники, Ники! Ты нарисовал мне фею? — от созерцания его оторвал звонкий голос маленькой девочки с кукольным личиком и длинными волнистыми волосами.

— Нет, Лизи, сегодня я нарисовал тебе водяного колдуна вана, — Николас встал, отряхнул штаны и передал сестре свой альбом.

Лизи хоть и была на год взрослее брата, но старшей в его присутствии никогда себя не чувствовала.

— Какой страшный, — испугалась девочка. — Феи[11] лучше.

Мальчик хотел что-то ответить, но тут заметил, как из дома вышел отец. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Лизи тоже это заметила и спрятала альбом за спину.

— Николас, почему ты не на занятиях?! — строго сказал Дэвид, сверху вниз глядя на своего младшего сына.

— Меня выгнали, — ответил тот, старательно делая вид, что очень расстроен.

— И за что же тебя выгнали на этот раз? — с негодованием

вопрошал отец.

— Учитель сказал, что я не достоин обучаться у него благородному искусству фехтования, — сказал мальчик, внимательно изучая свои ботинки.

— Ты что, снова сбил его с ног, прежде чем он успел начать урок? — простонал Дэвид, хватаясь руками за голову.

— Учитель сказал, что я должен парировать какой-то мудреный удар, но я не могу управляться с тяжелым деревянным мечом достаточно быстро. Я решил, что пусть лучше он упадет сейчас, чем потом будет снова лупить меня своей палкой, — мальчик со слабой надеждой на помилование заглянул в глаза отца.

— Николас, почему ты не берешь пример с Эдварда? Он никогда не жаловался на меч, а учитель никогда не выгонял его с уроков. И тем более он не убегал по ночам из дома! — теперь отец открыл истинную причину своего негодования.

— А кто убегал? — с самым невинным видом осведомился мальчик.

— Николас! Не смей мне лгать. Где ты так умудрился порвать свою одежду? — ответил Дэвид, строго глядя на свое непутевое чадо.

— Зацепился за сук в саду, — соврал он.

— И от этого протер колени?

Мальчик молча пожал плечами и опустил голову.

— Лизи, дай сюда альбом, — Дэвид перевел взгляд на дочку. Та начала пятиться, пока не уткнулась спиной в ствол дерева. — Лизи!

Девочка сильнее прижалась к яблоне. Отец подошел к ней и достал из-за ее спины злосчастный альбом.

— А теперь иди в дом, — девочка, понурившись, поднялась на крыльцо, оставив отца с сыном одних.

— Николас, что это? — спросил Дэвид, указывая на рисунок с ваном.

— Морской житель, — промямлил себе под нос мальчик.

— Это демон, — недовольно заметил отец. — Сколько раз тебе повторять, чтобы ты их не рисовал?

— Я не могу, — упрямо ответил Николас.

— Что значит, не можешь? — негодование Дэвида достигло высшей точки.

— Не могу и все, — повторил мальчик, поднимая взгляд на отца

— Ну почему бы тебе хоть раз не попытаться быть, как все остальные? — ощущая полное бессилие, Дэвид повысил голос.

— Потому что я не могу! — закричал мальчик, вырывая у

отца альбом.

Кот громко мяукнул, призывая мальчика к спокойствию, но тот лишь подхватил его на руки и побежал к дому.

— Николас, стой, Николас! — крикнул ему в след отец, но мальчик уже поднимался по ступенькам крыльца, прижимая к себе "единственного друга".

Ни один из детей Дэвида не доставлял ему столько хлопот, как младший. С самого раннего детства он был упрямым, непослушным и вспыльчивым. Чем больше отец пытался его воспитывать, тем больше мальчик сопротивлялся. Дэвид никогда не был с ним особо ласков. Слишком боялся к нему привязаться — знал, что вскоре ему придется отправить мальчика на верную гибель и отвратить это никак нельзя. Может, поэтому Николас и отказывался его слушать.

— Мастер Комри, — из задумчивости Дэвида вывел голос учителя фехтования, раздавшийся у него за спиной. Отец повернул голову и увидел, как он возвращается с урока вместе с Эдвардом. На учителе был дорогой щегольской костюм, купленный, несомненно, на жалованье, назначенное ему Дэвидом за обучение своих детей.

— Мастер Комри, если позволите, я хочу дать вам совет: не мучайте ребенка, — вкрадчиво начал учитель. — Для фехтования нужна строгая дисциплина и железная воля, а у вашего младшего сына нет ни того, ни другого. Он ведь, кажется, неплохо рисует? Так почему бы вам не отправить его в подмастерье к хорошему художнику.

— Оставьте свое мнение при себе, — огрызнулся Дэвид, и, обращаясь к своему старшему сыну, добавил: — Эдвард, иди хорошенько умойся и переоденься, вечером к нам приедет важный гость. И главное, присмотри за братом. Только бы он никуда не сбежал до ужина.

***

Привычка сбегать из дома появилась у Николаса с ранних лет. Их усадьба находилась в стороне от больших поселений, посреди дикого Озерного края. Они жили в своем маленьком замкнутом мирке, куда редко проникали посторонние. Иногда мальчику казалось, что отец специально держит их здесь в своеобразном плену. Поэтому он сбегал практически каждую ночь. Ночная прохлада, тихий шелест деревьев, напоенный сладкими запахами лесной воздух — все это создавало для мальчика иллюзию свободы. Хотя даже эта свобода была ограничена дремучим лесом, песчаным пляжем и седыми холмами. Дальше он никогда не заходил.

С другими детьми мальчик общался мало. Они относились к

нему с прохладой и редко принимали в свои игры. В последнее время Николас сам заметил, что они стали ему неинтересны. С каждым днем он все больше ощущал свою отчужденность от семьи, которая его не понимала и не принимала таким, какой он был. А становиться другим он отчаянно не хотел.

Когда вечером в дверь постучали, открывал дверь и встречал гостя сам глава семейства. Весь дом, кроме Николаса, который весь оставшийся день отказывался выходить из собственной комнаты, проникся важностью предстоящего события. На столе была застелена белоснежная скатерть и расставлен праздничный сервиз. Девочки в аккуратных светлых платьицах были похожи на нежные лилии. Эдвард выглядел не по годам взрослым в новом черном костюме, купленном в городе по поводу его дня рождения. Сама хозяйка дома после нескольких безрезультатных попыток очистить одежду Николаса от кошачьей шерсти и уговорить его перестать обижаться на отца, усадила сына подле себя, чтобы иметь возможность присмотреть за неугомонным мальчишкой.

Гостем оказался высокий худощавый старик в коричневом балахоне, подпоясанным кожаным шнуром. Он чуть склонил голову на бок, приветствуя обитателей дома.

— Молли, дети, это достопочтимый мастер Гвидион, — представил старика Дэвид, приглашая его к столу. — Мастер Гвидион, это моя жена Молли, мои дети Эдвард, Мэри, Джун, Лизи и младший Николас.

Старик обвел изучающим взглядом всех обитателей дома, ненадолго задержался на хмуром темноволосом мальчике, потом повернулся к отцу семейства и начал что-то с ним обсуждать.

Николас без особого аппетита дожевывал свой ужин, половина которого уже была благополучно скормлена сидевшему под столом коту. Мальчик никогда не любил гостей, а тем более эти длинные семейные приемы, с которых никак нельзя было сбежать. Мать тихим шепотом делала девочкам какие-то замечания, Эдвард изо всех сил пытался подслушать разговор отца со странным гостем.

Николас бросил на них скучающий взгляд и украдкой посадил себе на колени кота. Он тут же свернулся клубком и благостно запел свою урчащую балладу. Мальчик провел рукой по мягкой, как пух шерсти. Это всегда его успокаивало. Сколько Николас себя помнил, старый рыжий кот всегда был рядом с ним. Он, как бдительная нянька, неусыпно следил за мальчиком, не оставляя его ни на минуту. Кот был самым лучшим другом, способным выслушать, посочувствовать и успокоить своей тихой безмятежной песней. Надежный поверенный, он бережно хранил

все тайны своего маленького хозяина. И мальчик был уверен, что старый друг никогда его предаст.

— Дети, уже поздно, вам пора ложиться спать, — вдруг голос матери вырвал мальчика из сладостной полудремы. — Эдвард, это и тебя касается. И не смотри на меня так.

Эдвард скорчил недовольное лицо. Ему уже давно позволяли допоздна засиживаться вместе с родителями. Но сегодня отец хотел пообщаться с гостем наедине. Это сильно задело гордость мальчика, но он смиренно поднялся по лестнице вслед за младшими детьми, бросив лишь один недовольный взгляд на отца, увлеченного напряженной беседой.

***

— Мастер Комри, разве вам не страшно приглашать в свой дом друида? — с издевкой спросил старик у Дэвида, когда они остались наедине. — Особенно после того, как вы нас предали. Решитесь уже, на чьей вы стороне.

— Каждый выживает, как может, — болезненно поморщился Дэвид. — Ни моя жена, ни дети ничего не знают ни о родовом даре, ни тем более о связи нашей семьи со Стражами. Я хочу обеспечить для них тихую спокойную жизнь, свободную от гонений и страха. И это все.

— Тогда зачем же вы меня пригласили? — повторил свой вопрос собеседник, с трудом подавивший накатившую на него зевоту.

— Вы прекрасно знаете, зачем, мастер Гвидион, — раздражаясь, ответил хозяин дома, ему уже порядком надела эти словесные поединки.

— Знаю, из-за клятвы, принесенной богам, в которых вы больше не верите. Спокойная жизнь для всех, кроме младшего сына, не так ли? Вы хотите попросить меня о том же, о чем двадцать лет назад просил ваш отец для вашего брата. Но ответ остался таким же, нет, я не стану обучать будущего Защитника Паствы.

— Не называйте так моего сына. И не сравнивайте его с "голубыми капюшонами", он никогда не вступит в их ряды, — ответил Дэвид, его глаза сузились от нескрываемой уже злости. — И мой брат никогда не был одним из них, но вы отказались его обучать и лишили шанса выжить. Вы же последний наставник Стражей на Авалоре, так почему вы не хотите исполнить свой долг?

— Потому что Стражей больше нет. Они либо бежали за море в Нормандию, либо погибли на кострах единоверцев. И вам, Комри, давно пора забыть про них и про Охоту, как вы забыли про свой народ и свою веру, — грозно отрезал старик, с вызовом

глядя на хозяина дома.

Тот понурился, в его взгляде читалось полное отчаяние и старик, скрепя сердце сжалился над ним:

— Хорошо, я дам вашему сыну шанс, такой же, какой когда-то был у вашего брата. Отправь его завтра на охоту. Если он принесет мне золотые рога оленя, так и быть, я возьмусь за его обучение.

— Но это невозможно, он слишком мал для охоты на оленя, — испуганно ответил отец.

— Отправьте с ним своего старшего сына. Он ведь бывалый охотник, — снова усмехнулся старик, но улыбка его вышла не слишком веселой.

— Но золотые рога. В прошлый раз вы просили обычные, — воскликнул Дэвид не в силах понять, зачем друид сделал условие почти невыполнимым.

— Ставки стали выше, — пожал плечами старик.

***

— Оленя с золотыми рогами? Отец, ты в своем уме? Где я найду тебе такого оленя? — негодовал Эдвард, когда на следующее утро отец поднял своих сыновей еще до рассвета и сообщил им о предстоящем деле.

Эдвард довольно часто ходил на охоту вместе с Дэвидом. Он хорошо стрелял из лука и знал, где и когда можно найти богатую добычу.

— Не спорь, если я сказал, что мне нужен этот олень, значит, ты сможешь его найти, — не приемлющим возражения тоном ответил отец и быстро добавил: — Николас пойдет с тобой.

— Что? Но зачем? Он будет только мешать, — Эдвард с презрением глянул на своего невысокого, слабого брата, который молча наблюдал за ними.

— А ты, Николас, что скажешь? — подозрительно спросил отец

— Присмотри за моим котом, — ответил мальчик, безразлично глядя на сваленное в углу снаряжение для охоты.

— Хорошо, тогда ступайте, — Дэвид удивился его смиренному настрою, но вида не подал.

***

Утренний лес приветствовал мальчиков заливистыми трелями птиц и шелестом ветра в густых кронах деревьев. Восходящее солнце озаряло землю мягким ласковым светом. Туман медленно и нехотя уходил из низин, изо всех сил противясь власти наступающего дня.

Николас застыл на мгновение на небольшом перелеске между расступившимися соснами. Он закрыл глаза и медленно вдыхал

аромат мокрой хвои, сосредотачиваясь на стуке собственного сердца. Перед его внутренним взором предстало великолепное горделивое животное с развесистыми рогами, которые отливали золотом в лучах яркого утреннего солнца. Вдруг безмятежную тишину пронзил треск сухой ветки под ногой Эдварда. Видение тут же исчезло. Мальчик открыл один глаз, недобро покосился на старшего брата и поплелся вслед за ним.

Через пару часов бесцельного блуждания по бурелому Николас окончательно уверился, что Эдвард не имеет ни малейшего представления о том, где искать оленя. Мальчик присел на пенек, наблюдая, как его брат ползает на коленях, пытаясь отыскать оленьи следы. Николас поправил висевший за спиной охотничий лук, потом поднял ногу и нащупал камешек, застрявший в подошве сапога и начал сосредоточенно его выковыривать.

— Эй, тебе вообще-то полагается за мной наблюдать и учиться. Думаешь, отец тебя просто так со мной отправил? — прикрикнул на него брат.

Николас пожал плечами и сел на землю рядом с ним.

— Вот смотри, это следы оленя, — указал Эдвард на отпечаток копыта большого животного.

— Какое тонкое наблюдение, — съязвил мальчик.

— У меня есть рог, с помощью которого мы сможем привлечь его, — воодушевленно рассказывал Эдвард, не обращая на скептический взгляд брата особого внимания.

Он набрал в легкие побольше воздуха, поднатужился и… Рог издал низкий трубный звук. Ничего не произошло. Мальчик попробовал еще несколько раз с тем же результатом.

— Что ж, здесь оленей нет, — заключил он. — Пойдем искать в другое место.

Прошло еще несколько часов. Пару раз Эдвард останавливался, изучал следы, дул в рог, но даже обычных оленей нигде видно не было.

К полудню мальчики устали настолько, что, найдя подходящую поляну, повалились на землю и долго не хотели вставать.

— Признайся, ты не имеешь ни малейшего понятия, где искать оленей, — снисходительно сказал Эдварду Николас.

— Ну, хорошо, если ты такой умный, сам их ищи, — раздраженно ответил старший брат, чья гордость была сильно ущемлена.

— А вот и найду, — усмехнулся Николас и снова представил себе диковинное животное, а затем и дорогу к нему.

Николас резко встал, перекинул через плечо лук и быстрым

уверенным шагом двинулся в лесную чащу. Эдвард тоже поднялся и поспешил за ним. Не хватало еще, чтобы из-за их глупого спора его младший брат потерялся в лесу. Так они шли, не сбавляя темпа, еще часа полтора, когда вдруг Николас замер на месте и предупреждающе вскинул руку. Он бесшумно снял с плеча лук и начал медленно пробираться к густому высокому кустарнику. Эдвард никогда не был в этой части леса, но несметные полчища мошкары красочно свидетельствовали о том, что рядом находилось болото. Эдвард, старясь ступать так же тихо и аккуратно, подошел поближе к брату и выглянул из-за кустов. Посреди поляны на краю болота мирно щипал траву олень. Это было крупное животное с тонкими стройными ногами и золотыми рогами. Настоящими золотыми рогами.

Николас вынул стрелу из колчана и вскинул лук. Эдвард сомневался, что его маленькому брату удастся хотя бы натянуть тугую тетиву, не говоря уже о том, чтобы попасть в цель с такого расстояния. Но к его удивлению, Николас без особых усилий согнул лук и, зажмурив один глаз, прицелился. Руки мальчика абсолютно не дрожали. Казалось, удивительному животному осталось жить всего несколько мгновений, пока его не настигнет стрела охотника. Она уже почти сорвалась с тетивы, как до Николаса донеслось тихое бормотание ветра: "Не губи! Не губи!" Мальчик смиренно опустил лук.

— Ты что делаешь? — зашептал ему на ухо Эдвард. — Возможно, это единственный золоторогий олень во всем лесу. Если ты добудешь его рога, знаешь, как счастлив будет отец?

— Не могу, — тихо покачал головой Николас, с сожалением глядя на великолепное животное.

— Ну, тогда я сам, — Эдвард легким, заученным движением вскинул лук, натянул тетиву и направил стрелу в мирно пасущегося оленя. Глаза Николаса на мгновение расширились от ужаса. Время как будто замедлило свой бег: стрела неспешно сорвалась с тетивы, со свистом пронзила воздух. "Правее, правее, лети правее", — лихорадочно думал про себя мальчик. И стрела, нехотя повинуясь его приказу, прошла в нескольких пальцах от тела оленя. Перепуганное животное встрепенулось и помчалось прочь в лесную чащу.

— Зачем ты это сделал?! — взбешенно закричал на брата Эдвард.

— Я ничего не делал, — ответил Николас, потупив глаза.

— Не ври, моя стрела должна была ранить его. Я никогда не промахиваюсь! — кричал брат, хватая мальчика за ворот рубашки. — Это ты ее отклонил.

— Я абсолютно ничего не делал, — в тон ему ответил

Николас.

— Будешь это вранье отцу рассказывать, когда он спросит, почему мы не принесли рога, — Эдвард с досадой махнул рукой и зашагал обратно по дороге, не оглядываясь на брата.

***

Мальчики возвратились домой, когда уже начало смеркаться и на небе зажигались первые звезды. Отец ждал их на крыльце дома.

— Ну что, не нашли оленя? — безнадежно спросил Дэвид.

— Нашли, только вот он отклонил мою стрелу, — ответил Эдвард, награждая провинившегося брата подзатыльником.

— Не говори глупости, — возразил отец, тяжелым взглядом смиряя своего старшего сына.

— Это ты не говори глупости, отец. Все прекрасно знают, что здесь происходит, как бы ты ни пытался от нас это скрыть! — зло крикнул Эдвард и ушел в дом, громко хлопнув дверью.

Дэвид закрыл лицо руками, от досады и усталости у него уже просто не осталось сил. Отец сел на верхнюю ступеньку каменной лестницы и тяжело вздохнул. Николас опустился рядом с ним и обнял руками колени.

— Мне велели пощадить его, — тихо прошептал мальчик.

— Кто велел? — удивился отец.

— Ветер, — пожал плечами Николас. — Пап, что со мной не так?

— С тобой все так, как должно быть, — грустно вздохнул Дэвид, сожалея, что не может ничем помочь своему сыну. — Это с нашим миром что-то стало всерьез не так в последнее время. Родись ты на пару поколений раньше, все бы было иначе.

Николас внимательно смотрел на отца, ожидая продолжения, но тот молчал.

— Пап, чего-то ты не договариваешь, — не выдержав, упрекнул его мальчик.

Дэвид уже открыл рот, чтобы что-то ответить, но его перебил громкий всхлип. Он удивленно пригляделся: из-за угла дома испуганно выглядывала его младшая дочка. Ее маленькое личико опухло от слез.

— Лизи, что случилось? — встревожено спросил отец.

— Кот Ники! Он пропал! — судорожно пытаясь подавить рвавшиеся наружу всхлипывания, пробормотала девочка.

— Что? Мой кот? Как это произошло? — переполошился Николас.

— Мы вышли утром погулять во дворе. К нам подошел мастер Гвидион и стал спрашивать про тебя. Пока я говорила с ним, кот пропал. Я весь день его искала, но его нигде не-е-ет.

Девочка закрыла лицо руками и начала рыдать уже в полный голос.

— Лизи, тише, ничего страшного не случилось. Он, верно, по своим кошачьим делам отправился, — пытался успокоить ее отец. — Завтра он вернется, вот увидишь. Эй, Николас, стой, ты куда?

Но мальчик уже был за пределами усадьбы.

***

Николас бежал туда, куда его несли ноги. Он громко звал кота, но ответом ему была лишь ночная тишина и легкое дуновение ветра. Старый рыжий кот никогда не отлучался из дома надолго, а теперь просто взял и ушел, заставив мальчика впервые полностью ощутить боль потери и осознать свое одиночество.

Часа через полтора Николас вышел из леса на пустынный берег океана и от бессилия упал на песок.

— Встань, мальчику не к лицу плакать, — услышал он тихий скрипучий старческий голос.

Николас удивленно поднял голову. Перед ним стоял вчерашний странный гость. Мальчик сел, вытер рукавом слезы и вопросительно взглянул на старика.

— Вот так-то лучше, — старик устроился на песке рядом с Николасом. — С твоим котом все будет в порядке. Ты вырос, и его служба в вашем доме закончилась, поэтому он ушел.

— Но я думал, что мы всегда будем вместе, — грустно ответил мальчик.

— Всегда — это очень долго. Друзья иногда уходят от нас, тебе надо научиться их отпускать, — покачал головой старик.

Николас угрюмо кивнул.

— Подай-ка мне, пожалуйста, тот круглый камень, что лежит у самой воды, — вдруг попросил старик.

Мальчик попытался подняться, но Гвидион остановил его:

— Нет, встать и принести камень любой дурак может, а ты подай мне его так, как можешь только ты.

— Но отец говорил…

— Забудь, что тебе говорил отец, просто подай мне камень, — настаивал старик.

Николас сосредоточился на камне, и тот, оставляя на песке борозду, подполз к ногам Гвидиона.

— Хорошо, мой мальчик, — ласково улыбнулся старик. — Пожалуй, мне все-таки придется взять тебя в ученики.

***

Туман, выползая из сырых болотистых низин, крался по земле, укутывая ее полупрозрачной дымкой-простыней. Утро

выдалось на удивление зябким, несмотря на то, что лето еще не закончилось. Николас посильнее запахнул плащ, торопливо шагая вслед за старым друидом. Они направлялись в сторону холмов, что находились чуть севернее усадьбы Комри.

Николас до сих пор никак не мог прийти в себя после того, как отец, приплясывая от радости, сдал сына на попечение старого друида и оставил попытки его воспитывать. Гвидион позволял мальчику делать все то, что ему запрещали делать раньше: бродить по ночам по лесу, рисовать демонов в своем альбоме. Однако эта свобода имела свою цену.

— Телекинез, дар передвигать предметы силой мысли, был унаследован тобой от дальних предков твоей семьи. Что бы ни говорили единоверцы, сам по себе он не является ни злом, ни добром. Все определяют одни лишь намерения. С этого дня я буду обучать тебя правильно им пользоваться, — этими словами мастер Гвидион открыл их первый изнурительный урок.

Для начала Гвидион заставил мальчика найти самый тяжелый предмет, который он мог передвинуть — им оказалось большое круглое бревно — и тащить его за собой до самого дома. С непривычки от такой длительной концентрации у мальчика сильно разболелась голова. Но старый друид был глух к его жалобам. Каждый день он заставлял мальчика носить за собой бревно все дольше и дольше. Однако со временем концентрироваться стало значительно легче, а головная боль ушла почти полностью. Покончив с этим упражнением, мастер Гвидион придумал новую пытку для своего ученика. Старый друид привел его на пустынный, скрытый от посторонних глаз в небольшой бухте, галечный пляж. Там, привалившись спиной к нагретой солнцем скале, Николас перетаскивал к себе небольшие гладко отшлифованные волнами камни. Вначале он мог достать лишь камни, находящиеся в одном-двух саженях[12] от него. Но с каждым разом к этому расстоянию добавлялись еще несколько пядей[13], пока он не смог дотянуться своей силой до камней на другом конце пляжа. Гвидион остался доволен такими результатами обучения, а Николас уже который день, приходя домой, падал на кровать и проваливался в глубокий и просыпался с первыми петухами, когда Гвидион возвращался за ним для новой порции мучений.

Последним заданием для Николаса было научиться передвигать хрупкие предметы, не разбивая их. Это было гораздо сложнее, чем показалось мальчику на первый взгляд. Николас перебил с добрую дюжину куриных яиц, прежде чем у него получилось перекатить к себе хотя бы одно. "Ты же умеешь контролировать силу, с которой ты сжимаешь скорлупу рукой,

чтобы его поднять. Точно так же должно быть с твоим даром. Применяй ровно столько силы, чтобы передвинуть предмет, а не раздавить его", — назидательно вещал учитель, когда мальчик начинал злиться и заводить свою любимую песню о том, что у него никогда ничего не получится. Но мало-помалу, то ли яйца стали крепче, то ли Николас понял, что к чему: они оставались целыми даже после нескольких манипуляций подряд. Только тогда Гвидион оставил мальчика в покое и объявил, что на следующий день он познакомит Николаса с "интересным" человеком.

Гвидион резко остановился перед одним из холмов и Николас, увлекшийся воспоминаниями о минувших тяготах своего ученичества, чуть не врезался в спину старика.

— Все, пришли, — сообщил мальчику учитель.

— Куда пришли? Здесь же ничего нет.

Но к вящему удивлению Николаса в холме, возле которого они остановились, распахнулась круглая дверь. Друид подтолкнул оробевшего мальчишку внутрь холма и сам вошел следом за ним. Николас оказался в маленькой прихожей, освещенной с двух сторон свечами в медных канделябрах. Мальчик удивленно озирался по сторонам, снимая плащ. Его внимание привлекли раскидистые оленьи рога, служившие вешалкой для обителей дома. Николас сделал несколько шагов назад, желая рассмотреть приглянувшийся ему трофей с дальнего расстояния, но нечаянно на кого-то наткнулся.

— Да, знатный был олень, — услышал он низкий мужской голос за спиной.

Николас обернулся и увидел высокого широкоплечего мужчину лет тридцати, одетого в протертые на коленях штаны из плотной ткани и простое серое рубище. Длинные ярко рыжие волосы были завязаны в жесткий жгут на затылке и оплетены кожаным шнуром. Зеленые глаза насмешливо смотрели на мальчика.

— Николас, это Мидрир, тот самый человек, с которым я хотел тебя познакомить, — поспешил представить хозяина дома друид, заметив, что его ученик немного стушевался.

— Приятно познакомиться, мастер Мидрир, — все еще смущаясь, мальчик пожал большую мозолистую руку мужчины и невольно сравнил ее со своей маленькой детской ладошкой. Мидрир снисходительно улыбнулся, угадывая ход мыслей мальчика, и проводил гостей в просторную комнату внутри дома.

Гвидион о чем-то в полголоса рассказывал рыжеволосому мужчине, а Николас увлеченно исследовал Дом под холмом. Он оказался совсем небольшим. Всего три комнаты и довольной

узкая прихожая, где они были раньше. Стены и потолок укреплены широкими деревянными балками. Не было видно ни одного окна — свет исходил лишь от факелов и свечей, развешанных через равный промежуток по стенам. У западной стены, по крайней мере, Николас предполагал, что она должна быть западной, находился небольшой камин. Мальчику стало интересно, каким образом устроен дымоход. Ведь чтобы в камине была тяга, и горел огонь, дым просто обязан подниматься по трубе вверх на улицу, иначе он заполнит дом и задушит живущих в нем людей. Возможно, труба выходит из верхушки холма? Николас, недолго думая, засунул голову в камин, чтобы проверить свою теорию.

— Эй, что ты творишь, маленький негодник! — услышал он возмущенный женский возглас, когда его бесцеремонно схватили за шиворот и вынули из камина. — Ох уж эти мужчины, даже за ребенком присмотреть не могут!

Говорившей оказалась красивая высокая женщина чуть младше Мидрира, но с таким же насыщенным цветом волос. Гвидион и Мидрир испуганно сжались под метавшим искры взглядом зеленых глаз девушки. Николас виновато смотрел на запачканный золой пол.

— Ты только глянь, на кого ты стал похож! — продолжала причитать девушка, доставая из кармана платок. — Да стой же ты, не крутись, надо стереть сажу. И что тебе понадобилась в этом камине?

— Ну, я хотел посмотреть, куда выходит труба, — смущенно ответил мальчик, уступая натиску вездесущего платка, который быстро сменил белый цвет на черный.

— Труба? На улицу она выходит, а куда еще ей выходить прикажешь? — спросила девушка таким тоном, как будто Николас каждый день бывал в Домах под холмами.

— Правда? А я ее снаружи не заметил, — удивленно пробормотал мальчик.

— Еще бы ты ее заметил. Этот дом был сработан древними мастерами как тайное убежище. С улицы ты никогда не догадаешься, что здесь есть что-то кроме земли и камня, — ответила девушка.

— Я Риана, сестра этого рыжего разгильдяя, — девушка махнула рукой в сторону нахмурившего брови Мидрира. — Ты, верно, меня не помнишь, Николас. В последний раз мы встречались, когда ты был вот таким крохой.

В конец смутившись, мальчик решил ретироваться поближе к мужчинам. Мидрир бросил на него понимающий взгляд и сказал:

— Правильно, Николас, я боролся с волками, и с медведями,

и даже с жуткими фейри[14] из Озерного края, но противника страшнее этой женщины не встречал ни разу.

Риана с Гвидионом чуть не покатились со смеху. Николас поддаваясь всеобщему веселью, тоже слабо улыбнулся.

— Ладно, мальчик, пойдем, я научу тебя настоящему мужскому ремеслу, — подбадривающе подмигнул ему Мидрир.

— Идите-идите, только обед не забудьте, — крикнула девушка.

Мидрир взял со стола небольшой сверток и поманил мальчика за собой в прихожую. Там Николас впервые смог разглядеть большую круглую дубовую дверь с медной, потемневшей от времени ручкой. Николас открыл ее и на него хлынул поток ярких солнечных лучей с улицы.

— Не стой на пороге, а то все волшебство наружу выпустишь, — сказал Мидрир, щурясь от резавшего глаза солнечного света.

Николас вышел вместе с Мидриром и тот быстро захлопнул за собой дверь и она тут же исчезла, не оставив после себя и следа. Мидрир подобрал с земли две длинные палки и повел мальчика на берег Сверны, небольшой речки, извивающейся между бесчисленными холмами Озерного края. Мидрир нашел маленькую ровную поляну, неподалеку от перекинутого через реку толстого дерева.

— Ну что, ты готов к своему первому уроку фехтования с главным Стражем Авалора?

— Фехтование? Нет уж, увольте, мой предыдущий учитель сказал, что я безнадежен, — возразил мальчик.

— Безнадежен? — усмехнулся Мидрир. — Нет, просто прошлый учитель плохо справлялся со своими обязанностями.

— Но я на самом деле неважно управляюсь с мечом. Он слишком тяжелый для меня.

— А я пока тебе меч не предлагаю.

Рыжеволосый бросил мальчику одну из своих длинных палок. Она была гладкой, очищенной от коры и сучков. Мальчик несколько раз взмахнул ею. Палка оказалась достаточно крепкой, да и весила намного меньше деревянного меча.

— Ты неправильно ставишь ноги, да и замах делаешь не от плеча, — Мидрир тут же начал исправлять его, несмотря на то, что мальчик просто примерялся к палке. — Сделай стойку чуть пошире, согни ноги в коленях. Вот так лучше. Это позволит тебе двигаться быстрее. Палку так не держат, это тебе не меч.

Еще полчаса Мидрир исправлял ошибки мальчика в движениях, то переставляя его ноги в нужную позицию, то выворачивая его руки так, что кости начинали хрустеть,

заставлял изгибаться в каждом суставе, напрягать каждый мускул. Потом Мидрир сам взял в руки палку и начал показывать мальчику элементарные приемы, полностью отличные о тех, коим Николаса обучали раньше.

К полудню мальчик совсем выдохся и как только Мидрир объявил, что, пожалуй, можно сделать перерыв, растянулся на земле. Мидрир спустился по крутому берегу к воде, помочил ноги, вернулся обратно и занялся свертком, который приготовила ему Риана. Завернутым в тряпицу оказалось вяленое мясо с ломтями еще теплого хлеба. Услышав аппетитный запах, Николас усилием воли заставил себя подняться.

— Мастер Мидрир, а кто такие Стражи? — спросил мальчик, дожевывая последний кусок хлеба.

— Как, ты не знаешь, кто такие Стражи? Разве мастер Гвидион тебе не рассказывал? — искренне удивился рыжеволосый воин. — Стражи — это люди с сильным родовым даром, главная обязанность которых защищать наши земли от демонов.

— Родовой дар? Как мой телекинез?

— Не только. Телекинез — всего лишь одна из разновидностей родового дара. Их существует великое множество. Всех, пожалуй, не сможет припомнить даже мастер Гвидион. Я, к примеру, звероуст — понимаю язык животных и птиц. Моя сестра Риана — целительница, она может лечить без трав и снадобий.

Мидрир замолчал, обдумывая свои следующие слова:

— Раньше существовали целые кланы Стражей, отвечавшие за подчиненные им территории. Их власть была безгранична, ее не могли оспаривать даже короли.

— И что же случилось потом? — спросил мальчик, догадываясь, какой будет ответ.

— Была война, многие погибли, — с горечью ответил Мидрир. — Люди вынуждены были либо принять Единую веру, забыть о своих покровителях и смириться с новым положением в обществе, либо уйти вместе с последними Стражами на север в горы, куда Голубые Капюшоны предпочитают не соваться.

Взгляд Мидрира сделался далеким и тяжелым, будто он мысленно погрузился в те далекие времена, когда отовсюду доносился лязг оружия, а кровь лилась рекой по всему Авалору.

— Голубые Капюшоны? Вы имеете в виду Защитников Паствы? — Николас видел их всего лишь раз, но запомнил эту встречу навсегда.

Они всей семьей ездили в город за покупками. Был теплый

летний день, каменные мостовые залиты ярким солнечным светом. От нагретых кирпичей исходил приятный жар. Новые сапоги пережали и натерли ноги. Голову начали осаждать первые, еще слабые признаки мигрени. Ему не терпелось вернуться домой, но Эдвард настоял на том, чтобы отец отвел мальчиков на главную площадь, где часто выступали бродячие артисты. Но в тот день они их не застали.

Толпа обступила сложенный в центре площади костер. Люди тихо перешептывались между собой, стараясь не повышать голос. Отец казался заметно обеспокоенным. Он взял сыновей за руки и хотел побыстрее увести их с площади, но тут из-за поворота выехала телега в сопровождении пятерки людей в длинных голубых плащах. Мигрень тут же усилилась. Мальчик закусил нижнюю губу и отчаянно тер пальцами виски, пытаясь избавиться от стянувшей стальными клещами голову боли.

Телега остановилась возле кострища. Двое мужчин подняли оттуда бледную, как мара, девушку с неровно обстриженными волосами. Они попытались поставить ее ноги, но та оказалась настолько слаба, что без опоры тут же упала. Тогда они взяли ее под руки и подтащили к толстому шесту посреди кострища и привязали. Тело безвольно повисло на веревке. Люди в голубых плащах обступили кострище и запалили факелы. Прежде, чем поджечь разложенные вокруг шеста сухие ветки, они окидывали толпу своими цепкими пронизывающими взглядами. На мгновение глаза одного из них встретились с глазами Николаса. Ноги мальчика тут же подкосились от дикой разрывающей голову боли. Отец едва успел подхватить его прежде, чем сознание покинуло тело мальчика.

— Разве Голубые Капюшоны не должны защищать нас от чернокнижников и демонов, как это раньше делали Стражи? — спросил мальчик.

Мидрир грустно улыбнулся и ответил:

— Ты прав, Голубые Капюшоны и есть Стражи, по крайней мере, те из них, кто обладал способностями к телепатии.

А почему именно они? — недоумевал Николас.

— Телепатия — очень особенный родовой дар, позволяющий читать мысли других людей. Благодаря ему епископаты полностью контролируют помыслы своих подданных. От телепатов невозможно ничего утаить. Против них нет никакой защиты, — последние слова Мидрира прозвучали настолько безнадежно, что на душе у мальчика заскребли кошки.

Рыжеволосый воин быстро сообразил, что не следует забивать его голову своими бедами, ведь Гвидион предпочел не посвящать

мальчика в их тайны.

— Ладно, что-то мы с тобой заболтались. Пойдем-ка лучше продолжим наш урок, — Мидрир подцепил ногой палку, подбросил ее воздух и перехватил руками. — Сейчас ты будешь учиться держать равновесие. Видишь то бревно, — он кивнул в сторону перекинутого через речку дерева. — Перейди по нему на тот берег.

Мальчик подошел к дереву и оценивающе взглянул на него. Оно казалось достаточно прочным. Скинув ботинки и взяв в руки палку, Николас ступил на бревно, помогая себе удерживать равновесие с помощью палки. Аккуратно переставляя ноги, он дошел до противоположного берега и спрыгнул на землю.

— Хорошо, а теперь забирайся обратно, — скомандовал ему Мидрир и сам ловко запрыгнул на бревно. — Сейчас ты покажешь мне все, чему научился за сегодняшний день. Твоя главная задача — не упасть.

Николас с опаской посмотрел вниз. Под бревном бурлила река. Мальчик дошел до середины бревна уже более уверенным шагом, не помогая себе палкой. Немного отведя ногу назад, он размахнулся и со свистом разрезал палкой воздух, потом еще и еще, нанося по воздуху перекрестные удары.

— Замечательно, — похвалил его Мидрир. — А теперь посмотрим, как ты справишься с настоящим противником.

Рыжеволосый воин пошел в атаку. Николас с трудом смог уклониться от него, едва не потеряв равновесие. Зато к следующему выпаду мальчик уже был готов: он отбил его резким взмахом своей палки, делая несколько шагов назад. За этим последовал новый удар, потом еще один. Николас полностью сосредоточил свое внимание на оружие противника, то уворачиваясь, то парируя его выпады. Меж тем удары с каждым разом становились все более сильными и меткими. И мальчик уже понимал, что не справляется с такой скоростью. Все больше ударов достигало своей цели, а последний чуть не сбил его с ног, заставив замешкаться. Следующий неизбежно надвигающийся выпад должен был стать последним. Николас в отчаянии выставил свою палку вперед, в слабой попытке защититься, и зажмурил глаза. В следующее мгновение раздался громкий треск дерева и мальчик упал в воду. Липкие водоросли противно заскользили по телу, а мелкий речной ил забил горло и нос. Николас открыл глаза и резким толчком вырвался на поверхность. Вновь обретая ориентацию, мальчик сделал несколько мощных гребков. Мидрир в мановение ока оказался рядом за руки вытянул своего ученика на берег. Николас закашлялся, прочищая легкие от воды и песка.

— Ну, ты даешь! Мы же всего лишь тренируемся, не надо больше так делать, — мальчик перевел удивленный взгляд с рыжеволосого воина на перекинутое через реку бревно. В том месте, где он стоял несколько минут назад, дерево разломалось пополам. Концы его ушли под воду и уперлись в дно реки.

— Извините, — смущенно пробормотал мальчик. В первый раз в жизни он почувствовал, что его собственная сила не поддается его контролю.

— Ладно, пошли домой, а то ты весь промок, — покачал головой Мидрир, вынимая из волос мальчика речную тину.

День шел на убыль. Мокрая одежда липла к коже, тело пробирал пока еще еле ощутимый озноб. На подходе к дому Николас заметил, что землю уже начал окутывать густой туман, от которого становилось еще холодней. Мидрир подошел к памятному холму и открыл дверь, запуская мальчика внутрь. Николас с запоздалой опаской заметил, что с него ручейками стекает вода вперемешку с грязью.

— Николас, что с тобой приключилось?! — увидев похожего на болотного фейри мальчика, вскричала выбежавшая на встречу им Риана. — Мидрир! Что ты с ним сделал?!

— Мидрир, я же сказал тебе не наседать! — проворчал вышедший из гостиной на крик Рианы Гвидион.

— Ну, я немного увлекся, с кем не бывает? — виновато оправдывался рыжеволосый воин.

Риана бросила на брата последний не одобряющий взгляд и увела мальчика в гостиную.

— Гвидион, там на речке… это было просто невероятно. Этот мальчик, он создал какой-то барьер из воздуха и разрубил им дерево. Я в жизни такого не видел, — воодушевленно рассказывал старику Мидрир.

— И вряд ли еще увидишь. Думаю, это был силовой щит. Я раньше только слышал о таком, но сам никогда не видел. Надо будет хорошенько подумать, как научить мальчика контролировать эту способность, — ответил друид.

Риана вытащила из угла большой деревянный ушат, вылила туда согретую на камине воду, и, разбавив ее холодной, усадила грязного и продрогшего Николаса. Мальчик невольно вздрогнул и съежился, когда на голову из кувшина полилась теплая вода.

— Сиди спокойно, надо привести тебя в порядок, — назидательным тоном сказала Риана, намыливая его голову и плечи.

Вода стала мутной от грязи. После купания Риана обернула его большим, нагретым на камине полотенцем и усадила в плетеное кресло поближе к огню.

Николас заворожено смотрел на пламя, впервые ощущая его сладкое, томное, обволакивающее тепло. Почему-то здесь ему было намного уютней, чем дома. Через пару минут Риана вернулась с тарелкой горячего грибного супа. Николас уже не смущаясь, ласково улыбнулся ей и начал с аппетитом уплетать свой ужин.

— Госпожа Риана, а вы не могли бы сделать мне такую же прическу, как у мастера Мидрира? — спросил мальчик, вылавливая из тарелки последний маленький скользкий гриб.

— Ты хочешь, чтоб я сделала тебе охотничью гельерку? Ну, хорошо, давай попробуем, правда, у тебя слишком короткие волосы. Может и не получиться, — задумчиво ответила девушка.

Риана достала из комода расческу и узкий кожаный шнурок.

— Николас, у меня для тебя есть еще один последний урок на сегодня, — позвал мальчика друид. — Риана, что ты делаешь?

— Мальчик попросил, чтобы я сделала ему гельерку, — ответила та, приглаживая расческой густые темные волосы, кучерявившиеся от влаги.

— А не слишком ли ты мал для гельерки, мой мальчик? — Николас отрицательно покачал головой. — Твой отец будет сильно недоволен. Ладно, я знаю, тебя не переупрямить. Смотри, вот тебе кружка. Тебе нужно ее передвинуть, сосредоточившись на своей руке. Понимаешь?

Николас пожал плечами и потянулся за кружкой.

— Не дергай головой, иначе у меня ничего не выйдет, — тут же раздался недовольный возглас девушки.

Мальчик снова откинул голову назад и вытянул руку — кружка не поддалась. Минут двадцать были потрачены на бесплодные попытки сдвинуть ее. В конце концов, Николас не выдержал и обратил свою силу на кружку, а не на руку.

— Нет, не правильно, — тут же сделал ему замечание учитель. — Помнишь, что ты сделал на реке? Помнишь, что ты тогда чувствовал? Что думал? Постарайся хорошенько вспомнить все детали…

— Только не разнеси нам пол гостиной, — не замедлила добавить Риана, начиная обматывать шнурком его волосы.

Николас закрыл глаза и снова услышал, как палка со свистом разрезает воздух, как шумит ветер в кронах деревьев, от воды веет прохладой. Надо двигаться, чтобы увернуться от атаки, но его скорости не хватает. Удар, еще удар, и сразу ним следующий, парировать который он уже не успевает. Все его внутренности напряжены в ожидании неизбежного. Отбить, отразить любым способом.

— Так уже лучше, правда, задание было отодвинуть чашку, а

не погнуть ее, — вдруг разбудил его вкрадчивый голос Гвидиона.

Мальчик удивленно распахнул глаза: кружка оказалась заметно погнута в том месте, на которое была направлена его рука. Мальчик сокрушенно вздохнул:

— У меня никогда не получится.

— У многих ничего не получается с первого раза, это не значит, что надо останавливаться в начале пути. Просто потребуется потратить чуть больше времени и усилий, мой мальчик. Ну же, попробуй еще раз, только не концентрируй силу в одной точке, а плавно растворяй ее вокруг руки, — ответил ему старый друид.

Николас снова сосредоточился на своих воспоминаниях, теперь уже с открытыми глазами. Отбить, отразить, передвинуть. Мягким движением. Не точка, не удар, а легкий толчок по всей поверхности. И вот, наконец, кружка медленно отползала от его руки на противоположный край табурета. Тяжело дыша, мальчик стер со лба липкие капельки пота.

— Ну вот, а ты говорил, не получится, — удовлетворенно сказал ему Гвидион. — На сегодня, пожалуй, хватит. Нам пора возвращаться. Кажется, Риана уже закончила твою прическу.

Николас нащупал на затылке небольшой узелок из волос и кожаного шнурка.

— Не трогай руками, а то все растреплешь. Посмотри лучше сюда, — с этими словами девушка подала ему небольшое зеркальце.

— Ну что, теперь я похож на Мидрира? — спросил он, пытаясь рассмотреть свой затылок в зеркале.

— Ты похож на маленького Стража, — ответил Мидрир, появившийся в дверном проеме с охапкой дров.

— Пойдем, мой мальчик, не будем больше злоупотреблять гостеприимством хозяев этого дома. Пора возвращаться, — объявил Гвидион, бросая на Мидрира предостерегающий взгляд. Тот лишь недоуменно пожал плечами.

Николас быстро натянул высохшую на нагретых камнях одежду и попрощался с рыжеволосым воином и его сестрой, надеясь, что скоро они снова придут в гости в этот странный, но такой невероятно теплый и радушный Дом под холмом.

Гвидион быстро вышагивал по еле заметной в сгущающихся сумерках тропе, мальчик едва поспевал за ним.

— Мастер Гвидион, скажите, а Мидрир и Риана прячутся в Доме под холмом от Защитников Паствы? — спросил Николас, догоняя старика.

— Мидрир тебе и об этом рассказал? — с недовольным видом спросил старик. — Понимаешь, их образ жизни приходится не по

нраву единоверцам, которых сейчас большинство. И они сильны, очень сильны. Поэтому Стражи вынуждены прятаться и ждать своего часа.

— А у нас есть еще Стражи? А среди них есть такие как я, телекинетики?

— Нет, к сожалению, телекинетиков практически не осталось. Именно они приняли на себя первый удар Защитников Паствы во время первой Войны за веру.

— Значит, эти люди в голубых плащах настолько сильны? Но если против них нет никакой защиты, то какой смысл прятаться и чего-то ждать? Как можно жить, потеряв надежду?

— У нас есть надежда, мой мальчик. Это все, что у нас осталось, — Гвидион горько усмехнулся и погладил Николаса по голове. — Пока не умер последний из нас, пока не преданы забвению наши покровители и герои, надежда существует. Да и защита от телепатии тоже. Просто не каждый может ею воспользоваться. Но ты сможешь, я научу тебя.

Озерный край, Авалор, 1563 г. от заселения Мидгарда

С высоты сосны в десять саженей мир выглядел совсем иным. Река, на обрывистом берегу которой стояло старое высокое дерево, неторопливо катила свои воды, чтобы слиться с безбрежным океаном на западе. Здесь она была еще узенькой темной полоской, а вдоволь напитавшись из болот, коими изобиловала западная часть Авалора, сильно раздавалась вширь и набирала силу. Под сосной сидел старый друид в своем неизменном коричневом балахоне.

— Мой мальчик, когда же ты, наконец, спустишься с этого несчастного дерева? — громко крикнул он, пытаясь разглядеть своего ученика, сидящего на верхней ветке разлапистой сосны.

В ответ послышалось какое-то шевеление, и через пять минут Гвидион увидел мальчика, стоящим на толстой ветке в пару саженях от земли.

— Не спущусь! Я полдня потратил, чтобы сюда залезть, — ответил Николас, и, обняв ствол дерева, уселся на ветке спиной к собеседнику.

— Допустим, что не полдня, а пару часов. Николас, слезай, это было хорошее подготовительное упражнение к полетам, не более, — попытался увещевать его старик.

Мальчик повис на ветке на согнутых в коленях ногах.

— Нет уж, я порвал свои любимые штаны, набил пару синяков и, в довершение ко всему, меня укусила бешеная белка, — упрямо ответил мальчик, глядя на мир, перевернутый с

ног на голову.

— О, вижу, вы замечательно проводите время! — из рощицы верхом на белоснежном единороге показалась красивая рыжеволосая всадница, с зелеными глазами.

— Риана, какими судьбами? — лицо Гвидиона расплылось в заигрывающей улыбке, так не шедшей к его морщинистому старческому лицу.

— Да вот, услышала от брата, что вы сегодня вышли на охоту, и решила навестить, — задорно хохотнув, девушка спрыгнула с коня и уселась под сосной рядом с друидом.

Николас протянул руку, чтобы потрогать мягкий розовый нос единорога, но тот возмущенно фыркнул и отвернулся от мальчика.

— Так не честно! Почему на единорогах могут ездить только девчонки? — обиженно сказал он, глядя на удалившегося на безопасное расстояние зверя.

— Ах, вот ты где, маленький негодник! — воскликнула девушка, разглядев свисающего с ветки ученика друида. — А ну-ка живо спускайся!

Николас скорчил кислую мину, разогнул колени, перевернулся в воздухе и с грохотом приземлился на ноги.

— Ай, — громко вскрикнул мальчик, картинно упал на землю и принялся потирать ушибленные ноги.

— Сам виноват, сколько раз тебе повторять, вдохни-выдохни, расслабься, а потом левитируй, — в назидание мальчику сказал старик.

— У меня никогда не получится, — расстроился Николас, присаживаясь рядом с друидом.

— Ты всегда так говоришь. Поверь мне, через пару месяцев регулярных тренировок ты будешь наслаждаться полетом, — улыбнулся в ответ мальчику старик.

— О, Ники, если ты научишься летать, перед тобой ни одна девочка не устоит. Полеты — это как танцы, только лучше, — заливисто смеясь, добавила Риана.

— Да ну вас. Не нужны мне эти девочки. Они все вредные и постоянно плачут. И что только Эдвард в них находит? — заупрямился ученик друида.

— Николас, какой ты еще ребенок, — покачала головой девушка.

Мальчик обиженно надул губы и замолчал.

— Так на кого вы сегодня охотитесь? — обратилась девушка к Гвидиону.

— Завелась тут одна чудная зверушка в Передуровом омуте, — Гвидион кивнул головой в сторону речки. — Воду

мутит, заразу распространяет, уже на людей нападать начала. Вот мы и решили посмотреть.

— Угу, целый день этого бобра-переростка высиживаем, — перебил его Николас, мрачным взглядом буравя мутную речную воду.

— Бобра? — удивленно переспросила Риана.

— Да, кажется, это аванк[15], - подтвердил слова мальчика старик. — Большой зубастый, плотоядный бобер.

— А я в одной книге читал, что далеко на юге водятся такие диковинные животные, крокодилы. Они тоже большие, зубастые и едят людей. Вот, посмотрите, я его нарисовал, — Риана с Гвидионом удивленно переглянулись, в то время как мальчик полез в сумку за своим альбомом.

— По-моему, на бобра он совсем не похож, скорее уж на ящерицу, — сказала Риана, внимательно рассматривая рисунок мальчика.

— Речная ящерица или речной бобер, какая разница? Сколько можно ждать? Лучше бы я с Мидриром фехтованием занимался, — в сердцах воскликнул Николас.

— Мальчик мой, ты предпочитаешь, чтобы мы охотились на речную лошадь? — ехидно осведомился Гвидион.

Николас отрицательно покачал головой, с содроганием вспоминая, во что им в прошлый раз обошлась встреча с такой лошадью.

— Я просто хочу фехтовать с Мидриром.

— Посмотрите-ка на этого малыша: еще недавно его было не заставить взять меч в руки, а сейчас он сам готов со всех ног бежать к моему брату, — улыбнулась Риана, глядя на темноволосого мальчугана. Казалось, он совсем не изменился с тех пор, когда три года назад Гвидион впервые привел его в Дом под холмом, разве что чуть подрос.

— Николас, не вежливо злоупотреблять гостеприимством наших друзей, — сделал ему замечание учитель. — У Мидрира могут быть свои дела, в конце концов.

Мальчик пожал плечами и перевел взгляд на реку. Вдруг ему почудилось, будто по водной глади прошла подозрительная мутная рябь. Мальчик сорвался с места и кинулся к обрывистому берегу. Вода закручивалась по спирали, как будто на месте омута сошлись в борьбе за право владения речкой два течения. Водоворот увеличивался прямо на глазах. Николас выхватил из кармана мешок с ядовитым порошком из высушенных корней аконита[16]. Из воронки на мальчика уставилась пара кровожадных желтых глаз. Вслед за ними появилась огромная зубастая пасть, состоящая из бесчисленных рядов острых, как

бритва, зубов. Мальчик изловчился и швырнул в нее яд. Тварь захлопнула пасть, Николас на мгновение сосредоточился на кожаном мешке и тот порвался по шву прямо у аванка во рту. Животное бешено вращало глазищами, видно, пекучий порошок пришелся ему не по вкусу. Мальчик стремглав бросился прочь от берега, но зубастая тварь, одуревшая от нестерпимой боли, погналась за ним.

Риана и Гвидион повскакивали с земли и тоже приготовились спасаться бегством, но через пару десятков саженей животное ослабло, упало и забилось в конвульсиях.

— И все-таки бобер, — громко возвестил Гвидион, подойдя к затихшей твари поближе.

Она действительно была похожа на исполинского бобра двух саженей в длину, с густой бурой шерстью и жуткой зубастой пастью.

— Он мертв? — обеспокоено просила Риана.

— Мертвее не бывает, — сообщил Николас, тыкая палкой в заостренную морду с черными усами.

Гвидион произнес несколько слов на старинном наречии, стал на колени возле головы аванка и возложил на нее руки. Тело исполинского животного на глазах покрывалось зеленой травой, погребая под собой неведомую тварь и ее тайну. Через пару минут на месте аванка красовался аккуратный холмик.

Гвидион поднялся на ноги, чуть склонил голову, поминая убитое животное. Николас с Рианой последовали его примеру, и, отдав почившему созданию последние почести, отправились домой.

Озерный край, Авалор. 1565 г. от заселения Мидгарда

Был тихий весенний вечер. Гвидион медленно потягивал горячий отвар из большой глиняной чашки, Риана сосредоточенно вышивала замысловатый узор на белой рубашке, а Мидрир полировал старинный клинок, невзрачный на первый взгляд, но очень удобный и сбалансированный. Каждый был занят своим делом, своими мыслями. Ни один шорох не нарушал покой Дома под холмом. Но вдруг тишину пронзил глухой стук, пришедший откуда-то снаружи. Гвидион удивленно поднял голову, Риана с братом встревожено переглянулись. Не выпуская меч из рук, Мидрир отправился встречать незваного гостя. Взглянув через потаенное окно на улицу, он повернулся к оставшимся в гостиной товарищам и произнес всего одно слово:

— Вёльва[17]…

Риана вздрогнула и уронила пяльцы с вышивкой. Гвидион с

удивительной для его возраста прыткостью вскочил с места и бросился помогать поспешно отпирающему засовы Мидриру. На пороге стояла морщинистая седая старуха, укутанная в серый дорожный плащ.

— П-проходите, пожалуйста, госпожа вёльва, — заикаясь, пригласил женщину рыжеволосый воин.

— Чем обязаны, госпожа вёльва? — живо поинтересовался Гвидион. Эти старухи с жуткими всевидящими белесыми глазами без зрачков никогда не приходили просто так. В народе их называли горевестницами, потому что за ними буквально по пятам следовали беды и несчастья.

— Ты должен немедля отправить своего ученика на Охоту, — тихим скрипучим голосом произнесла вёльва.

— Но ему едва минуло четырнадцать зим. Его обучение еще не закончено. Он не готов! — сделал слабую попытку возразить друид, хотя в глубине души прекрасно знал, что спорить с вёльвами бесполезно.

— Старый глупец, этот мальчик не просто твой ученик, пусть даже единственный за прошедшие двадцать лет. Ты ведь знаешь, что он значит для всех нас, — от пристального взгляда старухи у Гвидиона по спине пробежали мурашки. — Отпусти его, пришло время. Если ты не сделаешь этого сейчас, то я не ручаюсь, что он доживет до своей пятнадцатой зимы.

Гвидион долго молчал, а потом смиренно опустил голову в знак согласия.

— Что ж, тогда мои дела здесь закончены, — сказала вёльва, и, не прощаясь, растворилась в ночной тьме. А Гвидион еще долго стоял на пороге, не в силах отвести взгляда от дороги, которая огибала холмы. Мидрир тихонько затворил дверь и деликатно закашлялся. Это заставило друида выйти из задумчивости.

— Риана, седлай своего единорога и скачи в Леннокс. Скажи, что вёльвы предрекли, что грядет очередная волна гонений. Собери добровольцев и отправь их сюда для обороны, остальных уведи на север, в горы, где Голубые Капюшоны не смогли бы их достать.

— Но как же Николас?.. Ведь он погибнет там совсем один, — встревожено ответила девушка.

— Ты же слышала, что сказала вёльва. Пришло его время, — грустно взглянул на нее Гвидион. Риане вдруг показалось, что после разговора с горевестницей он в одночасье постарел и осунулся. — Мидрир, ты проводишь меня до усадьбы Комри. Собирайся, отдал последнее распоряжение друид.

***

Когда они подъехали к усадьбе, была уже глубокая ночь. В

окнах не горел свет. Гвидион решительно постучал в дверь. Им пришлось ждать десять минут, пока из дома не донеслись торопливые шаги. Дверь открыл заспанный отец семейства.

— Мастер Гвидион? — удивленно спросил он, с трудом подавляя зевоту. — Что за нужда приходить за моим сыном с столь ранний час?

— Николас должен отправиться на Охоту. Завтра, — ответил друид.

— Что?! — оторопело переспросил Дэвид, весь сон как рукой сняло.

Гвидион лишь молча смотрел на него, не отводя глаз. Смысл сказанного друидом дошел до него не сразу. От его лица тут же отхлынула краска. Руки сжались в кулаки, ногти больно впились в ладони.

— Ему еще нет шестнадцати, вы не можете его забрать! — закричал он, забывая, что может перебудить всех домочадцев.

— Я мог его забрать с того момента, как вы попросили меня взять его в ученики, — обжигающе ледяным голосом ответил друид, но, глядя в полные отчаяния глаза мужчины, смягчился и добавил: — Послушай, Дэвид, так будет лучше в первую очередь для мальчика. Сколько еще лет вы сможете его защищать? Год? Два? А если что-то случится с вашим покровителем при дворе? Ведь тогда погибнуть может вся твоя семья.

— Вы знаете что-то, чего не знаю я? — Дэвид заставил взять себя в руки, пытаясь понять скрытый смысл слов старика.

— Пока это лишь догадки. В воздухе витает привкус крови, Дэвид. Что-то должно случиться. Уже скоро. Наши люди уходят дальше на север, в горы. И я советую вам поступить так же, — ответил Гвидион, тяжело вздыхая.

— И жить как вы, постоянно оглядываясь назад, боясь собственной тени? — презрительно сузил глаза хозяин дома. — Гонения были и раньше, и мы все их пережили. Переживем и это. Моя семья слишком многим пожертвовала, чтобы стать изгнанниками на своей собственной земле. Завтра на рассвете мой младший сын отправится на вашу Охоту. И смею надеяться, что наши с вами пути никогда не пересекутся вновь.

— Ваша гордыня вас погубит, — грустно прошептал ему в ответ друид.

***

Николас с отрешенным видом наблюдал, как суетится отец, собирая ему вещи в дальнюю дорогу. С того момента, как Гвидион объявил, что на рассвете мальчик должен отправиться на Охоту, Николас не проронил ни слова.

— Долина Агарти[18], Поднебесная империя — это последняя

точка твоего пути, — друид показал на карте место, окруженное плотным кольцом Снежных гор, что в народе называли Крышей Мира.

— Но это на другом конце Мидгарда, — запротестовал Дэвид, оценивая расстояние от Туманных островов до Поднебесной.

— Зато это не червоточина в Хелльхейме, и не кладбище слонов в Муспельхейме, — ответил Гвидион. — Смотри, тебе надо будет в Дувре сесть на корабль и доплыть до Упсалы. Это на побережье Лапландии. Далее через земли Ливонского рыцарского ордена до северо-западного края Веломовии, оттуда двигайся строго на восток в обход Стольного Града до самого Беловодья[19]. А там уже и до отрогов Снежных гор будет рукой подать.

— Но так ему придется делать большой крюк. Да и за Рифейскими горами[20] земли абсолютно дикие. Не лучше ли идти через Нормандию и Эламские ханства? — возразил ему Дэвид, встревожено глядя на девственно белое пятно на карте с одним единственным названием Сейбера.

— Ты предлагаешь мальчику идти по самой границе Священной империи? Как ты думаешь, через сколько дней его там схватят? — Дэвид сокрушенно пожал плечами.

— Значит так, запомни, в Упсале наймешь себе компаньона, кого-нибудь из наших, в Лапландии их много осталось. Не путешествуй один. Нигде надолго не останавливайся. Силу свою на людях не показывай. И ни в коем случае Стражей не поминай. Ты странствующий Охотник на демонов. Сейчас это ремесло в цене, особенно на землях Лапландии и Ливонского ордена. Держись подальше от больших городов, где есть храмы. Берись только за такую работу, с которой сможешь справиться, и за которую потом не будет совестно, — Гвидион бросил короткий взгляд на своего ученика. — И самое главное, деньги всегда бери вперед.

Последнюю часть фразы Николас пропустил мимо ушей, потому что в гостиную, где они заседали вот уже несколько часов, неожиданно ворвалась заспанная Лизи.

— Ники, ты еще не уехал! — вскричала она и бросилась к брату на шею.

Мальчик отвел сестру в сторонку, чтобы попрощаться.

— Это правда, что сказал Эдвард? Ты уезжаешь навсегда? — спросила она срывающимся голосом.

— Не навсегда, а всего на два-три года. Я должен побывать в одном очень важном месте, а потом я вернусь, — сказал мальчик, вытирая платком ее слезы.

— Но три года — это так долго. Обещай, что вернешься до

моей свадьбы, — сказала Лизи, прижимая к щеке руку брата.

— Но, Лизи, у тебя пока что даже жениха нет, — поддразнил ее брат. — Ну ладно, обещаю, что вернусь до твоей свадьбы.

— Николас, тебе уже пора, — из гостиной донесся голос отца.

Лизи снова заплакала.

— Перестань, я не люблю плакс, — раздраженно сказал он.

Лизи зарыдала еще громче. Николас махнул ей рукой на прощание и вышел во двор, где его ждал Дэвид с поседланной лошадью. Николас молча снял с пояса меч, прощальный подарок Мидрира, приторочил его к седлу и уже закинул одну ногу в стремя, когда за его спиной вдруг раздался тихий голос отца:

— Николас, не сердись на меня. Это Охота — твоя судьба. Я не в силах ей противиться. Жаль, что я не могу поменять тебя местами с Эдвардом. Ему гораздо больше подходит роль Охотника. Не держи на меня зла. Я сделал все, чтобы ты смог продержаться как можно дольше. Ну же, не молчи! Скажи, что не держишь на меня зла.

У Николаса предательски дрогнули руки. Он упрямо выпрямился, оттолкнулся ногой от земли и в один прыжок оказался в седле. Украдкой бросив на отца последний взгляд, мальчик выслал коня вперед, позволяя лишь ветру и восходящему солнцу увидеть покатившиеся по щекам скупые слезы.

Тайна 2. Девочка из тумана

Упсала, Лапландия. 1565 г. от заселения Мидгарда

Легкий бриз нежно трепал непослушные пряди смолисто-черных волос, выбившихся из перевязанного на затылке кожаным шнуром хвоста. Соленый морской воздух приятно щекотал нос. Со стороны неумолимо приближающегося континента медленно выкатывался бледно-желтый диск солнца. Пассажиры небольшого торгового судна, следовавшего из Авалора в Лапландию, начинали собираться на палубе, готовясь к высадке в небольшом портовом городке с мелодичным названием Упсала. Каждый из них склонял голову в почтении, проходя мимо него. У Николаса возникло желание снять с головы шляпу и просить денег вместо смущавших его реверансов, которые они делали из благодарности за спасение. И почему он не слушал наставления учителя? Надо было сразу оговорить размер вознаграждения за то, что он полез на эту трухлявую посудину и полночи развлекал игрой в карты старика Эльма[21], покрытого морскими губками и кораллами капитана призрачного корабля, который взял их судно на абордаж.

— И все-таки я не понимаю, почему такому замечательному юноше, как вы, понадобился рыцарский орден, — над самым его ухом раздался трескучий голос капитана. — В Ливонии живут одни богохульники и еретики, помяните мое слово. Ничему хорошему они вас не научат. Отправились бы вы лучше в Священную империю. Говорят, там сейчас открылось несколько новых семинарий. Я просто уверен, что вас бы с легкостью туда приняли.

"Вы бы мне еще в Академию Защитников Паствы предложили поступить", — подумал про себя юноша и вымученно улыбнулся:

— Это наказ батюшки, я не могу его ослушаться.

Историю о том, что он едет в Ливонию, чтобы стать рыцарем пришлось придумывать прямо на ходу. Люди стали задавать слишком много вопросов, когда он самолично вызвался поговорить с капитаном призрачного корабля, который чуть было не отправил весь экипаж судна на корм рыбам.

Вообще-то старый морской волк Эльма оказался неплохим малым. За пару бочек рома и несколько партий покера он с радостью отпустил несчастное суденышко на все четыре стороны, а сам отправился отсыпаться после бурных ночных возлияний. Николасу повезло меньше. Вместо того чтобы оставаться незамеченным, он превратился в местную знаменитость и теперь

каждый пассажир желал выказать почтение своему спасителю. И выражалось оно отнюдь не в денежном эквиваленте. В довершение ко всему капитан судна оказался бывшим священником и всю оставшуюся часть пути посвятил духовному спасению "замечательного юноши". Николас все-таки предпочитал, чтобы его спасали от голода. До Веломовии отцовских денег должно было хватить, а вот дальше нужно будет искать работу.

Судно, наконец, пришвартовалось к причалу. С борта для пассажиров перекинули деревянный трап. Николас с облегчением вздохнул. Вот она, истинная свобода. Не ограниченная ни владениями отца, ни строгими законами епископата. Холодный, еще не прогретый весенним солнцем воздух заполнил легкие. Николас бросил беглый взгляд на подернутую легкой дымкой морскую гладь. Где-то там за горизонтом остался его родной остров, отцовская усадьба, малышка Лизи. Он ведь вернется. Через каких-то три года. Вернется победителем, и тогда отец будет гордиться им. Юноша встряхнул головой, отгоняя непрошено накатившую на него тоску.

Перед ним лежала суровая и негостеприимная Лапландия, холодный край на самом севере Мидгарда. Язык не поворачивался назвать полтора десятка разрозненных захудалых городишек, вблизи которых старалось селиться большинство лапландцев, страной. Зимой спасаться от голодных волчьих стай было гораздо легче вместе, чем порознь. Да и волки были отнюдь не самыми ужасными врагами лапландцев.

"Интересно, где мне теперь искать себе компаньона?", — раздумывал мальчик, бодро вышагивая прочь от порта.

— Молодой человек, эй, молодой человек, — остановил его невысокий щербатый мужчина с маленькими хитрыми глазками, одетый в заплатанные кожаные штаны и видавшую виды серую куртку. — Я вижу, вы не из наших краев. Хотите, за пару монет я покажу вам все достопримечательности матушки-Упсалы, самого славного города свободной Лапландии!

Николас бросил на него скептический взгляд:

— Что-то ты сам на местного мало похож. Ладно, вот тебе монетка, показывай свои "достопримечательности".

Главной "достопримечательностью" оказалась грязная рыночная площадь в центре города. Вдоль нее ютились лавки с всякой бесполезной дребеденью производства местных умельцев. А в самом центре перед ратушей высился позорный столб с колодками по бокам для проведения публичных экзекуций.

— Это Железный Огюст, грабил купцов на пути в Нормандию, — сказал щербатый, указывая на привязанного к

столбу сурового бородатого мужика. — А этот с подбитым глазом башмачник Торольв, перебрал в кабаке эля и устроил там знатную потасовку.

"Это явно не Авалор", — подумал про себя Николас. На Туманных островах публичные казни были применимы исключительно к "колдунам и ведьмам", все остальные дела решались в закрытых стенах Авалорского епископата.

— Это старина Эглаборг, его брат сильно погорел на продаже леса в Священную империю через Нормандию, после того, как они решили закрыть границы, да и сыграл в ящик. А этому бедолаге пришлось отдавать за него долги.

Николас остановился, как вкопанный, глядя в потухшие от истощения карие глаза. Где-то там, в глубине изможденного голодом и жаждой тела теплился мерцающий огонек силы.

— Можете кинуть в них гнилым помидором или тухлым яйцом. Вон они в той корзине лежат.

Но юноша уже не обращал на щербатого никакого внимания. Он подошел к закованному в колодки седовласому мужчине и спросил:

— Эй, старик, сколько и кому ты должен?

— Двести монет, — проскрипел он, с трудом открывая пересохший рот. — Бургомистру должен.

— Если я отдам твой долг, ты поедешь со мной туда, куда я скажу? — прошептал Николас над самым его ухом.

— Да, — из последних сил ответил мужчина.

Николас выпрямился и решительно ступил на широкий порог ратуши. Из-за приотворенной двери доносились едва слышные голоса.

— Тише, Фритьоф, не поднимай бучу. Мы найдем какой-нибудь способ справиться с этой напастью.

— Но мастер Гарольд, наш колодец отравлен. Я долее не могу это скрывать.

— Молодой человек, вам что-то нужно? — оборвал разговор светловолосый бородач, заметив на пороге нахально подслушивающего мальчишку.

— Да, не подскажете, как мне увидеть бургомистра? — из вежливости поинтересовался Николас, про себя подсчитывая, какую плату можно будет попросить за обеззараживание местных колодцев.

— Фритьоф, ступай, ну же, — бесцеремонно вытолкал своего собеседника Гарольд. — Я и есть бургомистр. Какое у вас ко мне дело?

— Я бы хотел оплатить долг вон того мужчины, — он махнул рукой в сторону позорного столба посреди рыночной площади. —

Кажется, его зовут Эглаборг.

— А что вы его родственник? — недоуменно поинтересовался бургомистр.

— Нет, просто благодетель. Так можно?

— Можно-можно. Двести монет, тоже мне благодетель, — проворчал старик. Николас пересчитал деньги и передал ему свой кошелек. — На кой вам сдался этот старый отшельник?

— Помогать слабым долг любого истинного единоверца, — пожал плечами юноша.

Гарольд скептично хмыкнул, бросая беглый взгляд на закинутый за спину меч, признавая в нем Охотника на демонов, которые иногда заглядывали в Упсалу в поисках быстрого заработка. Толку от них было гораздо меньше, чем от Стражей, но те в последнее время стали большой редкостью даже в свободных городах Лапландии:

— Может, вы и нам в таком случае поможете? Воду у нас в колодце какой-то нелюдь отравил. Если выпьет кто хоть глоток, так тут же кровью своей захлебывается, а если на кожу попадает, потом язвы незаживающие остаются.

— От чего ж не помочь. Помогу. За определенное вознаграждение, разумеется, в двести монет, — облизнулся Охотник.

Они подошли к позорному столбу и бургомистр начала ловко перебирать связку тяжелых ключей, чтобы отпереть колодку.

— А не слишком ли это много для вашей благодетели? — поинтересовался он, высвобождая несчастного должника из колодок.

Николас снял с пояса флягу с водой и дал пленнику напиться. Тот с жадностью приник к железному горлышку и большими глотками осушил флягу до дна, так и не утолив мучавшую его жажду.

— Ну, если вы не хотите, тогда я сегодня же отбуду в Ливонию, — пожал плечами юноша, помогая обессиленному мужчине подняться с колен. — А то у вас тут, кажется, вся вода отравлена.

— Ладно-ладно, дам вам ваше вознаграждение, как только воду очистите, — сдался скупой бургомистр. — Идемте за мной, угощу вас обедом, а потом и колодец покажу. Он как раз возле моего дома находится.

— Благодарю вас, мастер, — наконец, нашел в себе силы заговорить спасенный должник.

— Николас, меня зовут Николас.

— А я Эглаборг, целитель, — ответил мужчина, опираясь на плечо мальчика, чтобы не упасть. Затекшие ноги пока слабо его

слушались.

Дом бургомистра Гарольда был расположен на северной окраине Упсалы рядом с живописными вересковыми холмами. Они сразу привлекли внимание Николаса, только он не мог понять чем. Может, они напоминали ему об оставшемся на Авалоре Доме под холмом и его радушных обитателях? Юноша проверил, как крепится за спиной Мидриров меч, вспоминая своего учителя фехтования.

На пороге дома их встретила пышнотелая женщина с вьющимися светлыми волосами. На ее щеках явственно проступал нездоровый румянец.

— Уна, ну зачем ты встала? Я же просил Анку присмотреть за домом, пока тебе нездоровится, — сказал, увидев женщину, бургомистр. — И где ее бесы носят? Опять, небось, к кузнецову подмастерью на свиданку побежала. Ох, и всыплю я ей, когда вернется.

— Гарольд, миленький, ну не злись ты на нее. Молодка она еще совсем, — ласково улыбнулась Уна. — Мастер Эглаборг, как я рада вас видеть. Неужели этот скупердяй, наконец, сжалился над вами?

— Я не скупердяй. Просто деньги счет любят. И коли я буду поблажки для своих друзей делать, тогда что я за бургомистром буду? — не дал ему ответить Гарольд.

— Ваш муж прав, госпожа Уна, закон един для всех, — умиротворенно ответил Эглаборг.

— Ладно, Уна, не стой на пороге, пропусти гостей, — снова перебил его бургомистр.

— Я Николас, мое почтение хозяйке дома, — склонил он голову перед женщиной.

— Очень приятно. Заходите, садитесь за стол. У меня как раз обед готов.

Дом бургомистра был небольшим, но очень светлым и чистым. Хозяйка проворно разливала по тарелкам аппетитно пахнущий бульон с кусочками нежного белого мяса. Гости расселись за большим обеденным столом, наблюдая, как Гарольд неуклюже пытается помочь своей красавице-супруге.

— Мама, а Лейв снова плачет, — на пороге столовой появился светловолосый мальчик с забавными конопушками на пухленьких розовых щечках.

— Ну, так покачай его, Свейн, не видишь, мама занята! — крикнул ему Гарольд, разливая попутно часть бульона из тарелки на себя.

— Гарольд, шел бы ты… — прогнала неловкого супруга Уна и сама поставила тарелки на стол.

Когда она проходила мимо Эглаборга, тот приложил руку к ее лбу и встревожено сказал:

— Госпожа Уна, да у вас жар. Может вам все-таки стоит прилечь.

— Мам, он не успокаивается, — светловолосый мальчик внес в столовую разрывающегося от истошного крика младенца.

У Николаса возникло какое-то тревожное ощущение, но как только он пытался выудить его из своего сознания, оно тут же ускользало. Уна взяла ребенка на руки и ласково улыбнулась:

— Да где уж тут приляжешь, мастер Эглаборг.

Николас взглянул на малыша из-за плеча целителя. Худенький и бледный, с покрытой редкими темными волосами головкой, он был совсем не похож на своих родителей и старшего брата. Это обстоятельство немного обескуражило юного Охотника. Но потом он решил не задавать лишних вопросов и последовал примеру Эглаборга, который с умопомрачительной скоростью поглощал горячий куриный бульон.

Уна с детьми ушла из столовой, а Николас с Эглаборгом отправились осматривать отравленный колодец. Он находился в нескольких десятках шагов от дома Гарольда по направлению к живописным холмам, привлекшим внимание юноши. Колодец был выложен из серого булыжника с добротной деревянной крышей, к которой крепилась железная цепь. Николас заглянул внутрь и не увидел ничего кроме чернильной темноты. Легкое, еле заметное ощущение присутствия, но и этого было достаточно, чтобы понять, там внизу кто-то есть. И это не человек. Николас подобрал с земли камень и кинул его в колодец. Через мгновение послышался громкий всплеск. "Не глубже трех-четырех саженей", — заключил он.

Юноша отвязал ведро от цепи и проверил ее на прочность. Цепь оказалась достаточно крепкой, чтобы выдержать его вес. Тогда Николас обвязал ее вокруг пояса и закрыл рот и нос платком, чтобы защититься от ядовитых паров. Одев на руки толстые кожаные перчатки, он стал на бортик колодца и велел Эглаборгу медленно опускать его вниз.

У самой воды Николас высек огнивом сноп искр. Неяркой вспышки было достаточно, чтобы заметить привязанную к крюкам в стенке колодца фигуру. Охотник еще раз ударил кремнем о кресало и зажег трут огнива.

Это был кобольд[22]. Обычный домашний кобольд, мохнатый серый человечек с несоразмерно длинными руками. По большей части абсолютно безвредные, кобольды часто селились в домах людей и помогали им по хозяйству. Но было у этих добродушных созданий одно очень вредное свойство. Их желтая кровь, попадая

в воду, превращала ее в сильнейший яд, разъедающий кожу и внутренности.

Николас еще раз внимательно осмотрел кобольда и обнаружил большую кровоточащую рану у него на боку. Неведомый злоумышленник поступил очень умно: не скинул человечка прямо в воду, чтобы тот захлебнулся и умер, а ранил и привязал так, чтобы его кровь капала в воду, постепенно отравляя колодец.

Юноша ухватился за крюк, к которому был привязан кобольд, обрезал веревку и, стараясь не задеть рану, подхватил его за здоровый бок.

— Доставай! — крикнул Николас Эглаборгу.

Цепь заскрипела, наматываясь обратно на бревно, и они медленно поднялись на поверхность.

— Осторожно, у него кровь ядовитая, — предупредил Николас.

— Малыш, за что тебя так? — сочувственно спросил Эглаборг, помогая Николасу достать кобольда из колодца.

— Не знаю. Я убирался в светлице милой госпожи Уны, когда на меня напали и притащили сюда, — ответил еле живой кобольд, тяжело приваливаясь к стене колодца.

— Мастер Эглаборг, мастер Эглаборг, — к ним со всех ног бежал конопатый сын бургомистра. — Маме стало хуже!

Николас нахмурил брови:

— Что случилось?

— Не знаю, она кормила Лейва, а потом у нее началась лихорадка.

— Может, она выпила отравленной воды? — встревожено спросил Эглаборг.

— Думаю, что проблема вовсе не в этом. Отравленная вода — всего лишь отвлекающий маневр, вот только для чего? — задумчиво произнес Николас и бросил короткий взгляд на зеленые холмы. — Здесь столько вереска. Это должно быть что-то связанное с вереском.

— Я среди вересков живу. И я ребенка унесу, — нараспев произнес Свейн.

— Что?!

— Это считалка такая. Вы сказали про вереск, вот я и вспомнил, — пожал плечами мальчик.

— Да нет же. Ребенок, все дело в ребенке. Как же я раньше не догадался? — ахнул Николас. — Кобольд, скажи, когда тебя оглушили, кто-нибудь еще был дома?

— Нет, только малыш Лейв спал в своей колыбельке, — с готовностью ответил он.

— А какого цвета у Лейва волосы? — Свей и Эглаборг удивленно переглянулись.

— Что за странный вопрос? Светлые, как у всех детей госпожи Уны, — недоуменно пожал плечами кобольд.

Не теряя времени на объяснения, Николас помчался обратно в дом бургомистра.

***

— Уночка, Уна! Да что же это за напасть такая, — причитал Гарольд, крепко сжимая горячую руку своей жены. — Эглаборг, это ты?

— Нет, это Николас. У вас есть вересковый мёд?

— Мёд? — удивленно моргнул бургомистр. — Есть, но зачем он вам?

— Да не мне, а вашей жене. Напоите ее отваром с вересковым мёдом. Он снимет жар.

— Это Эглаборг сказал?

— Нет, это не отравление. Травник вам не поможет. Просто сделайте, как я говорю!

Гарольд поспешил на кухню за мёдом. Как только он ушел, Николас взял из стоявшей у изголовья кровати колыбельки малыша Лейва. Он тут же открыл свои большие темные глазки и улыбнулся охотнику беззубым ртом.

"Нечисть к нечисти липнет. О, боги, ну что же я такое думаю? Больше никогда не буду слушать единоверцев", — размышлял Охотник, разглядывая младенца.

— Эй, оставь моего сына в покое, — угрожающе прорычал появившийся в дверях с отваром бургомистр.

— Это не ваш сын. Это Подменыш, ребенок Дану.

— Ну что за бред. Какие еще Дану? — с этими словами разъяренный отец вырвал малыша из рук Николаса. Лейв тут же разразился громким криком

— Те самые, что живут в ваших холмах. "Я среди вересков живу. И я ребенка унесу"

— Это всего лишь глупая детская считалочка! — продолжал упираться бургомистр.

— Посмотрите сами, вы же все светловолосые и светлоглазые, а он нет. И он постоянно орет, потому что не принимает вас. И ваша жена заболела оттого, что кормила его. Это Подменыш. Вам глаза отводили все это время.

Как только эти слова были произнесены вслух, наваждение пропало. Бургомистр с ужасом увидел, что держит на руках чужого ребенка.

— Подменыш? Да как они посмели, эти нелюди! Где факел?! Сейчас я им покажу, как красть чужих детей, — грозно вскричал

Гарольд, красный от возбуждения.

— Стойте! Вы так только хуже сделаете. Лейва еще можно спасти. Позвольте мне отнести ребенка на вересковый холм. Дану заберут его обратно и вернут вам Лейва. Я клянусь, я уговорю их. Только не огонь, прошу, — Николас никогда в жизни не говорил ни с кем с таким жаром. Он просто знал, что нужно убедить бургомистра отдать ребенка, во что бы то ни стало.

— Не огонь, говоришь? — успокаиваясь, переспросил бургомистр. На мгновение Николасу показалось, что бургомистр что-то для себя уяснил. — Ладно, но я пойду с тобой.

— Нет, лучше останьтесь со своей женой. Дану не выйдут, если я приду вместе с вами, — ответил юноша, умоляюще глядя на Гарольда.

— Хорошо, — скрепя сердце ответил тот и передал Охотнику орущего во все горло ребенка. — Но если что случится с моим мальчиком, ты мне головой за это ответишь!

Николас лишь коротко кивнул и побежал к холмам. На руках у юноши ребенок снова начал затихать. В закатных сумерках на вершине одного из холмов Николас увидел темную фигуру. Она шла к нему на встречу. Это была женщина. Невысокая, тонкая, как былинка, с алебастрово-бледной кожей. Длинные темные волосы волнами струились по ее стройным плечам. Из-под лилового платья выглядывали босые ноги. Николас с облегчением вздохнул, подходя к ней. Женщина протянула ему светловолосого, розовощекого малыша и забрала своего, нежно прижимая к себе ненаглядное чадо.

— Благодарю тебя, Охотник, — произнесла она тихим певучим голосом. — Я Эйтайни, королева Дану Лапландии.

— Николас Комри, Страж Авалора, ну почти, — чуть засмущавшись, ответил юноша. — Зачем вы подменили этого ребенка?

Женщина грустно вздохнула и опустила глаза:

— Мой муж, Асгрим, завидует вашему роду. Наши дети очень слабы в первые месяцы жизни, они часто умирают до полугода. Мой первый ребенок не прожил и недели.

— Но это не причина, чтобы воровать чужих детей!

— Кому бы говорить, ведь твой отец не желал, чтобы ты появился на свет, — все так же печально ответила она, внимательно разглядывая его своими бездонными черными глазами.

— Что? — встрепенулся юноша.

— На тебе лежит печать мар. А мары приходят лишь за нежеланными детьми. Не сердись на моего мужа, он такой же глупец, как и твой отец. Когда родился Эйсмунд, и я была очень

слаба, он решил подменить нашего малыша на здорового ребенка этих людей. Думал, что я ничего не замечу, но материнское сердце не так-то просто обмануть. Мне не нужен чужой ребенок, я люблю своего. И теперь он будет жить. Благодаря тебе.

— Но что я такого сделал? — все еще недоумевал юноша.

— Ты отдал ему свой свет, этого вполне достаточно. Вот возьми, это подарок. Отдай его своей возлюбленной, и ты никогда ее не забудешь, — королева Дану протянула ему чудную брошь из слоновой кости в виде веточек цветущего вереска.

Но Николас не спешил принимать подарок:

— На что он мне? Разве можно забыть того, кого любишь?

— О, женские чары самые коварные из всех, что есть в этом мире, а время немилосердно к людской памяти. Не упрямься, бери, она тебе пригодится, обещаю, — заговорщически подмигнула ему Эйтайни и вложила в руку свой подарок. — И попроси за меня прощения у кобольда. Мой недотепа-муж не хотел его обидеть, просто тот оказался не в том месте, не в то время. Прощай, удачной тебе Охоты!

Дану исчезла за холмом, оставив Николаса наедине с ребенком бургомистра.

***

— Лейв, мой маленький, не знаю, как вас и благодарить, мастер Николас, — говорила все еще слабая Уна, со слезами на глазах принимая из рук Охотника своего ребенка.

— Зато я знаю, дорогая, отдыхай и ни о чем не беспокойся, — заверил ее муж, под руку выводя Николаса и Эглаборга из своей спальни.

На кухне уже подметал пол подлатанный Эглаборгом кобольд. Николас не имел ни малейшего представления, где его компаньон умудрился достать нитки, которые не проедала ядовитая кровь, но малыш казался вполне здоровым и полным жизни.

Гарольд повел Николаса с Эглаборгом на луг за городом, где на первой весенней траве выпасался табун крепких северных лошадей.

— Это мои кони. Я отправляю их в Нормандию на продажу по осени. Выбирайте любых. Это подарок за спасения моей жены и сына, — Гарольд подтолкнул Николаса поближе к лошадям.

Николас в растерянности переводил взгляд с одного коня на другого.

— Вот этот хороший, — сказал Эглаборг, указывая на высокого крупного вороного жеребца с гибкой лебединой шеей, длинной густой гривой и мохнатыми бабками.

— Не люблю вороных лошадей. Лучше вон того, в яблоках, —

юноша кивнул на изящного серого коника, пасущегося неподалеку.

— Красивый, но в дороге его будет трудно чистить, — заметил Гарольд, оценивающе глядя на жеребца.

— А мне вон ту кобылку, — Эглаборг указал на коренастую соловую кобылу, по хребту которой проходила приметная темная полоса.

— Берите, — улыбаясь, ответил бургомистр и вместе они отправились ловить своих лошадей.

Купив на вырученные деньги запасов и сбрую для лошадей, Николас с Эглаборгом собрались в путь на следующий день. Провожать их вышла вся семья бургомистра. Явилась даже вечно отсутствующая Анка вместе со своим кузнецом.

— Прощай, — крикнул им вслед Гарольд, — удачной тебе Охоты!

Николас удивленно вздрогнул и обернулся, но бургомистр лишь весело подмигнул ему, обнимая своих детей и жену за плечи.

Дикая пуща, Веломовия. 1565 г. от заселения Мидгарда

День шел на убыль. В воздухе стоял терпкий запах лесных трав. Едва заметная тропа змейкой извивалась вдоль темных оврагов, мимо уходящих ввысь вековых сосен. Дикая пуща раньше был частью первобытного леса, покрывавшего практически всю территорию северных стран Мидгарда. Но люди наступали, а лес не смог выстоять в неравной борьбе против пожаров и вырубки. Теперь от него остался лишь этот вековечный сосновый бор, который можно было пройти насквозь за три дня, если знать дорогу. Но приезжие, да и местные, честно говоря, побаивались той силы, что скрывалась в его тенистых чащах. За это его и прозвали Дикой пущей.

Возле Подгайска, крупного городка на границе Ливонии с Веломовией, Николас с Эглаборгом едва не столкнулись с отрядом Защитников Паствы, который собирал дань с местных селений. И хотя Гвидион научил Николаса отражать их телепатические атаки, юноша не хотел рисковать. Еще свежи были в его памяти костры, на которых сжигали колдунов на Авалоре. Поэтому путники оставили проторенные дороги и свернули в Пущу, где "голубые капюшоны" вряд ли бы стали их преследовать без прямого приказа Магистра.

Судя по карте, которую им любезно набросал трактирщик из Подгайска, к вечеру они должны были добраться до Дрисвят, небольшого местечка на противоположном краю Дикой пущи. Но

день заканчивался, а узенькая лесная стежка никак не хотела упираться в широкий нахоженный тракт. Из оврагов и низин начал вытаскивать свои щупальца вечерний туман.

— Мастер Николас, со всем уважением, но вы точно знаете, что мы идем в верном направлении? — не выдержал Эглаборг, наблюдая, как ненасытный туман поглощает все на своем пути.

— Уверен, по моим расчетам, до большой Оленьей тропы должно быть всего две версты ходу, — ответил Николас, в очередной раз сверяясь с картой. — Да, все правильно. Оленья тропа проходит восточнее Ужиных топей и упирается прямо в Сокольничий тракт… Эглаборг?!

Только оторвавшись от карты, Николас заметил, что его спутника рядом нет.

— Элгаборг! Эглаборг! — безрезультатно напрягал он связки. Ответом ему было лишь тихое перешептывание эха.

Туман стал настолько густым, что юноша уже не видел собственных рук. Николас натянул поводья и сжал своего коня коленями. Великолепно выезженный серый жеребец по кличке Лиат тут же остановился, позволяя хозяину спешиться. Николас на мгновение закрыл глаза и прислушался к собственным ощущениям. В нескольких сотнях шагов от него кто-то был. Эглаборг? Николас сосредоточился на мерном стуке собственного сердца. Нет, не Эглаборг, но и не обычный человек. Демон? Дух? До обострившегося слуха донесся тихий плач. Прощупывая землю ногами, юноша двинулся сквозь окутавший его молочный океан навстречу неизвестному. Туман медленно начал редеть, и через пару минут Николас смог разглядеть небольшую полянку, откуда доносились громкие всхлипывания. Не почувствовав опасности, юноша решил подойти поближе. Посреди поляны на поваленном дереве сидела маленькая девочка. Одета она была в простое светлое платье, на голове повязана яркая красная косынка. Длинные волосы цвета спелого льна заплетены в толстые косы и перевязаны белыми лентами. Детское личико опухло от слез, глаза воспалились и покраснели.

— Эй, что у тебя случилось? — спросил Николас, приближаясь к ней.

Девочка вздрогнула и подняла на него свои огромные серые глаза:

— Кто-то убил Вужалака[23], ужиного короля, — девочка показала на лежавшую перед ней змейку с желтыми ушками в виде короны. — И теперь мы будем плутать в тумане, пока нас не съедят его псы!

Николас привязал Лиата к древу и опустился на корточки возле мертвой змеи, изучая чешуйчатое тело.

— Не думаю, что это ужиный король или как ты там его называешь, — попытался успокоить ее юноша. — Да и не похоже, что он умер насильственной смертью.

— Тогда откуда взялся этот пес? — ответила девочка, указывая на что-то, находившееся за его спиной.

Николас резко обернулся и увидел, как в кустах прямо за ним сверкнули желтые глаза хищника. Охотник хотел было подойти поближе, но тут послышался низкий угрожающий рык.

— Теперь он нас точно съест, — шмыгнула носом девочка.

— Все будет хорошо, — безразлично ответил Николас и уселся на бревно рядом с ней.

Громадная псина залегла в кустах, и нападать не спешила. Охотник решил использовать предоставленную ему передышку, чтобы подумать. Девочка продолжала нервно всхлипывать. Это сильно отвлекало.

— Да прекрати ты уже. Сколько можно реветь?! Терпеть не могу плакс, — раздражаясь, прикрикнул он на нее.

Девочка икнула и испуганно вжала голову в плечи. Николас немного смутился, почувствовав себя виноватым. Он не хотел пугать ребенка еще больше. Просто девочка так сильно напоминала ему малышку Лизи, что сердце начало щемить от неизбывной тоски по дому. Николас достал из кармана платок и вытер ей слезы. Девочка покусывала нижнюю губу, испуганно косясь на притаившееся в кустах чудище, но больше не плакала.

— Слушай, а откуда ты так много знаешь про этих ужиных королей? — спросил Николас.

— У нас в Дрисвятах все про них знают… — девочка неожиданно замялась. — Ну, по крайней мере, бабушки и дедушки точно знают. Раньше они им поклонялись.

— А как именно покланялись, ты не знаешь?

Девочка наморщила высокий лоб, судорожно пытаясь вспомнить, что рассказывали об ужиных королях старики.

— Кажется, они оставляли у гнезда змей крынку с парным молоком и клали рядом платок. Если уж принимал подношение, то пил молоко и сбрасывал свою корону на платок.

Но это обычно делали в середине вересня[24], а сейчас еще жнивень[25] не закончился, — покачала головой девочка.

— Это, конечно, не парное молоко, но думаю, тоже сгодится, — сказал Николас, выливая в крышку от фляги остатки подгайского молока.

Девочка сняла с себя косынку и положила ее перед змеей. Николас подбадривающе кивнул ей и поставил рядом крышку с молоком. К их общему удивлению мертвая змея вдруг зашевелилась, заползла на платок и высунула изо рта маленький

раздвоенный язычок. Удостоив их всего одним коротким взглядом, уж с царственным видом испил молока, а потом начал извиваться всем телом, стягивая с себя старую кожу. После долгих усилий уж, наконец, выполз из нее и скрылся высокой траве. Девочка завернула оставшуюся после него чешуйчатую кожу в косынку и сунула за пазуху. Николас поднялся с бревна и подошел к кустам, за которыми сидела черная собака, но ее уже и след остыл.

— Вот видишь, а ты боялась, — укоризненным тоном сказал девочке Охотник. — Меня зовут Николас, кстати, а тебя?

— Герда, то есть Альгерда Мрия, — забавно краснея, ответила она.

— И что же маленькая девочка с таким красивым именем делает в темном лесу в столь поздний час совсем одна? — поинтересовался Николас.

— Ну, я за ягодами ходила, — немного неуверенно ответила Герда, накручивая кончик косы себе на палец. Охотник перевел взгляд на маленькую плетеную корзинку, стоявшую возле поваленного дерева. Ягод в ней было немного. Зато рядом лежала книжка в потрепанном кожаном переплете

— За ягодами, говоришь?

Николас взял в руки книжку. На корешке он с трудом смог разобрать полуистертое название: "Сказания Севера о делах страшных и дивных".

— Любишь сказки?

— Очень люблю, — ответила Герда, забирая у него книжку. — Только маме с папой не говори, что я брала ее с собой, а то они расстроятся.

— Ладно, не скажу. А далеко до Дрисвят-то?

— Пешему часа полтора-два ходу по Оленьей тропе. Но там поперек дороги лежит поваленная сосна. С конем не пройдешь. Надо идти в обход до Сокольничего тракта, а это еще часа три вдоль Ужиных топей.

— Понятно, значит, добраться до вашего местечка до темноты шансов нет. Придется заночевать здесь, — мрачно заключил Николас.

Он расседлал Лиата, вынул из сумки топор и отравился за дровами. Герда в это время собирала хворост для кострища и выкладывала очаг камнями. Набрав воды из бившего неподалеку ключа и приладив над огнем котелок с походной кашей, Николас подтянул к костру бревно и пригласил девочку сесть поближе. Герда протянула к огню закоченевшие руки. В свете костра черты ее лица заострились, в глазах плясали отблески пламени.

— А для чего ты едешь в Дрисвяты? — Герда застала его

врасплох своим вопросом.

— На ярмарку, — ответил Николас первое, что пришло в голову.

Девочка заливисто рассмеялась:

— Ты что-то путаешь. Это от нас обычно в Подгайск на ярмарку ездят, а не наоборот. Ты ведь охотник, верно?

— С чего ты взяла? — на мгновение Николасу стало не по себе от ее проницательно взгляда.

— В Дикую пущу никто, кроме самых отчаянных охотников не захаживает, — с улыбкой объяснила она. — Так на кого ты охотишься? На косуль, на диков[26] или может быть на зубра?

— На демонов, — неожиданно для себя выпалил Николас и тут же пожалел.

— Демоны? Это как наши нечистики, что ли? — и без того слишком большие глаза стали похожими на блюдца. — Здорово!

Николасу польстила ее реакция. Никто и никогда не смотрел на него таким восхищенным, полным обожания взглядом.

— А много ты их убил?

— Я никогда не считал, — замялся он, боясь разрушить ее иллюзии. — Вот, смотри, здесь все демоны, которых я когда-либо встречал.

Он передал ей свой альбом. Герда внимательно рассматривала чернильные картинки с хобгоблинами[27], фейри и брауни[28].

— А это волколак? Настоящий волколак[29]! — воскликнула она, разглядывая один из его рисунков. — И его ты тоже убил?

— Нет, — снова не смог слукавить он, хотя так хотелось.

— Ну и правильно! Наш последний князь был волколаком. Папа говорит, что при нем все у нас было хорошо, а после стало плохо. Ой, только тут название другое написано, — сказала она, проводя пальцем по рунной надписи.

Николас нахмурился.

— Вир, нет, вер-вольф, — прочитала она по слогам.

Старинная рунопись сейчас практически нигде не использовалась. Канула в лету вместе со Старыми богами и Стражами. Ее заменила имперская буковица, в который каждый знак обозначал отдельных звук. После прихода Единой веры, буковичному чтению и письму обучали в приходских школах, а руны помнили лишь старинные книги, да семьи Стражей и их наставников. Еще на Авалоре Гвидион обучал Николаса рунописи. Чтобы лучше запомнить рунные знаки, мальчик начал подписывать ими свои рисунки. Эта привычка сохранилась за ним с тех времен.

— Правильно, вервольф. Так они называются в местах, откуда

я родом. А где ты научилась читать руны? — подозрительно спросил юноша.

— Меня папа научил. Правда, он просил меня никому не рассказывать, но ты ведь меня не выдашь? — заговорщически подмигнула ему Герда. — А я никому не скажу, что ты Охотник на демонов. Ведь это тайна?

— Тайна, — быстро согласился Николас.

Они еще долго болтали о демонах, дальних странах и старинных легендах. Герда слушала рассказы Охотника с открытым ртом, ловя каждое слово. Луна была уже высоко, когда они, наконец, улеглись спать.

***

Николас проснулся перед самым рассветом от какого-то непонятного, медленно нарастающего ощущения. Он вдруг вспомнил последние занятия у старого друида, когда учился накапливать большие запасы энергии внутри себя. Он черпал силу из воздуха, впитывал в себя через кожу, позволяя ей растекаться по жилам, заволакивая взор белым маревом. Тогда Николасу начинало казаться, что он повелевает четырьмя ветрами, может сдвинуть горы и повернуть вспять реки, но, ни научиться удержать, ни тем более управлять этим запасом, он так и не успел. Вот и сейчас Охотник вдруг почувствовал, что сила доверху переполняет его, грозя вырваться наружу разрушительным, сметающим все на своем пути тайфуном.

Николас открыл глаза и с удивлением обнаружил, что Герда крепко спала, положив голову ему на грудь. Он почти не ощущал ее веса. Николас задумчиво провел рукой по ее мягким пушистым волосам. Кожу стало чуть заметно покалывать. Вот и нашлась причина терзавшего его предчувствия.

Вчера, когда змея с собакой убрались восвояси, Николас смог отделить их ауру, от силы этой девочки. Судя по всему, Герда тоже принадлежа к древнему роду Стражей, только дар ее был почти незаметным и по всем признакам имел какую-то необычную латентную форму. Вряд ли дар полностью раскроется до ее взросления.

Николас коснулся щеки девочки. Как же ему хотелось знать, что у нее за дар, почему ее близость вызывает в нем это странное ощущение. Может, это всего лишь иллюзия? Создаваемый ею помимо своей воли морок?

Герда неожиданно открыла глаза. Их взгляды на мгновение встретились. Что-то всколыхнулось внутри него, полуистлевшим воспоминанием из прошлой жизни поднялось из глубин сознания. Вспыхнуло и погасло. Герда сладко потянулась и села на одеяле.

— Смотри, туман совсем ушел. Ужиный король больше не сердится на нас! — радостно заключила девочка.

Только сейчас Николас обратил внимание, что над верхушками вековых сосен раскинулось бескрайнее ясное небо. Пора было выдвигаться в Дрисвяты. Он еще холил слабую надежду встретить там потерявшегося Эглаборга. Позавтракав остатками вчерашнего ужина и напившись ключевой воды, они затушили костер, и Николас отправился седлать Лиата, в то время как Герда собирала его вьюки. Приточив их к седлу, Николас усадил девочку на коня впереди себя и выслал его вперед.

Часа два они очень медленно шли по чуть заметной тропе, огибающей Ужиные топи по самому краю. Мошкара нещадно жалила открытые руки, хотя основной удар жужжащих кровопийц стойко принимал на себя Лиат. Герда стряхивала с его шеи слепней, до которых могла дотянуться, отчего на руках оставались кровавые следы. Несколько раз они чуть не завязли в трясине. Николасу пришлось признать, что без Герды он бы вряд ли выбрался из этого коварного и прожорливого болота. Солнце было уже высоко, когда между деревьями появился просвет и показался широкий наезженный тракт. Почувствовав под ногами удобный грунт, Лиат тут же воспарил духом и побежал легкой рысью. Николас набрал повод в одну руку, а другой придерживал девочку, чтобы она не упала от тряски.

Сокольничий тракт оказался самым людным местом во всей Дикой пуще. Пару раз они встречали дровосеков, на разбитых телегах. Чаще попадались грибники и охотники, но, как и дровосеки, они осмеливались ходить лишь вдоль большой дороги. Один раз мимо промчалась запряженная тройкой поджарых рысаков карета.

— Это мастер Заградский, — ответила Герда на вопросительный взгляд Николаса. — Глава Дрисвятского земства. Его жена на днях умерла от лихоманки. Наверное, отпевать ездил. Смотри, мы уже почти приехали.

Дрисвяты и городом-то с трудом можно было назвать. С полсотни дворов. Крохотная рыночная площадь с несколькими захудалыми лавчонками. Постоялый двор с выцветшей вывеской. Здесь даже ратуши не было. И лишь большая белокаменная Единоверческая церковь своим помпезным видом корила местечко за его серость и убогость.

Подъехав к указанному Гердой добротному бревенчатому дому, Николас спешился. Дверь тут же распахнулась и на улицу выбежала высокая светловолосая женщина.

— Гердочка! Герда! — закричала она и по-матерински

прижала к себе неожиданно оробевшую девочку. — Гед! Гедымин, скорее сюда, Герда нашлась!

Из дома вышел сухощавый мужчина с пепельно-серыми волосами и укоризненно сказал:

— Ну вот, а ты говорила, сгинула. Просто заблудилась немного.

— Я не заблудилась. Мне ужиный король помешал домой вернуться засветло! — возразила девочка, высвобождаясь из материнских объятий.

— Герда! Ты снова про эти глупости рассказываешь?! — ахнула женщина и грозно взглянула на своего мужа. — Это ты задурил ей голову своими сказками. Я молчала, когда ты брал ее в этот страшный лес с собой, но отправлять ее туда совсем одну! Ей же всего восемь лет.

— Но дорогая, ничего страшного же не случилось. Я ведь лесник и дочка моя, моя наследница, должна знать, как по нему ходить и не заблудиться, — сделал слабую попытку оправдаться муж. — И не стоит оповещать всю округу о наших проблемах.

Николас тактично закашлялся.

— Там действительно была змея. И ваша дочка очень хорошо знает лес, — родители Герды удивленно покосились на него, как будто впервые заметили его присутствие. — Меня зовут Николас, я охотник.

— Конечно, знает. Я сам ее учил, — с гордостью ответил отец. — Спасибо, что вернули ее. Меня зовут Гедымин, я глава здешнего лесничества. А это моя жена Софья. Чем я могу отблагодарить вас?

— Да, я ищу одного человека…

— Мастер Николас, мастер Николас, — послышался за спиной знакомый голос.

— Ах, уже не надо, — он повернулся навстречу несущемуся к нему со всех ног Эглаборгу.

— Мастер Николас, вы живы! Я так испугался, когда не нашел вас на постоялом дворе вчера вечером, — юноша опасливо покосился в сторону своего компаньона. Похоже, сейчас его тоже начнут обнимать и журить. Но к счастью, Эглаборг ограничился лишь этими словами.

— Может, вы устали с дороги? Погостите у нас пару дней, — предложила жена лесника.

— Останься, Николас, ну хоть на пару денечков, — добавила Герда, с надеждой глядя на него.

— Да-да, у нас как раз вечером праздник будет. С танцами и угощением. Будете жалеть, если пропустите, — закивал головой лесник.

— И работа для вас тут тоже имеется, — шепнул ему на ухо Эглаборг.

— Хорошо, хорошо, уговорили, — засмеялся юноша.

***

К вечеру рыночную площадь расчистили и установили там небольшой помост для сельских музыкантов: скрипачей и дударей. Веселые ноты лились из их инструментов, наполняя серое и унылое местечко чудесной мелодией. Люди в ярких одеждах танцевали мазурку и польку, дети, взявшись за руки, водили хороводы. Праздник чудным образом преобразил город, превратив его в пышный торт со свечами и кремовыми розочками. И лишь белокаменная церковь с укоризной взирала на раскинувшееся перед ней празднество.

Николас медленно потягивал сладкий медовый напиток из железной кружки, наблюдая за мещанским праздником.

— Мастер Николас, это мастер Заградский, — Эглаборг подвел к нему невысокого полного мужчину среднего возраста с заметной залысиной на затылке.

— Очень приятно, — кивнул Охотник.

— Мне сказали, что вы беретесь решать дела, которые требуют особой… хм, деликатности, — тщательно взвешивая каждое слово, говорил земский глава.

— Деликатности? — нахмурил брови Николас. Вот уж о деликатности его точно еще никогда не просили.

— Видите ли, я занимаю определенное место в обществе, а дело мое имеет сугубо личный характер, поэтому мне бы не хотелось предавать его лишней огласке, — снова начал мяться Заградский. — Народ тут очень темный. Я в Дрисвятах с самого присоединения к Веломовии земским главой состою, а до сих пор не привык к их нравам. Суеверные они здесь все, на границе на самой.

Николас пожал плечами, всем видом показывая, что не понимает, куда клонит Заградский.

— Жена моя скончалась от лихоманки пару дней назад, — наконец, начал он излагать суть своего дела. — Хорошая женщина была, не смотрите, что из местных. Не любили ее здесь, завидовали очень. За глаза ведьмой называли, а теперь никто всенощную отстоять за нее не хочет…

Николас с негодованием глянул на целителя: "Кого ты мне привел? Я такими делами не занимаюсь!" Справившись с первым порывом послать земского главу в дальние дали, Охотник вежливо ответил:

— Вам, наверное, не сказали, но я беру очень много за свои услуги. Пусть даже за такие… деликатные.

— Пятьсот монет. За одну ночь, — с готовностью ответил Заградский.

Впервые в жизни Николас не нашелся, что ответить. За эти деньги они могли добраться до самого Беловодья, а может и дальше.

— Он согласен, — сказал за него Эглаборг. Николас бросил на него испепеляющий взгляд.

Заградский энергично пожал опешившему Охотнику руку и объявил, что будет ждать его возле церкви после праздника.

— Мастер Николас, но это же простая работа. Хотите, я сделаю ее вместо вас, — пытался оправдаться перед ним Эглаборг, когда Заградский отошел на безопасное расстояние.

— Нет, не хочу, — упрямо ответил тот. — Но это же… это же… так унизительно. Стоять за чужую жену всенощную. А ведь я даже не единоверец.

— Ну и что? Зато он хорошо за это заплатит. Мастер Николас, послушайте старого человека, поспите ночью на лавке в церкви, заберите денежки и дальше нам не придется лазить по оврагам и подворотням в поисках этих жутких тварей. Да от той ядовитой виверны из Ливонии у меня до сих пор все поджилки трясутся.

— Но она же никого не трогала, пока этот безмозглый рыцарь не полез разорять ее кладку! — возразил было Николас, но потом сдался. — Я Охотник, Эглаборг, Охотник, мое дело — укрощать разъяренных виверн, а не стоять всенощную за чужих жен.

— Мастер, смирите свою гордыню, — с тихим укором в голосе сказал Эглаборг. — Пока у нас нет денег, выбирать не приходится.

Николас подошел к прилавку с булочками, где своей очереди дожидались еще два покупателя. Юноша встал за ними и рассеяно смотрел по сторонам. Под чадящим фонарем на углу площади он заметил Герду, носом уткнувшуюся в свою книжку. Внимание покупателей тоже было приковано к светловолосой девочке. К ней подошел хорошо одетый мальчик, сказал пару слов, но она, не отрывая глаз от книги, помахала на него рукой. Мальчик не уходил, тогда Герда что-то шепнула ему на ухо. Неудачливый ухажер заметно побледнел и убрался восвояси.

— И она снова это сделала! — засмеялся один из покупателей. — Гони монету, Михась. Я честно ее выиграл.

Второй покупатель с досадой сплюнул и полез в карман за деньгами.

— Да, Михась, зря ты на Заградского сына поставил. Она ведь немного того, эта Гедыминова дочка, — вмешалась в разговор мужчин розовощекая булочница. — А помните, как она Свитязь-

озеро[30] переплыла? Говорила, что там мавки[31] на дне живут…

— Дык она ж за твоим сыном полезла, Марыська. Кабы не она, так затянуло бы его под корягу и поминай, как звали. И без всяких мавок, — упрекнул ее покупатель.

— Твоя правда, Михась. Только больно уж страшные вещи она порой рассказывает. Дети после ее баек по ночам спать бояться. Да и Гедымин, посмотри, как испугался, когда Защитники Паствы пришли. Сразу же в лес ее услал от греха подальше. Ведьма она, точно как Ялинка — переходя на шепот, ответила булочница.

— Да полно вам уже. Блаженная она, книжки читает, по лесу слоняется, нет зла от нее никому. Ялинка — другое дело. Она душу продала… — второй покупатель неожиданно осекся.

— Мастер Николас, так вот вы где! А мы с женой вас обыскались, — Охотник обернулся и увидел приближающегося к нему отца Герды.

— Да, я тут решил сам немного осмотреться, — местечковые сплетники бросили на юношу испуганный взгляд. Тот, не удостоив их вниманием, подошел к леснику.

— Странные у вас тут люди. Совсем не добрые.

— Это они в последнее время такими стали. Раньше на всем белом свете было не сыскать народа более радушного и гостеприимного, чем наш. А потом сюда пришли единоверцы со своими законами… — Гедымин не закончил фразу с досадой махнул рукой. — Теперь мы вынуждены платить им непомерную дань, да прославлять посредственность А ведь когда-то мы тоже были Стражами и гордились своим даром. А сейчас… сейчас я радуюсь, что у моей дочки его нет.

— У вас хотя бы людей на кострах не сжигают, — хмуро заметил Николас.

Лесник вздрогнул от одной мысли.

— А скажите, мастер Гедымин, что за даром обладали ваши предки?

— Они читали мысли, — одними губами прошептал тот.

Николас задумчиво покосился на поглощенную чтением девочку. Участь телепатов была не намного завидней судьбы телекинетиков. Их собирали со всех краев Мидгарда и часто против их воли отправляли в Академию Защитников Паствы в Священной Империи, а из ее стен они выходили уже совершенно другими людьми.

— Вы все же продолжайте прятать ее в лесу от "Голубых капюшонов", — кинул ему Николас и, ничего толком не объяснив, направился к оторвавшейся от своей книжки Герде.

— Почему ты не танцуешь? — спросил юноша, устраиваясь

рядом с ней.

— Меня никто не приглашает, — пожала плечами девочка.

— А как же тот мальчик? Кажется, это был сын мастера Заградского.

— Кто, Вальдемар? — поморщилась Герда. — Фу, ну он же такой гадкий.

— Что ты ему сказала? Он убежал от тебя будто демона увидел, — продолжал любопытствовать Николас.

— Я сказала, что у меня есть друг, у которого есть большой меч и который его побьет, если он будет продолжать мне докучать, — смеясь, ответила она.

— Мне уже страшно.

— Почему? — удивилась она.

— А если твой друг и меня побьет, — нарочито серьезно ответил юноша.

— Я вообще-то тебя имела в виду, — немного смущенно пробормотала девочка.

— Ты мне льстишь. Меч у меня не такой уж большой, — лукаво улыбаясь, заметил Николас. — Так значит, меня не побьют, если я приглашу тебя потанцевать?

Девочка отрицательно замотала головой, ее глаза горели от возбуждения. Николас приобнял ее за талию. Им повезло — танец оказался медленным и несложным, но из-за разницы в росте выходило немного неловко.

— Ты говорил с мастером Заградским. Он просил тебя отстоять за его жену всенощную?

— Да, — недоуменно ответил Николас.

— Но ты ведь не согласился, правда? — она заглянула прямо ему в глаза.

— Он хорошо платит, — снова не удалось соврать Охотнику, но теперь он хотя бы знал, почему.

— Неужели он платит достаточно, чтобы тебя убили? — Герда резко остановилась и опустила голову.

— Мне всего лишь надо отстоять всенощную. Из-за чего меня могут убить? — недоумевал Охотник.

— Из-за нее, Ялинки-ведьмы. Она когда умирала, вся черная была. Тогда к нам в город и пришел этот ужасный тип в сером балахоне. Пеший, из-за длинного капюшона лица совсем не видно. Перед тем, как в усадьбу к Заградским заявиться, он весь город обошел. Остановился у нашего дома и долго смотрел на меня. Я не видела его глаз, но все равно было так жутко. Верно, он не только за Ялинкой приходил. А потом появились ужи. Я никогда не видела, чтобы их было так много. Они шипели и ползли вперед, будто в наступление шли. Тогда он оставил наш

дом и пошел прямиком к Заградским, так их дворовые потом рассказывали. Сказал, что Ялинка ему что-то задолжала, дотронулся до нее, а потом добавил: "Сегодня я забираю ее дыхание, а через три дня вернусь за душой". И ушел. Мастер Заградский тут же помчался к нашему священнику, но тот лишь руками развел. Мол, найди смельчака, чтоб ночь у ее гроба отстоял и спасешь душу. Да стоять никто не станет ни за какие деньги. Боятся все до смерти.

— Погоди, кого боятся, Герда? Кто приходил за вашей Ялинкой? — Николас положил руки ей на плечи, чтобы хоть как-то ее успокоить.

— Ловец желаний, — глаза девочки лихорадочно блестели. — Ялинка пообещала ему свою душу, если Заградский женится на ней.

— Ловец желаний. Исполняет желания и забирает душу взамен. Я где-то слышал об этом уже слышал, вот только где? — рассуждал он вслух.

— Во сне, — ответила за него Герда. — Я видела его во сне. Однажды мне приснилось, что он пришел со свитой нечистиков за моими родителями. А я никак не могла их спасти.

— Ты просто была под впечатлением от встречи с ним, — Николас рассеяно сунул руку в карман и больно укололся об булавку вересковой броши. Он быстро вытащил руку и вместе с ней из кармана выпал скомканный лист. Неудачный рисунок. Герда подняла его и аккуратно расправила.

— Я видела его во сне еще до того, как он пришел за Ялинкой в наш город. И, похоже, что не я одна, — она разгладила рисунок рукой и показала недоумевающему юноше.

На нем была изображена высокая фигура в балахоне, чье лицо было скрыто длинным капюшоном.

Еще на Авалоре Гвидион сильно удивлялся, когда мальчик не мог объяснить значения того или иного рисунка у себя в альбоме. Смутные образы просто появлялись у него в голове и навязчиво требовали выхода на бумаге. Это был один из таких рисунков.

— Ну, хорошо, пусть будет Ловец желаний. Мне все равно придется туда пойти, — тяжело вздохнул юноша, бросая беглый взгляд на белокаменную церковь.

— Но почему? — в отчаянии выкрикнула Герда.

— Потому, что если я не избавлю вас от этого Ловца сейчас, то кто остановит его завтра, когда он придет за тобой или за твоими родителями?

Герда совсем сникла. Николас сделал несколько шагов в сторону от веселящейся толпы, но девочка нагнала его и обхватила за талию.

— А что будет, ели ты умрешь? — из последних сил стараясь не заплакать, спросила Герда

— Не бойся, я же Охотник на демонов, забыла? Как-нибудь выкручусь, — тихо ответил Николас и зашагал прочь. Ночью ему предстоял тяжелый бой. Хорошо бы было к нему подготовиться.

***

— Мастер Николас, может, все-таки не надо, а? — в сотый раз спрашивал Эглаборг со слабой надеждой отговорить его от этой опасной затеи.

— Но ты ведь сам нашел мне эту работу. Негоже теперь отступать, — злорадно отвечал Николас, доставая со дна седельной сумки мешок с солью. — Серебро, мел, соль… анк, еще нужен анк. Куда же я его мог засунуть?

— Я же не знал, что за женой этого Заградского должен прийти какой-то жуткий демон, — продолжал протестовать его компаньон.

— А вот и анк. Гляди-ка, совсем потемнел. Надо бы протереть, — с этими словами он извлек из бокового кармана увесистый серебряный амулет в виде креста с кольцом наверху.

— Не лучше ли надеть кольчугу? — наконец, сдался Элаборг.

— Не лучше. Я не ношу кольчуг. В бою с демонами они абсолютно бесполезны, да к тому же стесняют движения, — возразил юноша, распихивая вываленные на землю мешочки по карманам.

— А как вы думаете, кто этот таинственный Ловец желаний? Жнец[32]? — полюбопытствовал старый целитель.

— Вряд ли. Жнецы не принадлежат этому миру. Их могут видеть лишь умирающие, да медиумы. А этого лицезрел весь город. У него не было ни косы, ни костяных крыльев. И, пожалуй, самое главное, у жнецов нет власти над миром людей. Они лишь посланники. Они не могут исполнять ничьих желаний, — покачал головой Охотник.

На город уже давно опустилась ночь. Люди потихоньку расходились по домам. Николас в сопровождении Эглаборга спешил на встречу с Заградским. Тот уже ждал их на пороге белокаменной церкви. От нее буквально веяло могильным холодом. Эглаборг поежился, а Николас выступил вперед, желая сказать земскому главе пару слов напоследок.

— Мастер Николас, а я уже испугался, что вы не придете! — радостно приветствовал их Заградский.

— От чего же? Плата щедрая, дело плевое, всего-то всенощную отстоять, — саркастично хмыкнул молодой Охотник, но земский глава пропустил его реплику мимо ушей.

— А зачем вам меч? — смутился Заградский, заметив

закинутое за спину оружие.

— Ах, это простая предосторожность. На случай, если ваш Ловец желаний не успеет сразу мне голову оторвать, — все в том же тоне продолжал юный Охотник.

— Мастер Николас, ну хотите, я на колени стану! — Эглаборг умоляюще взирал на своего хозяина.

— Не хочу, — коротко бросил юноша и повернулся к Заградскому: — И деньги отдадите Эглаборгу, не зависимо от того, вернусь я оттуда живым или нет. А если обманете, я вас с того света достану, не сомневайтесь.

Заградский испуганно вздрогнул. Кажется, угрозы в купе с внушительным оружием возымели нужный эффект. Охотник решительно шагнул через порог церкви и затворил за собой тяжелые дубовые двери.

Внутри здание оказалось еще более мрачным, чем снаружи. Стрельчатый потолок многократно усиливал любой звук и эхом отражал его от голых каменных стен. Воздух был пропитан приторно сладким запахом ладана. Тусклый свет исходил от множества тоненьких чадящих свечек. Причудливая игра огоньков и теней только усиливала ощущение чего-то таинственного и зловещего, затаившегося на время, готового в любое мгновение накинуться на ничего не подозревающего прихожанина.

Посреди большой залы у алтаря стоял обитый пурпурным бархатом гроб. Николас подошел к прямо к нему, чтобы получше разглядеть покойницу. На вид ей было не больше тридцати. Бледный высокий лоб, узкий прямой нос, тонкие синеватые губы, гладкая кожа без единой морщинки, а волосы абсолютно седые, как у столетней старухи.

У Николаса снова возникло странное чувство, будто он где-то это все уже видел, только не мог вспомнить, где. Он выглянул в единственное окно в западной стене здания. На улице ярко светила луна. Скоро полночь. Нельзя больше мешкать. Охотник достал из кармана кусок мела и начертил вокруг гроба запирающую пентаграмму, поставил по свече в каждый угол. Внешний круг насыпал солью. Анк надел на покойницу, достал из ножен Мидриров меч и сел, облокотившись спиной о гроб. Оставалось только ждать.

Николас закрыл глаза, прислушиваясь к ударам собственного сердца. Тук-тук. Начинают скрипеть половицы. Тук-тук. Совсем рядом слышен шелест крыльев. Тук-тук. За спиной кто-то шевелится. Тук-тук. Резкий прыжок и он вне досягаемости бледно-синих рук покойницы.

Николас открыл глаза и обнаружил себя посреди залы,

окруженным разнообразной нечистью. Никто не смел шелохнуться. Лишь покойница тихо скулила, пойманная в ловушку внутри пентаграммы. Ее глаза — один зеленый, другой синий — с ненавистью взирали на него.

Николас смотрел по сторонам, в поисках таинственного Ловца желаний. Но ни по ощущениям, ни по виду присутствующие не отличались от обычной кладбищенской нежити. Что ж, тем лучше. По крайней мере, он знал, как с ними бороться. Ближний к нему вурдалак оскалил гнилые зубы и пошел в атаку. Остро наточенное лезвие меча со свистом пронзило воздух, и обтянутый желтой кожей череп полетел на пол. Раздался жуткий визг. Твари кинулись к нему со всех сторон, надеясь победить числом. Но не тут-то было. Их когтистые лапы и руки проскальзывали в нескольких пальцах от его тела, натыкаясь на плотный силовой щит.

Меч проходил через полуистлевшие тела, как нож через масло, с легкостью разрывая мертвую плоть. Николас сплеча рубил наседавшую на него нежить, орошая все вокруг себя брызгами гнилой черной крови. Пол был устлан полуразложившимися останками. Но нежить, не знавшая страха, продолжала наседать нескончаемыми рядами.

"Да сколько же их тут?" — лихорадочно думал про себя Охотник. Он уже упокоил с полсотни, а меньше их не стало. По рукам и ногам начала медленно расползаться предательская усталость. Каждый взмах меча давался с трудом. Дыхание сбилось. Сердце грозило выскочить из груди. Но тут все неожиданно стихло. Твари остановили атаку и медленно расступились в стороны, освобождая проход от двери к алтарю.

Голову будто сдавило железными тисками. Пальцы немели от холода. Изо рта вырывались клубы белого пара. По спине пробежали мурашки. В зале воцарилась давящая тишина, нарушаемая лишь его тяжелым дыханием. Дубовая дверь распахнулась, и на проходе появился Ловец желаний, именно такой, каким описывала его Герда.

— Что за глупый человечишка смеет посягать на то, что принадлежит мне? — послышался леденящий душу голос. — Вы только взгляните на него! Детеныш еще совсем, молоко на губах не обсохло. Эй, малыш, не тяжело такой большой меч за собой таскать?

— Не тяжело, — сквозь зубы прошипел Охотник и, собрав в кулак всю свою волю, добавил: — Чтобы голову твою снести, сил точно хватит.

— Так он еще дерзить умеет! — рассмеялся ему в лицо незнакомец. — Ну что ж, сам напросился.

Из длинного рукава показалась обтянутая синей кожей костлявая рука. Не дожидаясь нападения, юноша бросился в атаку, направляя всю силу своего дара на острие клинка. Неведомо откуда у незнакомца появился длинный, мерцающий таинственным голубым пламенем меч. Ловец с легкостью парировал его удар.

— А ты не так прост, как кажешься на первый взгляд? — с издевкой в голосе крикнул ему Ловец.

Нечисть дружно зашипела, вторя своему предводителю. Не теряя времени даром, Николас сосредоточился на двух ближайших к нему упырях и с помощью телекинеза швырнул их в сторону ухмыляющегося Ловца.

— О, какая прелесть, этот малыш — Страж, настоящий Страж, — демон двумя мощными ударами разрубил летевшие к нему тела напополам. — А я-то думал, вы все уже давно сгорели на кострах единоверцев. Люди — неблагодарные создания, не так ли? Вы столько для них сделали, а они предали вас, стоило кому-то посулить им власть и богатство.

"Свечи. Огонь. Против гнилых мертвецов он бесполезен, но может против этого сойдет", — лихорадочно соображал охотник. Железный канделябр с чадящими свечами оторвался от стены и упал прямо на балахон Ловца. Пламя тут же погасло.

— Глупышка. Верно, это твоя первая Охота? Как жаль, что и ей не суждено завершиться. Но знаешь, я могу сделать тебя своим миньонам. Ты только представь: не будет больше этих бесконечных скитаний, не надо будет ни от кого прятаться. Ты будешь свободен, истинно свободен. И плата за это — пустяк, безделушка. Душа. Ты ее хоть раз видел? Какой от нее прок? Отдай мне свою, и я исполню любое твое желание.

"Телекинез бесполезен. Придется брать голыми руками", — подумал Николас и перешел в наступление.

— Что ж, жаль, кажется, я забыл, насколько тупоголовы все телекинетики, — разочаровано вздохнул Ловец, защищаясь от ударов Охотника.

Клинки, сталкиваясь в воздухе, высекали искры, звонкий лязг сталкивающихся мечей разносился по всему зданию. Нечисть расступилась, очистив им место возле окна. Движения Ловца были невероятно быстрые и мощные. Вблизи от голубого клинка кожу начинало щипать, как на морозе. Ноги Охотника не выдерживали такой бешеный темп. Руки начали предательски дрожать. Липкий пот градом катился по лбу, застилая глаза. Движения замедлились. Юноша уже с трудом отбивал атаки противника. Голубой клинок с неумолимой силой надвигался на него. Не уйти. Меч действительно слишком тяжел. Не хватает

скорости. Николас пропустил последний выпад, надежда оставалась только на силовой щит, но голубой клинок с легкостью пробил его и глубоко вонзился ему в плечо.

— Ну вот и конец. Прощай, глупый мальчишка.

Последние слова Ловца заглушил громкий гул и звон разбитого стекла. Николас удивленно повернул голову в сторону окна и увидел медленно оседающую на пол маленькую фигурку. Сила огромными волнами нарастала в его груди, вот-вот грозя выплеснуться наружу, и смести все на своем пути. Николас обхватил руками впившееся в плечо лезвие. Оно ярко полыхнуло и разлетелось на мелкие кусочки.

— Исаз, что за…? — испуганно пробормотал Ловец. — Этого не может быть. Ты не можешь быть им. Он же умер. Я сам видел.

Рука Охотника взметнулась вверх. Демон зашелся диким воплем. Осколки разбитого клинка поднялись воздух и закружились вокруг него, опаляя своим голубым пламенем. Николас обессилено опустился на пол. Мир погрузился в непроглядную тьму. Стало нестерпимо холодно. Ему еще никогда в жизни не было так холодно. А потом он увидел звезды. Сотни, тысячи звезд на чужом, незнакомом ему небе. Он с трудом поднялся на ноги, опираясь на ледяной постамент, на котором покоился саркофаг. Внутри него лежал мужчина. Сквозь толстую корку льда невозможно было разглядеть черты лица, но почему-то показалось, что он все еще был жив и просто уснул на время. Николас протянул руку, чтобы разбудить его, но вместо этого вдруг обнаружил себя в центре пентаграммы белокаменной церкви Дрисвят. Ловец и его свита исчезли, оставив за собой лишь кучи зловонных полуразложившихся останков. Раздалось громкое хлопанье обтянутых кожей костяных крыльев. Николас поднял голову и увидел, как прямо перед ним приземлился Жнец в дряхлом балахоне с ржавой косой наперевес.

— О, бедняга Исаз, — сказала он, проводя костяной рукой по осколкам голубого лезвия Ловца. — Столько лет провести в рабстве у этих… Ну, хотя бы умер на руках у хозяина, и то радует.

— Вы за мной? — прервал его монолог Николас.

— За вами? — удивился Жнец. — Нет, я только людьми занимаюсь. Хотя… Погодите, коль уж вы здесь, будьте любезны, изгоните эту дрянь из моей души.

— К-какую дрянь? — опешил юный Охотник.

— Вот эту, — ответил Жнец и вытащил из гроба бешено сопротивляющуюся покойницу.

— И как я должен ее изгонять? — задумчиво спросил Николас, глядя в ее бешеные разноцветные глаза.

— Просто приложите руку к ее лбу, — ответил Жнец таким

тоном, как будто он сам должен был догадаться.

Юноша сделал, как было сказано. Из глаз покойницы ручьем хлынула черная жидкость, оставляя на щеках темные дорожки.

— С ней все будет в порядке? — обеспокоено спросил Охотник.

— Не извольте беспокоиться, все будет в лучшем виде. Слово Жнеца, — сказал он, беря Ялинку за руку. — Удачной тебе Охоты…

***

Солнечные зайчики, просачиваясь через щели в плотных занавесках, ласково касались его лица. В комнате было очень тихо. Лишь медленное дыхание спящей у него наго на груди девочки нарушало царивший здесь покой. Николас высвободил руку из-под одеяла и ласково провел по мягким пушистым волосам, приятно щекотавшим кожу. Герда открыла глаза и сладко зевнула. Только сейчас он заметил несколько крупных ссадин на ее лице.

— Что случилось? — тихо спросил он, дотронувшись до небольшого рубца на ее подбородке.

— Я, честно говоря, не очень хорошо все помню, — замялась девочка. — Ночью я потихоньку выбралась из дому и побежала к церкви. Хотела на минутку заглянуть в окно, убедиться, что с тобой все в порядке. Но там… я увидела, как Ловец желаний протыкает тебя своим мечом. Я так испугалась, что ты умер… схватила палку и попыталась разбить окно, но оно оказалось слишком прочным. Тогда я прижалась к стеклу, чтобы получше разглядеть, что происходит внутри. И оно вдруг разбилось. Вдребезги. Я упала… А что было потом, совсем не помню. Мама с папой нашли нас в церкви на рассвете и принесли домой. Я очнулась только на следующий день, а ты проспал еще два.

— Гр-р-р, теперь понятно, откуда взялась эта головная боль, — простонал Охотник, удобней устраиваясь на кровати. — Зачем ты вообще полезла в эту церковь?

— Ну, как же, ты ведь был там совсем один. Сражался за наш город. Кто-то должен был тебе помочь, — тут девочка замолчала и понурилась. — Жаль, что я оказалась такой бесполезной.

— Не говори так, — Николас обнял девочку за плечи. — Ты помогла. Я не знаю, как, но без тебя у меня бы ничего не вышло.

— Правда? — недоверчиво переспросила она.

— Правда. Эй, а где же мое боевое ранение? — Николас вдруг вспомнил, что Ловец ранил его в плечо. Он стянул с себя рубашку, но на нем не было и следа от удара голубого клинка.

— Так он все-таки задел тебя? А мама с папой сказали, что мне все примерещилось, — торжествующе сообщила Герда,

отведя глаза в сторону.

Юноша хотел ей что-то ответить, но тут в комнату вошел Эглаборг.

— Мастер Николас, вы очнулись! — радостно воскликнул компаньон Охотника. — Вы так крепко спали. Мы даже не слышали, как вы дышите. Честно признаться, если бы не Герда, мы бы приняли вас за мертвого.

— Но ведь я жив, — коротко ответил ему Охотник. — Заградский отдал тебе деньги?

— Конечно, отдал. А после того, как отсюда сбежал священник, увидев последствия вашей ночной Охоты, Заградский накинул нам еще пару сотен. Просто так. Чтоб язык за зубами держали. Если он в ближайший месяц не найдет нового священника, то его снимут с поста. А кто захочет ехать в город, где кишмя кишит нечисть?

— Что ж, хорошо, значит, завтра отбываем, — отдал распоряжение Николас.

— Так быстро. Но я думала… — разочаровано пробормотала Герда.

— Да, я и так тут слишком задержался, — ответил юноша, избегая ее взгляда.

Девочка заметно расстроилась и вышла из комнаты.

— Зря вы так с ней, — упрекнул его целитель.

— Если я не уйду завтра, то не уйду совсем, — мрачно ответил ему юноша.

***

Слабость и головная боль еще не до конца прошли, но дорога уже манила его в путь. Эглаборг дожидался у коновязи, пока он прощался с родителями Герды. Самой девочки нигде не было видно. Николас не знал, расстраиваться ему по этому поводу или радоваться. Прощания никогда не давались ему легко.

— Дети, что с них взять, — ответил на немой вопрос юноши Гедымин. — Спасибо вам за все. Если снова будете в наших краях, обязательно заходите к нам в гости. Удачной вам Охоты.

Юноша коротко кивнул, подошел к Эглаборгу и отвязал уже поседланного Лиата.

— Николас, — вдруг послушался за спиной робкий голос. — Я тут, гхм… у нас принято дарить цветы на прощание, поэтому вот…

Заливаясь пунцовой краской, Герда протянула ему букет синих полевых цветов.

— Это васильки. Они такого же цвета, как твои глаза, — смущаясь, пробормотала девочка, глядя в землю.

— Спасибо. Я… — робость оказалось заразной. Николас

никак не мог придумать, что сказать ей напоследок. Он рассеяно сунул руку в карман и снова укололся о вересковую брошь.

— Николас, ты ведь вернешься когда-нибудь? — спросила Герда, покусывая нижнюю губу от напряжения.

— Не знаю, — только и смог выдавить из себя юноша.

— Но меня-то ты не забудешь, обещай, — ее большие серые глаза нехорошо блестели. Николасу показалось, что она вот-вот расплачется.

— Не забуду, — тихо ответил он, доставая из кармана злополучную брошь. — Это… подарок. Чтобы не забыть. Прощай.

С этими словами он вскочил в седло, приложил пятки к конским бокам и медленной рысью поехал прочь. И все-таки он не смог удержать, обернулся, бросая на нее последний короткий взгляд. Она так и осталась стоять, держа его подарок на раскрытых ладонях.

Тайна 3. Священная долина

Искер, Сейбера Веломовия, 1566 г. от заселения Мидгарда,

Уставшие после длительного перехода лошади медленно ступали по натоптанной дороге. Всадники вели их под уздцы, чтобы размять затекшие от долгой езды ноги и дать бедным животным заслуженный отдых. За рекой на высоком берегу уже виднелся Искер, самое большое поселение в диких землях Сейберы, последнее на их пути до самых Снежных Гор.

— Надеюсь, хоть сегодня нам не придется спать на улице. Мои старые кости этого не вынесут, — пожаловался Эглаборг, глядя на гостеприимный серый дымок, клубящийся над трубами добротных бревенчатых срубов.

— Да, думаю, нам удастся устроиться на ночлег у местных жителей, — рассеяно ответил Николас.

В последнее время его мучило какое-то тревожное предчувствие. Он плохо спал ночью, шквалистые порывы ветра доносили до него странные голоса, но слов их было не разобрать.

Путники миновали небольшой бревенчатый мостик через реку и вошли в город. Они оставили лошадей на коновязи. Услужливый конюший тут же накидал отощавшим животным душистого сена, налил чистой колодезной воды. Николас с Эглаборгом постучали в первую попавшуюся им дверь. Из избы выглянул косматый чернобородый мужик в пестром с заплатами на локтях зипуне — явно переселенец.

— Добрый человек, пусти двух уставших путников к себе на ночлег. Мы хорошо тебе заплатим, — с этими словами Николас достал из-за пазухи внушительный кошелек с деньгами.

Глаза мужика алчно загорелись. Местные жители настоящие деньги видели нечасто. Торговать здесь на краю Мидгарда было особо не с кем, а путники из-за Рифейских гор забредали так редко, что люди смотрели на них, как на диковинку. А теперь еще ходили тревожные слухи, что веломовский епископат собрался обложить поселения на Седой реке какой-то непомерно высокой данью. Поэтому эти деньги пришлись бы мужику весьма кстати.

— Проходите-проходите, гости дорогие. Я сейчас сбегаю баньку растоплю. Жена вас щами накормит. Эй, жена! — крикнул он зычным голосом.

Эглаборг радостно улыбнулся и начал с энтузиазмом пожимать мозолистую мужицкую руку. Николас деликатно закашлялся, привлекая его внимание. Прямо к ним приближался небольшой отряд в красно-золотых мундирах веломовской

дружины. Мужик испуганно уставился на незваных гостей. Из отряда отделились двое и подошли к его дому. Оба темноволосые, коротко стриженные, один высокий, нескладный, с несуразными очками на носу, второй ростом пониже, узкий в плечах и бедрах. На мужчину и вовсе не похож.

— Добрый день, — громко поздоровался второй, а скорее вторая, судя по высокому звонкому голосу. — Я капитан передового отряда первой веломовской дружины Александра Оленина. А это младший лейтенант Константин Оленин. Согласно имеющейся в нашем распоряжении грамоте, вы обязаны предоставить нашему отряду кров и пищу.

— Хорошо, заходите, я думаю, еще на двоих места у меня хватит, — задумчиво почесал затылок мужик.

Капитанша недовольно сощурилась, оценивая размеры и вместительность высокого сруба:

— Только для двоих? На мой взгляд, здесь уместится не меньше восьми.

— Но тогда им придется спать на холодном полу. И вот эти достопочтимые путники первыми попросились на ночлег, — озадаченно ответил мужик, указывая в сторону Николаса с Эглаборгом.

Старый целитель решил стать в позу. Дальняя дорога и промозглая погода окончательно его доконали, поэтому он никаким образом не собирался оставаться ночевать на улице:

— Да, госпожа, мы были здесь первыми, так почему бы вам с вашими солдатами не разместиться в других домах и позволить бедным путникам передохнуть с дороги.

Александра смерила его презрительным взглядом. Николас, почувствовав, что все это может закончиться весьма плачевно в первую очередь для них с Эглаборгом, решил вмешаться:

— Прошу извинить моего дядюшку. Его старые кости плохо переносят сырость и холод. Не могли бы вы позволить нам остаться на ночь в доме этого достопочтимого мастера? Мы уже две недели не видели человеческого жилья и очень устали.

— Это не мои проблемы, — ответила девушка, грозно сверкая черными, как уголь глазами.

— Алиса, ну что ты в самом деле? В округе полно домов ничуть не хуже этого. В крайнем случае, мы можем переночевать вместе с ними, — неожиданно пришел им на помощь долговязый лейтенант.

— Нет, Костик, это дело принципа. Я не собираюсь делить кров с этими голодранцами. Какими демонами вас вообще сюда занесло? Уж не в мятежный ли Китеж-град[33] направляетесь? — подозрительно спросила девушка.

Николас с Эглаборгом недоуменно переглянулись:

— Нет, мы паломники, в Беловодье идем.

— Ну, так и живите, как паломники, на улице, — все еще недоверчиво щурясь, ответила девушка и велела мужику проводить ее в дом.

— Вы уж простите мою сестру. У нее из-за этого нового назначения совсем крыша поехала. Да еще от отца так долго никаких вестей не было… — начал неловко оправдываться Костик.

— Ничего страшного, остановимся где-нибудь еще, — попытался успокоить его Николас.

— Вряд ли, насколько я знаю, Алиска сейчас распорядится, чтобы никто в Искере не смел предоставлять вам ночлег, — грустно покачал головой лейтенант.

— Не беда, переночуем на улице за городом, нам не привыкать, — спокойно ответил Николас, игнорируя негодующий взгляд своего компаньона. — Скажи, а ваш отец случайно не знаменитый генерал Оленин?

— Он самый, — угрюмо ответил служивый.

Слава о боевых подвигах генерала Ермолая Оленина гремела по всему Мидгарду. Говорили, что десять лет назад он с дружиной в три сотни человек дошел от Рифейских гор до самого Молочного океана, что омывал берега Мидгарда на востоке и присоединил эти дикие земли к Веломовскому царству.

— И он сейчас тоже где-то в этих краях? — продолжал любопытствовать Охотник.

— Да, он должен был нас здесь встретить, но мы потеряли связь с его дружиной пару недель назад, когда перевалили через Рифейские горы. У нас тут одно очень важное государственное дело. Может быть, он решил выдвинуться в путь, не ставя нас в известность. Такое и раньше случалось. Не понимаю, почему Алиска так беспокоится, — поделился с ними Константин.

— Ну, будем надеяться, что скоро вы с ним встретитесь, — вежливо ответил Николас.

Служивый кивнул, а Николас с Эглаборгом отправились искать место для ночевки на улице. Целитель продолжал ворчать, пока Охотник разводил костер и возился с вещами.

— Не ее проблемы. Тоже мне капитанша нашлась. Место, небось, отец ей выбил. Мы — народ. Дело военных нам помогать, а не выгонять ночевать на улицу, — бубнил себе под нос Эглаборг.

— Перестань, переночуем и здесь нормально, — не выдержал Николас. — Я, например, плохо сплю в четырех стенах.

— Ну да, а на улице вы не спите вообще в последнее

время, — проворчал целитель.

— Эглаборг, сделай милость, не ворчи. Вот, лучше спустись к реке и набери воды, — Охотник протянул ему черный от копоти котелок.

— Нет, я, пожалуй, воздержусь. Там берег крутой, да и вода илом воняет, — заупрямился Эглаборг.

— Ну и демоны с тобой, — в сердцах воскликнул Николас и сам направился к речке.

Берег действительно был очень крутой. Однако это не мешало местным мальчишкам рыбачить, стоя у самой воды. Начинало смеркаться. Николас осторожно сполз с берега к воде недалеко от места, где стояли рыбацкие сети.

— Эй, малышня, в ваши сети попало что-то крупное, — крикнул он, кидая котелок на отмели.

— Да, действительно, смотрите, — позвал товарищей мальчишка, находившийся неподалеку. — Но это-это… это же утопленник! — заикаясь, добавил он, потягивая сети к берегу.

Николас подошел поближе. Запутавшись в сетях на воде лицом вниз лежал утопленник, седовласый мужчина. Остатки красного мундира позволяли с точностью определить, что при жизни он был веломовским офицером. Поднатужившись Николас вытащил мертвеца на берег. Дети побежали обратно в город звать родителей, боясь взглянуть в глаза смерти. И в самом деле — зрелище было не из приятных. От долгого пребывания в воде кожа утопленника сморщилась, покрылась бурыми пятнами и кое-где начала отставать. Седые волосы облезли. Тело сильно разбухло. Не успевшие оторваться нашивки на мундире свидетельствовали о высоком военном чине погибшего. Николас перевернул тело на спину и от неожиданности чуть не скатился вниз к реке. Глаза утопленника были как у живого. Белесые, словно принадлежавшие лапландским вёльвам, они все еще мерцали таинственным светом в ночной тьме. За спиной послышались шаги десятков ног смешанные с шипением горящих факелов. Николас поспешно закрыл мертвецу глаза и обернулся. Громко перешептываясь, тело окружила толпа горожан.

— Смотрите, смотрите, это же… — шепнул на ухо своему соседу один.

— Генерал Оленин, — ахнул другой.

— Он уже не встретит свою дружину в Искере, — мрачно подметил третий.

— Какая нелепая смерть, — ужаснулся четвертый. — Вот так просто утонуть в реке…

Вдруг все голоса одновременно стихли.

— Расступитесь, что здесь происходит? — послышался

звонкий женский голос. — Да пропустите же, я капитан передового отряда первой веломовской дружины, посторонитесь немедля.

Алиса пробиралась через толпу, отчаянно распихивая зевак локтями. Увидев тело отца, она заметно побледнела, тонкие алые губы задрожали. Девушка застыла в замешательстве в одном шаге от утопленника. Алиса сжала кулаки, сорвала с пояса жестяную флягу, сделала глоток и опустилась на колени перед распластанным телом. Она склонилась над самым его лицом и положила руки на бескровные щеки мертвеца. Волосы на голове Николаса неприятно зашевелились от колоссального выброса энергии. Он среагировал мгновенно: сгреб девушку в охапку до того, как она без чувств повалилась на землю.

— Что с ней?.. Баба, что с нее взять… Да, негоже девкам дружиной командовать… Слишком чувствительные они, чуть мертвеца увидят, так сразу в обморок… Чу, это же ее отец был, не совестно вам!..

Закрывая лицо Алисы от любопытных взглядов, Николас поволок ее к избе, где генеральские дети остановились на ночлег.

— Что произошло? — встревожено спросил долговязый Костик, встретив Охотника на пороге дома.

— Ваш отец прибыл, — кинул ему через плечо Николас, занося девушку в дом.

— Как прибыл? Где? — удивился он.

— На берегу. Мои соболезнования, — торопливо ответил ему Николас. Генеральский сын ахнул и со всех ног помчался туда, где гудела толпа искеровцев, совсем забыв о своей сестре.

Николас уложил девушку на лавку, расстегнул узкий мундир и подложил под голову первую попавшуюся под руку одежду. Дверь распахнулась и в дом ворвался запыхавшийся целитель.

— Что стряслось? Что за переполох в городе? — спросил он, изо всех сил пытаясь восстановить дыхание. Эглаборг перевел взгляд на замершую в оцепенении женскую фигуру с абсолютно белыми глазами.

— Она что, ясновидящая? — пораженно ахнул целитель.

— Как видишь, — ответил Николас, снимая с ее пояса флягу. — Скажи лучше, это не то, о чем я думаю?

Эглаборг взял флягу из рук Николаса, открутил крышку и принюхался, потом пролил каплю на руку и лизнул.

— Боюсь, что это именно то, о чем вы думаете, — покачал он головой, закрывая флягу. — Настой кампалы, очень сильный.

— Ну что за дура! — в сердцах воскликнул Николас.

Веки девушки медленно начали смыкаться над белесыми глазами. Грудь с каждым вздохом вздымалась все чаще. Снова

распахнулась дверь. Это чернобородый хозяин дома тащил под руку осунувшегося Костика.

— Сущие дети, честное слово. Негоже таким в дружине служить. А коли война? Коль убивать кого понадобится, а? Ладно, уж сестра твоя, баба все-таки. Но ты-то мужик, а туда же, — ворчал он, пытаясь усадить ослабевшего Костика на скамейку рядом с сестрой.

Алиса, наконец, очнулась и резким рывком села, обводя присутствующих усталым взглядом уже абсолютно обычных черных глаз.

— Это снова вы? — голос все еще с трудом ей повиновался. — Убирайтесь.

— Алиса, пожалуйста, этот юноша принес тебя сюда, когда ты упала в обморок, — попытался возразить ей брат.

— Я не падала в обморок, — упрямо ответила она, потом вдруг сорвалась с места и выскочила на улицу. Ее желудок скрутила жестокая судорога, а потом вывернула наизнанку, исторгая все его содержимое. Собравшись с духом, Алиса вернулась в дом. Бледно-зеленый цвет кожи выдавал, что ей до сих пор было дурно.

— Вы все еще здесь? Я же велела вам убираться! — попыталась закричать она, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Ноги подкосились. Николасу снова пришлось ее подхватить.

— Успокойтесь, вам надо прилечь, — назидательно сказал Охотник.

— Я не могу прилечь. Мой отец, кто-то должен позаботиться о его похоронах, — упиралась Алиса из последних сил.

— Не беспокойтесь. Ваш брат обо всем позаботится, — ответил Охотник, укладывая ее в указанную добросердечным хозяином постель.

— Мой брат даже о себе позаботиться не может. Он не справится, — возразила она. Теперь гнев в ее голосе сменился отчаянием.

— Мы ему поможем. Выпейте-ка лучше это, — Николас подал знак Эглаборгу и тот принес ей чашку горячего отвара.

— Это должно ее успокоить и вывести из организма ту дрянь, которой она себя травит, — шепнул Николасу на ухо старый целитель. Охотник коротко кивнул, глядя, как девушка жадными глотками осушает горячее питье.

Кампала — полевое растение с белыми, похожими на маленькие колокольчики, цветами, которые источают дурманящий запах. В большой концентрации этот запах способен вызывать жуткие галлюцинации, сводящие человека с ума.

Правда, некоторые веломовские и лапландские шаманы верили, что настой из этого растения расширяет сознание, позволяя заглянуть дальше, чем позволяют обычные способности ясновидящих и медиумов. Поэтому именно они чаще всего злоупотребляли этим зельем.

Николас видел последствия от приема кампалы в Лапландии, да и Гвидион, его старый учитель-друид, в свое время в красках описывал захваченных кампальным экстазом оракулов прошлых лет.

Эглаборг, великолепно разбирающийся в травах и их воздействии на человека, утверждал, что кампала истощает и обезвоживает организм человека, заставляя его работать на пределе своих возможностей. Отсюда, по его словам, брались и галлюцинации, и пресловутое расширение сознания.

Алиса меж тем успокоилась, обмякла, ее веки потяжелели и сомкнулись, погружаясь в глубокий сон без сновидений.

Николас не солгал ей, когда сказал, что поможет генеральским детям похоронить их отца. Кто-то из искеровцев одолжил им холщевый саван для похорон. Дружинники соорудили носилки и на следующий день перенесли разбухшее и отяжелевшее тело к указанному Николасом топкому месту в лесу. Прощались долго. Снимали шапки, говорили красивые речи о былых ратных подвигах генерала, пили крепкую настойку из жестяных фляг за упокой души. Лишь Константин молча смотрел на обезображенное смертью тело своего отца. Николас в чем-то понимал его. Что эти люди знали об этом человеке, который сейчас лежал бездыханным уродливым телом на деревянных носилках? Для одних он был всего лишь главнокомандующим, поставленным на эту должность кем-то сверху. Для других — узурпатором, принесшим в этот край чужую веру и обложивший непомерной данью далекому веломовскому престолу. Насколько искренними могли быть их речи?

— Странно, — вдруг очень тихо прошептал Константин, когда настал его черед прощаться с отцом. — При жизни у него практически не было седых волос, а сейчас они все белые…

Николас задумчиво посмотрел на тело, но тут по толпе волной прошел шепот. С трудом переступая на негнущихся ногах, к ним шла Алиса. На бледном лице черные круги под глазами казались особенно яркими. В руках она крепко сжимала букет нежно-голубых паладинников, цветов, которые традиционно приносили на похороны Стражей. Николас с Эглаборгом потратили все утро на их поиски, но так не нашли ни одного. А генеральская дочка достала где-то целый букет. Алиса склонилась над самым телом отца и положила ему на грудь

цветы. Дружинники, поднатужившись, подтолкнули носилки к трясине. Коричневая жижа медленно распахивала свою прожорливую пасть, с аппетитом поглощая предложенную ей жертву. Тело генерала постепенно погружалось на дно. Алиса одиноко стояла на самом краю трясины и с тоской смотрела на него.

— Подойди к ней, — Николас пихнул Константина в бок.

— Зачем? Она снова начнет браниться, — возразил генеральский сын.

— Подойди, тебе говорю. Не видишь, она еле на ногах стоит! — с этими словами Охотник подтолкнул вперед оробевшего Константина.

Тот подхватил девушку под руку, и, бросив последний взгляд на поглотившее его отца болото, повел сестру обратно в Искер.

Вечер этого дня выдался очень холодным и ненастным. Небо затянули свинцовые тучи. Дул холодный порывистый ветер. Приближалась буря. Алиса на этот раз совершенно добровольно отправилась отдыхать. Она надеялась, что завтра им удастся отправиться в путь.

Николаса сильно обеспокоила трагическая гибель генерала Оленина. Чтобы справиться с бывалым воякой, искусным фехтовальщиком и кулачным бойцом, да к тому же, судя по всему, Стражем с даром ясновидца, нужна была поистине колоссальная сила и ловкость. А некоторые случайно брошенные слова его сына и странное поведение дочери натолкнуло юношу на мысль, что за этой историей что-то кроется. Кроме того, Охотник до сих пор не знал, какое задание выполняли элитные веломовские дружинники в этой глуши.

Константин, сгорбившись, сидел на лавке, и намечал какой-то маршрут на карте. Эглаборг разбирал только что собранные им мхи и лишайники. От кипевшего на печке котла исходил странный дурманящий запах, от которого голова становилась чугунной и очень хотелось спать. Николас марал уже десятый лист в своем альбоме, пытаясь по памяти изобразить тело погибшего генерала. Решив остановиться прежде, чем он испортит очередной набросок, Николас отложил альбом в сторону и подошел к целителю.

— Эглаборг, помнишь то зелье, которое ты сварил пару недель назад, когда мы только спустились с Рифейских гор? — тихим шепотом спросил он.

— Это после которого от нас даже волки шарахаться стали? — переспросил он, поглощенный изучением своих трофеев.

— Нет, после которого мы всю ночь вели задушевные

беседы, — поправил его юноша. — Сможешь сделать его еще раз?

— Смогу, — пожал плечами целитель.

— Так сделай, — ответил Николас, украдкой наблюдая за юным лейтенантом.

Поняв его затею, Эглаборг недовольно поморщился, повернулся к котлу и высыпал туда щепотку ядовито-желтого порошка, помешал, затем добавил каких-то трав. Через пять минут зелье начало кипеть. Эглаборг разлил его по кружкам, предварительно добавив в две из них по капле вязкой, желеобразной жидкости.

— Мастер Константин, не хотите угоститься нашим травяным отваром? Он должен придать вам сил перед предстоящей вам завтра дорогой, — сказал целитель, передавая юноше одну из чашек.

— О, благодарю, — рассеяно ответил лейтенант, отрываясь от карты.

Константин поднес кружке к лицу и вдохнул сладкий кружащий голову аромат. Сделал первый глоток.

— Очень вкусно, — похвалил он пряный отвар целителя.

Напиток Эглаборга и Николаса пах совсем по-другому. Чтобы не вызывать подозрений, Охотник тоже отпил из своей кружки и еле сдержался, чтобы не выплюнуть тошнотворное зелье обратно. Охотник бросил недовольный взгляд на своего компаньона, но тот лишь развел руками. Весь его вид красноречиво говорил: "Сам хотел, чтоб я ему это пойло сделал, так теперь терпи".

— А можно вопрос, — осторожно начал Николас, проверяя действие зелья. Константин медленно кивнул, поудобнее устраиваясь на лавке. — Куда вы идете? Может, мы сможем присоединиться к вашей компании. Все-таки путешествовать с дружиной по этим местам куда как безопасней.

— Пожалуй, что и сможете. Наш путь лежит в долину Агарти в Снежных горах, — ответил он, расслабляясь под действием зелья. Эглаборг бросил встревоженный взгляд на Николаса. Тот старался вести себя как можно более непринужденно.

— Но долина находится на территории Поднебесной, — выразил свое удивление Охотник.

— Только южная ее часть. От храма Шамбалы[34] все земли принадлежат Веломовскому царству, — поправил его лейтенант.

— Но зачем вам долина? Там же нет ничего, кроме гор и заброшенного храма, — продолжала вытягивать из него информацию Охотник.

— Ничего, кроме мятежного Китеж-града, — переходя на шепот, ответил Константин.

— Китеж-град? Кажется, твоя сестра о нем упоминала, когда

мы впервые встретились. А против чего мятеж-то? — стараясь звучать как можно более непринужденно, спросил Николас.

— Против того же, чего и всегда. Против Единой веры. С момента принятия царем новой религии туда стали стекаться все недовольные с Веломовских земель. Построили свой город. Надеялись укрыться в окруженной кольцом высоких гор долине от Защитников Паствы и Веломовской дружины. Еще пару лет назад, когда бунтовал Северо-западный край, и шла война с Эламом, до них никому и дела не было. А сейчас все воде немного успокоилось, вот и на этих бедолаг вдруг внимание обращать стали, — наконец-то разговорился юноша.

— А ты, я вижу, не очень доволен вашим назначением.

— Я вообще недоволен, что отец следом за Алиской запихнул меня на эту службу. Я бы с удовольствием изучал науки в Университете или паломничал, как вы. А китежцев мне просто жалко. Ведь знаете, может, я тоже когда-нибудь окажусь среди них, загнанных и обездоленных. У меня иногда бывает… как же это они называли, предвидения. Часто, я угадываю, кто стоит за дверью, где искать пропавшего ребенка или куда ведет та или другая дорога… — он ненадолго замолчал. — В детстве мама рассказывала мне, что у ее прабабки был особый дар. Она могла предсказывать будущее. И я унаследовал от нее частичку этого великого дара.

— А твоя сестра, она тоже может будущее предсказывать? — отринув всю осторожность, поинтересовался Николас. Кажется, зелье Эглаборга подействовало на генеральского сына достаточно сильно.

— Кто, Алиска? — удивленно спросил Константин и громко рассмеялся. — Да она бы от горя удавилась, если бы у нее был дар. Истинная единоверка. Верноподданная Веломоской короны. Любимая папина дочка. Для него всегда существовала только она, вся такая правильная и послушная. А я был пустым местом, никем. Знаете, как тяжело, когда твой собственный отец смотрит на тебя и не видит, не понимает, не хочет понять?

Николас по-братски положил руку ему на плечо:

— Знаю. Мне ли не знать. Мой отец такой же. Раньше я думал, что он даже не пытается меня понять, но сейчас все наши ссоры кажутся такими глупыми. Когда мы прощались с ним, я даже не смог заставить себя сказать ему последнее прости. И теперь жалею… Когда мой путь завершится, когда я достигну последней точки своего путешествия, то вернусь домой, обниму малышку Лизи, и попрошу прощения у отца за то, что был таким несносным сыном.

— Жаль, что мне этого сделать не удастся, — печально

ответил Константин и не смог удержать слез.

— Но у тебя еще есть сестра.

— Алисе никто не нужен, вы же видите. Я для нее обуза.

— Это не так. Может, она этого не говорит, но ты ей очень нужен. Особенно сейчас.

Константин бросил взгляд на закрытую дверь, за которой спала Алиса. Тяжело вздохнув, он поднялся и зашел в ее спальню:

— Алис, ты не спишь?

— Уже нет, — проворчала она сонным голосом.

— Алис, я маршрут составил до Китежа. На этот раз точно верняк, — не унимался брат.

— Хорошо, я завтра гляну.

— Алис, можно я здесь переночую? — девушка удивленно подняла голову с подушки.

— Валяй, только, чур, не храпеть, понял? — махнула она рукой и перевернулась на другой бок.

Константин запер за собой дверь, оставив Николаса и Эглаборга одних.

— Ну что, узнали, что хотели, мастер Николас? — поинтересовался целитель, укладываясь на лавку у печи

— Не совсем. Только то, что Константин и сам толком ничего не знает. Может, ему хотя бы удастся договориться, чтобы мы пошли вместе с дружиной, — ответил Николас, снова раскрывая свой альбом.

— По мне так лучше путешествовать одним, — проворчал Эглаборг, накрываясь дорожным плащом.

Охотник ничего не ответил. Его рука уже скользила по листу бумаги.

— Мастер Николас, не слепились бы вы, а шли спать. Поди уже пятую ночь без сна ходите, — посетовал Эглаборг, замечая, что его компаньон и не думает ложиться.

— Ладно, подожди пару минут, пока я закончу, — быстро согласился тот.

Николасу удалось задремать лишь под утро. Это был чуткий беспокойный сон, когда ты находишься на грани мира грез и безмолвия и никак не можешь туда окунуться. В конце концов, бессонница победила. За дверью раздавались тихие голоса. Охотник открыл глаза и прислушался.

— Алис, а давай все бросим и вернемся домой, в Стольный-град. Отец ведь все равно нас не упрекнет… уже.

— Нет, я обещала ему дойти до Китежа во что бы то ни стало. И в Стольный мы вряд ли вернемся. Отец перевел все наше имущество в Северный перед отъездом. Лучше давай твою карту посмотрим… Так, хорошо, по правому берегу до запруды, дальше

обойдем топи чуть севернее, потом снова на юго-восток до Беловодья… А вот здесь могут быть оползни. Но, кажется, другого пути в долину нет. А ты молодец, Костик, хорошая карта получилась.

— Алис?

— Костик, не мнись, я этого не люблю. Говори напрямик.

— Наши соседи, паломники, они спрашивали позволения дойти с нами до Беловодья.

— Кто бы сомневался… А что еще они у тебя спрашивали?

— Да так, ничего особенного. Про службу и про Китеж. Алис, ну хватит уже видеть за каждым кустом врагов. Вспомни, как они помогли с похоронами отца.

— Вот это-то и подозрительно. Ох, Костик, не паломники они.

— Но почему?

— Потому, ладно, ты все равно не поймешь.

На этом голоса затихли. Скоро пришел чернобородый хозяин дома с охапкой дров. Растопил печь, растолкал сладко похрапывавшего Эглаборга, накормил своих постояльцев и деликатно удалился, чтобы не мешать им собираться. Возле коновязи наготове стоял весь передовой отряд. Николас подошел к Алисе, пока Эглаборг седлал их лошадей.

— Зачем вы идете в Китеж? — спросила капитанша.

— Я же сказал, мы идем не в Китеж, а на Беловодье, — возразил Николас.

— Кроме минеральных вод на Беловодье ничего нет. И я ни за что не поверю, что вы проделали весь путь из Лапландии только для того, чтобы совершить омовение, — с вызовом сказала она.

— С чего ты решила, что мы из Лапландии?

— Просто догадка.

— Неверная догадка. Я не из Лапландии.

Девушка бросила на него оценивающий взгляд, лоб мгновенно прорезала глубокая морщинка, глаза подозрительно сузились:

— Неужели с Авалора?

Он медленно кивнул.

— Это не отменяет моего первого вопроса. Зачем вам в Китеж?

— Еще раз повторяю, мы идем не в Китеж. Нам нет дела до ваших бунтующих городов. Мне просто надо в долину Агарти. И мы пойдем вместе с вами, если ты не хочешь, чтобы весь Искер услышал о вашей маленькой семейной тайне.

Рука девушки легла на эфес приторочennой к поясу сабли. Губы сжались в тонкую линию.

— А еще твоему брату будет полезно узнать, что за дрянью ты себя травишь, — вкрадчиво произнес Охотник, глазами указывая на жестяную флягу.

Алиса заметно вздрогнула.

— Так и быть, идите с нами. Но если вы еще раз воспользуетесь доверчивостью моего брата, не сносить вам головы, — Алиса смерила Охотника презрительным взглядом и вернулась к своему отряду.

Начался затяжной переход по дикому краю. Дождливую осень сменила холодная зима. Реку сковал пока еще тонкий лед, а топкие берега замерзли и стали тверже камня. По ночам где-то вдалеке раздавался тоскливый волчий вой. Холодная, мерзлая земля лежала перед ними мертвым телом с пустыми глазницами в ожидании, когда ее, наконец, укроет белым саваном первый снег. Но его все не было. Беловодье — минеральный источник у подножия Снежных гор — встретил путников гробовой тишиной, нарушаемой лишь эхом их шагов.

— И что же вам тут было нужно, господа паломники? — не преминула подколоть их капитанша, глядя на свое отражение в зеркальных ледяных глыбах, приглаживая короткие, слегка курчавые темные волосы.

— Ну как же, взгляните, разве вы не видите, что перед нами природный источник минеральной воды. В народе ее часто называют "живой водой" или "водой жизни". Она обладает поистине уникальными свойствами, — Эглаборг разбил тонкий слой льда и набрал воды в свои фляги.

От источника поднимался не очень приятный запах, как будто от тухлых яиц.

— По слухам, это вода излечивает болезни живота, головные боли, выводит из тела отраву и восстанавливает мужскую силу, — с этими словами целитель сделал глоток из фляги. — Солененькая! Кто еще хочет попробовать?

Константин простодушно выступил вперед.

— Здорово! В жизни ничего такого не пил. Алиса, и ты попробуй, — девушка скептически посмотрела на флягу и сделала один осторожный глоток.

В это время целитель силой заставлял Охотника испить "живой воды". Алиса с Николасом одновременно закашлялись и выплюнули мерзкое пойло.

— Действительно соленая, прямо как сопли, — сообщил Николас, прополаскивая горло родниковой водой из своей фляги.

— Гадость, фу-фу-фу, — причитала Алиса. — От этой дряни, небось, еще и зубы портятся.

— Хм, а это вполне вероятно. Надо бы проверить, —

задумчиво ответил Эглаборг.

— Только не на мне! — одновременно сказали Николас с Алисой.

Константин сочувственно пожал плечами.

— Так что, ваша миссия закончена? Теперь вы уберетесь восвояси? — злорадно поинтересовалась Алиса, когда Эглаборг закончил экспериментировать с водой.

— Ну, коль уж мы зашли далеко, то поворачивать обратно нет смысла. Мы поедем с вами дальше до Снежных гор, — ответил Николас, с вызовом глядя на капитаншу.

— Послушай, мальчик, не надо испытывать мое терпение. Мне ничего не стоит приказать своим солдатам взять вас под стражу за пособничество бунтовщикам из Китежа, — угрожающим шепотом ответила она.

— Послушай, девочка, не надо так со мной разговаривать. Это не я травлю себя дурманящим зельем и кидаюсь на всех встреченных путников. Такими темпами ты эту дружину в долину не проведешь, — Алиса недовольно сощурила глаза. — До сих пор мы ничем вам не мешали. Даю слово, что не встану на твоем пути, когда мы доберемся до долины Агарти.

— И чего же стоит слово голодранца?! — спросила она.

— Зато слово Стража стоит дорого. Да ты ведь и сама не хуже меня это знаешь, — вкрадчиво сказал он, глядя ей прямо в глаза.

— Ладно, демоны с вами… Но если вы станете помогать бунтовщикам, — Алиса красноречиво сверкнула глазами и дала сигнал дружине двигаться дальше.

***

Горы оправдывали свое название. Первый снежинки застали их еще у подножия. Они белым роем носились по воздуху, кружились вихрем над головами и укрывали землю мягкой пушистой периной. Легкие обжигал морозный воздух. Весь мир в одночасье превратился в царство белого снега. Лошадям приходилось задирать ноги все выше и выше, чтобы пробираться сквозь высокие сугробы. Громко завывал ветер. Метель усилилась. Начинался буран.

Алиса спрыгнула со своего коня, сняла с пояса флягу, открыла ее и поднесла к носу.

— За мной. В пятистах шагах отсюда есть пещера. Там и переждем.

Солдаты, за долгие месяцы пути, привыкшие к чудесному таланту своей капитанши безошибочно ориентироваться на открытой местности, послушно направились за ней.

Пещера оказалась достаточно просторной, чтобы уместить весь отряд. Дружинники развели костер, поужинали и улеглись

спать, завернувшись в теплые походные одеяла.

Усталость от длинного перехода сделала свое дело. Бессонница отступила. Но Охотник продолжал спать все так же чутко, просыпаясь от любого шороха. К рассвету метель стихла. Величественные Снежные горы погрузились в первозданную безмятежность. Алиса проснулась первой, натянула сапоги, посильнее запахнула куртку и вышла на улицу. Снег искрился и переливался разными цветами, окрещенный ярким восходящим солнцем. Легкий мороз колол щеки. Девушка сладко потянулась.

— Красиво здесь, — сказала она, показывая, что знает о его присутствии.

— Если ты любишь снег, — пожал плечами Николас.

— А ты не любишь? — слегка удивилась Алиса, и, оставляя глубокие следы, пошла куда-то к краю плоской смотровой площадки.

— Не знаю. На Авалоре снег выпадал не так часто и всегда вызывал у меня тоску, — пожал плечами Николас, останавливаясь у обрыва рядом с девушкой.

Она нахмурила брови и смотрела куда-то вдаль, как будто пыталась разглядеть что-то, доступное только ей.

— Что такое? Что там? — забеспокоился Охотник. Он не увидел, а скорее почувствовал перед собой нечто странное, неосязаемое.

Алиса оторвала взгляд от горизонта, повернулась к обрыву спиной и попыталась рассмотреть что-то через свое плечо.

— Пространственная воронка, — ответила она, вновь поворачиваясь к обрыву. — Здесь определенно находится пространственная воронка.

Она сняла перчатки и начала щупать воздух перед собой.

— Воронка? — удивился Николас.

Гвидион рассказывал ему о том, что великие ясновидящие древности умели создавать пространственные воронки и временные вихри. Они могли служить как порталом в труднодоступное место, так и непроходимой преградой в виде бесконечного лабиринта искаженного пространства и времени.

— Да, думаю, это прямой путь до Китежа, — уверенно ответила Алиса, погружая свою руку в незримую дыру.

— Но ты же не станешь им пользоваться? — с надеждой спросил Николас. — Ты ведь не знаешь, что там с другой стороны.

— И все же я рискну, — Алиса заученным движением сорвала с пояса флягу и приложила к губам. Ее глаза закатились и стали белыми, как снег. Затаив дыхание девушка сделала шаг с обрыва. Николас едва успел схватить ее за руку, как они вместе рухнули

на твердую землю. Охотник приподнялся на руках и встал на ноги. Алиса продолжала лежать, пытаясь восстановить дыхание. Николас огляделся. Они оказались на небольшом плато, посреди которого мрачно высились руины древнего неведомого города.

— Это и есть твой Китеж? — удивленно спросил он у распластанной на земле девушки.

Все еще тяжело дыша, она села, опираясь на руки:

— Нет, не думаю. Китеж был основан перед самой войной за веру, а эти руины выглядят намного старше. Зачем ты схватил меня?

— Я испугался, что ты можешь не вернуться, — честно ответил он, помогая девушке встать на ноги.

— А теперь не вернемся мы оба, — сухо отметила девушка, глядя по сторонам. — Воронка исчезла.

— Я заметил, — ответил юноша, разглядывая остатки каменной кладки, возле которой они вышли их воронки.

— Мы в неделе пути к югу от нашего лагеря. Они нас никогда не найдут, — в отчаянии вскрикнула девушка.

— Зато мы их найдем, прекрати паниковать. Ты ведь капитан передового отряда Веломовской дружины, — пристыдил ее Николас.

— Но у нас нет ни воды, ни провианта… Хорошо хоть оружие осталось, — продолжала причитать девушка.

— Алиса, такие города обычно строят у воды. Если ты чуть-чуть успокоишься, то я уверен, что мы найдем ее, — повышая голос, ответил юноша.

— Как? Я же ясновидящая, а не какой-нибудь деревенский лозоходец[35], - девушка никак не хотела заканчивать свою истерику.

— Хорошо, тогда я найду воду без помощи ясновидящей и лозоходцев, — не выдержал Николас и скрылся в каменных развалинах.

Алиса осталась ждать его на том же месте. Кампала начала выветриваться и ее мысли обрели былую ясность. Она закрыла глаза и почувствовала, что кроме нее и Николаса здесь есть кто-то еще. Он бесшумно ступал по голой земле, притаившись за каменными стенами, словно выжидая своего часа.

— Вот вода, — Охотник вернулся и подал ей свою флягу. Она жадно впилась в нее, забыв о благодарности.

— Здесь кто-то есть. Кто-то живой. Кто-то опасный, — сказала Алиса, когда утолила свою жажду.

— Я заметил, — мрачно ответил Николас. — Эй, выходи, кто бы ты ни был!

— Что ты делаешь, идиот? А вдруг это дракон, — испуганно

зашипела на него девушка.

— Хорошо бы, если это действительно был дракон. Но, к сожалению, они водятся только на самом южном склоне Снежных гор. Здесь для них слишком холодно, — скептично заметил Охотник. — Думаю, это кто-то другой.

— Николас! — испуганно вскрикнула девушка, глядя ему за спину.

Охотник обернулся. Перед ним стояло огромное в три аршина ростом животное. Внешностью оно чем-то напоминало лося с покрытым голубовато-зеленой чешуей телом. Мохнатые светло-коричневые ноги были толщиной с десятилетнюю ель. Вытянутая морда с козлиной бородкой увенчана небольшими, развернутыми вперед рогами. Зверь оценивающе глядел на юношу своими круглыми желтыми глазами. Недовольно раздувая ноздри, неведомое животное ударило копытом по земле, и, направив свои рога на юношу, кинулось вперед. Николас едва успел отпрянуть и выхватить меч. Зверь с чудовищной ловкостью развернулся на задних ногах и снова пошел в атаку. Клинок со звоном ударился о рога животного и отскочил, не оставив на них ни царапины. Юноша метнулся в сторону от направленных на него копыт. Алиса, видя, что зверь занят схваткой с Николасом, с саблей наголо зашла к нему в тыл. Заметив ее движение, животное мгновенно развернулось и отбило клинок рогами. Не теряя времени, юноша со всех сил рубанул мечом по зеленому крупу. Клинок отскочил с оглушительным звоном не оставив на прочной, как камень чешуе, и царапины. Животное снова резко развернулось и застало юношу врасплох. Задние ноги задержал силовой щит, но от удара Охотника отбросило на несколько десятков шагов назад. Он упал на землю и некоторое время не шевелился, надеясь ослабить бдительность неприятеля. Зверь сосредоточил все свое внимание на Алисе, пытаясь достать до ожесточенно защищавшейся девушки то рогами, то копытами. Дождавшись, когда зверь занял удобное положение спиной к Николасу, Охотник резко вскочил на ноги и одним ловким движением, усиленным левитацией, оказался на спине у зверя. Животное угрожающе затрубило. Николас чуть было не соскользнул к нему под копыта, но вовремя успел вцепиться ему в шею. Зверь подпрыгнул и начал извиваться всем телом, пытаясь сбросить с себя непрошенного седока. Это дало Алисе долгожданную передышку. Девушка сорвала с пояса флягу и зубами открутила крышку.

— Не делай этого! — предупреждающе крикнул юноша, изо всех сил цепляясь за скользкую чешую.

— У него есть какое-то уязвимое место! — крикнула ему в

ответ капитанша. — Только так я смогу узнать, где оно!

— Нет, стой! — в отчаянии завопил Охотник.

Но было уже слишком поздно. Девушка уже сделала глоток. Зверь перевернулся, едва не придавив Николаса своим тяжелым телом. В этот момент Алиса ринулась к ним с мечом наголо, целясь по открывшемуся светлому брюху. Но животное с молниеносной скоростью вскочило на ноги и ударило девушку прежде, чем она успел перегруппироваться для защиты. Белые рога окрасились алой кровью. Алиса упала, схватившись за раненый бок. Животное подняло голову, посмотрело в испуганные глаза девушки и неожиданно отступило. К тому моменту, как юноша поднялся с земли, оно уже умчалось прочь.

Николас подошел к Алисе и помог ей сесть.

— Подай флягу! — потребовала она.

Николас безропотно подошел к валявшейся на земле фляге, открыл ее и вылил всю темно-бордовую жидкость на землю.

— Что ты натворил! — чуть не плача закричала девушка. — Ты что не видишь, я умираю! Это бы хоть чуть-чуть облегчило мои страдания!

— Я сделал то, что должен был сделать еще в Искере. И прекрати на меня орать! — тем же тоном ответил ей Охотник и скрылся за развалинами.

Алиса попыталась подняться, но резкая боль в боку не позволила ей этого сделать.

— Сиди спокойно, а то потеряешь еще больше крови, — прикрикнул на нее Николас, возвращаясь с полной родниковой воды флягой. — Сейчас я попробую промыть твою рану и наложить повязку.

— Лучше бы просто дал мне кампалы, — сказала она, морщась от боли.

Николас промолчал. Кровь никак не хотела останавливаться. Юноша очень жалел, что рядом нет Эглаборга. Тот бы мгновенно сумел справиться с кровотечением, а от его телекинеза не было никакого прока.

— У тебя активный дар, тебе не понять. А мне для того, чтобы использовать ясновидение нужно зелье, — ответила Алиса слабеющим голосом.

— Но оно же тебя убивает. Разве ты не видишь, как оно иссушает твое тело и затмевает разум? — покачал головой Николас. — Я уверен, что твой отец бы не позволил тебе пить это зелье.

— Не позволил, ты прав, — грустно согласилась девушка. — Но он мертв… мертв, потому что я не смогла его защитить.

— У тебя было видение? Ты знаешь, от чего он умер? — тихо

спросил юноша, разрывая свою нижнюю рубашку на тряпки для перевязки.

— Очень смутное… Ночь, суета, какие-то тени. Фигура в длинном сером плаще… — ответила она, погружаясь в воспоминания. — Мне даже видеть не надо было. Я и так знаю, кто его убил. Магистр Защитников Паствы Веломовии…

— Алиса, я понимаю твои чувства, но я всерьез не уверен, что… — начал было Охотник, но девушка оборвала его на полуслове.

— Зато я уверена, и мой отец был уверен… Перед самым нашим отъездом из Стольного, Магистр несколько раз приходил к нам. Он требовал, чтобы отец подчинился какому-то его приказу, но на то не было высочайшей воли царя. Поэтому отец отказался. Тогда Магистр стал ему угрожать. Не знаю, что тот говорил отцу, но он вышел после этого разговора бледный, как смерть. И отправил нас с братом сюда, на свою старую родину. Сказал, что мне пришло время отправиться на Охоту, конечной целью которой станет Китеж-град, что лежит в священной долине Агарти.

— Твой отец был из этих мест? — несказанно удивился юноша, заканчивая перевязку.

— Да, об этом мало кто знает. Отец никогда особо не распространялся о своем прошлом.

— Перед смертью у твоего отца было видение. Его глаза были бледными, как у тебя, когда ты пила эту дрянь. И волосы… Константин сказал, что при жизни у твоего отца почти не было седых волос. А когда я его нашел, он был весь белый. Алис, телепаты, пусть даже самые сильные, так не убивают, — Николас тяжело опустился рядом с девушкой.

— Значит, ты никогда не видел Магистра. Он не обычный телепат… Его глаза, один — зеленый, другой — голубой. Это не человеческие глаза. От одного их взгляда кровь тынет в жилах и хочется бежать на край света от страха…

— Алис, ну не можешь же ты всерьез утверждать, что Магистр демон, только потому что тебе не нравятся его глаза, — Николас встал, отряхивая штаны от пыли.

Он не хотел рассказывать Алисе о Ловце Желаний из Веломовии. Его терзало какое-то смутное предчувствие, которым он не хотел ни с кем делиться.

— Ладно, я пойду поищу чего-нибудь съедобного, а ты сиди тут и никуда не двигайся, чтобы рану лишний раз не тревожить.

— Николас, боюсь мне это уже не поможет. Какой бы слабой ясновидящей я ни была, но уж приближение собственной смерти я способна предчувствовать, — с сожалением глядя на него,

ответила девушка. — Долина Агарти лежит за той грядой, всего в двух днях пути. Оставь меня и заверши свою Охоту. Пусть хоть один из нас станет настоящим Стражем.

— Я тебя не оставлю, — упрямо ответил юноша и отправился искать еду.

Николас поднялся вверх по небольшому склону. На невысоком кустарнике все еще висели гроздья крупных темно-бордовых ягод. "Знать бы еще, что они не ядовитые", — подумал про себя юноша, но заметив, что некоторые ветки уже обглоданы животными, попробовал одну. На вкус ягода напоминала рябину. За неимением лучшего, Николас набрал ягод и поспешил вернуться обратно к Алисе.

На плато царила гнетущая тишина. Напавший на них зверь был где-то рядом. Николас явственно чувствовал его присутствие среди безмолвных камней. Прибавив шаг, юноша выбежал на площадку. Зверь стоял рядом с Алисой. Он зубами сорвал с нее бинты и вылизывал рану огромным языком. Глаза девушки были плотно закрыты. Скорее всего, она потеряла сознание.

"Ну, нет, живым я тебе ее не отдам!" — в отчаянии подумал про себя Николас и, выхватив из-за спины меч, ринулся прямо на зверя. Тот резко повернул голову и уставился светящимися желтыми глазами прямо на юношу. Охотник застыл в оцепенении.

— Опусти оружие, Страж, я не причиню ей зла, — высоким голосом сказал ему зверь.

— Но ведь это ты ее ранил. Почему я должен тебе верить?

— Потому что без моей помощи ей все равно не выжить, — спокойно ответил зверь и снова принялся вылизывать рану на боку Алисы.

Все еще держа меч наготове, юноша подошел к ним поближе. Кровотечение остановилось. Рана прямо на глазах затягивалась темной коркой. В некоторых местах кусочки начинали отваливаться, и из-под нее выглядывала молодая розовая кожа. Зверь продолжал вылизывать рану, пока она полностью не исчезла.

— Кто ты? — спросил Николас, когда тот оторвался от своей работы.

— Я Кирин[36], слуга благостного и милостивого Западного Ветра Тангрума, — с достоинством ответил зверь.

— Благостного и милостивого? А я-то думал, что западный ветер самый скверный из всех. Он всегда приносит за собой бурю, шторм и ураганы.

— Что? Откуда ты знаешь эти слова? — Кирин на мгновение растерялся. Он окинул взглядом юношу с головы до ног, а потом начал обнюхивать и пробовать на вкус одежду.

— Эй, перестань! Я сказал первое, что в голову пришло, — начал отбиваться от назойливого зверя Николас.

— О, извини… просто ты какой-то странный, — Кирин смутился и оставил Охотника в покое.

— Так зачем ты на нас напал? И что насчет твоего хозяина? Это он тебя послал? — Николас поспешил перевести тему. Ему не очень нравились все эти разговоры о его странностях.

— Мой хозяин? Нет, он погиб много столетий назад, — понурив голову, ответил зверь. — Теперь я защищаю Китеж-град от незваных гостей. А на этой девочке была форма веломовской дружины. Вот я и не признал в ней кровь хана Буранбая и напал на вас. Вы уж простите меня, стар я стал. Нюх уже не тот, что пару тысяч лет назад. А скажи, хан скоро вернется к нам? Матушка Умай уж совсем его заждалась.

— А кто такой этот хан Буранбай?

— Ну, как же, хан Буранбый был главой Стражей Сейберы до Войны за веру. Это он увел своих людей в священную долину Агарти, основал здесь Китеж-град и попросил нас охранять это место от непрошенных гостей. А потом ушел, не сказав никому ни слова.

— А это ваш Буранбай был ясновидящим? — Николаса поразила странная догадка.

— Да-да, ясновидящим, иначе бы он никогда не нашел священной долины. Так что, ты его видел?

— Видел, но боюсь, что он уже больше никогда не вернется, — грутно ответил Охотник.

— Жаль… Людской век так короток, — грустно вздохнул Кирин. — Тогда зачем вы здесь? Вы ведь не соглядатаи веломовцев?

— Нет, — поспешил заверить его юноша. — Мы шли на Охоту. Это Алиса, дочь вашего хана Буранбая. Китеж-град был последней точкой ее Охоты. А я Николас Комри, моим назначением была сама священная долина Агарти.

— Так вы молодые Стражи? — взгляд зверя тут же потеплел. — Что ж, тогда я помогу вам. Садитесь быстрее мне на спину. Я мигом домчу вас к Матушке Умай. А она уж решит, что с вами делать.

Кирин подогнул ноги и опустился на землю. Взяв Алису на руки, Николас взобрался ему на него.

— А теперь держись, — крикнул зверь юноше и помчался вперед.

Ноги чудесного животного практически не касались земли. Он будто плыл по воздуху, а не бежал, одним скачком преодолевая расстояние в две версты. В закатных лучах солнца

они перевалили через высокую заснеженную горную гряду и спустились в священную долину Агарти, край вечной весны.

После суровой и холодной Сейберы, эта земля действительно казаласьчудесной сказкой, блаженным вырием, куда устремляются птицы на зиму. Повсюду пышным ковром цвели полевые цветы. Ласково журчали ручейки. От теплых источников до неба поднимался пар. Соловьи на ветвях карликовых деревьев выводили мелодичные трели.

Кирин остановился у пестрой юрты на входе в долину и снова лег на землю. Алиса все еще не пришла в сознание. Николас спрыгнул вниз, держа ее на руках. Из юрты вышла высокая седая старуха, стройная, с горделивой осанкой, которой бы позавидовала любая королева, и горящими темными глазами.

— Осе, най ривала орендер? — ахнула она, увидев подле Кирина юношу с бездыханной девушкой на руках.

— Ривала нэ, лукуо герайта Буранбай та, — коротко ответил ей Кирин и носом подтолкнул застывшего Охотника вперед.

— Так это дочка хана Буранбая? — спросила старуха, изучая девушку на руках у Николаса. — Проходи в дом, добрый молодец, не стой на пороге.

Охотник вошел в юрту и положил девушку на топчан.

— Как звать-то тебя скажи? — спросила Матушка Умай.

— Николас, Николас Комри с Авалора, — представился юноша.

Ему было сильно не по себе. Только сейчас до него начало доходить, что Кирин — далеко не обычный демон, а эта старуха и не человек вовсе. Что за дивные дела творятся в этой скрытой от посторонних глаз долине?

Матушка Умай склонилась над девушкой и пропела:

— Кампальное зелье, дурманное зелье, разум затмило и дух отравило. Матушка Умай уж кампалу повыведет, дурман-то из духа повыгонит.

Старуха снова перешла на незнакомый юноше язык. Николас опустился на ковер. Рядом с ним стоял небольшой казан, откуда аппетитно пахло тушеным мясом. Юноша бросил на старуху вопросительный взгляд. Та поила девушку каким-то бурым отваром.

— Матушка, кто вы? — не выдержал Николас и задал мучавший его вопрос.

— Я? Сейчас я просто старуха Умай, шептуха, травница и охранительница Китеж-града, — ответила ему женщина, отрываясь от своих заклинаний.

— Но вы ведь даже не смертная… — удивленно сказал Николас. — Почему вы с Кирином сторожите этот город?

— С четверть века назад путь в долину отыскал юный Буранбай-хан. Его народ, гонимый со своих земель, уставший от войны и лишений, искал убежище в наших землях. Он молил нас три дня и три ночи, поминал заветы моего младшего сына, своего покровителя, но мы были непреклонны. Негоже людям жить в священной долине рядом с древними. Но потом мы увидали, что вслед за ними идут злейшие наши враги. Те, кто убил моего мужа и погубил сыновей. Мое сердце стало черным от ненависти, и мы вышли на последний бой. Но удивительное дело, враги были намного слабей, чем в те давние времена. Мы порубили их тела на части, сожгли, а прах рассеяли, когда дул грозный западный ветер. Тогда мы пустили людей Буранбая в долину и поклялись защищать их от исконных наших врагов.

— А кто такие эти враги? — продолжал любопытствовать юноша. — Разве у богов могут быть враги? Они ведь всесильные.

— Древние, как сам мир, раньше они черными тенями носились по земле. Слабых душой они пожирали, сильных склоняли к своей воле. Лучше не поминать их имя в ночной час, — тяжело вздохнув, ответила ему старуха. — Да что же это я, ты, верно, голоден и устал с дороги. Вот, попробуй.

С этим словами старуха выложила из казана в деревянную миску мясо с рисом. Николас с жадностью накинулся на предложенную ему пищу. Ему казалось, что он в жизни не ел ничего настолько вкусного.

— Ну, вот и хорошо, а теперь ложись спать. Завтра тебе понадобится много сил, ведь впереди тебя ждет тяжелое испытание, — велела ему старуха. — А мне еще надо кое-что сделать для дочки Буранбая. Ох, и сильно она себя кампальным зельем отравила.

Николас коротко кивнул и улегся на топчан. Сон снова не шел к нему. Мрачное предчувствие, мучившее его весь последний месяц, снова не давало ему покоя. Как будто он мчался вниз по течению к гигантскому водопаду и ничего не может с этим поделать.

— Ты не спишь? — спросила старуха. — Тебя что-то беспокоит?

— Да, что за испытание мне предстоит завтра? — ответил Николас, поворачиваясь к старухе лицом.

— О, ты ведь хочешь стать Стражем. Ты добрался до конечной цели своего пути и здесь тебя ждет испытание. Таков порядок, — пожала плечами Матушка Умай. — Не беспокойся, коль ты зашел так далеко, то испытание уже не провалишь. Лучше спи, завтра все сам увидишь. Хочешь, я спою тебе колыбельную?

— Я не думаю, что мне это поможет, — скептично ответил юноша. Он давно уже вырос из того возраста, когда его можно было убаюкать колыбельной.

— И все же я попробую, — с этими словами старуха запела на своем древнем языке.

От ее дивного чистого голоса глаза закрывались сами собой. Николас как будто начал понимать слова. Перед ним вдруг раскрылись необъятные голубые небеса с плывущими по ним барашками-облаками. Исполинская птица плавно кружила над лесом, купая свои крылья в закатных лучах. Прямо под ней на поляне в одежде из белых перьев стояли четыре мальчика: таких разных, что никто бы не догадался, что они братья. Они отрывались от земли и летели, но не вслед за породившей их птицей, а в разные стороны. И он летел вместе с ними.

Николас проснулся с рассветом. Впервые за долгое время он чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Матушки Умай нигде не было. Он встал и вышел на улицу. У самой юрты лежал вытянувшись во всю длину Кирин. Услышав шаги, он приподнял голову и посмотрел на юношу.

— Уже пора? — спросил он, поднимаясь на передние ноги.

— Куда пора? — удивился Николас.

— На испытание, конечно. Садись, я тебя отвезу в храм Шамбалы.

Юноша одним прыжком взобрался на широкую спину. Кирин понесся по цветущим лугам, не задевая высоких трав, не нарушая безмятежную тишину раннего утра.

На самом краю долины показалось большое строение с покатой закругленной крышей. Вход в храм сторожили молчаливые каменные химеры. Николас спрыгнул на землю и открыл позолоченные храмовые двери. Внутри стоял тяжелый дух, как будто в помещение никто не входил уже много лет. Богато украшенные драгоценными камнями барельефы покрылись серой паутиной. Николас оставлял заметные следы на пыльном полу. Даже золото на алтаре потемнело от времени. Охотник обогнул его и обнаружил едва заметный люк в полу. За ним спиралью вилась каменная лестница. Юноша достал огниво и попытался зажечь трут, но пламя все время гасло. Отчаявшись разжечь огонь, Охотник начал спускаться, нащупывая ступени ногами и сопровождая каждый шаг левитацией, чтобы случайно не оступиться. Бессчетное количество ступенек вели куда-то во тьму. Лестница не уходила вертикально вниз, а постоянно петляла, следуя странному замыслу своего создателя. Прошло около часа, прежде чем ступеньки закончились, и Николас оказался в узкой галерее. По мере удаления от лестницы потолок

становился все ниже и ниже. Юноше пришлось ползти на коленях. В какой-то момент он почувствовал, что стены тоже начали сужаться. Пожалуй, в первый раз в жизни Николас радовался своему маленькому росту и щуплому телосложению. Иначе бы он давно тут застрял.

Поняв, что дело плохо, Охотник перевернулся на спину, достал из кармана маленькую бутылку с маслом и обмазал им свое тело, насколько смог. Только это помогло ему вылезти из узкого прохода в подземную пещеру. Свет падал откуда-то сверху, скорее всего там находилось небольшое окно. Николас встал, вздохнул полной грудью и огляделся. Пещера была огромной, посередине ее пересекал небольшой ручей кристально чистой воды. Николас подошел к нему и начала жадно пить.

Вдруг из противоположного коридора бесшумно появилась темная фигура. Николас настороженно поднял голову. Все его чувства будто бы разом взорвались, предупреждая о приближении чего-то настолько невероятного и колоссального по своей мощности, что юношу захлестнула паника. Николасу показалось, что он попал в один из своих ночных кошмаров. Ему хотелось бежать прочь изо всех сил, но ноги будто увязли в земле, а тело отказалось повиноваться. Незнакомец подошел к нему вплотную и приложил свою мертвецки бледную руку к теплому лбу юноши.

В одночасье Николас лишился зрения и слуха, ноги подкосились, спина больно ударилась о каменный пол. Он больше не чувствовал своего тела. Не помнил своего имени. Не знал ничего об этом чуждом для него мире. Он был никем. И был всем. Земля была его плотью. Он жил в каждой букашке, медленно ползущей по узкому стеблю зеленой травы. В его жилах текли воды мирового океана. В его глазах отражалось нестерпимо синее небо…

Сознание рывком вернулось обратно в тело. Глаза резко распахнулись.

Он стоял на лужайке у своего дома на Авалоре. Рядом был его отец. Он с тихой мольбой смотрел на вредного бесчувственного мальчишку, державшего под уздцы коня.

— Николас, не сердись на меня. Это Охота — твоя судьба. Я не в силах ей противиться. Жаль, что я не могу поменять тебя местами с Эдвардом. Ему гораздо больше подходит роль Охотника. Не держи на меня зла. Я сделал все, чтобы ты смог продержаться как можно дольше. Ну же, не молчи! Скажи, что не держишь на меня зла, — умолял его отец чуть ли не плача.

Но тот запрыгнул в седло и помчался прочь, не удостоив отца и взглядом на прощанье.

Что-то защемило в груди, глядя на уставшее морщинистое

лицо старика, который уже не казался таким высоким и грозным. Николас кинулся отцу навстречу, предчувствуя что-то страшное. Но было слишком поздно. Их большой светлый дом вспыхнул ярким пламенем. Отец упал замертво с перерезанным горлом еще до того, как Николас успел до него добежать. В доме слышались душераздирающие крики, суетливый топот ног и треск всепожирающего пламени. А потом все вдруг оборвалось и стихло. Он снова стоял посреди темной пещеры.

С его глаз медленно начали катиться крупные слезы. Что он здесь делает? Какой смысл был отправляться на край света, если дома больше нет? Малышка Лизи так и не дождалась его возвращения. А ведь он сделал для нее столько рисунков, целый альбом. И отец, он так много хотел сказать ему, объяснить, показать, каким сильным он стал. Но к чему теперь этот глупый титул Стража? Ведь он даже не сможет похвастаться им перед старшим братом. Мама уже никогда не приготовит его любимый пирог с яблоками, а Мэри и Джун так и не выйдут замуж, как они мечтали. Все эти два года он жил в бреду. В вечном ожидании, когда же, наконец, когда закончится эта Охота и он сможет вернуться домой. Теперь даже возвращаться было некуда. От дома остались лишь головешки. И все это из-за него. Не будь у него этого проклятого дара, ничего бы не случилось.

— В этом нет твоей вины, — послышался тихий, странно знакомый голос.

Неизвестный все еще стоял перед Николасом.

— Как бы чудовищно это ни прозвучало, но ты никак не мог повлиять на произошедшее, — продолжил незнакомец, скидывая с лица капюшон.

Это был мужчина, молодой, лет двадцати пяти-тридцати от роду. Черные, цвета воронова крыла волосы были аккуратно завязаны в гельерку на затылке, пронзительные темно-синие глаза внимательно изучали Николаса. Одет незнакомец был в кожанные штаны и куртку. Идеальное изображение Стража с древних картин портили только сиротливо болтающиеся на поясе пустые ножны.

— Почему ты так думаешь? — выходя из оцепенения, спросил юноша.

— Я не думаю, я знаю, — ответил ему незнакомец. — Определенные события уже давно вели к такому исходу. И отвратить его тебе было попросту не под силу.

— Ты кто? — Николас неожиданно осознал, что не ощущает больше никакого присутствия, даже обычного человеческого.

— Я? — незнакомец на мгновение задумался. — О, у меня много имен, но пусть для тебя я буду Тангрум Западный Ветер.

— Но Кирин сказал, что ты умер.

— Так и есть, я умер давным-давно, почил вечным сном так сказать.

— Погоди, так это я тебя видел в саркофаге в Дрисвятах?

— Ты меня видел? — удивился бог и снова положил руку на лоб юноши. — Хм, странный эффект… Полагаю, это из-за того, что ты находился на грани жизни и смерти.

— Так ты умер или просто спишь? Почему я тогда не смог разбудить тебя? — не унимался Николас.

— Это сложно объяснить. Скажем так, меня погрузили в вечный сон, чтобы я не умер. А разбудить ты меня не смог, потому что время еще не пришло. Да и для этого ты должен там присутствовать в физической оболочке, а не бестелесным духом, — юноша непонимающе уставился на Тангрума. — Ой, ну не смотри на меня так. Я и сам до конца этого не понимаю. У меня было три брата. Все они погибли из-за глупости, беспечности, тщеславия. Я умирал последним. Тенгри, мой отец, мог оживить любого из нас, но только одного. Честно говоря, мы с отцом никогда не были особо близки, и я потерял его божественную "благость" давным-давно, поэтому надеялся на спокойную тихую смерть где-нибудь на краю света. Но ничего не вышло и… отец выбрал меня.

— Что-то я не слышу особой радости в твоем голосе, — скептично заметил Николас.

— А чему тут радоваться? Я застрял в этом пустом мире между жизнью и смертью. Ты мой первый посетитель за последнюю тысячу лет. Да и то….

— Да и что?

— Не важно, — ушел от ответа бог. — Ты только представь, тысячу лет разговаривать только со своей тенью… Так и умом тронуться можно.

— А как ты потерял божественную "благость"? — поинтересовался юноша, видя, что бог не расположен дальше говорить о своей смерти.

— "Благость"? — переспросил ветер. — Я самовольно покинул город вечной жизни в центре земли и возжелал жить среди смертных, а у нас на этот счет были очень строгие законы

— Но зачем?

— У меня было много причин, чтобы уйти. Но основная — это любви, — пожал плечами бог.

— Любовь к смертной, что ли? — скривился Николас.

— А почему бы и нет? Бесконечная жизнь вызывает бесконечную скуку, а любовь… Она изменила меня, подарила мне радость и свободу, о которых я не знал раньше, — загадочно

улыбаясь, ответил ему Тангрум. — Когда-нибудь ты меня поймешь.

— Сомневаюсь. Лучше скажи, почему ты здесь? — на этот раз тему предпочел сменить сам Николас.

— Кхм, — вдруг замялся мертвый бог. — Думаю, я здесь, потому что ты мне снишься.

— А случайно не наоборот? — засомневался юноша, но Тангрум отрицательно покачал головой. — Как я могу тебе сниться, я же живой человек?

— Значит, я вижу во сне живого человека, почему бы и нет? — смеясь над его дилеммой, ответил Тангрум.

— Тогда что сейчас делаю я? — все еще находясь в легком замешательстве, спросил юноша.

— Ты? Я думаю, ты проходишь последнее испытание, чтобы стать Стражем, — пояснил Западный Ветер.

— Хорошо, зайдем с другой стороны, — не сдавался Николас. — Почему ты — древний мертвый бог — так похож на Стражей? И какое отношение имеешь к моему испытанию?

— Это не я похож на Стражей, а они на меня. Я их создал по собственному образу и подобию. Я воспитал, я установил порядки, и даже это испытание тоже придумал я.

— И что, ты так встречаешь каждого Стража?

— Ну, может и не каждого, но вот тебя решил встретить, — бог снова не ответил ничего определенного.

— Так, где же мое испытание? — не выдержал Николас и вспылил.

— Ты его уже прошел.

— Как прошел? Когда?

— Только что… Твой путь был этим испытанием, чтобы завершить его ты должен пройти обряд инициации, взросления. Собственно, для этого тебе и было послано видение о твоей семье.

— Чтобы я понял, каким был глупцом? — Николас отвернулся. По его щекам снова заструились слезы.

— Наверное… Тебе самому решать, — пожал плечами Тангрум.

— Но что же мне теперь делать? — взяв себя в руки спросил Николас.

— Ты у меня спрашиваешь? — мертвый бог немного опешил от его вопроса.

— А кто тут бог?

— Ну конечно, я бог, значит, должен все знать, — Тангрум картинно закатил глаза. — Больно ты меня слушать станешь… Ладно, иди сюда.

Он снова приложил руки ко лбу юноши и задумался:

— Возвращаться на Авалор нельзя. Тебя там уже разыскивают. В Веломовии тоже делать особо нечего. Попробуй добраться до Островов Алого Заката. Там, на берегу Молочного океана стоит Храм Ветров. У них в усыпальнице хранится один из пяти небесных мечей. Попробуй втереться в доверие к жрецам, чтобы они сами его тебе отдали. И не разнеживайся слишком долго в объятиях сладкой мико, — Николас непонимающе уставился на мертвого бога. — Дальше поезжай на юго-запад в Элам. Там ты должен разыскать хана Саргала. Исполни его задание, а в награду попроси тулпара[37] из его табуна. Потом двинешься через пустыню на запад в Александрию.

— Город чернокнижников? — переспросил Николас.

— Да именно туда. Там в подвале Великой библиотеки хранятся древние книги. Найдешь среди них одну с руной перт на обложке. Забери ее себе и никому ни при каких обстоятельствах не показывай. Что прочтешь, никому не рассказывай. Потом можешь возвращаться в Лапландию. Ну, а дальше сам думать будешь.

— А можно еще один последний вопрос?

— Валяй.

— Кто такие Ловцы Желаний?

— Кто? — рассеяно переспросил Тангрум. — Ах, эти… которые души пожирают? Лучше не связывайся. С одним ты может еще и справишься, но когда их будет много… В общем, старайся просто не попадаться им на глаза.

— Так их много? — вдруг забеспокоился Николас. — Но там, в Дрисвятах, была одна девочка. Ловец что-то хотел от нее.

Тангрум загадочно улыбнулся, глядя ему в глаза:

— Она огонь, на который слетаются мотыльки… Огонь, который испепелит любого, кто посмеет его коснуться.

Николас не удовлетворился таким ответом.

— Ну, ладно-ладно, — быстро сдался Тангрум. — Я сотворю для нее защитника на время, чтобы ты так не переживал.

Охотник удивленно открыл рот. Из рук бога на землю спрыгнул тощий рыжий кот, странно похожий на того, что был у него в детстве. Кот ласково потерся у ног Николаса и тут же растворился в воздухе.

— Я думаю, тебе уже пора возвращаться… — сказал мертвый бог.

— Но ведь мы еще встретимся?

— Встретимся? — невесело рассмеялся Тангрум. — Чтобы встретиться, надо вначале расстаться, а у нас это вряд ли получится… У меня к тебе еще есть маленькая просьба: не

рассказывай моей Матушке о том, что видел меня. А то она начнет суетиться, что-то предпринимать. Нам это сейчас вовсе ни к чему.

Николас окончательно перестал понимать, о чем толковал ему мертвый бог. Вдруг он почувствовал, что яркий солнечный свет режет непривыкшие к нему глаза. Он стоял на пороге заброшенного храма. Кирин, оторвавшись от травы, вопросительно глядел на него:

— Так быстро?

— А что, обычно дольше бывает? — удивился Николас.

— Ну да, как правило испытание занимает от одного до трех дней, а тебе всего пару часов хватило… Так что, ты чувствуешь себя просветленным и повзрослевшим? — с энтузиазмом поинтересовался рогатый зверь.

— Угу, скорее разбитым и запутавшимся, — угрюмо заметил юноша, запрыгивая Кирину на спину.

"Что за ужасная манера все время говорить загадками? Интересно, он и при жизни все время так разговаривал? Не удивительно, что его из города вечной жизни выгнали" — мрачно размышлял про себя Николас, пока Кирин вез его обратно к юрте Матушки Умай.

Алиса уже давно проснулась и ушла в город проходить свое испытание. Николас в это время выкупался в теплом источнике. Матушка Умай с боем заставила его надеть чистую белую рубашку до пола, а сама выстирала всю его одежду. От нечего делать юноша отправился на луг. Там росли какие-то диковинные травы со странными соцветиями и ни на что не похожим запахом. Николас отстраненно подумал, что это какая-то диковинка и найти ее можно только здесь, в священной долине Агарти. Хорошо бы показать эти травы Эглаборгу. Николас присел на корточки и вырвал несколько растений с корнем.

Он и не заметил, как на него снова накатило отчаяние. Хотелось упасть на землю и завыть от терзавшей его боли. Николас закрыл глаза, вспоминая свою семью. Раньше знание, что они ждут его где-то там за морем, давало ему силы идти дальше. А теперь ради чего и куда идти? Ради этого странного мертвого бога? Просто идти… Идти, чтобы жить. Потому что если он остановится, тоска источит его сердце, наполнит горечью душу и отравит существование. И не имеет значение куда идти. Пусть будут Острова Алого Заката. Они ничем не хуже других мест.

Вечерело. Чтобы хоть как-то себя занять, Николас отправился посмотреть город. Несмотря на мрачный вид Охотника в Китеже его приняли очень радушно. Люди почтенно кланялись ему и предлагали угощение, будто дорогому гостю. Приглашали зайти в

их юрты, пытались всучить какие-то подарки. От большинства из них юноша скромно отказался. Правда, один улыбчивый лавочник все-таки всучил ему пузырек с великолепными изумрудными чернилами. Приняв только их, Николас, наконец, вернулся обратно к юрте Матушки Умай.

— Николас! — окликнул его звонкий женский голос. Юноша обернулся. Перед ним в платье из сине-фиолетового шелка стояла Алиса. Улыбающаяся, спокойная, полная какой-то внутренней уверенности, она показалась ему в одночасье повзрослевшей лет на пять-десять.

— Ну как испытание? — спросил он, отвлекаясь от горестных мыслей.

— Хорошо, только оно еще не завершено, — ответила девушка. — Я кое-что должна сделать.

С этими словами она расставила руки в стороны и закружилась на месте. В ее глазах неожиданно затанцевали желтые крапинки-огоньки. У Николаса по спине пробежал холодок. Алиса оборачивала город пространственным вихрем, непреодолимой преградой, которая уж точно никогда не пропустит чужаков в этот город, который так хотел защитить ее отец. Невидимая стена поднялась вокруг города и скрыла его от любопытных взоров. Теперь путь к нему смогут найти лишь те, кто бывал здесь раньше.

— А ты молодец! — восхищенно воскликнул Охотник.

— Спасибо, это пустяки, — Алиса залилась от смущения пунцовой краской. Николас про себя подумал, что она вполне смогла затмить красотой светских львиц из Стольного, если бы сменила мундир на модное платье с тугим корсетом.

— Так как же ты теперь приведешь свой отряд в Китеж-град? — поинтересовался юноша, когда они сидели на пороге юрты и доедали приготовленную Матушкой Умай похлебку.

— А никак. Помнишь те руины, к которым нас привел пространственный вихрь? Вот туда-то я их и приведу. Скажу, что, по всей видимости, люди давно покинули Китеж-град и двинулись дальше в горы. А перейти границу, не объявив войну Поднебесной империи, мы никак не сможем, — ответила ему Алиса. — А потом мы с братом отправимся в Северный, как хотел отец. А ты? Вернешься домой на Авалор?

— У меня больше нет дома, — угрюмо ответил Охотник и отвел глаза. — Защитники Паствы…

— О, извини… как ты узнал?

— Когда я проходил испытание, у меня было видение, — нехотя ответил Николас.

— Видение про твой дом? — удивилась Алиса.

— Да. А как прошло твое испытание? — поинтересовался юноша.

— Странно… Я как бы видела себя со стороны: все свои ошибки и промахи, как пренебрежительно поступала с братом, как отказывалась тебя слушать, когда ты пытался помочь мне. Это заставило меня осознать, каким я была, в сущности, ребенком и что пора бы уже вырасти.

— Что ж, значит, каждый проходит это испытание по-своему, — пожал плечами Николас. — Но все с той же сутью.

— Так куда же ты теперь подашься? Хочешь с нами в Северный? — любезно предложила девушка.

— Не думаю, что мне бы понравилась оседлая жизнь. Тем более у меня еще есть кое-какие дела на востоке, — задумчиво ответил Николас.

— Понимаю… Когда умер отец, мне тоже хотелось бежать без остановки. Но от боли не уйдешь. По крайней мере, я не смогла уйти. Поэтому и пила кампалу, чтобы забыться, — Алиса с тоской смотрела на загорающиеся на небосводе звезды.

— Наверное, ты права. Но все же жить как-то проще, когда у тебя есть цель. Поэтому я пойду к Молочному океану на востоке, — ответил ей Николас.

— Хорошо. Но если ты будешь в наших краях, обязательно заходи в гости. Мы с Костиком всегда будем рады.

***

На следующее утро они собрались в обратный путь. Матушка Умай вышла проводить их.

— Это подвенечное платье, — сказала она, подавая большой сверток Алисе.

— О, большое спасибо, но я сомневаюсь, что из меня выйдет хорошая жена, — попыталась отказаться девушка.

— Не сомневайся девочка. Плут, конечно, твой муж будет каких мало. Но любить будет крепко, за это я тебе ручаюсь, — старуха нежно потрепала ее по волосам.

— А это тебе, мой мальчик, — Николас развернул протянутый ему сверток. Внутри была рубашка из белоснежных перьев, точно такая же, как он видел во сне. — Эта рубашка моего младшего сына. Ты очень на него, поэтому возьми ее себе.

Юноше стало неловко, но в голове прозвучал предупреждающий голос бога Западного Ветра и он заставил себя промолчать. Простившись с Матушкой Умай, они забрались на спину Кирина. Он вмиг домчал их до стоянки веломовской дружины. Их двухдневное отсутствие показалось для всех вечностью. Константин уже успел выслать несколько поисковых групп во всех направлениях. Эглаборг приготовил кучу зелий для

лечения от обморожения, обезвоживания и прочих недугов. На расспросы товарищей, Николас с Алисой лишь загадочно улыбались. Кто-то из дружинников выдвинул версию, что капитанша просто решила уединиться ненадолго с симпатичным попутчиком. И большинство служивых с ним согласилось. Лишь Эглаборг с Константином бросали на парочку подозрительные взгляды.

Пришло время расставаться. Алиса с Константином и дружинниками двинулись через снежные горы к руинам, а Эглаборг с Николасом отправились к Молочному океану, огибая Снежные горы по северной тропе.

Тайна 4. Небесный клинок

Острова Алого Восхода, 1567 г. от заселения Мидгарда

Волны медленно накатывали на пустынный берег, закручиваясь белыми пенистыми барашками. Было все еще слишком холодно, чтобы купаться. Николас лежал на спине, раскинув руки. Вокруг него клубилось облако из песка. На высоте нескольких локтей от земли парили тюки с вещами.

— Мастер Николас, да что происходит с вашими силами в последнее время? — возмущенно спросил Эглаборг, выхватывая свою сумку с травами из песчаного вихря. — Раньше вы с трудом поднимали один мешок, а теперь все вокруг вас ходуном ходит.

— Не знаю, — апатично ответил юноша. — Это случилось после испытания в Священной Долине. Мой учитель говорил, что сила должна увеличиваться постепенно посредством долгих тренировок и самосовершенствования, а не так, скачками. Я даже не могу понять, как это контролировать…

— Так не лучше ли было вернуться обратно к вашему учителю? Он бы подсказал вам, что делать, — проворчал целитель. Он-то надеялся после Снежных гор вернуться обратно в Лапландию.

— Мой учитель сейчас на Авалоре. А ты слышал, что говорили в порту, когда мы искали корабль? Там был государственный переворот. Короля бросили в темницу, за то, что он якобы покрывал бунтовщиков против Единой Веры. Сейчас там новая волна гонений.

— А вы думаете, он действительно это делал?.. Ну, покрывал Стражей? — полюбопытствовал Эглаборг, вытряхивая песок из своих сумок.

— Вполне вероятно. Мой учитель рассказывал, что моя семья принадлежала к одному из самых древних и знатных родов Стражей на Авалоре. У моего отца был какой-то покровитель при дворе. Собственно поэтому нас и не трогали до поры до времени…

Эглаборг пожалел, что завел этот разговор. По лицу Николаса можно было легко понять, что любое упоминание его семьи причиняет нестерпимую боль.

— И все-таки я не понимаю, почему вы решили последовать совету этого Мертвого бога, — сокрушался целитель.

Для упрямого и независимого Охотника такая безропотная покорность была очень несвойственна. И хотя юноша не подавал вида, целитель чувствовал, что весть о гибели его семьи сильно

подорвала дух его друга.

— А что еще мне остается делать? — безразлично поинтересовался Николас. — Все же это острова, хоть и не такие туманные, как моя родина. Ладно, надо торопиться, а то мы не успеем добраться до места засветло.

Храм Ветров располагался на вершине горы Кадзеяма[38], в дне пути от западного побережья главного острова архипелага. Однако люди уже давно забросили западную дорогу из-за расплодившейся на ней нечисти. Путники предпочитали более пологий и безопасный восточный склон.

Узкая каменистая тропа после продолжительного подъема, начала петлять и извиваться. За поворотом неожиданно послышался какой-то шум. Демон. Достаточно сильный. Николас подал знак Эглаборгу, скинул с плеч мешок и достал меч. Стараясь ступать, как можно тише, Охотник выглянул из-за поворота.

На небольшой площадке друг против друга стояли двое: огромный детина в тигровой шкуре и невысокий юноша. Из косматых темных волос великана торчали два прямых острых рога. В его руке была зажата шипастая деревянная дубина в человеческий рост.

"Какая-то местная разновидность тролля или огра?" — сделал предположение Николас.

— Ты, ходячая куча навоза! Ты, безмозглое зубастое йокайское[39] отродье! — закричал стоящий перед демоном юноша, которому тот заступил дорогу. — А ну ка, убирайся отсюда, пока я не отправил тебя на корм птицам.

— А не слишком ли ты мал для меня, барсучонок? — от хохота демона земля заходила ходуном.

— Я не барсучонок, я тануки[40]. Слышишь? Тануки! Енот, а не барсучонок! — грозно рыкнул юноша и бросился в бой.

Для своего невысокого роста и грузноватого телосложения, юноша двигался с фантастической скоростью. В один миг он оказался у ног демона и саданул его странным изогнутыми мечом, но тот отскочил от каменной кожи демона, не причинив вреда. Великан замахнулся на него палицей, но юноша ловко прошмыгнул между его ногами и ударил сзади. Демон развернулся и снова попытался достать юношу, но тот все так же ускользнул от него. Эта бесплодная битва напоминала какой-то странный неуклюжий танец двух сильно различающихся по росту партнеров.

— Эй ты, букашка-таракашка, так и будешь от меня бегать? — крикнул демон. Юноша уже начал выдыхаться от этого неравного боя. Вдруг он споткнулся о камень и растянулся на земле. Демон

оскалился, изображая довольную ухмылку:

— Ну, вот и все. Сейчас я тебя съем.

В этот момент юноша с громким хлопком превратился в пузатого енота и юркнул в кусты.

— Сбежал, — демон с досадой сплюнул на землю. — Ну и ладно, у меня еще есть ты.

Николас выглянул из своего укрытия, чтобы узнать, с кем разговаривал демон. Чуть поодаль на дороге стояла девушка в красных шароварах и белой рубахе с широкими рукавами. Неожиданно она повернула голову и встретилась взглядом с Охотником. Николас почувствовал, как в груди сильней забилось сердце. Она была просто восхитительна: яркий румянец на белоснежной коже подчеркивал точеные черты лица. Темные, заплетенные в высокую прическу, волосы обнажали токую шею и стройные плечи. В карих глазах горели янтарные крапинки. Николас мотнул головой, отгоняя странное ощущение, и выскочил из своей засады.

— Мне сегодня везет, — воскликнул демон. — А я уж испугался, что на обед у меня будет только жесткий барсучонок. А теперь я смогу закусить маленькой мико[41] и каким-то сумасшедшим гайдзином[42].

Демон замахнулся палицей на Николаса, но его меч прошел через дерево, как нож через масло. Дубина с треском развалилась на части.

— Мое канабо[43]! Как ты посмел сломать мое канабо? — зарычал демон и, обнажив внушительные желтые клыки, кинулся на Николаса.

Охотник поднял руку. Великан отлетел в сторону и с грохотом ударился спиной о скалу. В месте удара камень треснул. Демон жалостливо заскулил и на четвереньках уполз прочь.

— Вот это да! — восхищенно присвистнула девушка, приближаясь к своему спасителю.

От ее голоса у Николаса неожиданно загорелись уши и щеки. Он судорожно сглотнул. Надо было чем-то отвлечься. Он все еще ощущал присутствие демона рядом. Николас ухватился за это ощущение, чтобы хоть как-то унять накатившее на него смятение.

— Я Юки[44], мико из Храма Ветров, а этот трусливый барсучонок — наш младший послушник Йоси, — девушка махнула рукой в сторону кустов, из которых воровато выглядывал давешний юноша.

— Я не барсучонок, а тануки — енот! — раздраженно ответил тот.

— Спасибо за помощь, — не обращая на него внимания, продолжила Юки.

— Не за что, — ответил Николас, все еще немного робея. — Эй, Эглаборг, быстрее иди сюда, кажется, я нашел проводников до храма.

— Да иди уже, иду, — послышалась громкое ворчание.

— Так кто это был и чего от вас хотел? — спросил Охотник, переводя свое внимание на Йоси.

— А разве ты не знаешь? — переполняясь чувством собственного превосходства, ответил Йоси. — И чему вас, гайдзинов, только учат?

— У нас, гайдзинов, таких тварей не водится, — в тон ему ответил Охотник, обрадованный тем, что ему удалось подавить свое смущение.

— Это был Оньи[45]. Йокай. Большой, глупый и жадный. В наш Храм стекается много пожертвований с окрестных земель, вот йокаи и преграждают к нам дороги, чтобы собрать свою дань с людей. Мы, как служители Храма, конечно, стараемся их прогнать, но у нас не хватает рук, — девушка на мгновение замолчала и, переведя дух, спросила: — А можно теперь узнать ваше имя и зачем вы идете в наш храм? Насколько я знаю, у гайдзинов другие ками[46].

— Ах, ну да, — спохватился юноша. — Я Николас, Охотник на демонов, а это мой компаньон Эглаборг. Мы из Лапландии. Это страна на севере Мидгарда. У нас есть дело к настоятелю Храма Ветров.

"У нее наверно, самая красивая улыбка на свете. А как… Нет, демон… я должен думать о демоне. Интересно, почему он до сих пор не напал…"

— Вы думаете, что у настоятеля Кадзумы есть время на каких-то ободранных гайдзинов? — недовольно сощурил глаза юноша, но Николас погруженный в борьбу собственных мыслей, пропустил его слова мимо ушей.

— А что такое демоны? — снова перебила его девушка.

— Судя по всему, то же самое, что ваши йокаи. Так вы проводите нас до Храма? — выдавил из себя Охотник, когда заметил недвусмысленный взгляд своего компаньона.

— Да, конечно, следуйте за нами, — любезно ответила девушка.

Дорога заняла не так много времени, как опасался Николас. Храм Ветров занимал плоскую площадку на вершине горы с полверсты в диаметре. Вход на территорию храма был обозначен красными воротами без створок с двумя перекладинами наверху. От них до главного святилища на другом конце площадки шла мощенная булыжником дорога. По бокам от нее располагалось несколько приземистых хозяйственных построек.

Навстречу путешественникам вышел немолодой, но достаточно крепкий мужчина в темно-синем балахоне.

— Добрый вечер, настоятель Кадзума, — Юки учтиво склонила перед ним голову.

— Добрый, — мужчина поклонился им в ответ. — Кого это вы к нам привели?

— Это Охотник Николас и его компаньон Эглаборг. Говорят, у них есть к вам дело. Они прогнали Оньи с западной дороги на Кадзеяму.

— Я был против того, чтобы вести их сюда, — не преминул добавить Йоси.

— Справились с Оньи, говоришь? — переспросил настоятель, внимательно оглядывая Николаса со всех сторон. Потом приподнял его подбородок большим пальцем и повертел в разные стороны. Охотник опешил от поведения настоятеля и сделал шаг назад.

— Юки, возьми Йоси и устройте наших гостей на ночлег, — служители храма поклонились ему и без особого энтузиазма направились к невысокой хозяйственной постройке. Николас с Эглаборгом пошли за ними, но настоятель жестом остановил Охотника и поманил за собой в святилище. Они прошли мимо довольно просторной площадки, по всей видимости, служившей для церемониальных целей. От нее к портику, где находился вход в святилище, вел пролет из десяти ступеней. С обеих сторон его охраняли растянувшиеся в длину драконы с короткими ножками и длинными усами. Святилище представляло собой деревянную постройку, выкрашенную в темный цвет. Трехъярусная красная крыша с закругленными скатами придавала ей какое-то особое изящество.

Настоятель отпер дверь, и они вошли. Внутри святилища не было практически никаких украшений, кроме двух громадных резных зеркал, установленных вдоль боковых стен. У задней стены находился алтарь.

— У тебя большие проблемы, юный Страж, — тихо сказал настоятель, разглядывая их отражения в зеркале.

— Вы это о чем? — слегка удивился Николас.

— О твоей силе, конечно. После Испытания твои способности к телекинезу сильно возросли и сейчас ты не в состоянии их контролировать. Я прав? — настоятель задал этот вопрос скорее из вежливости.

— Я бы не сказал, что прямо вот так не в состоянии. Просто это стало заметно сложнее, — пожал плечами Охотник.

— Понятно. У тебя произошел какой-то сильный сбой на энергетическом уровне. Если его не исправить, боюсь, это будет

иметь для тебя весьма печальные последствия.

— И от чего такое могло случиться?

— Либо ты побывал там, где нельзя бывать, либо встретил кого-то, кого не должен был встретить, — развел руками настоятель. — Но я помогу тебе. Ты ведь за этим пришел?

— Ну как бы не совсем… — замялся Николас. — Говорят, у вас в храме хранится один из пяти небесных мечей. Я бы хотел получить его.

Настоятель бросил хмурый взгляд на алтарь. На небольшом гранитном постаменте покоилась нефритовая статуя, изображавшая четырех мальчиков, стоящих спиной друг к другу. Двое мальчиков, что смотрели на север и юг были выше ростом. Те, что смотрели на запад и восток, выглядели младше. На стене над статуей висел самый обычный меч, единственным украшением которого была руна перт на клинке у самого эфеса.

— Боюсь, что я не могу его отдать ни тебе, ни кому-либо другому, — ответил настоятель.

— Почему? — поинтересовался Охотник.

— Потому что ни один человек не может владеть этим мечом. Он сменил сотни, а может тысячи хозяев и ни одному не служил верой и правдой: тупился, выскакивал из рук, пропадал. А последний его хозяин сам бросился на лезвие в самый ответственный момент битвы. После этого меч привезли в наш храм. Хочешь, попробуй взять его в руку.

Николас аккуратно снял клинок со стены и взял его за эфес в левую руку и размахнулся. Меч выскользнул из ладони и с грохотом упал на каменный пол.

— Странно… Он такой легкий. Практически невесомый, — юноша наклонился, поднимая клинок. — Кажется, он поглощает силу родового дара. Знаете, однажды я видел подобный меч у одного демона. Он точно так же глушил мой телекинез. Правда, его клинок светился. И в конце он взорвался в руках у этого демона.

— Светился? — удивленно хмыкнул настоятель. — Никогда о таком не слышал.

Охотник повесил меч обратно. Он показался ему живым, обладающим собственной волей. И воля эта не признавала его хозяином. Его нужно было либо уговорить, либо сломить, но ни для того, ни для другого у юноши не хватало ни сил, ни желания. Настоятель облегченно вздохнул.

— Сядь и сними рубашку, я постараюсь запечатать излишки твоей силы, — Николас покорно опустился на колени.

Настоятель Кадзума закрыл глаза и начал делать странные пасы руками. Плечо юноши пронзила резкая боль. Николас

поморщился и увидел свое отражение в зеркале. Его плечо опоясывали небольшие шрамы в виде неизвестных ему символов.

— Ну как, легче стало? — поинтересовался настоятель.

— По крайней мере, голова больше не раскалывается, — ответил Николас, поднимаясь с колен.

— Попробуй подать мне кувшин, — предложил Кадзума.

Фарфоровый сосуд медленно подполз к ногам настоятеля я и поднялся на уровень его рук.

— Мда, придется покупать новый, — покачал головой Кадзума, изучая поползшую по поверхности кувшина трещину.

— У меня и до Испытания это не очень хорошо получалось, — сознался юноша. — А печать, как долго мне придется ее носить?

— Зависит от того, как скоро твои способности обретут равновесие. Тогда печать истает сама, — ответил настоятель.

Николас поблагодарил настоятеля, и они присоединились к остальным обитателям храма в жилом доме. Эглаборг, Йоси и Юки сидели на полу и палочками ели какое-то блюдо из риса. Целитель явно проигрывал схватку с неудобным столовым прибором. Отчаявшись, он поднес миску с едой ко рту, чтобы рис сам в него падал. Николас с трудом подавил смех и уселся рядом со своим компаньоном. Когда с едой было покончено, Юки принесла горячий травяной напиток. Первая чашка досталась Эглаборгу. Тот с видимым наслаждением вдохнул ароматный запах и сделал маленький глоток. Распробовав вкус напитка, он причмокнул от удовольствия. Девушка поднесла следующую чашку Йоси и остановилась возле настоятеля Кадзумы, а потом подошла к Николасу, подавая ему последнюю чашку с подноса. Он протянул руку, и его пальцы случайно коснулись руки девушки. Ее кожа оказалось невероятно теплой и нежной на ощупь. В комнате повисло неловкое молчание.

— Какой замечательный напиток. Мы с хозяином прошли весь Мидгард, но ни разу не встречали ничего подобного, — восхитился целитель, пихая Николаса локтем в бок. Охотник тут же спохватился и забрал свою чашку.

— Это О-тя[47]. Мы пьем его, чтобы очистить свое тело и разум от тяжелых дум и суеты жизни. Его делают из сушеных листьев одного растения. Если хотите, Йоси с удовольствием вам его покажет, — послушник тут же скорчил недовольную рожу, но ослушаться настоятеля не осмелился.

Вскоре настоятель удалился по своим делам.

— Ну как тебе наш храм? — спросила Юки, усаживаясь рядом с Николасом.

— Здесь очень мило, — с трудом выдавил из себя юноша.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, ну то есть почти семнадцать осенью будет, — сбивчиво ответил Николас.

— Тогда все понятно, — снисходительно улыбаясь, ответила девушка.

— Что понятно? — спросил сбитый с толку юноша.

— Почему ты так себя ведешь, понятно. Вначале мне показалось, что ты немного старше, — объяснила она.

— А тебе-то самой сколько лет? — немного обиженно поинтересовался Николас. Он не привык, чтобы к нему относились снисходительно, как к ребенку.

— Восемнадцать, — ответила девушка.

— Ты не выглядишь на восемнадцать, — сокрушенно сказал Николас.

— Это как раз-таки неплохо. Значит, поздно стану уродливой морщинистой старухой, — взмахнув длинными черными ресницами, ответила девушка. У Николаса перехватило дыхание. Он и не представлял раньше, что кто-то может быть настолько красив.

— Я не думаю, что ты когда-нибудь даже в старости станешь уродливой, — тихо ответил он.

— А льстить ты все-таки умеешь, — звонко засмеялась девушка.

Где-то рядом раздалось деликатное покашливание. Юки с неохотой отвернулась от Николаса.

— Надеюсь, я вам не помешал? — с самым невозмутимым видом спросил настоятель. — Юки, ты должна помочь мне подготовиться к завтрашней церемонии, надеюсь, ты не забыла.

— Конечно, уже бегу, — смиренно ответила девушка и, бросив последний взгляд на Николаса, последовала за настоятелем.

Приведя в порядок свои мысли, Охотник отправился на поиски своего компаньона.

— Эглаборг? Ты думаешь, они позволят нам здесь остаться на некоторое время? — шепотом спросил Николас у Эглаборга, наблюдая, как Йоси подметает площадь перед святилищем.

— А вы хотите здесь остаться? — удивился целитель. — Но раньше вы никогда не хотели нигде надолго задерживаться.

— Раньше у меня был дом, где меня ждала семья. А сейчас… мне нужна передышка, — тяжело вздохнул юноша.

Из-за угла вышла Юки, неся гирлянды из белых цветов в подоле своей длинной рубахи. Николас невольно облизал пересохшие губы.

— О-о-о, — присвистнул Эглаборг. — Кажется, у вашей передышки очень симпатичное личико.

Целитель громко засмеялся над своей шуткой. Юки бросила на них полный любопытства взгляд. Николас насупился.

— Вы, верно, устали с дороги и хотите спать? Ступайте за мной, я покажу ваши постели, — любезно предложила девушка. — Завтра на рассвете будет церемония в честь праздника цветения вишни. Вам придется встать пораньше, если хотите ее увидеть.

— Конечно, хотим. А уж как мастер Николас хочет, — сквозь смех ответил ей Эглаборг, за что заработал испепеляющий взгляд от юноши.

— Хватит тебе уже зубы скалить, пойдем, — проворчал он, следуя за таинственно улыбающейся девушкой.

Солнце медленно катилось из-за гор, окрашивая вершины в ярко-алый цвет. К этому времени во дворе храма собралось с два десятка посетителей из деревушки у подножия Кадзеямы. Они полукругом обступили церемониальную площадку у святилища. Николас с Эглаборгом стояли в стороне, гадая, что должно произойти. Вскоре показался Йоси с флейтой в руках. Настоятель вынес на улицу большой струнный инструмент. Николас про себя заметил, что обычному человеку такое было бы вряд ли под силу. Поставив инструмент на землю, настоятель подал знак оборотню. Зазвучала красивая ритмичная музыка. Толпа замерла в ожидании. Юки, как бабочка, выпорхнула на площадку и начала танцевать.

Девушка двигалась с грацией кошки. Легко и непринужденно. Каждое движение незаметно вытекало из предыдущего и сливалось с ритмом. Звук обретал очертания в виде пластики человеческого тела, изображая какую-то сцену из жизни богов-покровителей храма.

Зачарованный дивным танцем, Николас не заметил, как стихла музыка. Настоятель поднялся, сложил руки на животе и начал читать молитву:

"Северному Ветру, чтобы оставили наш край засухи и ненастья, мы приносим в жертву наше богатство"

— …наше богатство… — вторили люди, выкладывая на небольшой столик деньги, шелковую ткань и фарфоровую утварь.

"Южному Ветру, чтобы послал нам урожайный год, мы приносим в жертву непорочную деву".

— … непорочную деву… — Юки опустилась на колени и склонила голову.

"Восточному Ветру, чтобы не насылал на нас врагов лютых, мы приносим в жертву наше оружие".

— … наше оружие… — рядом со столиком мужчины

складывали свои ножи, кинжалы, луки со стрелами и мечи.

"Да благословенен будет Западный Ветер".

На этот раз люди не повторили, а лишь чуть кивнули головами и начали расходиться.

— А почему Западному Ветру не приносят жертву? — спросил Николас, помогая настоятелю поднять тяжелый инструмент.

— Потому что он никогда не просит, — коротко ответил Кадзума, но заметив недоуменный взгляд Николаса, продолжил: — Это всего лишь дань древним традициям. Раньше жертвы были куда как более щедрыми. Их сбрасывали в колодец под святилищем. Если боги принимали жертву, она исчезала.

— А как же девушки? Их тоже приносили в жертву и бросали в колодец? — удивился юноша.

— Конечно. Но это не то, о чем ты подумал. Девушек не убивали. Они просто исчезали, а потом через некоторое время возвращались. Ну, по крайней мере, большинство из них.

— И что?

— И ничего. Девушки говорили, что на них ниспустилась божественная благодать, быстро выскакивали замуж и всю оставшуюся жизнь купались в богатстве и почестях. Сейчас все по-другому. Древние храмы ветшают. Служителей и прихожан становится все меньше. А жертвоприношение превратилось всего лишь в символ… Своеобразный способ избавиться от лишнего хлама.

— А как же Западный Ветер? Что значит, что он никогда не просит? — продолжал любопытствовать Николас.

— Культ Западного Ветра всегда стоял особняком от трех остальных. По правде говоря, этот храм посвящен именно ему. Раньше здесь готовили Стражей, таких как ты. В общем-то, в этом и заключался весь культ, — ответил настоятель, задумчиво глядя куда-то вдаль.

— А почему сейчас здесь нет Стражей?

— Почему же нет? Есть. Перед тобой один из них.

— Так вы Страж?

— Последний из воспитанников этого храма, — с сожалением ответил настоятель. — Раньше здесь обучалось до полусотни воинов, а теперь остались только мы трое.

— Мы с Эглаборгом могли бы остаться, тогда бы вас было пятеро.

— Ты хочешь остаться? Но здесь тебе придется много и тяжело работать, ты готов к этому?

— Да.

— Хорошо, тогда можешь начать с того, что разберешь эту кучу барахла, — настоятель указал рукой в сторону столика с

пожертвованиями. — Посмотри, тут что-то надо оставить, а что-то выкинуть, а кое-что можно переплавить.

Николас кивнул и принялся за работу. Деньги — это в основном были монеты мелкого достоинства — и утварь отделить удалось достаточно быстро. С оружием все вышло немного сложней. Затупленные клинки, с зазубринами, никудышным балансом и неудобными эфесами, покрытые сильной ржавчиной составляли большую часть пожертвований. Иногда попадались славные на вид вещицы, но присмотревшись легко было обнаружить плохую ковку или некачественный сплав.

Через час к Охотнику подошла Юки:

— Ты уже закончил? Я хочу сходить к Теплому озеру. Там растет белый лотос. Мы делаем украшения из его семян и продаем их в деревне. Не проводишь меня? — спросила она, улыбаясь так, что ей невозможно было отказать.

Йоси недовольно покосился в их сторону. Николас встал с земли и последовал за девушкой. Дорога к озеру проходила по пологому восточному склону. Вдоль нее цвели вишни. Ласковый ветерок кружил в воздухе розовые лепестки и медленно опускал их на землю, устилая ее пышным ковром.

— Как ты попала в Храм? — Николас сделал попытку начать непринужденную беседу.

— Несколько лет назад настоятель Кадзума нашел меня в лесу на восточном побережье этого острова. Он сделал мне предложение, от которого я не смогла отказаться, — несколько туманно ответила девушка.

— Какое предложение? — спросил Николас.

— Стать мико в Храме Ветров. Знаешь, у меня и выбора-то особо не было. У девочки-сиротки не так-то много возможностей выжить в нищей вечно голодной провинции. А если к тому же эта девочка видит мертвых… — Юки неожиданно замолчала и опустила глаза. — Расскажи лучше что-нибудь о себе.

— Обо мне? Да тут и рассказывать нечего… Я родился на Авалоре, таком же вот острове на западе Мидгарда, в семье потомственных Стражей. С детства меня обучали сражаться с демонами, а два года назад отправили на Охоту в священную долину Агарти, что лежит в Снежных горах. Совсем недалеко отсюда. После завершения последнего испытания я думал вернуться домой, но возвращаться было уже некуда, — снова повисла неловкая пауза. — Что-то не выходит у нас с тобой непринужденной беседы.

— Иногда лучше помолчать, — кивнула девушка в знак согласия.

Вулкан Кадзеямы потух много столетий назад, но магма до

сих пор нагревал подземные источники у подножия горы. Самый большой из них назывался Теплым озером. У берега густым лесом рос камыш. Николасу и Юки пришлось долго шагать вдоль него, чтобы найти просвет, ведущий к открытой воде.

— Ну вот, — расстроилась Юки. — Возле берега лотосов не осталось.

— А как же вон те цветы?

— Это лилии, они такие же красивые, как лотос, но абсолютно бесполезны. Лотос растет, на самой середине. Видишь, там уже есть несколько спелых коробочек семян. Но они так далеко…

— Я попробую до них доплыть, — Николас скинул с себя рубашку и штаны.

Юки кусала губы, молча глядя, как он нырнул в зеленую от водорослей воду. Озерная растительность неприятно заскользила по телу. Было достаточно мелко, но из-за телорезов, юноша не решался опуститься ниже. Он подплыл к одной из коробочек с семенами и уже протянул руку, чтобы сорвать ее. Вдруг вокруг его ноги оплелся тугой стебель и дернул под воду.

"Ну вот, теперь еще и с водяным придется разбираться", — отрешенно подумал про себя Охотник, опускаясь на дно.

"Чего тебе?" — мысленно задал вопрос Николас, когда тощее зеленокожее создание протянуло к нем свои перепончатые руки.

"Это тебе чего? Зачем полез ко мне в озеро?" — прозвучал в его голове булькающий голос.

"Мне нужны семена лотоса", — спокойно ответил Николас.

"Это мои семена, не отдам", — упрямо булькнул водяной.

"Зачем они тебе?" — живо поинтересовался юноша.

"Не знаю. Но если они нужны тебе, то и мне сгодятся. Так зачем они тебе?"

"Девушке хочу понравиться", — чистосердечно признался Николас.

Весь его опыт общения с подводными жителями подсказывал, что драться с ними на их территории равносильно самоубийству. А вот зубы заговорить вполне можно попробовать.

"Мико из храма?" — удивленно булькнул водяной. — "Я тоже хочу ей понравиться! Она такая красивая. Мико часто приходит собирать цветы на берег моего озера. Тогда я прячусь на дне и наблюдаю за ней".

"А почему ты не попробуешь с ней познакомиться?" — поинтересовался юноша.

"Боюсь, что я ей не понравлюсь", — понурил голову водяной.

"Ты этого не узнаешь, пока не попробуешь", — сказал Николас. — "Отпусти меня и принеси ей эти семена, а там уж сам

увидишь".

Водяной разжал руки и юноша, оттолкнувшись ногами от дна, всплыл на поверхность, жадно глотая ртом воздух.

— Николас! Что случилось? Возвращайся скорее! — встревожено крикнула Юки с берега.

— Все в порядке, — ответил он, мощными гребками плывя к берегу.

Но водяной его опередил. Он как будто с опаской выглянул из камышей и, не смея поднять свои желтые глаза, протянул Юки четыре коробочки с семенами лотоса. Девушка замерла от изумления.

— Я тут вам хм… цветочков собрал, — пробормотал он.

— Спа-спасибо, — девушка с трудом выдавила из себя слова.

— Юки, знакомься, это водяной, — сказал Николас, выбираясь на берег.

— Каппа[48], - поправил его подводный житель.

— Каппа, — быстро согласился Николас. — Он живет в этом озере и уже давно за тобой наблюдает. Ты ему очень нравишься, но он все это время стеснялся с тобой заговорить.

Каппа бросил на нее короткий взгляд и тут же отвернулся. Если бы его кожа могла менять цвет, то сейчас она бы точно стала пунцовой.

— Очень приятно, я мико из Храма Ветров, — вежливо сказала Юки.

— Я знаю, ты делаешь бусы из лотоса и танцуешь кагуру[49] в священные дни, — кивнул головой Каппа. — Я иногда прихожу вместе с крестьянами на ночные церемонии. Тогда они не замечают, что я не человек.

— Так это ты оставлял мне все эти букеты водяных лилий. Они прекрасны, — девушка ласково улыбнулась. — Знаешь, ты можешь приходить к нам в любое время, когда в храме нет посетителей. А я сделаю для тебя четки из лотоса, если захочешь, конечно.

— О, спасибо, ты настолько же добра, насколько и прекрасна, — восхитился Каппа. — Я обязательно приду и принесу еще семян, когда они созреют.

Юки подарила ему еще одну обворожительную улыбку. Каппа улыбнулся ей в ответ и скрылся в камышах. Николас натянул на себя одежду и они зашагали обратно по дороге к храму.

— Бедный-бедный малыш Каппа. Кажется, он без памяти в тебя влюбился, — заметил Николас с напускной серьезностью.

— Ты думаешь? — игриво переспросила у него девушка и они оба громко засмеялись.

В Храме их уже ждали. Йоси упражнялся с бамбуковой

палкой под наставления господина Кадзумы.

— Обычно мы проводим занятия утром. Но сегодня из-за церемонии тренировку перенесли на более позднее время, — шепнула Николасу Юки.

— А вот и вы. Николас, возьми ту палку. Сейчас мы проверим, на что ты способен, — сказал ему настоятель.

Йоси стал в боевую стойку и почтительно склонил голову. Николас последовал его примеру.

— Можете начинать, — подал им команду настоятель.

Йоси ринулся на него с ошеломляющей скоростью. Хорошо еще, что бамбуковая палка оказалась значительно легче меча, и он сумел быстро среагировать. Второй выпад последовал незамедлительно. Но на этот раз Николас был готов и контратаковал. Йоси резко уклонился в сторону. Николас снова атаковал. Противник сделал слишком резкое движение и потерял равновесие. Увидев его ошибку, Николас легким изящным движением сбил его с ног. Настоятель сделал знак, что поединок окончен. Николас подал Йоси руку, чтобы помочь встать, но тот с гордым видом отвернулся и поднялся сам. Кадзума бросил на ученика укоризненный взгляд. Тот нехотя склонил голову в знак почтения перед противником. Николас снова повторил его движение и вопросительно глянул на настоятеля.

— Пять ударов. Тебе понадобилось целых пять ударов, чтобы победить, — заключил настоятель. — А теперь посмотрим, что у тебя получится со мной.

На этот раз Николас атаковал первым. Настоятель не стал уворачиваться, а с легкостью парировал его. Палка казалась продолжением его руки, послушно следовавшей каждому движению мускулов Кадзумы. Его выпад был настолько стремительным, что Николас едва успел отбить его. Не теряя драгоценного времени, Николас попытался нанести обманный удар по ногам противника. Но ничего не вышло. Настоятель резким движением чуть не выбил у него палку. Перехватывая ее руками, Николасу увернулся от следующего выпада и решил использовать телекинез. Целясь в корпус противника, он сосредоточился на кончике палки и замахнулся. Но прежде чем он успел достичь цели, пришедший откуда-то снизу удар сбил с ног.

— Пять ударов. Мне понадобилось всего лишь пять ударов, чтобы победить, — подвел итог Кадзума, помогая юноше встать на ноги. — Ну что, теперь скажи, в чем твоя проблема.

— Мне не хватает скорости и ловкости, — смущенно ответил Николас. Ему-то всегда казалось, что он фехтует вполне сносно. Перед отъездом с Авалора Николасу даже удалось выиграть

последние несколько боев с Мидриром, а рядом с настоятелем Кадзумой он оказался просто желторотым новичком.

— Целых пять ударов! Настоятелю Кадзуме понадобилось целых пять ударов, чтобы его победить! — восхищенно прошептала Юки над ухом Йоси.

— Новичкам везет, — поморщился оборотень.

— Но нас обоих он всегда побеждал с первого удара, — возразила ему девушка. Йоси досадливо промолчал.

— Правильно. Силы у тебя хоть отбавляй, а вот над техникой еще работать и работать, — согласился с Николасом настоятель. — Юки, заканчивай свое обсуждение с Йоси и покажи нам, как ты двигаешься.

Девушка неожиданно покраснела и выступила вперед. Николас с интересом уставился на нее. Юки подарила ему свою самую очаровательную улыбку, и уверенно закружилась в быстром танце. Каждое ее движение легкое, отточенное. Ни единого лишнего усилия. Естественная грация, соединенная с искусным владением собственным телом. У Николаса невольно вырвался восхищенный вздох.

— Твой бой на мечах должен быть сродни танцу. Изящный и страстный. Попробуй станцевать вместе с ней, — настоятель подтолкнул Николаса к Юки. — Повторяй ее движения.

Девушка показал ему несколько элементарных шагов, но у Николаса они все получались какими-то скованными и неловкими.

— Ты слишком зажат, расслабься, — подсказала ему девушка.

Он сделал глубокий вдох и выдох, закрыл глаза и повторил все сначала.

— Да, так лучше, только глаза открой, — велел настоятель. Но как только Николас открыл глаза и увидел Юки, то тут же споткнулся на ровном месте.

— Ага, надо еще и силу воли тренировать. Давай, не отвлекайся, — посмеиваясь, заметил настоятель.

Николас собрался с духом и, про себя перечисляя двести видов самых опасных северных демонов, начал двигаться.

— Хорошо. Теперь замри и послушай, как бьется твое сердце. Слышишь? — Николас утвердительно кивнул. — Это твой ритм. Каждое твое движение должно быть подчинено ему.

Николас последовал его совету. Получилось довольно сносно, по крайней мере, ему так казалось.

— Э, нет, — покачал головой Кадзума. — Так не пойдет. Ничегошеньки ты не слышишь. Йоси, неси барабан.

Послушник недовольно нахмурился.

— И нечего мне тут зубы скалить. Ты и сам ритм через раз

ловишь. Тебе тоже полезно будет, — прикрикнул на него настоятель.

Йоси буркнул себе под нос что-то неразборчивое, но барабан все-таки принес. Звуки ударов гулким эхом отражались от камней.

— Хорошо, быстрее не надо, — последовало указание от настоятеля.

Так действительно стало легче. Выровнялось дыхание. Движения стали более четкими, уверенными.

— Теперь отвлекающее обстоятельство. Юки, добавь парные движения, — скомандовал Кадзума.

Девушка взяла его за руки. По его спине пробежались мурашки, но на этот раз Николас не позволил смущению взять надо собой верх.

— Ты опять весь напрягся. Успокойся, а то я подумаю, что ты никогда не обнимал девушку, — усмехнулась Юки. Николас предпочел не отвечать, про себя перечисляя 50 наиболее действенных способов борьбы с водяными демонами. — Так лучше, только смотри, не отдави мне ноги.

— Мда, это действительно, больше похоже на борьбу, чем на танец, — покачал головой настоятель. — Ладно, на сегодня, пожалуй, хватит.

Обитатели храма разошлись каждый по своим делам и только к ужину собрались вместе. Эглаборг завел долгую и скучную беседу с настоятелем об уникальных свойствах местной флоры, а так же о тонизирующих эффектах О-тя. Йоси не выдержал первым. Вылизав до блеска свою тарелку, он с едва слышным хлопком обернулся енотом и юркнул за дверь. Юки быстро собрала грязную посуду и отправилась ее мыть. Николас очень тихо встал из-за стола и последовал за ней. Но к тому моменту, как ему удалось обнаружить девушку у маленького колодца за главным святилищем, она уже успела перемыть всю посуду.

— Пойдем, я покажу тебе свою комнату, — предложила Юки, глядя, как он переминается с ноги на ногу.

— Пойдем, — быстро согласился юноша.

Комната Юки находилась в восточной части жилого дома. Она была самой маленькой и светлой. В углу стоял единственный предмет мебели — огромное трехстворчатое зеркало с золоченой резной рамой. Глядя на свое отражение, юноше вдруг стало не по себе.

— У тебя очень милая комната, — пробормотал он из вежливости. Хотя сказать хотелось что-то совсем другое.

— Я единственная девушка во всем храме, поэтому мне не надо ее ни с кем делить, — улыбаясь, сообщила ему Юки,

указывая на одинокий матрац, расстеленный посреди комнаты. — Садись, хочешь поговорить со своими близкими? Я могу их вызвать.

— Я не знаю, стоит ли, — замялся Николас.

— Давай попробуем, — она заговорщически ему подмигнула, и юноша просто не смог устоять.

— Что я должен делать?

— Просто дай мне руку, — ее маленькая белая ладошка легла в его широкую, огрубевшую за время странствий руку. — Гм, ничего не выходит. Дай вторую. Все равно не получается. Это странно…

— Что странно? — забеспокоился Николас.

— Я не вижу, — удивленно развела руками девушка.

— Так может они все-таки живы? — с надеждой спросил юноша.

— Нет, ты не понимаешь. Обычно я могу вызвать любого умершего родственника человека до третьего колена. А у тебя я вообще никого. Как будто ты не человек вовсе, — озадаченно заметила девушка.

— Ты видишь мертвецов, каждый раз, когда кого-то касаешься?

— Я медиум. Таков мой дар, — пожала плечами девушка. — Нет, ну вообще-то физический контакт мне нужен, чтобы вызвать кого-то определенного. Обычно я вижу лишь тех, кого не забрали жнецы.

— Знаешь, я как-то раз видел Жнеца, — вдруг вспомнил Николас.

Девушка неожиданно нахмурилась:

— Как видел? Но для этого ты должен был умереть.

— Но я жив. Думаю, тогда я просто был на грани.

— Даже если и так, ты не должен был запомнить встречу с ним, — покачала головой Юки, продолжая гладить его ладони. — У тебя очень холодные руки.

— Они всегда были такими, сколько я себя помню, — пожал плечами Николас. — А это плохо?

— Нет, наверное, ты в прошлой жизни умер в месте, где было очень холодно, — задумчиво ответила Юки. — Как будто этот холод не отпускает тебя даже сейчас… Нет, все-таки ты человек, если у тебя была прошлая жизнь. Только почему-то все родственные связи разорваны. Тебе никогда не снятся страшные сны?

— Нет, тревожные — иногда, но страшные… Я бы не назвал их страшными. Меня скорее бессонница мучает, чем кошмары, — пожал плечами юноша.

— Бессонница бывает от перенапряжения, — Юки перешла на свой обычный непринужденный лад. — Хочешь я помогу тебе расслабиться?

Николас опешил от ее предложения и прежде, чем он успел что-нибудь ответить, девушка стянула с него рубаху.

— Ты такой худой, — неодобрительно заметила она.

— Я никогда особо плотным не был, а во время путешествий нет возможности много и хорошо питаться, — попытался зачем-то оправдаться Николас.

— Ну, это ничего. Мы здесь тебя живо откормим, — весело ответила ему девушка. — Ложись, не бойся, тебе будет приятно, я обещаю.

Юноша лег на живот и закрыл глаза. Мягкие нежные руки запорхали по его спине, разглаживая напряженные мышцы. По телу расплывалась блаженная нега. Николас перевернулся на спину. От усилий на бледном лице девушки загорелся яркий румянец. Несколько прядок выбились из высокой прически. Он, наконец, решился. Притянул к себе и поцеловал. Жадно, со страстью, которую он прежде никогда не испытывал. Сердце забилось в груди, как бешеная птица. По спине пробежали мурашки. Было хорошо, действительно хорошо в первый раз в жизни.

Острова Алого Восхода. 1568 г. от заселения Мидгарда.

Прошло полтора года с тех пор, как он впервые появился на пороге Храма Ветров. Теперь это место стало ему более родным и близким, чем собственный дом. Жизнь здесь текла медленно и безмятежно, превращая каждый день в праздник.

Настоятель Кадзума с энтузиазмом взялся за его обучение, назначив по три тренировки в день: утренняя — для тела, дневная — для меча, и вечерняя — для духа. С утренней тренировкой проблем никогда не было. Он любил лазать по скалам, в поисках птичьих гнездовий или редких мхов для зелий Эглаборга, нырять в океане за жемчужницами для храмовых поделок или просто танцевать вместе на церемониях вместе с Юки. Дневная тренировка была посвящена искусству фехтования. Николас не знал, кому она доставляет большее удовольствие: ему или настоятелю Кадзуме, у которого впервые появился достойный противник, который при удачном стечении обстоятельств мог одержать над ним победу. А вот с третьей все оказалось намного сложнее. Его дух, как говаривал настоятель, никак не хотел быть укрощенным. То ему не давали покоя воспоминания о погибшей семье, то чутье на демонов начинало бунтовать, крича во все

горло о невидимой опасности, то отношения с Юки не позволяли сосредоточиться. Поэтому в последнее время вечерняя тренировка стала еще и утренней, и дневной. Рубцы от печати сходили с руки очень медленно. Зато Николас научился передвигать хрупкий фарфор, не оставляя на нем трещин.

В перерывах между тренировками, Николас помогал настоятелю в храмовой кузнице, где они переплавляли пожертвованный хлам в оружие и украшения, которые Йоси продавал или выменивал в деревушке у подножья Кадзеямы. Но основной доход храму приносила плата за очищение окрестных земель от демонов-йокаев. Примерно раз в неделю из деревень приходили слезные просьбы о том, чтобы храм избавил их от грабежей Оньи или гнева мононоке[50]. Настоятель часто отправлял Николаса и Йоси разобраться с разбушевавшимися демонами. Однако оборотень в последнее время стал совсем угрюмым и отказался ходить на охоту с Николасом, несмотря на недовольство настоятеля.

***

Первые лучи восходящего солнца перекрасили маленькую комнату в таинственные багровые тона. Николас поднял руку вверх, глядя как свет сочиться сквозь раздвинутые пальцы.

— Что ты делаешь? — спросила Юки, поднимая голову с его груди.

— Ничего, — тихо ответил он, целуя ее в макушку. — Мне уже пора на утреннюю тренировку.

— Утренняя тренировка, дневная тренировка, вечерняя тренировка, работа в храмовой кузнице. Настоятель Кадзума совсем решил тебя со свету сжить, — капризно сказала Юки. — На нас с Йоси он никогда не тратил больше нескольких часов в день.

— Смотри, не накаркай, а то он скоро мне и ночную тренировку придумает, — шутливым тоном заметил Николас, натягивая на себя шаровары. — Встретимся за завтраком. Люблю тебя. Не скучай.

Как только он вышел, Юки поднялась и подошла к зеркалу. Его поверхность заколебалась. Внутри появилась призрачная фигура, с каждой минутой приобретая все более четкие очертания, пока вместо своего отражения девушка не увидела седую морщинистую старуху с выцветшими от времени глазами.

— Ну что, счастлива, дочка? — спросила она скрипучим голосом. — Заморочила голову глупому мальчишке? А все-таки мы с тобой не так сильно отличаемся.

— Прекрати, мама. Я не ты. Я бы никогда не стала заманивать к себе мужчин с помощью приворота, — глаза Юки

презрительно сощурились. — Он меня любит и без этого.

— Ну, конечно, он тебя любит… Как кошка мышку. Так, забавляется до поры до времени. Но стоит ему снова заслышать зов дорог, он тут же тебя бросит, — издевалась старуха.

— Ты лжешь. Ты всегда лжешь. Он никогда меня не бросит, — сорвалась на крик девушка.

— Я не лгу. В его сердце живет другая. Та, из прошлой жизни. Она никогда его не отпустит. Не веришь, загляни в его альбом, — старуха кивнула на сваленные в углу вещи Николаса.

Юки поджала губы и подняла с пола альбом. Она нашла то, о чем говорила старуха на третьей странице. Девушка, совсем еще ребенок, но выписанная с такой любовью и нежностью, что в душе Юки невольно начала подниматься жгучая ревность. Она перелистала альбом. Рисунок повторялся, как наваждение, через каждые пять страниц.

— Юки, что ты делаешь? — девушка чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Николас, я просто… просто, — судорожно пыталась придумать ответ Юки.

— Просто рылась в моих вещах, — подсказал ей Охотник. — Что ты там такое увидела, что на тебе лица нет?

— Кто это? — мрачно спросила она, показывая рисунок.

— Просто девочка, — недоуменно пожал плечами Николас. — Ничего особенного.

— Ничего особенного? Тут пять или шесть ее портретов. И сделаны они на порядок лучше, чем все остальные, — Юки с укором посмотрела на него.

— В самом деле? — Николас взял альбом и перелистал его. Он не мог этого объяснить. Просто рисовал то, что получалось. А получалось неизменно одно и то же. — Это ничего не значит. Просто у нее такое лицо. Его легко рисовать… Ладно, если это так сильно тебя расстраивает, я не буду больше этого делать.

Глядя в ее грустные глаза, он добавил:

— А хочешь, я тебя нарисую.

Юки кивнула. Взгляд Николаса упал на ее руку. На указательном пальце был сломан ноготь, и шла кровь.

— Откуда это? — встревожено спросил он. — Этого не было, когда я уходил.

— О, не знаю, я даже не заметила, как это произошло, — удивилась девушка, разглядывая рану. — Не беспокойся, это пустяки.

— Ладно, — сказал он, доставая кисточки из сумки. — Юки, может, мы уберем отсюда это зеркало?

— Нет, мы уже сто раз это обсуждали. Мое зеркало останется

здесь, — настояла на своем девушка.

Николас быстро поцеловал ее на прощание, мысленно давая себе зарок, что при случае он обязательно разобьет это проклятое зеркало.

***

— Настоятель Кадзума… — начал было Николас, но монах оборвал его на полуслове.

— Вначале занятия, разговоры потом, — назидательным тоном сказал он.

— Да-да, знак вечности, уже черчу, — угрюмо ответил юноша.

Кисточка сама окунулась в краску и заскользила по бумаге.

— Эй, разве это знак вечности? Это какая-то кривая загогулина. Николас, соберись! — досадливо покачал головой настоятель, но видя, что его ученик не в состоянии ничего делать, смягчился: — Ну что у тебя стряслось?

— Это Юки. Она странно себя ведет, — настоятель недоуменно уставился на него. — Она же медиум…

— Ты боишься, что она сходит с ума? — настоятель удивленно вскинул брови настоятель.

— Сегодня она взбеленилась из-за моих рисунков, а потом сломала ноготь и не заметила, как это произошло, — поведал ему о своих заботах Николас.

— А кто был на тех рисунках? — подозрительно поинтересовался настоятель. — Девушка?

— Не девушка, а девочка. В любом случае, это не повод для ревности.

— Николас, ты совсем не знаешь женщин. У них поводом для ревности может послужить все, что угодно, — попытался успокоить его настоятель. — Юки умная и сильная девушка. Не надо ее недооценивать. Все будет в порядке.

— Тогда хотя бы заставьте ее убрать это дурацкое зеркало из комнаты, — не сдавался Николас.

— Это зеркало — единственное, что осталось от ее старого дома. Она ни за что не согласится, — Николас опустил голову от бессилия.

Кисточка снова окунулась в краску и на этот раз медленно и аккуратно выписала замысловатый знак на бумаге.

***

Настоятель Кадзума медленно вертел точильный камень, наблюдая, как его ученик латает крышу святилища.

— Сбоку еще посмотри, — крикнул он.

— Тут все в порядке. Еще лет десять течь не будет, — ответил Николас.

— Хорошо, тогда перебирайся на другое здание.

Юноша ловким прыжком перескочил на соседнюю крышу. Приземлился легко, как кошка, помня о том, что если повредит черепицу, самому же придется ее восстанавливать.

— Он так сильно вырос за это время, — задумчиво сказала Юки, которая сидела рядом с настоятелем и перебирала семена лотоса..

— Ты находишь? — удивленно переспросил настоятель, присматриваясь к высокой фигуре на крыше.

Николас действительно сильно вытянулся и возмужал за эти полтора года. Излишняя худоба прошла благодаря хорошему питанию и строгому распорядку дня. Движения стали более ловкими и уверенными.

— Мне иногда кажется, что он перерос нас всех: меня, вас, наш храм, даже весь наш остров. Как будто мы уже не помогаем, а просто сдерживаем его, — продолжила свою мысль девушка.

— Он беспокоится за тебя, Юки. Мне тоже следует начать беспокоиться? — вкрадчивым голосом спросил настоятель.

Семена упали обратно в корзину.

— Нет, у меня все под контролем, — заверила его девушка и ушла обратно в дом.

Настоятель проводил ее задумчивым взглядом.

***

Николас подошел к двери в их комнату и услышал, как Юки разговаривает сама с собой. Он тяжело вздохнул и распахнул двери. Девушка стояла перед зеркалом. На ее руке расплывался крупный синяк.

— Юки, все в порядке? — встревожено спросил он.

— Да, конечно, я ждала тебя. Я оставила тебе О-тя и онигири[51] с ужина, — Николас недовольно поморщился.

— Не бойся, они с бобами, я специально выбирала, — рассмеялась девушка, глядя на его гримасу. — На этот раз никаких угрей, честно.

— Ну что ж, придется поверить тебе на слово, — засмеялся вместе с ней Николас и принялся за еду.

— Николас, я тут подумала, — начала издалека девушка, наблюдая, как он доедает последний рисовый шарик. — Помнишь, настоятель Кадзума проводил церемонию венчания для той пары беженцев из Поднебесной?

— У-у-у, — неразборчиво пробормотал Николас с набитым ртом.

— Она была такая тихая и скромная, — продолжала мяться Юки. — Мы бы ведь тоже могли обвенчаться.

— Обвенчаться?! — юноша поперхнулся от

неожиданности. — Ты хочешь обвенчаться?

— Не то, что бы это что-то значило, но мне бы было приятно, — пробубнила девушка себе под нос.

— Но Юки, я не тот человек… — она расстроено поджала губы и опустила голову, глаза заблестели.

— Только не это, Юки, — в отчаянии вскричал Николас. Он не переносил вида ее слез. — Ну хорошо, я подумаю. А сейчас… сейчас я попробую тебя нарисовать.

Юки радостно улыбнулась и села, сложив руки на груди.

— Расслабься, я обычно рисую по памяти, — подмигнул ей юноша.

Перо обмакнулось в чернильницу и пустилось в медленный пляс по бумаге. Девушка заворожено наблюдала за его работой. Взгляд юноши был направлен не на перо, а куда-то внутрь себя. На виске вздулась маленькая жилка. Он сидел неподвижно, как одна из статуй у входа в святилище.

— Ну как, нравится? — спросил Николас, отвлекая ее от каких-то своих мыслей.

— Да, а тебе? — сказала Юки, рассматривая рисунок. Он был безупречен.

— Не знаю, — пожал плечами юноша. — По-моему, что-то не так с глазами.

— А мне кажется, очень похоже, — она украдкой коснулась его щеки.

Рисунок упал на пол. Николас привлек девушку к себе, покрывая ее лицо нежными поцелуями. "Что-то не так с глазами", — продолжала терзать его предательская мысль.

— Настоятель Кадзума, я хотел с вами поговорить об одном важном деле, — сказал Николас, наблюдая, как плавленая сталь растекается по форме.

— Слушаю тебя, мой мальчик, — подбодрил его настоятель, опуская раскаленный меч в воду. Раздалось громкое шипение.

— Не могли бы вы устроить церемонию венчания для нас с Юки? — спросил он, внимательно глядя на настоятеля. Тот вдруг нахмурился:

— Ты уверен, что хочешь с ней повенчаться? Обратной дороги уже не будет.

— Уверен, — тихо подтвердил свое намерение юноша. Настоятель поднял его лицо за подбородок и внимательно глянул ему в глаза.

— Хорошо, но прежде ты должен кое-что узнать. Не сердись, что не сказал тебе об этом раньше. Просто Юки… с ней бывает тяжело, — настоятель с трудом находил нужные слова, а потом

произнес все на одном дыхании. — Она опаивала тебя последние несколько дней.

— Что?! — ошарашено переспросил Николас.

— Она подливала тебе приворотное зелье в питье. Зная это, ты уверен, что хочешь с ней обвенчаться? Уверен, что твое решение не морок, вызванный ее зельем? — сказал настоятель, смиряя его пронзительным взглядом.

— Настоятель Кадзума, пришли люди из восточной деревни, — прервал их разговор Йоси. — Они очень напуганы и просят, чтобы вы вышли с ними поговорить.

— Уже иду, — кивнул тот и направился вслед за оборотнем.

Николас вихрем промчался по коридору до их комнаты и резко распахнул дверь. Юки стояла перед зеркалом. Он готов был поклясться, что на мгновение увидел в нем какую-то странную фигуру.

Юки резко обернулась. Ее ногти впивались в ладони. На пол тихо падали алые капли.

— Кто это был? — спросил Николас изо всех сил стараясь держать себя в руках.

— Где? — с невинным видом переспросила девушка.

— В зеркале, — коротко ответил он, чувствуя, как внутри все клокочет.

— О чем ты? Здесь только мое отражение, — ответила ему Юки.

— Не лги мне, — он возразил ей резче, чем хотел.

Девушка тут же вжала голову в плечи:

— Я не понимаю, о чем ты.

— Ах, не понимаешь, — Николас с ненавистью глянул на зеркало. Оно с грохотом рассыпалось на мелкие осколки.

Девушка вздрогнула, как будто ее ударили.

— Зачем ты опаивала меня приворотным зельем? — его голос непроизвольно сорвался на крик. — Не стоит отпираться, настоятель Кадзума мне обо всем рассказал.

— Николас, я не… прости, я… — Юки путалась в словах. По щекам текли крупные слезы. — Ты… ты говоришь, что любишь меня… Но я не вижу себя в твоей судьбе. Ты взял от этого храма все, что мог. Совсем скоро ты уйдешь. А я… я не могу тебя отпустить. Я слишком сильно…

— Юки, ну что за бред? Мой дом здесь, в этом храме, рядом с тобой. Я не собираюсь никуда уходить, — попытался успокоить ее Николас.

— Тогда обвенчайся со мной, — всхлипывая, произнесла она.

— Как я могу с тобой обвенчаться, если ты не веришь в мои чувства? — спросил юноша.

— Николас, настоятель Кадзума срочно зовет тебя. Кажется, есть работа, — крикнул Йоси с порога комнаты.

— Николас, так как насчет венчания? — с нотками отчаяния в голосе спросила Юки.

— Потом поговорим, — махнул на нее рукой юноша.

— Я люблю… — сказал девушка, но его уже и след простыл, — тебя.

Неожиданно перед глазами все потемнело, и она рухнула на пол.

***

Разоренную деревню было видно издалека. Над ней горело яркое алое зарево, посреди которого плыл по воздуху огромный черный шар.

— Что это? — удивился Йоси, разглядывая демона из-за кустов

— Сгусток отрицательной энергии, — ответил настоятель, внимательно вглядываясь в черноту шара.

— Говорят, это что-то вроде кубка ниток. Он невидимым катится по свету, собирая человеческие обиды и злодейства, пока не вырастет до чудовищных размеров. А потом убивает все живое вокруг, — настоятель с Йоси пораженно уставились на Николаса. — Что? У нас тоже такие встречаются.

— Когда мы вступим в бой, он начнет выпускать ядовитые щупальца, — продолжил Кадзума. — Не дайте им коснуться себя. Отвлеките его, а я попробую взорвать его изнутри. Понятно?

Оба юноши согласно кивнули.

— Тогда вперед, — скомандовал настоятель.

Йоси с Николасом выхватили мечи и бросились в атаку. Шар громко зашипел. От его непроницаемой оболочки отделились два щупальца и направились в их сторону. Николас с Йоси одновременно отрубили их. Шар зашипел еще громче и выпустил четыре щупальца. Их постигла та же участь, что и предыдущие. Вскоре щупальца заполонили все вокруг. Йоси обернулся енотом и с огромной скоростью носился между ними, с трудом уворачиваясь от ударов. Николас кружился в дикой пляске, ускользая от одних и отрубая другие отростки. Краем глаза он заметил, что енот выбивается из сил.

— Настоятель Кадзума, сейчас! — крикнул Николас во все горло.

Он увидел, как по щупальцам прошла легкая рябь. Несколько десятков оторвались и разлетелись в стороны. Но это не помогло. Шар продолжал с шипением выпускать все новые и новые отростки. Пошла вторая волна. На этот раз оторвалось около полусотни щупалец. Только благодаря этому, Николасу удалось

разглядеть в черном месиве настоятеля. Он стоял, вскинув руки вверх. Щупальца лупили по окружавшей его невидимой преграде. Она таяла прямо на глазах. Из носа Кадзумы стекали алые струйки крови. "У него не хватает сил", — мгновенно догадался Николас.

— Вместе на счет три! — крикнул юноша.

Настоятель хотел его остановить, но тот уже кричал:

— Три!

Йокай разлетелся на мелкие кусочки, покрывая все вокруг черной копотью. В руку Николаса точно впились тысячи острых зубов. Он прикусил губу, чтобы не закричать от боли. "Она моя, теперь точно", — прозвучал скрипучий старческий голос в его голове. Йоси бросился к нему и подхватил прежде, чем он упал на землю.

— Все в порядке, — хриплым голосом пробормотал Николас, переводя дух.

— Ты сорвал печать… Не надо было, — слабым голосом ответил ему настоятель.

— Но если бы я этого не сделал, эти щупальца наверняка вас достали, — возразил ему юноша.

— Ты прав. Но старший здесь я, поэтому и рисковать должен я, а не ты, — грустно ответил ему Кадзума. — Юки была права насчет тебя.

— А?

— Не важно. Пора возвращаться, — махнул рукой настоятель, и они дружно зашагали по дороге к храму.

***

Они вернулись глубоко за полночь. Храм встречал их мрачным молчанием каменных глыб. Когда они вошли в жилое здание, Йоси споткнулся обо что-то в темноте. Николас опустил фонарь на пол, чтобы посмотреть, что это было, и с ужасом понял, что это Эглаборг.

— Настоятель Кадзума! Скорее сюда, — позвал оборотень.

Целитель дышал, но был без сознания. По всей видимости, его оглушили.

Во всем доме явственно ощущалось присутствие демона. Николас со всех ног бросился в комнату Юки. Из поломанных дверей торчали острые щепки. Матрац разодран. По всей комнате валялись клочки материи, осколки зеркала и одежда.

— Юки! — громко позвал Николас. — Юки!

— Что стряслось? — на пороге появился испуганный Йоси.

— Юки пропала. Я думаю, ее похитил йокай, — ответил Николас, поднимая осколок зеркала с пола.

— Йокай? Откуда здесь взяться йокаю? На нашем храме стоит

специальная защита. Ни один йокай не сможет сюда пробраться, — горячо возразил ему оборотень.

— А если он попал сюда, спрятавшись в какую-то вещь? Например, в зеркало, — юноша кивнул на раскиданные по полу осколки. — Я попытаюсь его выследить.

Николас быстрым шагом направился прочь из комнаты.

— Погоди, я с тобой, — крикнул Йоси и последовал за ним.

***

Прошло около двух недель с начала их скитаний. След демона вел по безлюдным лесам и болотам, то обрываясь, то снова возникая как бы из ниоткуда. Пару дней назад они поднялись в горы. Очень рано в этом году пошел снег. Ноги вязли в глубоких сугробах, что сильно затрудняло их путь. Чем ближе они подбирались к демону, тем сильнее Николасу хотелось повернуть назад. Его мучило какое-то страшное предчувствие. Как будто в голове складывалась картинка, которую он не хотел видеть. Внутренний голос умолял его остановиться, повернуть назад, не смотреть.

На перевале они встретили одинокого крестьянина.

— Не ходите на эту гору, — счел своим долгом предупредить он. — Много лет назад там жила Снежная ведьма[52]. Обернувшись красивой девушкой, она заманивала к себе заблудившихся путников, усыпляла, а потом пожирала их сердца. Там до сих пор осталась ее хижина. Вчера я видел там дым. Она вернулась. Точно вам говорю. И снова возьмется за старое.

Николас решительно кивнул оборотню. Их путь лежал именно туда. В хижину ведьмы. Ночью поднялась метель. Не утихла она и утром. Идти было очень сложно. Йоси превратился в енота и бежал впереди. Вдруг посреди кружащего на ветру снега возникла фигура. Белое, едва отличимое от снега кимоно трепетало на ветру. Длинные темные волосы, раскиданные по плечам, были припорошены легким инеем. Алые губы растянулись в ласковой улыбке.

— Николас, Йоси, вы нашли меня! — донесся до них сквозь порывы ветра нежный голос Юки.

Оборотень кинулся к ней прежде, чем Николас успел его остановить. Девушка обняла его. Йоси тут же обмяк и безвольно упал к ней на руки.

— Николас, — тихо позвала она.

Охотник застыл на месте.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Юки, разве ты сам не видишь, — ответила она, приближаясь к Николасу.

— Может, ты выглядишь, как она. Но ты — не она, — сквозь

зубы прорычал он, принимая боевую стойку. — Я узнал тебя. Ты — тот йокай из зеркала. Я чувствовал твое присутствие каждую ночь в нашей комнате.

— Ты ошибаешься, — тихо прошептала девушка над самым его ухом, неведомо как оказавшись у него за спиной. — Я повелительница метели. Богиня, если хочешь, а не презренный йокай. Когда-то мне покланялись и приносили жертвы. Я была благостной и прекрасной. Но потом люди забыли обо мне: забросили мои храмы, разрушили алтари. Знаешь, только высшие боги обладают истинным бессмертием. Все остальные зависят от людей и их веры. Она служит для нас пищей, как для вас рис или рыба. Когда люди забывают нас, мы исчезаем. Но я была слишком красива, чтобы покориться такой участи. Поэтому я стала Снежной ведьмой. И знаешь, что я обнаружила? Страх пригоден в пищу не хуже веры. В них есть что-то общее… Так я и жила, отравляя разум людей своими чарами, пока на пороге моего жилища не появился один монах. Он хитростью заключил меня в зеркале и забрал себе мою дочь.

— Юки? — Николас ахнул от ужаса.

— Да, Юки. Она стала мико, хранительницей моего зеркала, пока не появился тот, у кого достало силы его уничтожить, — Николас почувствовал, как мороз пронзал его тело в местах, где его касались руки ведьмы.

— Я-я уничтожил его, — его зубы колотились от холода.

— Ты опоздал. Я успела заронить зерно ревности в душу своей девочки и сквозь него проникнуть в ее тело. Притаившись на самом дне ее сознания, я ждала, пока ты не разобьешь ей сердце, — ее голос холодил не меньше, чем прикосновения. — И, в конце концов, ты сделал это.

"Венчание!" — догадался он. — "Почему я от нее так отмахнулся? Я же хотел сказать да. Просто времени не было… Нет… Это я хотел потянуть время".

— Юки, ты меня слышишь? Юки, я люблю тебя. Пожалуйста, вернись ко мне. Не позволяй этой ведьме распоряжаться своим телом, — в отчаянии крикнул Николас, принимая ее в свои объятия.

— Правильно мальчик, засыпай, — убаюкивала его Снежная ведьма. Веки стали тяжелыми, дыхание замедлялось, глаза заслонила мутная пелена. — Вот так, ты увидишь ее во сне. Тихом и безмятежном. И там вам никто уже не помешает.

— Николас! Николас! — разбудил его рокочущий голос мертвого бога. — Не спи. Не смей спать, слышишь?! Хватит того, что один из нас почил вечным сном. Не поддавайся на ее чары. Ну же, вспомни про Юки. Ты должен ее спасти.

Морозный воздух больно обжигал легкие. Тело сковала толстая корка льда. Он собрал последний остаток сил. Лед раскололся на мелкие кусочки.

— Ты так легко не сдашься, да? — сказала Снежная ведьма, оценивающе глядя на него. — Что ж, придется воспользоваться этим.

Девушка достала из полы своего кимоно небесный клинок. В сердце что-то кольнуло. Руна перт у эфеса загорелась странным фиолетовым светом. Через мгновение пламя распространилось по всему клинку.

— Не делай этого, — в отчаянии крикнул он. — Этот клинок предаст тебя.

— Нет, он предает только вас, жалких людишек. А мне он покорится. Сейчас сам увидишь, — с этими словами она взмахнула мечом над его головой. Николас поднял вокруг себя слабый силовой щит. На большее он не был сейчас способен.

— Стой, но ведь Юки… — он не успел договорить.

На тягостную долю секунды ему показалось, что время остановилось. Меч сам собой выскользнул у нее из рук. Перевернувшись в воздухе, он наткнулся на невидимую преграду и каким-то невероятным образом вонзился ей в живот.

— …Всего лишь человек, — закончил он.

Раздался душераздирающий вопль. Кровь струями брызнула на белый снег.

— Николас, — печально произнесла Юки. Юноша рванулся вперед и подхватил ее. Он положил ее голову к себе на колени и аккуратно вынул меч из ее тела.

— Николас, — снова позвала она.

— Я здесь, здесь, — Охотник сделал слабую попытку ее успокоить.

— Прости меня, — едва слышно произнесла она.

— За что? — удивленно спросил Николас.

— Я боялась, что ты уйдешь от меня, а на самом деле ухожу я, — она слабо улыбнулась. — Прости меня.

— Я прощаю, прощаю, — ответил юноша сквозь слезы. Ее глаза вдруг стали стеклянными.

Он прижал ее к себе, целуя похолодевший лоб и щеки.

— Юки! Что произошло? — едва очнувшись, вскричал Йоси.

Николас никак не ответил, лишь продолжал еще сильнее прижимать к себе тело девушки. Алое пятно расползлось по снегу во все стороны. Лишь место, где лежал небесный клинок осталось чистым.

— Николас! — крикнул Йоси, изо встряхнув его за плечи.

Тот лишь чуть повернул голову и уставился на оборотня

невидящим взором.

— Что произошло? — в ужасе от открывшегося перед ним зрелищем, спросил оборотень.

— Она умерла… — произнес Николас чужим сиплым голосом и отвернулся.

— Николас, вставай, мы должны вернуться в храм к настоятелю, — не в силах больше выносить его тихое помешательство, сказал Йоси.

— Иди без меня, — коротко кинул ему Николас.

— Но я не могу оставить тебя в таком состоянии, — попытался урезонить его оборотень.

Николас ничего не ответил и начал раскачиваться взад-вперед, перебирая темные пряди волос мертвой девушки.

— Прекрати! — закричал на него Йоси, по его щекам градом катились крупные слезы. — Я тоже любил ее, но она предпочла тебя, потому что ты был сильнее и умнее меня. Глядя на тебя, мне самому хотелось стать лучше. А сейчас я тебя не узнаю. Ты развалина, тряпка, даже хуже. Сидишь здесь и жалеешь себя, как последнее ничтожество. Не можешь даже отцепиться от мертвого тела. Юки бы стало тошно от одного твоего вида.

Николас взглянул на него исподлобья. Глаза его снова обрели былую ясность. Юноша медленно поднялся на ноги и зашагал обратно к перевалу, неся мертвую девушку на руках, словно хрупкую ношу. Йоси подобрал злосчастный меч и побрел вслед за ним.

***

Настоятель обходил с факелом тело, закутанное в белый саван, поджигая торчащую из-под него солому и хворост. Алое пламя, потрескивая в такт собственному танцу, медленно пожирало предложенную ему пищу. Николас и Йоси стояли низко опустив головы, избегая смотреть друг другу в глаза. Недавно оправившийся от чар Снежной ведьмы, Эглаборг молча взирал на погребальный костер. Проститься с Юки пришел даже Каппа из Теплого озера.

— Это моя вина. Я не должен был ее оставлять в тот день. Ведь я знал, что что-то не так и… — начал было Николас, но настоятель его прервал.

— Перестань. Если кто и виноват в ее гибели, так это я. Я знал и про Снежную ведьму, и про то, что она может захватить разум Юки. Но я был слишком самонадеян. Поверил в неуязвимость этих стен и поплатился, — настоятель понурил голову. — Отпусти ее и не мучайся.

— Я… не могу, — ответил тот через силу. — Это слишком больно.

— Хотел бы я сказать, что время лечит, но это не так… — настоятель по-отечески положил руку ему на плечи. — Все же тебе придется жить дальше. Поверь, Юки не хотела бы, чтобы ты похоронил себя заживо вместе с ней. А сейчас тебе лучше уехать. Вернуться обратно.

— Но мне некуда возвращаться. На Авалоре для меня не осталось ничего, кроме вот такого же погребального костра, — Николас отвел глаза и посмотрел на запад, где сквозь белую дымку виднелся океан.

— Значит, езжай в другое место, — пожал плечами настоятель.

— В Элам? — спросил Николас скорее у себя, чем у настоятеля. — А потом в Великую библиотеку Александрии и в Лапландию, через Нормандское королевство.

— Звучит, как хорошо спланированное путешествие, — настоятель подбадривающе подмигнул ему. — У меня будет к тебе небольшая просьба. Небесный клинок, забери его из нашей обители. Я не хочу, чтобы он далее нарушал покой этих стен.

— Но… я ненавижу этот меч. Это он убил Юки, — попытался отказаться юноша.

— Поэтому ты всегда будешь помнить о той опасности, которую таит в себе это оружие. Ты единственный, кто сможет удержаться от искушения воспользоваться им, — настоятель умоляюще глянул на него.

— Хорошо, — тяжело вздохнул юноша и отвел взгляд.

"Ты победил. Все получилось, как хотел ты, а не я", — мысленно сказал он мертвому богу.

"Мы хотим одного. Жаль, что ты этого не понимаешь", — ответил тот.

Тайна 5. Рубиновое яблоко

Элам. Маракандское ханство. 1569 г. от заселения Мидгарда.

Раннее утро дарило свежую прохладу. Убогие глинобитные хибары Мараканда, столицы ханства Саргала, на удивление хорошо сочетались с высившимся над ними пестрым, как цветник, дворцом. Город стоял на берегу широкой и полноводной реки Пахчур-Су, которая несла в своих водах жизнь в мертвую Эламскую пустыню. Несмотря на ранний час, на берегу уже собралась толпа народа. Происходило какое-то важное в жизни ханства событие.

Николас созерцал сборище маракандских голодранцев в гордом одиночестве. Традиции местного зодчества не внушали Эглаборгу особого доверия, поэтому он разбил лагерь выше по течению реки и в город идти наотрез отказался.

"Мне здесь не нравится", — хмуро заметил Николас.

"Тебе в последнее время нигде не нравится", — устало ответил ему мертвый бог. — "И перестань со мной разговаривать, а то на тебя уже люди озираются".

"Где?" — несказанно удивился Николас.

"Вон… да не там, направо от тебя", — раздраженно подсказал ему Тангрум.

После того, как они покинули Острова Алого Восхода, Николас чаще разговаривал с незримым Западным Ветром, чем со своим вполне живым и осязаемым компаньоном. Собственно, это и была главная причина, почему целитель не захотел идти с Охотником в Мараканд.

В указанной Тангрумом стороне стоял одетый в светлый балахон пустынник с обветренным лицом. На вид ему было около двадцати пяти. Его темные глаза внимательно следили за каждым движением Николаса. Осознав, что соглядатайство раскрыли, пустынник подошел к Охотнику и спросил:

— Не подскажешь, с кем ты только что так воодушевленно беседовал?

Говорил он с типичным эламским акцентом, характерной чертой которого было отсутствие вежливого обращения.

— С мертвым богом, — буркнул ему в ответ Николас.

— Извини, я не расслышал, — переспросил пустынник, пристально осматривая Охотника с ног до головы.

— С самим собой… Я разговаривал с самим собой, — на этот раз громко и четко ответил Николас. — С головой у меня не все в порядке, ясно?

"Не надо так нервничать", — назидательным тоном сказал ему Тангрум.

"Заткнись", — прикрикнул на него Николас.

— Ты это мне? — напрягся пустынник.

— Нет… а скажи-ка мне, любезный, что здесь происходит? — решил он воспользоваться удобным случаем, чтобы расспросить местного жителя.

— Сейчас начнется церемония посвящения принцессы Маясы, старшей дочки хана Саргала, — не слишком весело ответил ему незнакомец.

— Посвящение для чего? — продолжал любопытствовать Николас.

— Для свадьбы, конечно. К дочерям хана Саргала посватался сам Фарзул-хааб, Алый Лев Эламской пустыни, — добродушно пояснил он. — Пойдем, я знаю место, откуда мы сможем все хорошенько рассмотреть.

Пустынник вывел Николаса на высокий берег, откуда открывался вид на реку. Толпа заволновалась и расступилась. Вперед вышла высокая девушка в богатых одеждах. Ее лицо и волосы закрывала полупрозрачная вуаль. Слуги тут же помогли ей разоблачиться. Помедлив мгновение, она ласточкой нырнула в мутную речную воду. Следом за ней тут же выдвинулся внушительных размеров плот с тяжело вооруженными воинами.

— Зря они так. Ведь сказано было, не больше одного защитника, — вздохнул пустынник.

Девушка доплыла ровно до середины реки, как вода вдруг вспенилась и на поверхности показалась большая зеленая чешуйчатая голова дракона. Принцесса вскрикнула от ужаса. Воины похватали луки и начали обстреливать речного жителя.

— Что они делают? — встревожено начал Николас. — Разве они не понимают…

Зеленый хвост одним метким движением поднял плот в воздух на несколько саженей. Воины упали в воду и камнем пошли ко дну.

— По всей видимости, не понимают, — раздосадовано закончил Охотник.

Принцесса продолжала истошно верещать. Дракон, одурев от ее ора, высунулся из воды на пару саженей, выставив на обозрение свое мощное тело, и с шипением нырнул обратно, утаскивая за собой несчастную принцессу.

— А ты знаешь другой способ борьбы с драконом? — поинтересовался пустынник, когда церемония завершилась.

— По мне так с ними лучше полюбовно договориться, — расплывчато ответил ему Охотник.

— И ты бы смог… ну договориться с этим драконом? — продолжал допытываться пустынник.

— Кто, я? — Николас смутился. — Я вообще-то не за этим пришел. А может, ты знаешь, как увидеть хана Саргала?

— Конечно, знаю, кто в Мараканде этого не знает? В мавзолее он. Но сейчас идти не советую. Очередь там огромная. Все хотят проститься, — добродушно ответил ему мужчина.

— Как, хан умер? — с досадой переспросил Охотник.

— Уж десять дней прошло. Собственно, по этому случаю и посвящение, — развел руками пустынник.

"Ну и что дальше?" — спросил он у Тангрума.

"Без понятия", — раздраженно бросил тот.

"Слушай, ты вообще бог или как?" — не выдержал Николас и вспылил.

"Или как… Вообще-то ты велел мне заткнуться. Вот сейчас я это и сделаю", — обиженно ответил ему Западный Ветер.

— Да ты точно с богами говоришь, — прервал их перепалку пустынник своим восхищенным вздохом. — Ты бы мог стать защитником принцессы.

— А? — Николас не уловил суть его предложения.

— Чтобы успешно пройти посвящение у принцессы должен быть хороший защитник, — с радостью пояснил ему незнакомец. — Визирь Салим сейчас разыскивает их по всему Эламу. За свою службу они вправе попросить все, что пожелают. Главное, чтобы принцесса их выбрала.

— Ну, хорошо, я вижу, что ты из кожи вон лезешь, чтобы сосватать мне эту работенку. Вопрос — зачем? — Охотник не выдержал этой игры и решил пойти в лобовую атаку.

— Я хочу помочь принцессе. А ты похож на достойного защитника, — пожал плечами тот.

— Ну, хорошо, — сдался Николас. — Говори, что у вас за посвящение, зачем вы скармливаете принцесс дракону?

— Вообще-то скармливание в план не входило, — почесав затылок, признался пустынник. — Принцесса должна принести с острова посреди реки рубиновое яблоко. Если она сумеет это сделать, то тогда все ханства Элама признают ее законной наследницей маракандского престола, она выйдет замуж за хана Фарзул-хааба и будет жить долго и счастливо. А если все потерпят неудачу, то тогда соседние правители сотрут Мараканд с лица земли.

— Какое-то глупое посвящение, — скептично хмыкнул Охотник. — Сомневаюсь, что его вообще можно пройти.

— Но ты попробуешь? — пустынник глядел на него с отчаянной надеждой, как будто он был последним шансом для

утопающего.

— Ладно, а как мне встретиться с этим визирем? — смягчился Николас.

— Так я тебя проведу, — воодушевленно заулыбался мужчина.

"А этот пустынник не так прост, как кажется. Одет по-простому, а вхож к самому визирю. Да еще и в государственных делах так хорошо осведомлен. Что-то тут нечисто".

Пустынник хитро улыбнулся и, схватив Охотника под руку, потянул его за собой по грязным кривым улочкам Мараканда. Они дошли до дворцовой стены и нырнули в кусты, за которыми скрывался потайной ход. К вящему удивлению Николаса, пустынник снял с шеи внушительных размеров ключ и ловким движением отпер дверь. Ханские стражники на другой стороне учтиво склонили перед ним головы, провожая его странными, перепуганными взглядами.

Они оказались на мужской половине дворца. Незнакомец уверенно прошествовал в покои визиря, не отпуская руки Охотника. Визирь Салим встретил их в роскошном халате из красного бархата с пышным тюрбаном на голове. Это был немолодой уже мужчина невысокий и грузноватый, но в его глазах до сих пор не угасли янтарные искорки-хитринки.

— Многоуважаемый визирь Салим, этот человек хотел бы стать защитником принцессы, — обратился к нему пустынник.

Визирь скорчил страшную гримасу, как будто проглотил целиком недозрелый лимон.

— Камиль, ты совсем из ума выжил? Надира уже выбрала придворного иллюзиониста Хасана.

— Зато Инай никого не выбрала. Покажи ей его, — повелительным тоном сказал ему бродяга.

— Камиль, ты забываешься, — тут же рыкнул на него Салим. — Пока еще я тут всем распоряжаюсь.

— О, великий и мудрый визирь Салим, смиренно прошу вас показать Инай этого человека, — Камиль согнулся в раболепном поклоне.

Расслышав какую-то понятную только им двоим иронию в голосе Камиля, Салим еще больше разозлился, но хорошенько поразмыслив, сдал свои позиции.

— С чего ты решил, что этот оборванец сможет стать защитником? — с видом обреченного спросил он. — Расул был знаменитым мудрецом и звездочетом. Хасан — придворный иллюзионист. А кто это такой?

— Он разговаривает с богами, — с нескрываемым торжеством сообщил ему пустынник.

Николас поперхнулся от неожиданности:

"Что за бред они несут?"

"Может, они покланяются юродивым?", — ехидным тоном ответил ему Тангрум.

— Ладно, все равно Инай его никогда не выберет, — окончательно сдался визирь.

Камиль коротко кивнул ему и вышел в ту же дверь, из которой пришел. Визирь повел Николаса на женскую половину. Они вышли во дворцовый сад с аккуратными кипарисовыми аллейками и благоухающими плодовыми деревьями. На скамейке в тени широколистной пальмы сидела невысокая худенькая девушка и кормила финиками маленькую обезьянку. Ее лицо так же было скрыто полупрозрачной вуалью. Завидев мужчин, она тут же встала.

— Инай, этот человек хочет стать твоим защитником, — сухо сказал визирь, указывая на стоящего рядом мужчину.

Обезьянка тут же прыгнула Николасу на плечо и начала обнюхивать.

— Малала, прекрати, это невежливо, — строго выговорила девушка и обезьянка, громко пискнув, прыгнула обратно к ней на руки. — Я уже говорила тебе, Салим, я не хочу выбирать защитника. Это слишком жестоко.

— Но Инай, Маяса погибла. Завтра будет посвящение Надиры. Ты обязана выбрать защитника, — сделал слабую попытку увещевать ее визирь. — Его привел Камиль. Он решил, что этот человек разговаривает с богами.

При упоминании имени пустынника девушка неожиданно расслабилась. Видно, его мнение много для нее значило.

— Хорошо, Салим, дай ему узду, — визирь злорадно ухмыльнулся. Девушка продолжила, испытующе глядя на Охотника:- Приведешь ко мне тулпара из отцовского табуна — выберу тебя защитником.

Николас хотел что-то спросить, но визирь бесцеремонно схватил его за руку и потащил за собой. Они вышли за пределы дворца на большой луг у самого берега реки, где пасся табун в несколько сотен голов. Разморенные от полуденного солнца табунщики безобразной кучей валялись на земле. При виде визиря они тут же повскакивали со своих мест и начали самозабвенно кланяться.

— Выдайте ему узду. Он будет ловить тулпара, — табунщики дружно повалились с хохоту от его слов.

Один из них протянул ему старую потертую уздечку. Николас, не обращая внимания на их веселье, двинулся к табуну.

Гибкие, поджарые, южные лошади как день и ночь

отличались от грузных мохноногих северных скакунов. Шерсть золотистых, медовых и кремовых оттенков лоснилась и переливалась на солнце. Тонкими сухими мордами с глазами навыкате, они напоминали больших щук. Охотник сделал еще несколько шагов. Ближние к нему лошади вскинули головы и начали встревожено прядать ушами. Охотник неосторожно сделал один лишний шаг. Табун тут же помчался прочь, поднимая столбы пыли. Тогда Николас решил сменить тактику. Достал из кармана кусок хлеба. Выбрал отбившуюся от табуна кобылку невероятно красивой масти цвета слоновой кости и протянул к ней руку. Кобыла на хлеб даже не взглянула — всхрапнула, подобралась и побежала высокой летящей рысью. "Эх, вот бы сейчас веревку", — с сожалением подумал про себя Николас.

Выбрав статного буланого жеребца посмелее, Николас сделал еще одну попытку словить себе лошадь. Тот подпустил Охотника на два шага, а потом, громко взвизгнув, поднялся на дыбы и попытался ударить по нему передними ногами. Николас едва успел отскочить в сторону. Взбудораженный табун снова поднялся с места и полетел по пастбищу.

"Ну и как прикажешь их ловить?" — растерянно спросил Николас у мертвого бога.

"Не знаю… попробуй что ли уздечкой позвенеть перед ними", — неуверенно ответил ему Тангрум.

"Чего?" — не понял Охотник.

"Ну, зачем-то же тебе ее дали", — задумчиво ответил тот.

Николас взял в одну руку уздечку и потряс ее. Железные удила, ударяясь друг о друга, произвели не слишком звонкий звук. Кони посмотрели на него, как на полоумного и снова принялись есть траву. Охотник сделал еще одну слабую попытку позвенеть.

"Почему я весь день чувствую себя таким идиотом?", — он с досадой швырнул узду на землю и зашагал прочь. — "Не очень то и хотелось. Пусть сами договариваются со своими драконами".

Николас чуть не подпрыгнул на месте, когда услышал звонкий детский голос:

— Эй, погоди.

Охотник обернулся, но кроме мирно щипавших траву лошадей рядом никого не оказалось.

"Вот теперь у меня точно крыша поехала", — отстраненно подумал Николас и, встряхнув головой, чтобы отогнать морок, пошел дальше.

Не успел он сделать и двух шагов, как кто-то сильно пихнул его в спину и чуть не сбил с ног. Не на шутку разозлившись, Охотник обернулся и увидел перед собой на редкость паршивого

годовалого жеребенка-стригунка. Черная шерсть пополам с грязью клочьями свисала с тощих боков. Косые лупатые глаза на пол морды озорно глядели на него.

— Что, тоже пришел надо мной посмеяться? Так представление закончено! — прикрикнул на него Николас, развернулся и зашагал прочь.

— Эй, хозяин, хоть узду забери. Тяжело тащить, — на этот раз голос раздался совсем рядом.

Жеребенок, словно дворовая собака, тянул в зубах брошенную Николасом уздечку.

— Чего тебе надо? — спросил Николас, уяснив, что голос мог принадлежать только этому жеребенку.

— Ну как же? — смутился стригунок. — Ты меня позвал и я пришел.

— Я тебя не звал, — ошарашено ответил Охотник.

— А кто перед табуном уздой звенел? Я что ль? — возразил на это жеребенок.

— Так это я не тебя звал, а большого взрослого тулпара, — пояснил Николас.

— А я что ж недостаточно взрослый? Уж полгода, как мамкино молоко пить перестал, — жеребенок гордо выгнул тощую шею, а потом тихонько добавил: — Да и не осталось в ханском табуне больше тулпаров, после того как мой отец Акбузат[53] пал в битве при Александрии.

"Ты что, надо мной издеваешься? Вначале проклятый меч, теперь сопливый жеребенок", — начал возмущаться Николас.

"Ты спросил, что тебе делать — я ответил. А не нравится, возвращайся на Авалор. Думаю, Защитники паствы ждут тебя там с распростертыми объятьями", — проворчал ему в ответ Тангрум. Охотник захотел было вспылить, но вовремя одумался.

— А ты и правда с богами разговариваешь? — вывел его из задумчивости голос жеребенка.

Николас закатил глаза. — Меня, кстати, Харысай звать, а тебя?

— Николас, — коротко ответил тот. — Идем, мне еще надо подумать, что с драконом делать.

— Мы будем сражаться с драконом? Ура! — жеребенок подпрыгнул на месте от возбуждения.

— Мы ни с кем сражаться не будем. Я покажу тебя принцессе, а потом оставлю здесь, а сам пойду разбираться с драконом, — остудил его пыл Охотник.

— Но так нечестно! Я же твой тулпар! — капризно затопал ногами жеребенок.

— А будешь много говорить, отправлю тебя на жаркое. Хотя

какое из тебя к демонам жаркое — кости одни, — Николас махнул на него рукой и пошел ко дворцу.

Харысай деловито затрусил вслед за ним. Завидев их, табунщики заметно притихли. От былого веселья не осталось и следа. Визирь мрачно взирал шагивающего рядом с Николасом стригунка. На лбу между глаз визиря залегла тревожная морщинка.

— Ну что, идем к принцессе? — спросил Николас, бросая на табунщиков самый высокомерный взгляд, на который он был способен.

— И-идем, — заикаясь, ответил Салим.

Во дворце их встретили точно так же: удивленно озирались, перешептывались, кто-то даже кланяться пытался. Салим проводил их до дворцового сада, а потом удалился по своим делам. Харысай беззастенчиво обгладывал все встреченные им растения, и никто даже не думал ему препятствовать. Одна лишь маленькая обезьянка принцессы осмелилась щелкнуть его по лбу, когда тулпар начал покушаться на ее любимое финиковое дерево. Инай встретила Охотника гораздо более радушно, чем в прошлый раз.

— Камиль был прав, верно, ты действительно говоришь с богами, если смог совершить такое чудо, — восхищенно сказала она, гладя по голове вороного стригунка.

— Принцесса, вы назначите меня своим защитником? — поспешил напомнить ей о главном Николас.

— Раз обещала, — ответила та, сняла с пояса белую ленту и повязала Николасу через плечо. — Приходи завтра на рассвете на ханскую смотровую площадку. Там ты познакомишься с защитником моей старшей сестры Надиры и узнаешь, в чем состоит посвящение.

Девушка грустно вздохнула и села обратно на скамейку.

— Вас что-то тревожит? Если это дракон, то не беспокойтесь, я найду способ с ним справиться, — попытался подбодрить ее Охотник, хотя сам еще ничего не придумал.

— Дракон наименьшая из моих проблем, — грустно вздохнула Инай. — Если завтра моя сестра Надира не пройдет посвящение, то настанет моя очередь. И если я не погибну в зубах или когтях ужасных тварей, то мне придется выйти замуж за Фарзул-хааба.

— Не ослышался ли я? Неужели вы предпочитаете скорее быть съеденной драконом, чем выйти замуж? — сочувственно поинтересовался Николас.

— О, видно, ты не знаешь Фарзул-хааба. Песок вскипает и становится алым от крови его врагов. О его жестокости слагают

легенды, — девушка низко опустила голову и перешла на шепот. — У него уже была жена. Говорят, он казнил ее, заставив выпить расплавленный свинец. Ах, если бы только милый Камиль увез меня отсюда в северные страны, где Фарзул-хааб не смог бы нас найти.

— Так Камиль твой друг? — догадался Николас. — А где вы познакомились?

— На базаре, — голос девушки сразу изменился, появились нежные нотки. — Мы с отцом тогда сильно повздорили. Он часто корил меня за то, что я слишком непослушная и гордая. И я сбежала, переодевшись служанкой. Первый раз выбралась за пределы дворцовых стен без стражи и, потерянная, бродила весь день по базарной площади. А когда начало смеркаться, на меня напали лихие люди, а Камиль меня спас. Опрокинул на них телегу с навозом, подхватил меня на руки и отнес обратно во дворец. Я сделала для него ключ от потайного хода, и теперь он часто меня навещает: рассказывает о том, что происходит за этими стенами, приносит всякие диковинки. А какие чудесные истории он рассказывает. Наверное, ни один человек во всем белом свете не знает их столько, сколько знает Камиль.

— Ты слишком добра, моя госпожа, — ответил невесть откуда взявшийся пустынник. — Я всего лишь смиренный раб моей принцессы.

— Камиль! — с придыханием произнесла его имя девушка.

"Это же надо так задурить голову бедной девушке", — завистливо присвистнул Тангрум.

Принцесса, забыв обо всем, прильнула к смуглому мужчине и начала нашептывать что-то ему на ухо.

— Я, пожалуй, пойду, — поспешил ретироваться Николас, борясь с желанием открыть принцессе глаза на некоторые странности во всей этой истории с Камилем.

— Только не забудь, завтра на рассвете на смотровой площадке, — кинула ему на прощание Инай.

***

Эглаборг помешивал деревянной ложкой постный суп в котле, когда Охотник вернулся в лагерь.

— Мастер Николас, а где же ваш тулпар? — с нарочитым ехидством поинтересовался он.

— Вон, — Николас махнул рукой в сторону трусившего за ним стригунка.

Эглаборг удивленно вскинул брови:

— А почему он такой плешивый? И где крылья?

— Да, действительно, Харысай, где твои крылья? — опомнился вдруг Николас.

— Крылья? — смутился жеребенок. — Так они только на третьем году должны вырасти.

— Вы теперь еще и с конями разговариваете? — встревожено спросил Эглаборг.

— И с конями, и с богами, а скоро вообще с драконом придется парой слов перекинуться, — пожал плечами Охотник, выгребая все содержимое своей седельной сумки. — Ага, вот и оно.

С самого дна он достал кусок мыла и щетку:

— Чем скалить зубы, лучше найди нашу выходную одежду. Завтра на рассвете надо явиться на ханскую смотровую площадку при полном параде.

— Вы нашли работу при дворе? — глаза Эглаборга алчно заблестели.

В последнее время они все больше гоняли нечисть по оврагам и пустошам. А уж как выглядят настоящие деньги, так и вовсе забыли.

— Угу, только об оплате еще не договорился, — ответил тот.

— А что за работа? Может, жар-птичек наловить? Я слышал, что их перья очень ценятся в Мараканде, — с надеждой спросил целитель.

— Только если у тех птичек зеленая чешуя вместо перьев.

Николас вынул из кучи ненужного барахла последний моток веревки и начал отмерять его локтями. Целитель в недоумении глядел на него.

— Дракон, Эглаборг, это будет дракон.

— Мастер Николас, да вы верно бредите. Настоящий живой огнедышащий дракон? — ужаснулся целитель. — А может, ну его? Обойдемся и без этих денег.

— Не обойдемся. Я уже слово дал, и часть награды вперед взял. Вон бегает, — Николас кивнул на стригунка, который, задрав хвост, нарезал круги вокруг лагеря. — Иди сюда, чертенок!

Николас начал наматывать веревку вокруг морды стригунка.

— Что ты делаешь?! — сразу возмутился жеребенок.

— Недоуздок тебе делаю, дурачина, стой спокойно, а то я в петлю попасть не могу, — прикрикнул на него Охотник. — Ну и крохотная же у тебя морда.

— Мне не нужен недоуздок! — заупрямился стригунок и со всей силы дернул головой.

— Любому взрослому коню нужен недоуздок. Ты же хочешь быть взрослым? — услышав волшебное слово, коник мгновенно стал по стойке смирно. После долгих усилий Николас смог завязать узел у него под подбородком.

— Так что с драконом? — обратил на себя внимание

Эглаборг. — Я надеюсь, вы не собираетесь с ним драться?

— Нет, конечно. Мне просто нужно придумать способ, как его отвлечь.

— Так мы все-таки пойдем биться с драконом? Ура! — обрадовался стригунок.

— Мы никуда не пойдем. Ты останешься здесь с Эглаборгом, — строго ответил ему Охотник

— Вы что-то сказали? Или это опять кому-то из этих ваших? — Эглаборг всем видом показывал, что ему не по душе то, что его друг постоянно разговаривает сам с собой.

— Не важно, — махнул рукой Николас, а потом продолжил: — Теоретически, драконов можно уболтать, но для этого нужен кто-то достаточно красноречивый и мудрый. А я, как ты видишь, сейчас не в состоянии быть ни тем, ни другим.

— Зато я знаю, кто самый мудрый и красноречивый в Эламе. Это птица Гамаюн, — жеребенок изо всех сил старался доказать пользу от своего присутствия.

— Птица, говоришь? — переспросил Николас, сосредоточенно выковыривая репейник из его хвоста. — Кажется, я начинаю понимать, почему на гербе Элама изображена именно птица.

Закончив с хвостом, Охотник перешел к обчесанной гриве, безжалостно остригая неаккуратные замусоленные пряди.

— И все равно на приличного коня станет похож только через пару лет, — покачал головой целитель.

Николас ничего не ответил. Он положил в карман мыло со щеткой и потянул Харысая к реке. Жеребенок пищал, упирался всеми четырьмя ногами, но в воду заходить ни за что не соглашался.

— Ну и проваливай тогда обратно в табун, — в сердцах крикнул на него Охотник. — Мне такой грязный и трусливый тулпар не нужен.

Николас отвернулся от коня, делая вид, что больше не станет с ним разговаривать. Тогда жеребенок, с опаской ступая по топкому дну, вошел в воду. Охотник тут же взялся яростно счищать грязь с его тощих боков и шеи. Стригунок хотел было сбежать от неугомонной щетки, но вовремя припомнив, что хозяин грозился его прогнать, с мученическим видом терпел эту пытку. Как только Николас его отпустил, жеребенок стремглав бросился из воды и помчался обратно в лагерь. Охотник умылся сам и последовал за ним. Надо было лечь спать пораньше. Следующий день обещал быть очень трудным.

***

— Мда, надо перешивать всю одежду, — заметил Николас,

глядя, как голые щиколотки выглядывают из-под светлых штанов.

— А я вам говорил. Вы подросли чуть ли не на полторы головы и хотите, чтобы старая одежда была вам в пору? — ответил ему Эглаборг.

— Ну и ладно. Подумаешь, чуть короткое, сделаем вид, что так и надо. Главное, что чистое, безразлично махнул он рукой. — После посвящения купим что-нибудь более подходящее.

— При условии, что вас не съест дракон, — поспешил напомнить ему целитель.

— Эглаборг, перестань. Мы уже и так опаздываем, — отмахнулся от него Охотник.

Ханская смотровая площадка находилась на высоком берегу, откуда открывался великолепный вид на реку. Там их уже ждали шестеро человек. Визирь Салим о чем-то перешептывался с неизвестным Николасу мужчиной. Две принцессы стояли поодаль и тревожно вглядывались в мутную гладь реки. Их охраняли два молчаливых конных стражника.

— А вот и наш последний защитник, — поприветствовал компанию Николаса визирь. — Господин…

— Николас, Николас Комри с Авалора, — подсказал ему Охотник.

— Ну да, — небрежно ответил визирь. — Хасан, думаю, самое время рассказать, каков твой план.

Бочонком выпятив грудь, мужчина вышел вперед и, накручивая на палец черный ус, начал говорить:

— О, мой план гениально прост. Когда госпожа Надира войдет в реку, я отвлеку дракона этим "чудесным огнем", состав которого знаю только я.

Он продемонстрировал им несколько бамбуковых снарядов, ожидая увидеть восхищение на лицах собравшихся.

— Только он и еще тысяча жителей Поднебесной, — скептично хмыкнул Эглаборг.

— Он что, собирается отвлекать дракона ярмарочными фокусами? — возмущенно спросил у целителя Охотник.

— А вдруг получится? — пожал плечами Эглаборг.

Отчаявшись получить от них нужную реакцию, Хасан продолжил:

— Когда принцесса ступит на остров и увидит василиска[54], то тут же скормит ему этот яд. Его изготавливают по тайному рецепту великие мастера севера.

Защитник протянул им маленький кожаный мешочек.

— Молотый волчий корень, — сделал вывод Эглоборг, удостоив яд всего лишь одним взглядом. — Тоже мне тайный рецепт. Мы его в Упсале для грызунов используем.

— Напомни мне, почему мы никогда не пробовали травить василисков? — поинтересовался у него Николас.

— Наверное, потому что они не восприимчивы к ядам, — пожал плечами целитель.

— Ну, конечно, как я мог об этом забыть, — проворчал ему в ответ Охотник.

— Когда яд подействует и принцесса сорвет с дерева яблоко, я сотворю иллюзию каркаданна[55], который обратит гнев птицы Рух[56] на себя, — продолжил меж тем свой рассказ Хасан. — И принцесса сможет беспрепятственно вернуться назад.

— Вы сказали птица Рух? — в ужасе ахнул Николас.

— Да, птица Рух охраняет рубиновую яблоню. Я, наверное, забыл тебя предупредить, — с сарказмом подтвердил визирь.

— Неужели, она хуже дракона? — удивился его реакции целитель.

— В сотни раз. Дракон существо вполне разумное. С ним можно договориться, а вот Рух… — сокрушенно покачал головой Охотник. — Огромная, как скала, стремительная, как стадо взбешенных грифонов, Рух — эманация ярости в чистом виде. Не представляю, что с ней делать.

— Не бойся, малыш, Страж Хасан справится с жуткой птицей, ты и глазом моргнуть не успеешь, — иллюзионист снисходительно похлопал Николаса по плечу.

— Очень сомнительно, — буркнул себе под нос Охотник, едва сдерживаясь, чтобы не положить иллюзиониста на лопатки.

Его как никогда раньше, раздражала эта грубая панибратская манера поведения южан.

"Тоже мне Страж выискался" — проворчал Охотник.

"Почему ты думаешь, что ты чем-то лучше?" — не замедлил поинтересоваться Тангрум.

"Я разговариваю с богами", — ехидно ответил на его выпад Николас.

"Ну конечно, как я мог об этом забыть", — тяжело вздохнув, сказал Западный Ветер.

***

Посвящение Надиры началось точно так же, как и ее предшественницы. Девушка во главе торжественной процессии спустилась к реке, разоблачилась и нырнула в воду. Хасан остался на берегу подготовить снаряды. Не успела принцесса проплыть и половину пути, как из воды снова высунулась чешуйчатая голова дракона. Защитник поджег фитили и снаряды, разрываясь с жутким грохотом подняли в небо снопы желтых искр.

Дракон вытянулся в полный рост, удивленно глядя на

тусклую при дневном свете шутиху. Со смотровой площадки разглядеть речного жителя удалось значительно лучше, чем с того места, куда водил Николаса Камиль. Дракон оказался диковинный. Он был крупнее обычного речного жителя, с синим гребнем и плавниками-крыльями на спине. Голову венчали небольшие выцветшие светло-фиолетовые пятна, наподобие седых волос. Видно, дракон был уже в почтенном возрасте. Насладившись вдоволь скудным дневным фейерверком, дракон упал обратно в воду, поднимая огромные волны. К счастью Надира уже успела добраться до острова и, выбросив перед собой начиненную отравой наживку, зажмурила глаза. Из подземной пещеры на свет выполз василиск и, принюхавшись, проглотил отраву. Принцесса дождалась, пока ящерица-переросток не упала на землю, и, открыв глаза, побежала к яблоне. Злосчастные плоды висели только на самых верхних ветках. С трудом вскарабкавшись по скользкому стволу наверх, девушка протянула руку к ближайшему яблоку. Но тут небеса как будто разверзлись, и с облаков камнем вниз бросилась огромная хищная птица. На острове тут же материализовался мохнатый серый каркаданн с мощными когтистыми лапами и громогласно затрубил. Птица разразилась жутким криком и, сменив направление, спикировала на ненавистное ей животное.

По лицу Хасана обильно струился липкий пот.

Надира соскочила на землю и из последних сил кинулась к берегу. Но тут на ноги поднялся разбуженный звуками неистовой схватки василиск.

На смотровой площадке все испуганно вздрогнули. Инай прикрыла лицо руками.

Надира вскрикнула и под взглядом жутких лиловых глаз превратилась в каменную статую. Каркаданн бесследно исчез, птица Рух улетела за облака, а василиск скрылся в своей пещере.

— Не-е-ет, — простонал Хасан и упал на колени.

Один из стражников спешился, отвязал от седла край веревки и привязал ее к ногам иллюзиониста. Николас с Эглаборгом встревожено переглянулись. Инай еще больше пыталась закрыться от происходящего. Стражник дал команду своему напарнику и тот пустил лошадь галопом, таща за собой неудачливого защитника. Вскоре они скрылись из виду, оставив на песке лишь одинокую багровую полосу.

— Слабак, — брезгливо сплюнул визирь и, уже обращаясь к Николасу, добавил: — Завтра жду вас на этом месте в это же время. И даже не пробуйте сбежать — из-под земли достанем и на кол посадим.

Николас с Эглаборгом слабо кивнули и зашагали прочь от

смотровой площадки.

— Что ты там про свою птицу говорил? — поинтересовался Охотник у беззаботно гонявшего мух Харысая.

— Про Гамаюн-то? Незадолго до своей гибели мой отец Акбузат возил могучего воина Иделя к ней за советом. Правда, тогда она им отказала, — вдруг стушевался жеребенок.

— Почему?

— Она только своим помогает.

— В смысле? — не понял Николас.

— В смысле птицам. Ты должен быть похож на птицу, чтобы она тебе помогла, — пояснил Харысай. — Ну, например, облиться дегтем и вываляться в перьях. Так делал Идель в прошлый раз.

— В перьях, говоришь? — Охотника посетила неожиданная идея.

Он развернул сверток с подарком матушки Умай и натянул на себя рубаху из белых перьев. Она оказалась будто бы по его меркам сшита. Села легко, идеально облегая фигуру, нигде не терла и даже не кололась.

— Ну как, похож я на птицу? — спросил он, разглаживая руками мягкие перья.

— И все-таки деготь был лучше, — с серьезным видом ответил жеребенок.

— Да ну тебя, — отмахнулся от него Николас. — Показывай дорогу.

***

Птица Гамаюн гнездилась на вершине Черных Скалах в нескольких часах пути от Мараканда. Николас оставил жеребенка у подножия, а сам продолжил путь. Гнездо пышной шапкой венчало плоскую верхушку скалы. Там сидела крупная, в несколько раз превосходящая по размерам человека птица. Перья на спине отливали червонным золотом. Грудь и шея переливалась насыщенным изумрудным цветом. Из хвоста пышным веером торчали длинные перья со сложным разноцветным узором. Птица подняла голову и обратила на него красивый лик зрелой женщины, обрамленный густыми золотистыми локонами.

— Добрый вам день, о великая и мудрая птица Гамаюн, — почтительно поклонившись, сказал Николас.

— Кто посмел потревожить мой покой? — строгим голосом спросила птица, не открывая глаза.

— Я… гм… сын белой птицы Умай, — подумав, ответил ей Николас. — Мне нужна ваша помощь.

Птица от удивления встрепенулась, широко распахнула кристально-голубые глаза и внимательно посмотрела на стоящего перед ней мужчину.

— Я знала Умай. Мы часто летали вместе, пока Тенгри не забрал ее себе, — ответила Гамаюн. — А ты совсем на мать не похож. Скорее уж на отца. Назови свое имя.

"Ни чуточки не похож", — прозвучал раздраженный голос у него в голове. — "Называй мое, коль уж начал".

— Тангрум, меня зовут Тангрум, — представился Охотник.

— Хорошо Тангрум, садись-ка ты мне на спину. Сейчас мы с тобой полетаем, — Николас испуганно сглотнул, но все же сделал, что было велено.

Птица расправила могучие крылья, оттолкнулась от скалы и полетела к облакам. Ветер свистел в ушах. Так высоко Охотнику подниматься еще не приходилось.

— А теперь, посмотрим, как летаешь ты, сын белой птицы, — неожиданно сказала ему Гамаюн и стряхнула его со своей спины. Руки беспомощно скользнули по перьям. Он полетел вниз с ошеломляющей скоростью. Даже самая искусная левитация оказалась была не в силах остановить его падение. Николас закрыл глаза и раскинул руки в стороны. Удара не последовало, зато послышался шелест перьев. Охотник открыл глаза и с восторгом обнаружил, что он действительно летит. Легко скользит по воздуху на огромных белых крыльях, в которые превратились его руки.

Это было совсем ни на что не похоже. Никакая левитация не могла сравниться с этим чувством. Как будто тело вдруг стало невесомым, свободным от земных оков. Николас развернулся и сделал петлю.

— Ну что ж, птенец, летаешь ты пока плохо, но задатки есть, — сказала Гамаюн, подбираясь к нему поближе. — Давай обратно к скалам.

Тяжело дыша, Николас опустился на край гнезда. Полет отнимал гораздо больше сил, чем ему показалось вначале. Как только его ноги коснулись земли, птичьи крылья снова стали человеческими руками.

— Что у тебя за беда, сын Умай? — спросила Гамаюн, опускаясь с ним рядом.

— Посвящение принцессы, — с трудом переводя дыхание, вымолвил он. — Ей нужно принести рубиновое яблоко с острова посреди реки, но путь к нему преграждает дракон, василиск и птица Рух. Мне нужно придумать способ их обойти.

— Речной дракон? А как он оказался так далеко от собственного дома? — неожиданно заинтересовалась птица.

Николас пожал плечами.

— Ладно. Подумаем об этом позже. Полетели к дракону, — Гамаюн уже раскрыла крылья, но Николас ее остановил.

— Погоди, внизу ждет мой тулпар. Я не могу его бросить, — птица удивленно глянула вниз. Там у подножия скал вороной стригунок выщипывал скудную растительность.

— Ну хорошо, он не выглядит слишком тяжелым. Я возьму его с собой, но ты полетишь сам, — с этими словами Гамаюн спустилась вниз к жеребенку.

Набравшись смелости, Николас сделал шаг с обрыва. Руки снова обратились в крылья и он полетел, вслед за птицей. Обратный путь занял не больше часа. Николас быстро привыкал к новому способу передвижения, но усталость брала свое. Руки начали болеть от перенапряжения. Гамаюн, все это время тащившая жеребенка в когтях тоже заметно уморилась. Она поставила Харысая на землю возле берега, а сама подошла к воде.

— Эй, дракон! А ну как выползай. С тобой будет говорить почтенная птица, — грозно позвала она.

Вода тут же вспенилась, и из нее вынырнул рассерженный дракон.

— Гамаюн, это ты, старая карга? — недовольно осведомился он.

— Лунь, старый пройдоха, что ты здесь делаешь? — неожиданно птица сменила гнев на милость.

— Живу, разве не видишь? — саркастичным тоном ответил тот. — Чего тебе надо?

— Чего мне надо? Это чего тебе надо? Средняя полоса Элама моя территория, а не твоя. Так какие демоны тебя сюда принесли из самой Поднебесной? — строго спросила она.

Дракон тут же скис:

— Меня выгнали. Как последнего шелудивого пса выгнали.

— Кто посмел? — возмутилась от такой наглости мудрая птица.

Николас не расслышал, что прошептал в ответ дракон, но Гамаюн прикрыла свое лицо крылом от ужаса.

— Неужели они снова набрали силу? После всего, что мы сделали, что мы потеряли и чем пожертвовали, они все-таки вернулись, — сокрушенно сказала птица.

— К сожалению это правда. Я сам видел. Думаешь, кто-нибудь другой смог бы обратить меня в бегство? — с горечью спросил у нее дракон.

— А почему ты не задал им жару? В былые времена ты никогда не бежал перед лицом врага, — укоризненно заметила Гамаюн.

— Тебе повезло. Ты не была там во время последней битвы. А я до сих пор не могу спокойно спать, вспоминая, как пал сильнейший из нас, — птица в отчаянии склонила голову.

"О чем они, Тангрум?"

"Дела давно минувших дней", — каким-то странным хриплым голосом ответил ему мертвый бог. — "Если бы они только знали…"

"О чем?" — Николас попытался заставить его договорить.

"Не важно", — тяжело вздохнул Западный Ветер.

— Кто это? Кого ты привела? — вдруг забеспокоился Лунь.

— О, это птенец Умай, — сказала Гамаюн, крылом придвигая Николаса поближе к дракону. — Лунь высунулся из воды чуть сильнее и приблизился к Охотнику.

Николас невольно поежился. Так близко к живому дракону ему еще не приходилось бывать.

— Я слышал, что все птенцы Умай погибли, — подозрительно оглядывая мужчину со всех сторон заметил дракон. — Да и не похож ты на небожителя. Хотя… и на человека тоже не сильно смахиваешь.

— Ты что, сомневаешься в моих суждениях? — угрожающе спросила Гамаюн.

— Конечно, нет, — дракон испуганно опустился на воду.

— Хорошо, потому что у него к тебе есть одна просьба, — расслабилась птица.

— Не могли бы вы завтра позволить принцессе Инай переплыть эту реку, — немного робея, озвучил свое прошение Николас.

— Что, завтра будет еще одна? Да сколько можно! Как меня достали эти бешеные маракандцы. Я думал, утопив парочку, я запугаю их достаточно, чтобы они перестали ко мне соваться, — грозно зарычал дракон.

— Ей просто нужно достать яблоко вон с того острова. Как только она его получит, даю слово, тебя никто и никогда больше не потревожит, — охотно пообещал ему Николас.

— А можно ли тебе верить? — подозрительно спросил он.

— Старый ворчун, от тебя не убудет, если ты нам поможешь, — помогла ему птица.

— Ладно-ладно, пропущу вашу принцессу, но больше — ни души. Ясно? — строго спросил дракон, а потом снова внимательно посмотрел на Николаса. — И все-таки ты человек. По крайней мере, пока.

— Прощай, старый Лунь, — крикнула ему птица.

— Прощай, старуха Гамаюн, — в тон ей ответил дракон и нырнул обратно в мутную воду.

— Что у нас дальше? Василиск? — задумчиво спросила птица, глядя на противоположный берег.

— С василиском я и сам справлюсь. Мне и раньше

приходилось иметь с ними дело. А вот что делать с Рух?

— Да, с ней не договоришься. Придется драться… — птица надолго замолчала, сосредоточенно что-то обдумывая. — Вспомнила. Кочевой народ Хааб, что живет на юге Эламской пустыни, изготавливает для своих стрел один из сильнейших в мире ядов Элапедай. Я не думаю, что он сможет причинить Рух сколь-нибудь значительный вред, но хотя бы ослабит. Тогда у нас с тобой появится небольшой шанс выжить в этой схватке.

— А как же я? — встрял в их разговор Харысай. — Я тоже драться хочу.

— Нельзя, ты еще маленький! — шикнул на него Охотник.

— Но ты ведь сам сказал, что я взрослый. Я и в воду вошел, и недоуздок ношу, — захныкал конек.

— Мало ли, что я сказал. Сопливый ты еще слишком, чтобы с чудищами тягаться, — остался непреклонным Николас.

— Не обижай ребенка, — строго выговорила ему птица. — Между прочим тулпары, даже такие крохотные, обладают врожденным иммунитетом к воздействию большинства демонов. В том числе к взгляду василиска.

— Да, я такой, — тут же прихвастнул жеребенок.

— Эх, лучше б у них умишко побольше был, — с досадой ответил Николас.

— Умишка у них ровно столько же, сколько у их хозяев, — тут же осадила его птица. — Если тебе хватит мудрости хорошо его воспитать, будет у тебя умный и верный помощник. А если нет, то тут тебе только на себя пенять можно.

— Что ж, тогда решено, Харысай, идешь с нами, — позволил себя уговорить Охотник. — Не мне же тащить его на остров на своей спине. Скажи лучше, как зовут хана этого кочевого народа. Уж не Фарзул ли?

— Да, именно Фарзул. Так ты сможешь раздобыть Элапедай?

— Думаю, что смогу, — кивнул в ответ Охотник.

— Тогда я полечу к себе. Надо еще перья поменять перед завтрашней битвой.

***

Николас встретил Камиля на базаре. Тот о чем-то увлеченно беседовал с седовласым торговцем верблюдами.

— А, защитник Инай, ну что, придумал, как обойти чудищ? — с показным безразличием спросил тот. — Или удрать решил? Так я тебе в этом не помощник.

— Мне нужен Элапедай. Много. На сотню стрел, — без прелюдий, рассказал ему суть своего дела Охотник.

Пустынник вытаращил глаза и отвел его в сторонку.

— Ты в своем уме, кричать об этом на весь базар? —

переполошился Камиль. — С чего ты вообще решил, что я смогу достать такой редкий яд?

— Сможешь, если хочешь, чтобы Инай осталась жива, — тихо ответил Николас, смиряя его тяжелым взглядом.

— Хорошо, зачем тебе столько яда? — быстро сдался Камиль. — Тоже василиска травить собрался?

— Нет, это для Рух. Мне нужно ее замедлить, — коротко пояснил ему Охотник.

— Ты хочешь обстрелять ее ядовитыми стрелами? Но Элапедай настолько вреден, что справиться с ним могут лишь хаабы. Да и то, запах отравленных стрел сильно замедляет реакцию. Если ты будешь драться, стрелять должен кто-то другой.

— Хорошо, тогда дай кого-нибудь из своих стрелков.

— Ты точно сумасшедший. Ну откуда у бедного пустынника стрелки? Ты видишь за мной какую-нибудь армию, ну хоть отряд, а?

— Сказки про бедного пустынника оставь для принцессы. Мне нужен стрелок с Элапедаем на острове рубиновой яблони завтра. Это единственный способ победить Рух, — ответил ему Николас и под лучами закатного солнца зашагал прочь.

Камиль задумчиво глядел ему в след, принимая важное решение.

***

На рассвете Николас с Эглаборгом снова явились на смотровую площадку. Инай заметно нервничала. Визирь тоже растерял свой былой апломб.

— Каков твой план, защитник? — спросил он по сложившейся уже традиции.

— У меня его нет. Я пойду с принцессой и буду ее защищать, — решительно ответил Охотник.

— Ты уверен? — визирь удивленно вскинул бровь. До этого защитники не горели желанием разделить участь принцесс.

— Какая разница погибну ли я в когтях у чудовищ или под копытами ваших лошадей? — с вызовом ответил ему Николас.

— А ты смелый, уважаю, — кивнул Салим. — Тогда, пожалуй, начнем.

— Возьми с собой обезьянку, — шепнул Николас на ухо принцессы. — Как только вступишь в воду, не останавливайся. Доберешься до острова, вели своему питомцу сорвать яблоко и как только оно будет у тебя, сразу же возвращайся. Только не останавливайся. Что бы ни происходило, что бы ты ни увидела или услышала, не останавливайся, пока не вернешься на этот берег. Это наш единственный шанс.

Принцесса сдавленно всхлипнула и пошла на берег. Николас

спустился к тому месту, где они с Камилем в первый раз наблюдали за посвящением. Там его уже ждали. Сегодня перья Гамаюн были сплошь стального цвета, на голове блестел начищенный круглый шлем. Харысай в нетерпении рыл землю ногами. Закутанный в толстый хлопковый шарф Камиль с подозрением глядел на диковинных тварей.

— Принес яд? — деловито осведомился Николас.

Пустынник поднял с земли увесистый колчан.

— А как же стрелок?

— Он перед тобой.

— Не боишься оставить свой народ без правителя?

— Пусть этот народ пропадет пропадом со всеми его предрассудками, если погибнет Инай, — с чувством ответил тот.

— Хорошо, тогда выдвигаемся, — скомандовал Охотник, скидывая с себя куртку, которая скрывала рубашку из перьев. — Гамаюн, ты сможешь перенести еще и его?

Птица с готовностью кивнула, усадила пустынника себе на спину, подхватила в когти жеребенка и поднялась в воздух. Николас спрыгнул с обрывистого берега и последовал за ней. Маленькое воинство подобралось к острову с другой стороны, когда Инай, беспрепятственно переплыв реку, ступила на берег. Послышался шорох от тянущегося по земле хвоста. Николас с Харысаем выступили вперед, в то время как Гамаюн и Камиль подобрались поближе к яблоне. Сидевшая на голове у принцессы обезьянка ловко прыгнула на дерево и устремилась вверх к рубиновым плодам.

Василиск выполз из своего логова и кинулся на дежурившего возле входа в пещеру стригунка. Жеребенок легко увернулся от его зубов, не забыв при этом махнуть на него задними ногами, потом подбежал с другой стороны. На этот раз удар копыт угодил чудищу между глаз. Василиск зашипел, показывая маленький раздвоенный язык. Николас незамеченным зашел к нему в тыл и ударил мечом по шипастому хвосту. Острая сталь рассекла чешую. Быстро оценив уровень опасности из каждого источника, василиск обратил свой гнев против человека с мечом.

В этом момент обезьянка принцессы сорвала первое попавшееся ей яблоко и стремглав бросилась обратно к хозяйке. Небеса разверзлись. Раздалось хлопанье гигантских крыльев. Запела тугая тетива. Первая стрела вонзилась между перьев исполинской птицы, стоило ей только показаться из расселины. За ней еще одна. И еще. Рух издала леденящий душу вопль и устремилась в сторону дерзкого стрелка. Тут из засады на нее обрушилась Гамаюн, острыми, как бритва, когтями царапая ей грудь и спину. В стороны полетели каштановые и стальные перья.

Камиль продолжал опустошать свой колчан. Каждая его стрела находила свою цель.

Николас едва успевал перебегать с места на место, чтобы не попасть в поле зрения василиска. Харысай без разбору лупил его копытами и щелкал зубами. Кусать боялся, знал, что плоть василиска так же ядовита, как и клыки. Хвост ящера болтался на одной полоске плоти. На спине у левой задней ноги и на затылке с правой, виднелись глубокие раны, но чудовище отказывалось сдаваться и продолжало борьбу.

Стрелы Камиля быстро заканчивались. Гамаюн начала заметно уставать. Не ее спине виднелись глубокие борозды от гигантских когтей Рух.

Обезьянка была уже на руках Инай, но та не смела двинуться с места, заворожено глядя на развернувшиеся перед ней яростную битву. Заметив ее замешательство, Николас крикнул:

— Беги, спасай себя!

Но та будто приросла к месту.

— Беги, тебе говорят! — крикнул на нее Камиль.

— Я не могу тебя оставить, — наконец, вымолвила она. — Я люблю тебя.

— Дура, да что ты обо мне знаешь! Я Фарзул-хааб, тот самый, под чьими ногами песок обращается в море крови. И это ради меня ты хочешь пожертвовать своей жизнью?! — Инай испуганно уставилась на него. — Беги, а не то я сам тебя убью.

Он достал последнюю стрелу и направил ее на девушку. Ее глаза наполнились слезами. Бросив на них последний полный отчаянья взгляд, девушка нырнула в воду и поплыла обратно.

Камиль выпустил последнюю стрелу в птицу. Гамаюн, отброшенная мощным ударом крыла Рух, отлетела в сторону и упала на воду. Освободившись от одного противника, разъяренная птица устремилась ко второму. Камиль побежал в сторону Николаса с василиском. Увидев направление их движения, Охотник на пике легких крикнул:

— Скорее в стороны!

Горе-воины кинулись врассыпную. Услышав прямо над собой хлопанье крыльев, василиск поднял глаза к небу и встретился взглядом с исполинской птицей. Та в мановение ока скалой обрушилась на ящера, погребая его под грудой камней.

— Ну, конечно, василиск должен был обратить Рух в камень! Как я раньше не додумался, — в бессилии повалившись на землю, заметил Николас.

— Ну, конечно! — в унисон повторили три голоса.

Из воды вынырнул Лунь и подобрал раненую Гамаюн.

— Эх ты, старуха, а туда же, в драку лезешь, — устало

проворчал он.

Дракон подплыл к острову. Николас с трудом поднялся на ноги и взобрался к нему на спину. За ним последовал сильно помятый Камиль. Харысай, единственный сумел выйти из боя невредимым, но на спину дракона ступить не решился, пока Николас ни слез и ни помог ему. Дракон плавно тронулся в сторону противоположного берега. Жеребенок крепился, но по широко раздувающимся ноздрям и прядающим ушам было заметно, что он сильно нервничает. Охотник ободряюще похлопал его по шее.

Всю дорогу до Мараканда дракон причитал:

— Ну что за люди пошли, а? Что ни день — то светопреставление устраивают. Нигде покоя нет. А у меня возраст. И нервы расшатаны.

Толпа на противоположном берегу не собиралась расходиться. Инай встревожено вглядывалась вдаль. Когда на горизонте появился дракон, толпа поспешила убраться подальше от чудовищного зверя и принцесса осталась совсем одна. Лунь пристал к берегу. Камиль, пошатываясь, первым ступил на землю. Пустынник картинно вскинул руки и упал навзничь.

— Наверное, он отравился ядом от стрел, — встревожено крикнул Николас.

Инай бросилась со всех ног к упавшему жениху.

— Камиль, ну зачем же ты..? — в отчаянии спросила она, садясь рядом с ним на колени.

— Не печалься, моя принцесса. Ну, что за жизнь без любви? — надрывным тоном сказал он. — Ах, если моя принцесса подарит мне прощальный поцелуй, я умру самым счастливым человеком на всем белом свете.

Камиль закрыл глаза и обмяк.

— Нет, Камиль, не умирай, — девушка в отчаянии склонилась над ним и поцеловала.

Пустынник тут же поймал ее в свои объятия и хитро улыбнулся, словно кот на сметану.

— Ах, ты двуличная скотина! — закричала Инай, когда поняла, что хан Фарзул вовсе не собирался умирать. — Лживый сын шакала. Да как я только могла тебе верить?!

— Но милая, меня только что оживил твой поцелуй, — продолжал дурачиться пустынник, получая за каждое слово оплеуху от маленьких рук принцессы.

Остальные пассажиры дракона успешно высадились на берег и покатывались от хохота, наблюдая ссору двух влюбленных.

— Зачем ты морочил мне голову, подлый убийца? — продолжала негодовать девушка.

— Я не собирался. Это как-то само собой вышло, — самым невинным тоном ответил Камиль. — Тем более ты бы даже говорить со мной не стала, откройся я тебе тогда.

— И была бы абсолютно права, — девушка встала с колен и с гордо поднятой головой зашагала прочь.

— Инай, стой! Николас, скажи ей что-нибудь, — попросил Камиль.

— Вы должны мне денег, — поспешил напомнить тот.

— Спасибо, это очень помогло, — прорычал в ответ Камиль и побежал вслед за девушкой.

Издали доносились их крики. Николас стянул с себя рубаху из перьев и лег на землю рядом с Гамаюн. Та выдергивала из своего тела обломанные перья, называя птицу Рух такими словами, о значении которых ему оставалось только догадываться. Харысай щипал траву, пытаясь прийти в себя после поездки на драконе, которая напугала его гораздо больше, чем битва со смертоносным василиском.

— Гамаюн, — тихо позвал ее Охотник. — Прости, я солгал тебе, я не Тангрум, не сын белой птицы, а обычный человек.

Гамаюн внимательно посмотрела на него и отвела взгляд.

— Не недооценивай меня, я хоть и старая, но еще не совсем из ума выжила. Я знаю, кто ты, — печально ответила она.

— И несмотря на это ты помогла мне? — несказанно удивился Николас.

— Для меня эта помощь была в радость. Заставила старуху вновь вспомнить молодость, — Гамаюн подарила ему свою самую очаровательную улыбку. — А теперь прощай… до последней битвы.

Николас хотел у нее еще что-то спросить, но та уже улетела. Ее место занял покинутый на время схватки на берегу Эглаборг.

— Мастер Николас, я все подсчитал и переговорил с визирем и этим… как его… с таким дурацким именем.

— Камилем Фарзул-хаабом?

— Да, так вот, они заплатят нам тысячу верблюдов золотом. Эти дикари все измеряют на стоимость нечистоплотных животных.

— Знаю, но куда мы денем такую прорву золота?

— О, не стоит об этом беспокоиться. Я уже все уладил. Это вторая часть вашей награды. Макандцы любезно согласились доставить ваше золото туда, куда вы прикажете, пусть даже им придется пройти пол Мидгарда для этого.

— Хорошо, тогда возвращайся в Упсалу. Ты сможешь купить там хороший дом за эти деньги, обзавестись хозяйством…

— Но как же вы? Это же ваше деньги, — встревожено спросил

у него целитель.

— Я поеду в Александрию, — ответил Николас, с тоской глядя куда-то вдаль.

— Но город недавно пал. Сейчас он оккупирован войсками Священной империи. Там полным полно Защитников Паствы. Вас схватят, — сделал слабую попытку переубедить его Эглаборг.

— Я знаю, чем рискую, — с отчаянной уверенностью ответил Николас. — Но другого шанса попасть в Библиотеку у меня уже не будет. Сейчас все силы Защитников направлены на поддержание порядка и восстановление города. Пока они не утвердятся в своей власти, им будет не до меня. И граница проходит совсем рядом. Они не смогут преследовать меня в Нормандии.

— Николас, Николас! — послышался звонкий голос Инай. — Ты представляешь, о чем мне удалось договориться с Камилем? Он обещал запретить многоженство и позволить мне участвовать в управлении Маракандом!

— Поздравляю, — улыбаясь, ответил ей Николас.

— Свадьба назначена через три дня. Ты ведь придешь? — с надеждой спросила девушка. — Камиль очень хотел тебя видеть.

— Прости, принцесса, но я не могу остаться. Но Эглаборг с Харысаем обязательно заглянут к вам на пир, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Но я должен пойти с тобой, я же твой тулпар, — вдруг всполошился жеребенок. — Разве я не доказал бою с василиском, что я смелый и сильный?

— Харысай, я не беру тебя с собой не потому что ты маленький или слабый. Просто ты слишком заметный, а мне нельзя ничем выделяться, — жеребенок опечаленно опустил голову. — Послушай, сейчас ты больше нужен Эглаборгу. Ему предстоит тяжелый путь на север. Ты должен помогать ему во всем, как ты бы помогал мне. А потом я вернусь. Обещаю.

— Мой отец тоже обещал, но не вернулся! — глаза жеребенка стали совсем круглыми. Казалось, он вот-вот заплачет.

— А я вернусь. Ты должен верить в меня, должен верить…

Тайна 6. Великая библиотека

Священная Империя. Александрия. 1569 г. от заселения Мидгарда.

Светло-серый конь медленно шагал по выжженной от летнего зноя траве. Поздним вечером после закрытия городских ворот широкий нахоженный тракт был безлюден. Слух Николаса обострился до предела в непроглядной ночной темноте. Глухо ухнул сидевший на ветке опаленного дерева филин. Ему ответил протяжным тоскливым воем одинокий волк из соседнего леса. Что-то зашевелилось в темном овраге между двумя курганами. Послышалось испуганное лошадиное ржание. Охотник спешился и заглянул туда.

— Вставай, тщедушная скотина! — послышалась крепкая мужская брань. — Упала в овраг и все думаешь? Помирать собралась? А ну ка вставай, убью!

— Нужна помощь? — вежливо поинтересовался Николас.

— Да уж не откажусь, — ответил ему мужчина. — Думал дорогу до города по полю срезать, да канаву не заметил и упал вместе с лошадью. Вот теперь достать ее оттуда не могу. Она как ноги на берег ставит, так они у нее тотчас обратно съезжают. Выбилась из сил, бедняжка, сейчас вообще вставать отказалась.

— Лови веревку. Обвяжи вокруг ее ног. Попробую на своей лошади вытянуть, — крикнул ему в ответ Охотник, сбрасывая вниз веревку.

— Готов?

— Да!

— Тогда тяну.

Серый конь Николаса поднатужился, пытаясь сделать несколько шагов вперед, но привязанный к его шее груз тянул обратно. Копыта скользили по земле, так что конь сам рисковал сорваться в овраг.

— Не выходит!

— Давай поменяемся. Я подтолкну твою кобылу, а ты будешь тянуть моего мерина, — с этими словами Николас спрыгнул в канаву, а высокий крепкий мужчина вылез из нее.

— Раз-два! Взяли!

Двое мужчин одновременно закряхтели от натуги. Лошадь не сдвинулась с места.

— Давай еще раз!

— Раз-два! Взяли!

На этот раз передние ноги пошли вперед, но задние

скользили по дну.

— Еще чуть-чуть!

— Раз-два! Взяли!

Лошадь начала медленно подниматься, но ее ноги тут же вязли в рыхлой земле.

— И последний раз!

— Взяли!

Видя, что дело — дрянь, Николас подтолкнул ее телекинезом и Серый вытащил лошадь наверх. Кобыла продолжала лежать, не в силах подняться на ноги. Мужчина изо всех сил тер ей ноги, разгоняя кровь по жилам. Через минуту несчастное животное все-таки встало и, неверно ступая затекшими ногами, принялось искать траву. Мужчина упал на землю от изнеможения. Выбравшись из оврага, Николас присоединился к нему, вытирая со лба липкий пот.

— Фух, не хватало еще и дрессированную лошадь потерять, — сказала незнакомец, чувствуя большое облегчение.

— Дрессированную? — удивился Николас.

— Да, я владелец бродячего цирка Герадер, Виктор, — мужчина протянул ему руку.

— Николас с Авалора, — ответил ему Охотник.

— Ты солдат? — вдруг напрягся циркач. — Почему идешь один со стороны Элама, да еще в каких-то лохмотьях?

Авалорцы часто отправлялись своих младших сыновей, которые не имели права наследовать владения и титулы, добывать славу и земли на службе в имперской армии. А так как основные бои велись в последнее время по двум фронтам в Эламе, не было ничего странного, что Виктор принял его за солдата.

— Мой полк был разбит в битве при Смирне. Я год провел в плену, пока не выдалось шанса бежать. В армию вернуться не могу, ты же знаешь, как они относятся к бывшим пленным. Да и войны я хлебнул с лихвой. Теперь хочу начать все сначала в Александрии, — быстро придумал ему правдоподобную историю Николас. — Слышал, здесь много работы после того, как город отвоевали у чернокнижников.

— Понятно, — не слишком доверчиво ответил ему циркач. — Что ж, даже не знаю, чем тебя отблагодарить за помощь.

— Ужин и ночлег пришлись бы как раз кстати, — быстро решил его дилемму Николас.

— Я не думаю, что это удобно. У нас и так тесно… — сразу замялся Виктор. Ему явно не хотелось пускать под тент своего вагончика подозрительного незнакомца.

Николас уже думал плюнуть на опасливого циркача, как

вдруг они заслышали шаги на пустынной дороге.

— Виктор! Вик! Ты где? — зазвенел в воздухе тонкий женский голос.

— Сисси! Я же велел тебе отдыхать, — отозвался циркач.

— Как я могла отдыхать, если уже стемнело, а ты так и не вернулся? — к ним приблизилась невысокая тонкая фигура.

— Лайга упала в канаву. Я не мог ее оставить, — объяснил ей Вик.

— Вначале Зайдан погиб в пьяной драке, потом Лайга. Надо просить Единого и его служителей простить наши грехи и ниспослать нам свою милость, — назидательным тоном сказала она.

Циркач болезненно поморщился:

— Сисси, давай поговорим об этом дома. Все обошлось. Этот человек помог мне достать нашу кобылу.

— О, благодарю тебя, — девушка с жаром пожала руку Николаса. — Ты истинный единоверец, не то, что некоторые.

— Спасибо, госпожа, — придушив на корню желание скорчить такое же лицо, как у Виктора, ответил Николас.

— Вик, ты предложил этому славному человеку отужинать с нами?

— Да, конечно. Мы как раз об этом говорили. Я хотел отказаться, но мастер Виктор настоял, и я вынужден был согласиться, — Охотник по-дружески положил руку на плечо циркача, оторопевшего от такой наглости.

Похоже, Николас слишком долго пробыл в Эламе и успел нахватать у жителей пустыни дурных манер.

Циркачи разбили лагерь рядом с остатками разбитой во время осады городской стены. Серые кибитки стояли полукругом возле большого пестрого шатра. Чуть поодаль был разложен костер, вокруг которого собрались цирковые артисты.

— А вот и Вик, — воскликнула полная дама, завидев приближающуюся компанию. — И ничегошеньки с ним не приключилось, чай большой мальчик, может за себя постоять. А коль ему захочется с ночными бабочками развлечься, ты тоже за ним потянешься, а Сисси?

Циркачи дружно засмеялись.

— Фу, какой у вас поганый язык, госпожа Мариза! Кайтесь, а не то Единый вас за это покарает, — с достоинством отбила ее атаку девушка.

— Какая я те госпожа?! — неровный голос выдавал, что женщина была навеселе. — Я Мариза Луар, самая знаменитая куртизанка Империи! Мужчины в очередь вставали, чтобы хотя бы руку мне поцеловать

— Нашли, чем гордиться, — саркастично хмыкнула девушка. — Где же сейчас все ваши воздыхатели, Мариза?

— Там же где и твой Единый! — грубо ответила ей женщина.

Сисси вытаращила глаза и уже хотела кинуться на нее, но Виктор вовремя вклинился между ними. Видимо, ему уже не раз приходилось быть свидетелем их ссор.

— Не обращай на них внимания, — успокаиваясь, сказала девушка Николасу. — Что взять с этих неверных? Они не понимают, как кто-то может быть выше их пошлых забот о хлебе и развлечениях.

Сисси принесла ему тарелку постной похлебки. После месяца скитаний по бесплодной пустыне Николас был рад и этой нехитрой снеди. Охотник окинул оценивающим взглядом собравшуюся вокруг костра труппу. Она состояла всего из шести человек. Сисси села рядом с ним, со скучающим видом глядя на куда-то вдаль. Было видно, что в компании циркачей она чувствовала себя одинокой. Охотник не преминул этим воспользоваться, чтобы завоевать ее расположение.

— Скажи, а какие номера вы показываете? — тихо спросил он с самым заинтересованным видом.

— Маньялай, — девушка указала на высокого смуглого мужчину с большими залысинами, который принес плащ и заботливо накинул Виктору на плечи, — силач, таскает всякие тяжелые вещи, гнет подковы, разбивает руками камни. Зигги, дрессировщик, показывает вместе с ней разные трюки, Николас изучающее глянул на нескладного прыщавого мальчишку-северянина.

— Мариза со своим мужем Гийомом клоуны. Пытаются заставить зрителей смеяться, но мне их кривляния не нравится, — Гийом, одутловатый синеносый пропойца, подлил в кружку своей жене дурно пахнущего напитка и громко рассмеялся над какой-то ее шуткой.

— Виктор — фокусник. Правда, он в последнее время не в духе. Всего пару карточных трюков за представление, — Николас поднял глаза на мрачного владельца цирка. Тот задумчиво глядел на идущую вдоль развалин городской стены дорогу, но ощутив на себе взгляд Охотника, тут же повернулся в его сторону.

— Прости, но мне кажется, что твои друзья мало похожи на добропорядочных единоверцев… Сисси, как получилась, что ты оказалась в такой компании? — сказал он то, что как он чувствовал, она хочет услышать.

— Мои родители умерли во время эпидемии холеры. Я осталась совсем одна без пищи и крова над головой. Тогда цирк Герадер проезжал через мою деревеньку, и Виктор взял меня с

собой. Предложил присоединиться к труппе. Терять мне было особенно нечего, поэтому я быстро согласилась и стала танцовщицей на шаре.

— О, ты, наверняка, великолепна.

— Спасибо, — девушка засмущалась от его комплимента. — Но ты меня еще не видел.

— Зато я видел достаточно танцовщиц, чтобы понять, что ты одна из лучших, — Николас продолжал беззастенчиво ее очаровывать.

— Спасибо, — снова повторила она. — Вот только мой партнер канатоходец Зайдан погиб две недели назад и теперь у меня нет номера.

— Так найдите другого канатоходца, — предложил Николас.

— Где мы его найдем? Ведь представление уже завтра, — грустно ответила ему Сисси.

— Да хоть прямо здесь, — пожал плечами Охотник. — Я бы мог заменить вашего канатоходца.

— Но канат будет подвешен в десяти аршинах от земли. Ты уверен, что не испугаешься?

— Я воевал с неверными эламцами при Смирне. Что для меня какой-то канат? — снисходительно улыбаясь, ответил Николас.

— Ну конечно, с эламцами он воевал, — проворчал Виктор, который все это время подслушивал их разговор. — Дезертир д…

— Вик, перестань! Ты ведь сам сетовал, что некому заменить Зайдана. Без твоих фокусов и номера канатоходца представление стало совсем скучным. Зрителей с каждым днем все меньше, — попыталась переубедить его девушка.

— Сисси, он плохо сложен для канатоходства. Взгляни, какой он долговязый, — попытался было переубедить ее хозяин цирка, но девушка смотрела на него с такой мольбой, что он просто не смог ей отказать. — Ладно, посмотрим завтра, на что ты способен. Но если он свернет себе шею, я не стану нести за это ответственность.

Сисси предложила Николасу переночевать в своем вагончике. Охотник с радостью устроился на бревенчатом полу рядом с ее кроватью. Николас уже забыл, когда в последний раз ночевал не под открытым небом. Ночью он несколько раз просыпался от того, что девушка громко кашляла. Николас списал это на обычную простуду и не стал обращать особого внимания. Как только взошло солнце, Виктор постучался в вагончик Сисси.

— Вставай, пойдем смотреть, какой из тебя канатоходец, — сказал он, бесцеремонно пихнув ногой спящего на полу Охотника.

Николас недовольно проворчал что-то себе поднос, но потом все-таки поднялся и пошел вслед за ним. Сисси наспех натянула

на себя платье и поспешила к ним присоединиться.

В свете дня Николасу удалось получше разглядеть хозяина цирка. Он был примерно одного с Охотником роста. Непослушные светло-каштановые волосы обрамляли овальное лицо с широкими скулами. В углу карих глаз залегли глубокие морщины, выдававшие усталость и недосып. Поношенный темный костюм наспех залатан на коленях и локтях.

Виктор привел их к площадке с двумя столбами, к которым был привязан длинный канат, и выразительно глянул на Охотника.

— А как же страховка? — вдруг всполошилась Сисси. — Мы ведь всегда натягивали сеть для Зайдана.

— Так то был Зайдан, — возразил ей Виктор. — Ну же, не трать мое время, дезертир.

Хитро улыбнувшись, Николас легко взобрался по вбитым в деревянный столб кольям, расставив руки в стороны, распрямился и, аккуратно переставляя босые ноги по веревке, зашагал вперед.

Хождение по канату не было таким уж непривычным для Николаса делом. Еще в детстве на Авалоре он часто упражнялся в равновесии на бревнах, а после неустанных тренировок тела, меча и духа в Храме Ветров, высота и отсутствие опоры его и вовсе не волновали. Перенося центр тяжести с одной ноги на другую, Николас дошел до середины, пробуя держать равновесие без помощи рук. Ступая по канату, как по земле, дошел до противоположного столба.

Сисси радостно захлопала в ладоши. Виктор внимательно посмотрел на него, потом сам поднялся на столб.

— Умеешь жонглировать? — деловито осведомился циркач и передал ему пять небольших шаров из жесткой кожи.

— Вик, что ты делаешь? Для вечернего представления ему хватит и одного номера, — встревожено спросила девушка.

Виктор промолчал. Николас подбросил парочку шаров в воздух и ловко их поймал.

— Можно попробовать, — быстро согласился он и снова вернулся на середину каната. Удерживать равновесие без движения оказалось куда сложнее. Николас загнал веревку между большими и указательными пальцами и прислушался к собственному сердцебиению, вспоминая наставления учителя Кадзумы, и подкинул вверх три шара. Понадобилось некоторое время, чтобы он приноровился к ним. Виктор нетерпеливо хмыкнул. Тогда Николас добавил четвертый, а потом и пятый шар.

— Хорошо, артистичности в тебе ноль, естественной грации

тоже ноль, но на временную замену сойдет, — раскритиковал его выступление циркач. — Сисси, ты сможешь перешить на него костюм Зайдана?

— Конечно-конечно, — с радостью заверила его девушка.

Николас запихнул шары в карманы и пошел обратно. Вдруг он пошатнулся, как будто оступившись, и замахал руками, пытаясь восстановить равновесие. Сисси внизу побледнела от страха. Виктор вздрогнул. Удовлетворившись их реакцией, Николас выровнялся и спокойно дошел до противоположного столба:

— Теперь достаточно артистично? — ехидным тоном поинтересовался он.

— Дурень! — выругался себе под нос хозяин цирка и ушел прочь.

***

— Ты не обращай на Вика внимание. Он сам не свой с того дня, как мы сюда приехали, — успокаивающе сказала Сисси, доставая из сундука ярко-красный костюм канатоходца.

— А зачем вы вообще поехали в осажденный город? Кажется, народу здесь совсем не до увеселений. Да и Защитники Паствы не очень-то жалуют бродячих артистов, — полюбопытствовал Николас, натягивая на себя цирковые трико и рубашку.

— Это Вик так решил. Не знаю почему. А теперь ходит весь мрачнее тучи, из своих номеров оставил лишь два жалких карточных фокуса. В Нормандии он был совсем другим, — девушка заколола булавками трико, которое оказалось сильно велико в талии и начала отметывать края коротких штанин. — А ты действительно долговязый по сравнению с Зайданом. Придется пришить что-то на рукава и трико, чтобы удлинить их.

— Я пойду осмотрюсь, пока ты занята, — сказал Николас, выходя из их вагончика.

— Хорошо, только не долго. Нам еще парный номер готовить, — напомнила она, продевая нитку в иголку.

Не успел Николас сделать и пары шагов от ее вагончика, как почувствовал выброс силы, слабенький, еле уловимый. Как тусклая вспышка света в непроглядном тумане: загорелась и тут же погасла. Охотнику с трудом удалось определить примерное направление. Он подошел к цветастому цирковому шатру и отдернул штору, закрывающую вход. Внутри никого не было. Николас хотел было уйти, но услышал какой-то шум у противоположной стены шатра. Оказалось, что там располагалось своего рода закулисное помещение, отделенное от зрительного зала едва приметными шторами в тон шатра. Николас осторожно заглянул за них.

Посреди полутемной, освещаемой чадящей лампадой, коморки спиной к Николасу стоял Виктор и копался в каком-то длинном прямоугольной ящике, украшенном серебристыми звездочками. Почувствовав на себе чей-то взгляд, фокусник передернул плечами и обернулся.

— А, это ты, дезертир, — вздохнул он с облегчением и снова отвернулся.

— Ты ждал кого-то другого? — спросил Николас, с интересом разглядывая ящик из-за его плеча.

— Кого бы я ни ждал, тебе об этом знать незачем, — проворчал тот, пытаясь скрыть ящик от любопытных глаз канатоходца.

— Это какой-то реквизит для твоих номеров? А можно взглянуть, как он устроен? — продолжал донимать его Николас.

— Нельзя, — раздраженно ответил он. — Настоящие фокусники никогда не выдают секретов своих выступлений. Так что, проваливай отсюда, пока я не выгнал тебя из цирка.

— Ну и ладно, не очень-то и хотелось, — Николаса действительно не столько волновал реквизит фокусника, как он сам.

Охотник пожал плечами и оставил вспыльчивого хозяина цирка в покое.

***

Представление началось с закатом. Зрителей было не очень много, в основном ребятня из близлежащих домов, которая не нашла для себя более интересного занятия на вечер. Сисси объяснила, что это из-за того, что количество захватывающих номеров сильно сократилось после того, как погиб Зайдан.

На подогрев публики вышли Гийом с Маризой, загримированные до неузнаваемости. Они дурачились, кривлялись, топали друг на друга ногами, даже устроили шуточную потасовку. Раздались жидкие аплодисменты. За ними на арену вышел малыш Зигги с тремя белыми кобылами. Стоя на спине у Лайги, он проехал вдоль арены, удерживая двух других лошадей рядом с ней, перекинул поводья в одну руку, а другой поприветствовал публику. Потом отпустил их в свободный полет по арене, а сам легко спрыгнул с кобылы на полном ходу на землю, потом так же легко запрыгнул обратно, сделал ногами ножницы и перевернулся в седле задом наперед. Публика захлопала куда более воодушевленно. Зиги снова помахал рукой своим зрителям и свесился кобыле под брюхо. Потом взобрался обратно и осадил животное. Лайга встала на вертикальную свечу и зашагала по арене на задних ногах. Публика возбужденно засвистела. Тогда кобыла опустилась на все четыре ноги и

прошлась великолепным высоким пассажем, затем повернулась в центр арены и пробежала по диаметру галопом, меняя ноги на каждый темп, возле выхода остановилась и, сделав величавый пируэт, развернулась к зрителям. Отвесив публике низкий поклон, дрессировщик с лошадьми с гордым видом удалились, уступая место следующему артисту.

Им оказался сам хозяин цирка. Он вышел в центр арены в черном костюме с высоким цилиндром на голове. Быстро показал несколько карточных фокусов, избитый номер с ленточкой из рукава и в довершение ко всему достал из своего цилиндра белого кролика. Никаких следов ящика видно не было, как и таинственных выбросов силы. Реакция на выступление Виктора была такой же сдержанной, как на выступление клоунов.

Следом за ним под радостный визг детей на арену вышел смуглый силач Маньялай. Он поднял с земли несколько тяжеленных чугунных снарядов, покрутил ими на потеху публике, изогнул пару подков в форме трилистников, расколол руками стопку бетонных кирпичей. Дети радостно засвистели. Он помахал им рукой и те, перепрыгивая через ограждения арены, толкая друг друга, выбежали к нему.

— Ты быть вчера, а ты позавчера, а ты в первый раз, — говорил он, выбирая добровольцев для своего последнего номера.

Ими оказались два маленьких мальчика и похожая на сорванца девочка. Силач подхватил их на руки и начал жонглировать ими, как котятами. Дети визжали от восторга, а после стали неистово требовать продолжения так, что Вику пришлось снова выйти на арену и увести оттуда Маньялая.

Наконец, настал черед Николаса. Красный костюм с нашитыми Сисси черными кружевами неожиданно придал ему такой тяжелый зловещий облик, что девушка сама испугалась сделанного ею костюма. Но перешивать времени уже не было.

Николас вышел под купол цирка. Зрители задирали головы вверх, заинтересованно разглядывая новичка. Вдруг по спине Охотника пробежал холодок. Он обернулся и встретился глазами с человеком в голубом плаще. Николас зажмурился и выдохнул, подавляя в себе все следы эмоций. Стараясь не обращать внимания на направленные на него взгляды, он ступил на канат, грациозно, словно огромный рыжий кот по карнизу, прошел из стороны в сторону, вышел на середину и начал жонглировать. Взгляд Голубого Капюшона буравил его спину, как будто хотел сделать в ней дырку. Прилагая все усилия, чтобы сохранить самообладание, Охотник поклонился публике и спустился вниз. Щеки горели огнем. Он даже не слышал, как зрители хлопали в его честь.

— Ты молодец! — поспешила поздравить его Сисси и неожиданно поцеловала в раскрасневшуюся щеку. — Не переживай, ты был великолепен.

Николас не успел ей ничего ответить, как она умчалась показывать свой номер. Переступая босыми ногами по большому блестящему серебристому шару, она закружилась по арене, словно маленькая фея, легкая, воздушная, неземная. Зрители затаили дыхание от восхищения. Стало понятно, кто был настоящей звездой этого представления. Зал взорвался аплодисментами и свистом.

Все артисты вышли в центр арены на поклон. Голубой Капюшон вместе с еще несколькими мужчинами поднялся с места и направился к ним с букетом огромных белых роз. Николас сделал шаг к спасительным кулисам и столкнулся лбом с фокусником. Пропустив хозяина цирка вперед, Охотник нырнул за ним.

Виктор опустился на колени и выглянул в щель в плотном занавесе. Николас навис над ним, тоже желая удовлетворить свое любопытство.

Голубой Капюшон подошел к Сисси и вручил ей букет. Девушка застенчиво улыбнулась. Мужчина шепнул ей на ухо какой-то комплимент, и она тут же залилась краской.

— Ну, вот почему она решила связаться именно с Защитником Паствы? — тихо простонал Виктор.

Голубой Капюшон оказался молодым человеком лет двадцати с прозрачными водянистыми глазами. Тонкие благородные черты лица, подчеркнутые кудрявыми солнечными волосами, делали его похожим на божественных посланников Единого бога, которых часто изображали на стенах церквей.

— Наверное, она находит его симпатичным, — пожал плечами Николас.

Виктор поднял глаза, как будто впервые замечая его присутствие:

— Что ты тут делаешь?

— То же, что и ты, прячусь, — ответил ему Николас, оборонительно сложив руки на груди.

— Ну и правильно, потому что из тебя никудышный канатоходец, — саркастично заметил Вик.

— Такой же, как из тебя фокусник, — огрызнулся в ответ Николас.

Бросив на Охотника испепеляющий взгляд, Виктор вышел из шатра через черный ход и направился куда-то вверх по дороге. Николас заинтересованно наблюдал за ним.

— Ах, вот ты где! — радостно вскричала Сисси, найдя его за

цирковым шатром. — Зачем ты сбежал сразу после представления?

— От всей этой шумихи мне немного не по себе, — ответил Николас, а потом, указав рукой в направлении, куда ушел фокусник, спросил: — Слушай, а что находится в той стороне?

— Пустырь… — пожала плечами девушка. — Ах да, говорят, там еще есть какое-то старое кладбище, но люди стараются обходить его стороной. Раньше это был город чернокнижников. Кто знает, что творится у них на погостах? Но на днях в город прибудут магистры Защитников Паствы. Мой друг Олаф говорит, что среди прочего они собираются очистить то кладбище.

— Олаф — это тот Голубой Капюшон, что подарил тебе цветы? — неосторожно спросил он.

— Не называй его так, — девушка недовольно поджала губы.

— О, прости, походная привычка…Так ты давно его знаешь? — тут же поправился Охотник.

— Две недели. Он приходит на каждое представление и дарит мне цветы. Он очень мил, — девушка тут же расслабилась и просияла.

— Да он в тебя влюблен!

— Может быть, — смущенно ответила Сисси и отвернулась. — Но для меня он просто друг.

— А я тоже твой друг? — игриво поинтересовался Николас, предлагая ей свою руку.

— Конечно, — девушка охотно взяла его под руку, и они вместе зашагали к костру циркачей.

***

Весь следующий день они провели в тренировках. Парный номер оказался куда сложнее сольного, но на этот раз Виктор соблаговолил натянуть страховочную сетку под столбами. Сисси легко двигалась по канату, помогая себе легким изящным зонтиком. Посередине они встречались. Николас подсаживал ее к себе на спину и делал поддержку. Стоя у него на плечах, девушка жонглировала шарами вместе с ним. Потом он снимал и они расходились в противоположные стороны.

Сисси была очень легкой, почти воздушной. Поднять ее на плечи не вызывало совсем никаких трудностей, но близость теплого женского тела, от которой он уже давно отвык, сильно мешала. В такие моменты он обычно закрывал глаза и вспоминал Снежную ведьму, алое пятно, безобразно растекающееся в разные стороны, и болезненно сверкающую сталь проклятого меча. Тогда беспокойные желания мигом выветривались из его головы, позволяя сосредоточиться на поставленной задаче.

К вечеру парный номер был готов. На представление народу

пришло значительно больше, чем в прошлый раз. Все-таки именно номера под куполом вызывали у публики самый жгучий интерес.

Глядя на Сисси, Николас впервые пожалел, что действительно не обладает природным артистизмом. От ее необыкновенных чарующих движений нельзя было оторвать глаз. Зал замер в трепетном ожидании, раздался общий восхищенный вздох и долгие громкие аплодисменты.

На это раз их номер оказался последним. Они спустились со столбов на общий поклон. Внизу толпились остальные циркачи. Голубой Капюшон тоже присутствовал в зале. Он уже вставал со своего места и спешил к ним с двумя букетами алых и белых роз. Не дожидаясь, пока Защитник Паствы спустится на арену, Виктор быстро ретировался за кулисы. Николас хотел было снова последовать за ним, но Сисси успела его перехватить.

— Стой, я хочу тебя кое с кем познакомить, — сказал она. Николас сглотнул подступивший к горлу комок.

Защитник Паствы был уже всего в паре шагов от них. Отступать было бесполезно, да и некуда.

— Николас, это Олаф, мой друг и большой ценитель циркового искусства, — кокетливо улыбаясь, представила она своего поклонника.

— Очень рад знакомству, — Олаф подал ему руку и передал букет с алыми цветами.

— Спасибо, — с трудом выдавил из себя Охотник.

— Не стоит так стесняться. Между прочим, ты смотришься гораздо лучше, чем твой предшественник. Я это тебе говорю, как "большой ценитель", — посмеиваясь над прозвищем, которое придумала ему Сисси, сказал Защитник Паствы.

Николас вымученно улыбнулся. Олаф вручил второй букет девушке, украдкой глядя на него. Николас почувствовал, как будто чужие руки оголяют его сознание, пытаясь проникнуть в самую суть. По спине поползли мурашки. Охотник еле сдержался, чтобы не передернуть плечами. Николас сосредоточился на собственном дыхании, очищая голову от всех мыслей, за которые могли вызвать подозрение. Конечно, он всегда мог отбить телепатические атаки силой, но тогда бы он раскрыл себя раньше времени, а ему все еще надо было добраться до библиотеки. Олаф бросил на него озадаченный взгляд. Похоже, ему обычно удавалось узнать гораздо больше о своих собеседниках за одно поверхностное чтение.

— Хотите завтра прогуляться со мной по городу? — неожиданно предложил он.

— Мы с удовольствием, правда, Николас? — с надеждой

спросила Сисси.

— Я… не знаю… а как же тренировки? — судорожно пытался отговориться Охотник.

Он уже завидовал успевшему вовремя сбежать Виктору.

— Потренируемся с утра, а после обеда сходим в город. Тем более номера у нас готовы. Ну Николас, пожалуйста, — уговаривала его Сисси.

— Да, Николас, пожалуйста, мы оба тебя просим, — шутя, повторил за ней Защитник Паствы.

— Ладно, — сдался Охотник. В этот момент он понял, что у него просто нет выбора. Слишком подозрительным мог показаться его отказ.

***

Солнце находилось в зените, когда Олаф пришел за ними в лагерь циркачей. Он повел своих друзей через недавно восстановленные городские ворота, главным украшением которых служили посаженные на кол преступники против веры.

Александрия некогда была столицей свободного купечества и наук всего Мидгарда. Здесь пересекались торговые пути, идущие с востока на запада и с севера на юг. Сейчас же повсюду были видны незатянувшиеся раны от недавно прогремевших битв. То тут, то там попадались черные язвы пепелищ. Скалили зубы каменные развалины. На углах улиц стояли справленные наспех виселицы с безвольно болтавшимися на них телами, иссохшими на жарком южном солнце. К центру их было значительно меньше. Улочки сужались, а дома становились многоэтажными и уносились ввысь. Были и широкие площади с развороченными фонтанами и разбитыми статуями древних богов.

Главная площадь города была огорожена с трех сторон. На ней вовсю шла грандиозная стройка.

— Здесь будет зал заседаний Магистрата Защитников Паствы, — пояснил им Олаф. — Рядом — главный восточный Собор Единой Веры, а чуть поодаль там, где раньше был Университет чернокнижников — Академия Защитников Паствы.

— Сюда собираются перенести все правительство Империи? — несказанно удивился Николас. На его взгляд, столица Империи Константинополь имела гораздо более удобное расположение, нежели Александрия. Да и там уже были созданы все условия для правительственных органов.

— Нет, конечно, нет. Просто из-за обострившейся политической обстановки, было принято решение разделить власть Епископатов и Магистратов. Ну, чтобы они вконец не перегрызлись, — прошептал Олаф над самым его ухом, чтобы Сисси не слышала и уже громче добавил: — Священнослужители

останутся на старом месте, а мы передвинемся сюда, поближе к границе.

— А не расценит ли Нормандия такое перемещение, как скрытую угрозу? — удивленно переспросил Николас, памятуя о натянутых отношениях между двумя странами.

— Так это и есть скрытая угроза для Нормандии, — рассмеялся ему в ответ Олаф. — А ты умен. Какой, говоришь, у тебя в армии чин был?

— Младшего лейтенанта, правда, я при штабе служил. В основном письмоводительством занимался. Но при осаде Смирны людей не хватало, и в бой отправляли всех подряд, так что… — Николас на ходу старался придумать что-нибудь похожее на правду.

— А, тогда понятно, — кивнул ему Защитник Паствы.

Сисси заметно скучала, слушая их разговоры. В конце концов, она оставила их одних, заметив какое-то красивое платье выставленное возле лавки портного. Николас с Олафом вышли на открытую площадь, посреди которой находилось колоссальное по своим размерам пепелище. Кое-где виднелись остатки кирпичной кладки.

— Что это? — напряженно спросил Николас. Он будто наяву чувствовал, как это место кричало от дикой нестерпимой боли.

— Здесь была Великая Библиотека Александрии, — мрачно ответил Олаф. — Самое большое книгохранилище во всем Мидгарде. Имперцы первым делом сожгли его, когда ворвались в город. Говорят, пламя здесь поднималось до самого неба, несмотря на то, что здание снаружи было полностью из камня сложено… Кощунство. Ведь сколько книг здесь было: древние своды законов, летописи давних времен, описание дальних таинственных земель… Мудрость всего мира, собранная под одной крышей. Дикость, как можно было палить такую сокровищницу?

Охотник с досадой закусил нижнюю губу. И где теперь искать эту таинственную книгу? Он покосился на Олафа. Тот сосредоточенно ковырял носком щель в каменной мостовой.

— Разве ты не должен свято верить в непогрешимость своего Магистрата? — очень осторожно спросил Николас.

— Непогрешимость — слишком громкое слово, — грустно вздохнув, ответил Олаф. — Не пойми меня превратно, я верю в Единого и никогда не преступлю законы Империи, но Защитники Паствы… Они всего лишь люди. А люди не безгрешны. Уж тем более те, в чьих руках сосредоточена власть.

— Но ты ведь тоже один из них, — удивленно заметил Николас.

Олаф пристально посмотрел на него. Николас снова почувствовал вторжение и на этот раз с легкостью показал Защитнику то, что тот жаждал увидеть. Лицо Олафа тут же смягчилось и он продолжил:

— Заешь, кто становится Защитником Паствы?

Охотник отрицательно покачал головой, хотя прекрасно знал ответ.

— Телепаты, люди, которые могут читать мысли других. Такие же колдуны, как и те, против которых мы ведем священную войну. Вся наша верность народу Империи — сплошной обман и лицемерие. Мы служим только своей корысти. Захватываем все новые и новые земли. Обращаем неверных. Крадем детей из родительских домов… Знаешь, я родился далеко за пределами Империи в маленьком лапландском городке Виборге в семье бедных фермеров. Там все было совсем по-другому. Епископаты не властвовали над свободными городами, богатые родители не лезли из кожи вон, чтобы отправить свое ненаглядное чадо в Академию… Мне просто не повезло, я родился с "истинным" даром. Поэтому меня без труда обнаружил отряд "Собирателей". Они-то и увезли меня из родительского дома в Константинополь.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? Ты ведь меня почти не знаешь, — перебил его Николас. Непрошеная откровенность Защитника вызывала в Охотнике непривычное чувство вины.

— Сам не знаю, — горько усмехнулся Олаф. — В Академии у меня никогда не было друзей, тех, с кем бы я мог вот так просто разговаривать. Практически все с моего курса были из богатых имперских семей. Меня доводило до бешенства их высокомерие. Их способности в десятки раз меньше моих и все равно они были выше и достойнее, потому что родились на "благословенной" земле. А те, кого я встречал за пределами стен Академии, сторонились меня из-за этой формы.

— А как же Сисси? — продолжал недоумевать Охотник.

— Сисси? Да ты что! Она слишком наивная… А ты другой… Ты не похож на тех, кого я встречал раньше. Мне кажется, что ты меня понимаешь. Что в глубине души тоже томишься от одиночества и тоски, — Олаф выжидательно посмотрел на него. От продолжения неловкого разговора его спасла Сисси.

— Эй, что за мрачный вид? — весело спросила она, предлагая им угоститься еще теплыми жареными каштанами, а потом, глядя на огромное пепелище, добавила: — Какое убожество, пойдем скорее из этого ужасного места.

Они зашагали прочь, не замечая, как цепкий взгляд не по-человечески ярких глаз провожал их до самого выхода с площади. Вскоре пришло время возвращаться — вечером им предстояло

давать очередное представление.

***

Как только стихли последние аплодисменты, Виктор снова выбрался из шатра через черный ход и, ловко вспрыгнув на неоседланную Лайгу, помчался вверх по дороге. На этот раз Николас решил за ним проследить. Уж слишком подозрительны были все эти ночные вылазки хозяина цирка. Обвязав копыта Серого тряпками, чтобы приглушить шаги, он поскакал вслед за Виктором. Дорога петляла между полуразрушенной городской стеной и курганами, возведенными над братскими могилами тех, кто пал в битве за город.

За очередным поворотом показалась внушительных размеров каменная арка. Привязанная к соседнему дереву Лайга тревожно прядала ушами в сторону дороги. Николас спешился и оставил Серого возле нее, а сам крадучись двинулся дальше. Кладбищенская дорога была узкой. Приходилось все время шарить в темноте ногами, чтобы не упасть, споткнувшись о какую-нибудь неровность. Покрытые мхом и мелкими трещинами камни, изрезанные древними письменами, были похожи друг на друга, как близнецы-братья. Безмолвие могил не нарушал ни один звук. Лишь вдалеке виднелся тусклый огонек факела. Николас беззвучно приблизился к нему и замер, разглядывая сгорбленную фигуру Виктор, склонившегося над стоявшей чуть поодаль от остальных могилой. Почувствовав на себе его взгляд, циркач, не оборачиваясь, спросил:

— Ну что, узнал страшную тайну хозяина цирка Герадер? Побежишь сейчас пересказывать ее своему дружку в голубом плаще?

— Нет… — еле слышно ответил Николас, показавшись на свет факела. — Твои родители?

— Да, — тихо вздохнул Вик.

— Везет, ты хотя бы можешь положить цветы на их могилу, — Охотник засунул руки в карманы, разглядывая рунопись на сером камне.

"Здесь покоится Сайлус Герадер, герой трех войн за веру, последний глава Стражей западного Элама".

— Это ненадолго. Эти изверги собираются "очистить" кладбище. Именно поэтому я так спешил здесь оказаться. Я должен был… успеть проститься, — неожиданно осипшим голосом ответил циркач и отвернулся.

— Простился? Не приходи сюда больше. Это слишком опасно, — бросил ему на прощание Николас. — И уезжай из Александрии. Теперь это не место для таких, как… ты.

Виктор бросил на него удивленный взгляд, силясь понять

скрытое значение слов Авалорца. Но потом лишь молча пожал плечами и снова погрузился в созерцание каменного надгробия.

***

Когда Николас вернулся, в лагере циркачей уже погасли огни. Было тихо и безлюдно, но не успел он слезть с лошади, как его окликнул чей-то тихий голос:

— Господин Страж идти с Маньялай.

— Что? — удивленно переспросил Николас. Из темноты к нему вышел силач.

— Господин Страж идти с Маньялай. Шелезгал призывать, — повторил он свою тарабарщину.

— Куда идти-то? — сделал слабую попытку разобраться в его речи Николас.

— Идти с Маньялай, — упрямо настаивал на своем силач.

Охотник тяжело вздохнул и побрел за чудным циркачом. Ночка предвещала быть долгой. Они вошли в город чрез дыру в стене, оставленную осадными машинами, быстро проследовали по узким улочкам в центр города и вышли на ту самую площадь, по которой он гулял днем. Ночью исполинское пепелище сливалось с булыжником мостовой, но запах гари не могла скрыть даже милосердная тьма. Они свернули в какой-то узкий переулок и уперлись в кирпичную стенку.

— Ну и что дальше? — нетерпеливо спросил Николас.

— Ждать, — коротко ответил ему Маньялай.

Неожиданно в земле появились трещины по периметру квадрата площадью в аршин. Поднялась крышка замаскированного под мостовую люка и из него показалась высокая долговязая фигура.

— Маньялай привести Шелезгал Страж. Маньялай уходить, — сказал силач, учтиво поклонился, и направился прочь из тупика.

Николас оценивающе смотрел на представшего перед ним незнакомца. Он был высок, на голову выше Маньялая, который сам был едва ли ниже трех аршин ростом. Смуглая кожа туго обтягивала вытянутую абсолютно лысую голову и собиралась глубокими складками на лбу, в уголках глаз и за аккуратными клиновидными ушами. Но больше всего Охотника поразили глаза незнакомца: глубоко посаженные, невероятно яркие, цвета яного весеннего неба. Эти глаза не принадлежали человеческому миру.

— Ты пришел за книгой? Следуй за мной, — странным, без единой нотки выражения голосом сказал незнакомец.

Николас мгновение помедлил, прислушиваясь к своему чутью, но оно многозначительно молчало. Тангрум тоже, как на зло, перестал разговаривать с ним с момента, как он подошел к городу на расстояние дневного перехода.

— Страж, я ждал тебя триста лет, прошу, не продлевай долее моих мучений, — заметив его раздумья, взмолился незнакомец.

Николас рассудил, что лучше последовать за ним, чем оказаться замеченным в компании нелюдя ночным патрулем Защитников Паствы, и нырнул в катакомбы, затворяя за собой потайной люк. Вниз вела крутая винтовая лестница. Незнакомец зажег факел и пошел вперед, освещая путь перед собой. Охотник почувствовал, как у него заложило уши — видимо, они спустились достаточно глубоко под землю.

— Шелезгал? Тебя ведь зовут Шелезгал? — позвал нелюдя Николас, когда они зашагали по узкой темной галерее.. — Куда мы идем?

— В главное хранилище Великой Библиотеки, — коротко ответил ему незнакомец.

— Разве оно не сгорело? — удивился Охотник.

— Нет, сгорело лишь парадное здание на поверхности. Настоящая библиотека всегда находилась здесь, под землей, подальше от любопытных глаз. Разве можно показывать кому попало такое сокровище? — с этими словами библиотекарь толкнул неожиданно появившуюся впереди него дверь.

Николас вошел в полутемную залу. Она была огромной. Из-за длинных деревянных стеллажей с книгами, с трудом проглядывались каменные стены, вдоль которых тускло горели факелы.

— Чего ты ждешь? — спросил Николас, не в силах понять, что происходит.

— Жду, когда ты найдешь книгу, — безразлично пожал плечами Шелезгал.

— Здесь тысячи книг, как я ее найду? — запротестовал Охотник.

— Это не моя проблема. Ты должен найти книгу.

— Я если я ее не найду?

— Значит, умрешь здесь с голоду, как сотня твоих предшественников, — добродушно сказал библиотекарь.

— И ты меня ни за что не выпустишь? — безнадежно спросил Охотник.

— Ни за какие сокровища мира, — Шелезгал встал, затворяя за собой дверь.

"Почему я всегда попадаю в такие ситуации?" — отрешенно подумал про себя Николас и прошелся вдоль стеллажей.

Первая зала оказалась не единственной. За ней следовала еще одна, с обитыми шелками стенами и шкафами из дорогого красного дерева. Николас подивился на небывалую роскошь. За деньги, потраченные на создание этих грандиозных помещений,

можно было нанять хорошую армию и отбить Александрию, да что там Александрию, весь Мидгард можно было освободить от ига Единоверцев. Он прошел в третью залу. Вдоль стен в бесконечную даль уходили стеллажи из червонного золота. Его блеск в свете тысяч и тысяч свечей больно бил по глазам, как будто грозя случайному посетителю за то, что он посмел нарушить покой этих чертогов своим низменным взором. На полках ровными рядами лежали мириады свитков. Николас прошелся вдоль одного из стеллажей и вдруг замер. Он почувствовал непреодолимое желание развернуть свиток, хотя бы одним глазом глянуть на то, что в нем записано. В конце концов, никто не говорил ему, что он не должен ничего трогать.

Николас занес руку над свитками и почувствовал легкое тепло, исходившее от одного из них. Он как будто сам просился взять себя в руки и развернуть. Николас осторожно достал его с полки. В нем не было текста, только картинки, в которых он с ужасом узнал сценки из собственной жизни. На первой была изображена рыжеволосая женщина, вырывающая младенца из цепких костлявых рук мар, на следующих — охота на златорогого оленя, прощание с отцом, битва с Ловцом желаний, встреча с мертвым богом, гибель Юки…

Сердце пропустило удар, а потом бешено заколотилось, грозя выскочить из груди. Набравшись мужества, Николас заглянул чуть дальше. На картинке он извлекал книгу из-под свитков на золотой полке. Он уже начал отворачивать следующую картинку, но вдруг четко осознал, что не желает этого видеть, быстро смотал свиток и положил обратно. Затем провел рукой по полке и достал оттуда увесистую книгу с серебряной руной перт на черной кожаной обложке. Он взял ее подмышку и зашагал прочь, стараясь не оборачиваться, чтобы не поддаться искушению открыть свиток еще раз.

Шелезгал неподвижно стоял на том же месте, где оставил его Николас. Увидев в руках Охотника заветную книгу, яркие глаза нелюдя лихорадочно заблестели.

— Ты нашел ее! Хвала богам, теперь я наконец-то смогу уйти, — ликующе вскричал он.

— Погоди уходить, лучше объясни, что здесь написано, — Николас открыл книгу и указал на таинственные письмена. — Это не буквица, и не рунопись. Я никогда прежде таких знаков не видел.

— Это древний язык богов. Я его не знаю. Я простой библиотекарь. Уж если кому и суждено разгадать тайну этой книги, то только тебе. Я ведь и сам пытался найти ее все эти триста лет, а ты сделал этого всего за час.

Николас раздосадовано поджал губы и направился к винтовой лестнице. На пороге он обернулся, желая попрощаться со странным библиотекарем, но на месте, где он только что стоял, осталась лишь кучка праха. Охотник удивленно пожал плечами и покинул таинственное книгохранилище.

***

Николас вернулся в лагерь на рассвете. Он вошел в вагончик Сисси и от усталости рухнул на расстеленный на полу матрац не раздеваясь. Но стоило ему только закрыть глаза, как раздался громкий грудной кашель. Николас перевернулся лицом к девушке.

— Эй, все в порядке? — обеспокоенно спросил он.

— Да, — соврала она и тут все ее тело содрогнулось от сильнейшего приступа.

Девушка прикрыла рот руками. Николас приподнялся на локтях и внимательно посмотрел на нее. С тонких белых пальцев падали багровые капли крови.

Охотник кинулся к вагончику Виктора.

— Вставай, Сисси плохо! — закричал он, отвешивая грубую ткань тента, закрывавшую вход.

Виктор, который тоже, по всей видимости, еще не ложился, схватил с тумбы флакон с какой-то прозрачной жидкостью и, не задавая лишних вопросов, поспешил к кибитке Сисси. Приступ только усиливался. Девушка задыхалась. Виктор открыл свой флакон и подсунул его девушке под нос. Она сделала несколько глубоких вдохов и кашель начал отступать. Вик накапал снадобья в стакан с водой и поднес его ко рту девушки.

— Убери, я не стану пить это колдовское зелье, — сказала Сисси слабым голосом и упрямо отвернулась.

Виктор молча поставил стакан на тумбу рядом с кроватью и вышел на улицу. Он сел на мокрую от росы траву, обняв колени. Николас опустился рядом с ним и спросил:

— Что с ней?

— Эта сухота. Ею часто болеют дети из бедных семей Нормандии. Вначале появляется сильный непроходящий кашель, человек теряет вес, а потом начинает харкать кровью.

— Но ведь можно что-то сделать. У меня есть друг целитель. Я думаю, он бы нашел лекарство… — возбужденно начал говорить Николас, но циркач посмотрел на него с такой безнадежностью, что тот осекся на полуслове.

— Это бесполезно. Думаешь, я не предлагал ей помощь целителей? Она даже мое лекарство отказывается принимать. Считает, что единственное ее спасение в молитве своему богу, — Вик с досадой сплюнул. — Дура, никакие боги, ни наши, ни их, не

способны подарить человеку жизнь, тем более когда он сам вот так отказывается от помощи…

Он замолчал и капнул себе на язык жидкости из флакона, а потом передал его Охотнику.

— Зачем?

— На всякий случай. Выпей, сухота — болезнь заразная.

Николас глотнул и поморщился:

— Гадость! Прямо как одно из Эглаборговых зелий.

Циркач криво усмехнулся и побрел к своему вагончику. Николас вернулся к Сисси и лег спать.

***

Николас проспал до самого вечера. Перекусив оставшейся с обеда кашей, украдкой собрал седельные сумки. Вик безрезультатно пытался уговорить Сисси остаться в постели, пока ей нездоровится, но та упрямо натянула на себя костюм и отправилась ждать своего номера. Представление прошло для Николаса, как в тумане. Телом он все еще находился здесь, на цирковой арене, а вот мысли были уже далеко, на границе Нормандии. Из задумчивости его вывел звонкий голос Олафа.

— Ну, так как? — Защитник Паствы выжидательно глядел на Охотника.

— А? — обескуражено переспросил Николас, пропустивший все его слова мимо ушей.

— Николас, что с тобой? — встревожено сказала Сисси. — Это из-за того, что было утром? Не стоит так переживать. Теперь все в порядке.

Теперь циркачка производила обманчивое впечатление полной сил девушки. Только фиолетовые круги под глазами напоминали о недавнем приступе.

— Олаф хочет нам что-то показать, — продолжила она, ободряюще дотрагиваясь до его руки.

Николас почувствовал себя немного сконфуженно, так как сейчас его волновало что-то совсем иное, чем Сисси и ее проблемы.

— Это будет нечто особенное. Такой случай вряд ли еще представится. Идем, — лукаво ухмыляясь, сказал Защитник.

Николас кисло улыбнулся и кивнул. Его отказ они бы вряд ли приняли, да и не хотелось расстраивать Сисси напоследок. Когда они выходили из шатра, Николас краем глаза заметил несущуюся во весь опор лошадь по дороге на кладбище.

— Вот, дурак, — с досадой сплюнул он.

— Что? — удивленно переспросил Олаф.

— Ничего, не обращай внимания, — махнул рукой Николас.

Они снова зашагали по знакомой дороге к центральной

площади, но, не доходя до нее, свернули в какой-то темный узкий закоулок, прошли несколько поворотов и остановились у еле заметной щели между двумя высокими зданиями.

— Все, пришли, только тихо, — предупредительно вскинул руку Олаф.

Они втроем заглянули в щель. Перед их взором предстала небольшая площадка с трибунами. На них сидели семь человек в голубых плащах с золотой оторочкой на капюшонах: пятеро мужчин и две женщины. Собравшиеся молча смотрели куда-то в дальний от наблюдавшей за ними компании угол.

— Кто это? — спросила Сисси у Олафа.

— Магистры Защитников Паствы семи стран. Их не так часто можно встретить без вооруженной до зубов охраны. Здесь у них какое-то тайное собрание. Без посторонних лиц, — тихим шепотом объяснил он.

Николас передернул плечами и спросил несколько резче, чем хотел:

— Зачем ты нас сюда притащил?

— Я случайно подслушал их разговор сегодня на стройке и нашел этот лаз. Мне просто хотелось с кем-нибудь поделиться, а вы мои единственные друзья, — испугавшись резкого тона, начал оправдываться Олаф.

— Николас, перестань быть такой букой. Это ведь такая честь, увидеть Магистров семи стран, — упрекнула его девушка, полными восхищения глазами глядя на представителей духовной власти.

Их разговор прервало появление восьмого Защитника Паствы. В отличие от остальных, его плащ был абсолютно белый, без единого украшения. Присутствующие встали. Он откинул капюшон и явил свету немолодое морщинистое лицо. Его глаза, одни прозрачно-голубой, другой — темно-зеленый, скользнули по щели, через которую за собранием подглядывало три пары любопытных глаз. Николас напрягся. Он уже видел подобные глаза у ведьмы Ялинки в самом начале своего пути. Их нельзя было ни с чем спутать. Но почему здесь?

— Вот удача! — радостно воскликнул Олаф. — Должно быть это Верховный Магистр. Его никогда прежде не видели на людях.

Меж тем остальные Защитники тоже поднялись и сняли свои капюшоны. У каждого из них, были точно такие же разноцветные глаза.

— А почему у них такие странные глаза? — Николас был благодарен, что это вопрос озвучила Сисси, а не он.

— Сложно сказать. Говорят, прежде чем стать Магистрами, они проходят какой-то очистительный ритуал, после которого

меняется цвет глаз, — пожал плечами тот.

Николас, затаив дыхание, наблюдал за происходящим.

— Можете сесть, — объявил Верховный Магистр и семеро человек опустились обратно на скамейки. — Вы догадываетесь, по какому поводу я вас здесь собрал?

Присутствующие отрицательно покачали головами.

— Библиотека… Весь смысл захвата этого города состоял в том, чтобы уничтожить библиотеку, — раздраженно сообщил он.

— Но мы собственноручно ее сожгли, как только город пал, — с опаской, возразил ему один из Магистров.

— Вы сожгли здание. Но основной архив библиотеки находится под землей.

— Неужели нам надо взрывать весь город, чтобы уничтожить какую-то несчастную библиотеку?

— По-видимому, вы не понимаете всей серьезности ситуации. Эта библиотека — древнейшая постройка во всем Мидгарде. Знания, которые она хранит, несут смертельную опасность нашему режиму. Если вы не можете найти в нее вход, то придется уничтожить, как вы выразились, весь город.

— Но он так удобно расположен. Мы бы не хотели его потерять… — попытался урезонить его один из Магистров

— Лой, вам напомнить о вашем провале в Нормандии?

— Нет, — Лой тут же опустил голову и вжал голову в плечи.

— Хорошо. Идем дальше. Что у нас с Авалором?

— Все хорошо, — робко ответил один из собравшихся. — Никаких беспорядков.

— Вы нашли последнего Комри?

Николас вздрогнул и сильней прижался к щели в стене.

— Мы думаем, что он умер.

— Вы видели его тело?

— Нет, но…

— Что но? Вы должны были убить их всех еще два года назад, когда мы вскрыли королевский архив.

— По всей видимости, их кто-то предупредил, и они успели отправить мальчишку на Охоту, — осторожно сделал предположение один из Магистров.

— Вы бы их видели, этих Комри. Сила их рода давно угасла. Я не уверен, что даже если этот мальчик жив, то сможет хоть что-нибудь нам противопоставить, — подхватил второй Магистр.

Лицо Охотника стало землистого цвета. На лбу выступили капли пота.

— Да, пусть даже он попадет к этим бунтовщикам из Нормандии — их сопротивление от этого ничего не получит. Мы раздавим их, как клопов, — помог своему товарищу третий

Магистр.

— Похоже, вы не совсем забыли, что вот-вот наступит Час Возрождения. И я не хочу, чтобы существовала хотя бы малейшая вероятность того, что род Комри не прервется к этому моменту…

— Интересно, чем так опасны эти Комри? — тихо спросила Сисси.

— Ходили слухи, что они были то ли предводителями сопротивления на Авалоре, то ли плели заговор против епископата, — пожал плечами Олаф. — Николас, ты ведь, кажется, оттуда. Ты должен был что-то про них слышать.

Охотник, ничего не отвечая, приникнул к щели, не смея оторвать взгляд от Верховного Магистра.

— Эй, брат, что с тобой? — спросил Защитник, впервые замечая странное возбуждение своего товарища.

Олаф потянулся за рукой Николаса, но как только они соприкоснулись, по телу Охотника пробежала сильная судорога.

"Что ты творишь?" — раздался в его голове голос разгневанный голос мертвого бога. — "Скорее беги отсюда".

Он резко дернулся и вырвал свою руку у Защитника.

— Вы уже отправили отряд на зачистку Александрийского кладбища? — донесся до него обрывок фразы Верховного Магистра.

— О, да, конечно, как раз перед вашим приходом я подписала приказ, — подтвердил высокий женский голос.

— Николас, что случилось? — встревожено спросила Сисси.

— Мне нужно вернуться в цирк, — коротко бросил он и, не оборачиваясь, побежал прочь.

Сисси открыла рот от удивления, потом перевела взгляд на Олафа. Тот с совершенно безумным взглядом прижимал к щеке руку и задумчиво одними губами бормотал "брат", как бы пробуя это слово на вкус.

***

Добежав до коновязи, Николас наспех собрал коня в дорогу, но не успел он сесть в седло, как дорогу заступил Маньялай.

— Что происходить? — встревожено спросил он, глядя на разгоряченного бегом Охотника. — Где быть хозяин? Маньялай беспокоиться.

Николас бросил на него оценивающий взгляд:

— Хочешь помочь хозяину, живей за мной!

Николас выслал коня вперед. Он обнаружил Лайгу в том же месте, что и вчера. Николас выхватил притороченный к седлу меч и рубанул по веревке, которой была привязана лошадь, и та побежала вслед за Серым, слишком напуганная, чтобы оставаться одна. Они пронеслись по кладбищенской дороге к видневшимся

вдалеке огням. Защитники плотным кольцом окружили Виктора. Тот стоял неподвижно, скованный телепатическими путами. Николас мешкал, решая, как ему вытащить фокусника из окружения и не попасться самому. Но вдруг в ряды Защитников врезался неведомо откуда возникший Маньялай. Он с криком бросился на обидчиков своего "хозяина". Их телепатические атаки оказались абсолютно бесполезны. Воспользовавшись воцарившейся шумихой, Николас направил лошадей на Защитников, одновременно нанося удар с помощью телекинеза. Строй Голубых Капюшонов развалился, как карточный домик. Те, кто избежал сокрушительных ударов силача и лошадиных копыт, корчились на земле от того, что атака Николаса резко оборвала их "связь" с жертвой. Виктор схватил за повод проносившуюся мимо Лайгу и запрыгнул в седло.

— Бегите! — громогласно крикнул он.

Все кладбище озарила яркая слепящая вспышка. Лошади, одна за другой, перескочили через ограду и помчались по широкой наезженной дороге. Через несколько верст бешеной скачки показалась приграничная развилка. Одна дорога уходила на север в Веломовию, а вторая — на запад в Нормандию. Всадники натянули поводья, переводя дух. Силач каким-то невероятным образом умудрился догнать их всего через пару минут пешком и шагал рядом.

— Странно, что они не отправились за нами в погоню, — заметил Николас, настороженно оборачиваясь на пустынную ночную дорогу.

— Ну, скажем, так, им показалось, что мы поскакали в другую сторону, — лукаво ухмыляясь, ответил ему Виктор, и немного помолчав, добавил: — Спасибо, что выручил. Жаль, теперь ты не сможешь вернуться в Александрию.

— Ничего страшного, — ответил Николас. — Я все равно уже получил то, зачем приехал. Но ведь ты тоже не сможешь вернуться к своему цирку.

— Не смогу, ты прав, но так, я думаю, оно и к лучшему. Этот цирк и забота о его артистах начали меня тяготить в последнее время. Я хочу вернуться на родину и начать все с чистого листа. Маньялай, ты ведь пойдешь со мной в Веломовию?

— Маньялай пойти с хозяин хоть на край света, — с гордым видом ответил ему силач.

— Ну, вот и решено, едем в Веломовию. Прощай! — махнул он рукой напоследок и скрылся за поворотом.

Николас спешился, взял взмыленного мерина под уздцы и зашагал по дороге на запад.

Тайна 7. Компания Норн

Нормандия. 1569 г. от заселения Мидгарда.

Разогретое от долгой скачки тело начинало знобить от пронизывающего ночного ветра. Усталость, накопившаяся за последние дни, брала свое. Николас только что перешел границу с Нормандией, но остановиться на ночлег пока не решался, опасаясь приграничных патрулей. Серый дремал прямо на шагу, спотыкаясь на ровном месте. Глаза Охотника закрывались сами по себе, а ноги становились ватными. Когда запнувшись об очередной выпиравший из земли корень дерева, они с конем чуть не упали, Николас не выдержал. Зашел в первый попавшийся перелесок, привязал коня к дереву, ослабил подпругу, распаковал одеяло и тут же улегся на землю и погрузился в сон.

Наутро Охотник проснулся оттого, что кто-то бесцеремонно тыкал палкой в лицо. Николас приоткрыл один недовольный глаз. В ярких лучах утреннего солнца он увидел очертания склонившейся над ним невысокой фигуры.

— Эй, Патрик, гляди, он живой! — послышался звонкий детский голос.

Николас поднялся на локтях и дернул головой, прогоняя остатки сна. Перед ним стоял светловолосый мальчик. Он отступил на несколько шагов, направил на Охотника палку и грозно вскрикнул:

— Предупреждаю, я хоть и маленький, но могу за себя постоять!

Николас удивленно поднял брови. У мальчика явно был дар, но не очень сильный. Да и что может противопоставить десятилетний ребенок взрослому мужчине?

— Жан, осторожно! Он пришел со стороны границы. Откуда ты знаешь, что он не из этих… — Николас повернулся в сторону говорившего и увидел, как мальчик постарше копается в его сумке. Николас решил, что они братья, судя по внешнему сходству. Вот только присутствие дара, даже скрытого, в старшем не ощущалось.

— Эй, ребят, а вам никогда не говорили, что воровать нехорошо? — усталым голосом осведомился Николас. Он все еще не выспался и чувствовал себя разбитым после ночных приключений в Александрии.

— Мы не воры! — возмущенно ответил Жан, продолжая махать на него палкой.

— Да и воровать у тебя, кроме этого меча неказистого

нечего, — с досадой заметил Патрик, доставая из ножен Небесный клинок.

Это живо заставило Охотника проснуться. Он кинулся к незадачливому воришке, но не успел. Меч выпал у мальчишки из рук, сильно оцарапав руку.

— Ай, больно! — громко вскрикнул он.

— Будешь знать, как на чужое добро зариться, — тихим, но угрожающим тоном сказал ему Охотник и спрятал меч обратно в ножны.

— Что здесь происходит? — из-за деревьев вышел невысокий молодой мужчина с широким луком за спиной и перевязанными на затылке в тугой пучок волосами.

— Мы нашли соглядатая из Империи, — Жан указал в сторону Николаса.

— Он меня поранил! — добавил Патрик, показывая новоприбывшему свою руку.

— А нечего было по моим сумкам шарить, — возмутился Николас, проверяя, все ли вещи на месте.

— Я Аллен, хранитель восточной границы Нормандии. Именем короля, вы арестованы за незаконное пересечение границы этой страны, — мужчина выхватил из ножен короткий меч и направил на Охотника. — И чтоб без шуточек. Патрик, свяжи ему руки.

Николас закусил губу от досады. Ведь знал же, что нельзя здесь останавливаться.

— Ну, Жан, что скажешь о нашем соглядатае? — обратился хранитель к младшему брату.

— Следы ведут из Александрии. Никаких отличительных знаков или грамот Патрик у него не нашел. Денег и еды тоже. Он либо голодранец, либо очень хороший шпион, — пожал плечами мальчик.

— У него там есть какая-то странная книга, — добавил старший, завязывая веревку не слишком сложным узлом.

— Оставьте мои вещи в покое! — запротестовал Николас, но Аллен приставил к его горлу меч.

— Молчать, пока с тобой не заговорят! — хранитель выставил вперед грудь, пытаясь выглядеть внушительно. Он был на голову ниже Николаса и раза в полтора тоньше в кости, поэтому впечатление производил довольно жалкое. Охотник безмятежно посмотрел в глаза хранителю. Тот передернул плечами, не выдержав пронзительного взгляда, и отступил на шаг.

— Патрик, возьми его лошадь, Жан, помоги брату. Возвращаемся в лагерь, — сказал хранитель, наконец, взяв себя в руки.

***

Хранитель и его ученики стояли лагерем в лесу, что находился в двадцати минутах ходьбы от того места, где устроил себе ночлег Николас. По большой круглой поляне были раскиданы мешки с вещами. Рядом на пожухлой осенней траве паслись две невысокие крестьянские лошадки и мохнатый пони с круглым сенным пузом. Из незатушенного кострища тонкой серой струйкой поднимался дым.

Патрик ушел за водой к лесной кринице. Жан сторожил пленника у кострища, а Аллен возился с его лошадью.

— Запали костер, Жан, — повелительно крикнул ему хранитель. — Мне еще надо голубя в штаб отправить.

Мальчик инстинктивно съежился и с ужасом посмотрел на кострище. Потом, обреченно вздохнув, принялся за дело.

Аллен чиркнул что-то на листке бумаги, скатал его и засунул в кожаный футляр, достал клетку с белыми почтовыми птицами, приладил письмо к ноге голубя и, шепнув что-то ему на ухо, выпустил в небо.

Голуби использовались в Мидгарде для доставки почты с незапамятных времен. Николас смутно припоминал, как читал в какой-то книге, что в глубокой древности при храмах строили голубятни, где разводили особую породу крупных белых птиц, которые использовались в церемониальных целях для общения с богами. К их ногам привязывали кусочки бересты с короткими посланиями и отпускали в небо. Через некоторое время голуби возвращались с ответом или без. Со временем чудесных птиц научились использовать для светских переписок. Специально выдрессированные птицы всегда безошибочно находили адресата и только после этого возвращались к хозяевам. С приходом единоверцев голубиная почта, как и рунопись, была упразднена. Теперь письма доставлялись почтальонами-скороходами, но они требовали непомерно высокую плату, а на услуги никогда нельзя было положиться.

Жан безуспешно пытался что-то сделать с костром. Он дул, потешно вскидывал руки, но ничего не происходило. Николас не выдержал и шепнул ему на ухо:

— Возьми у меня в кармане огниво.

Мальчик испуганно обернулся на Аллена, но тот увлеченно что-то делал с лошадью Николаса и совершенно не обращал на них внимания. Тогда Жан решился ответить:

— Мастер Аллен не велел.

— Так ему и знать не обязательно, — подмигнул Охотник. Бросив безнадежный взгляд на сухой хворост, мальчик все-таки решил воспользоваться его предложением. Бросая испуганные

взгляды на своего учителя, он высек искру с помощью огнива и тут же спрятал его обратно. Когда Аллен, наконец, оставил свое увлекательно занятие, огонь уже с треском пожирал сухие сосновые ветки.

— А ты молодец! — похвалил ученика хранитель, но мальчик лишь виновато потупился. Аллен повернулся к Николасу и бесцеремонно спросил: — Твое имя?

— Николас, — спокойно ответил Охотник.

— Откуда ты?

— Из Авалора.

— Что ты делал в Александрии?

— Я ничего не делал. Я возвращался из Веломовии домой и немного заблудился.

— Так заблудился, что пошел совсем в другую сторону? — Николас недоуменно пожал плечами. — Твой конь сказал, что эламцы выкрали его у офицера Имперской армии, а ты его выкупил, пересек на нем всю Эламскую пустыню, а затем направился в Александрию и пробыл там несколько дней. А вчера ты чуть не загнал его до смерти, когда улепетывал от отряда одетых в голубые плащи людей. Я правильно все изложил?

"Вот ведь повезло на звероуста нарваться. И коняка, как назло, разговорчивая попалась. Эх, где-то сейчас мой Харысай? Вот уж у него хватило бы ума держать язык за зубами", — отрешенно подумал про себя Николас.

— Ну чего молчишь?

— А что отвечать, коль ты и сам все знаешь?

Хранитель бешено выпучил глаза и замолчал, изо всех сил пытаясь взять себя в руки.

— Почему эта книга не открывается? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

— Я не знаю. У меня открывалась, — Николас снова недоуменно пожал плечами, на этот раз ни чуточку не лукавя.

— Тогда открой ее сам! — Аллен швырнул книгу ему на колени.

— Тебе это не поможет.

— А тебя никто не спрашивает, что мне поможет, а что нет.

Николас легко раскрыл книгу, отлистнул несколько страниц и показал чрезмерно вспыльчивому хранителю.

— Тут ничего не понятно, — грустно заметил Жан, встревая в разговор взрослых.

— Я же говорил… Я нашел ее на пепелище Великой Библиотеки. Мне обложка понравилась, поэтому я ее и подобрал, — Николас решил избрать другую тактику: рассказать все, как на духу. Ну, почти.

— А проклятый меч ты тоже там нашел? — с вызовом спросил Аллен.

— Нет, мне его всучил один монах, демоны его побери. Сказал, что я должен хранить от него людей.

— Опять врешь?

— Абсолютно.

Аллен растопырил пальцы, как будто намереваясь его придушить, а потом раздраженно сплюнул:

— С тобой невозможно разговаривать. Ну, ничего, как только сюда явится офицер из штаба, мало тебе не покажется, уж будь спокоен.

— Да я всегда спокоен.

Хранитель уже был готов на него кинуться, как из кустов показался Патрик с котелком наперевес. Аллен махнул на Николаса рукой и отправился за крупой и вяленым мясом. Патрик прилаживал котелок над костром. Жан заворожено глядел на огонь. Он вытягивал руки вперед, почти касался красных языков пламени, а потом в страхе отдергивал их. Охотник в задумчивости переводил взгляд с Жана на Аллена.

Через полчаса каша была готова. Аллен разложил ее по мискам и передал своим ученикам. Патрик накинулся на еду, забыв обо всем на свете, в то время как его брат съел всего две ложки и задумчиво глядел на Николаса.

— А почему ему ничего не дали? — озадаченно спросил мальчик.

Николас с Алленом смущенно переглянулись, Патрик продолжил есть, не обращая внимания на брата.

— Ну, гм… пленнику не положено, — с трудом выдавил из себя хранитель.

— Но он голодный. Вы ведь сами видели его пустые сумки, — возмутился Жан. — Патрик, ты что забыл, как это быть голодным?

Старший мальчик поперхнулся и удивленно уставился на брата.

— Сам виноват. Нечего было границы нарушать, — ответил за него Аллен и уткнулся в свою миску.

Мальчик решительно протянул свою миску Николасу.

— У меня руки связаны, — напомнил ему Охотник. Мальчик почесал затылок, раздумывая над этой проблемой, а потом поднес ему ко рту ложку с кашей. Николас съел чуть-чуть, чтобы не обидеть ребенка.

— Смотри, а то тебе самому не хватит.

Жан кивнул и сам принялся есть кашу. Тут подошел Патрик и молча протянул им свою тарелку, избегая смотреть Николасу в

глаза. Жан радостно улыбнулся брату. Аллен неодобрительно фыркнул, глядя на них, и отвернулся.

***

— Патрик, ты останешься сторожить нашего пленника, а мы с Жаном пойдем заниматься, — сказал Аллен, когда обед был закончен.

— А может не надо? — со слабой надеждой переспросил младший брат, за что Аллен наградил его таким взглядом, что он как ошпаренный вскочил с места и побежал вслед за учителем.

Патрик собрал миски и принялся их мыть, натирая песком. Потом раздал лошадям запаренный еще с утра овес, достал из кармана ножик, подобрал с земли кусок коры и начал что-то сосредоточенно из нее вырезать.

— Тяжело тебе? — к собственному удивлению, озвучил свои мысли Николас.

— Что? — не понял мальчик.

— Быть "пропущенным" не тяжело?

Мальчик опустился на бревно и понурился.

— Тяжело было, когда наши родители умерли от холеры, и мы бродили от деревни к деревне, летом питаясь ягодами да грибами, а зимой воруя, что плохо лежало. Мы бы наверняка умерли от голода и холода, если бы компания Норн[57] не нашла нас в одном паршивом городишке к северу отсюда и не обнаружила у Жана этот дар. С ним все нянчились, как с сыном какого-нибудь знатного господина. А я как был ничтожеством, так и остался… — тут он замолчал и опустил глаза. — Но когда я вижу, как Жан мучается, мне хочется, чтобы он тоже был "пропущенным". А у тебя есть брат?

Николас неожиданно вздрогнул.

— Был когда-то… Мы были не слишком близки и никогда не понимали друг друга, а потом… потом он умер.

Повисло неловкое молчание.

***

Аллен с Жаном вернулись через несколько часов. Мальчик подозрительно шмыгал носом, а хранитель буквально кипел от бессильной злости. Было видно, что занятия даются с трудом им обоим. Николас знал, в чем причина, но заносчивость хранителя отбила у него всякую охоту указывать горе-учителю на ошибки.

Аллен не говоря ни слова, схватил котелок и ушел. Жан сел у костра, потирая вскочивший на руке волдырь.

— Не надо, так только хуже будет, — сказал Николас. Мальчик громко высморкался.

— Смотри, я сделал для нашего флота Имперскую галеру, — попытался утешить его Патрик и показал искусно сработанный

кораблик из древесной коры с листьями сирени вместо парусов и черенками-веслами по бокам. Жан вымученно улыбнулся, рассматривая сделанную братом игрушку.

После ужина все сразу отправились спать. Часовых не выставляли то ли из-за беспечности хранителя, то ли из-за усталости, то ли из-за накаленной до предела обстановки, а скорее от всего сразу. Когда со всех сторон начало доноситься мерное посапывание, Николас улучил момент и перевернулся на живот. Одно едва заметное движение и веревка соскользнула с его рук. Николас сел и осмотрелся. Его бесполезное сокровище — книга из сгоревшей библиотеки, лежала рядом с хранителем. Стараясь не производить лишнего шума, Николас осторожно вынул ее из-под руки Аллена и направился к своему коню.

На небе не горело ни единой звезды, даже месяца видно не было. Только где-то вдалеке за лесом полыхали зарницы. Было очень тихо, не ухали ночные птицы, даже рыскавшие по ночам волки забились поглубже в свои норы и боялись высунуть оттуда нос. Воздух стал тяжелый, будто напоенный раскаленным свинцом. Грядет буря, сообразил Николас, накинул на своего коня седло, приторочил к нему проклятый меч и уже засунул ногу в стремя, как вдруг звенящую тишину пронзил громкий потусторонний вой. Николас застыл, чувствуя, как по спине пробежались мурашки, а волосы на голове неприятно зашевелились. Что-то громыхнуло вдалеке. Возле кострища в небо выстрелил красный язык пламени.

"Жан! Пирокинез. О демоны, он сомкнул руки!", — мгновенно догадался Охотник и, забыв о побеге, вернулся к кострищу. Жан катался по земле и скулил от боли. Николас обхватил его за спину, не позволяя сомкнуть руки во второй раз. Аллен с Патриком живо вскочили на ноги и с недоумением уставились на визжащего мальчика.

— Хватайте коней и бегите отсюда, — на одном дыхании выкрикнул Николас. Жан бился в припадке изо всех сил стараясь хлопнуть в ладоши.

— Ч-что? — заикаясь, переспросил старший брат.

— Бегите! — повторил Николас.

Патрик перевел взгляд на своего учителя. Тот колотился, как осиновый лист на ветру, не в силах сдвинуться с места. Николас, наконец, сумел завести руки Жана за голову и дотянулся указательными пальцами до двух точек на затылке мальчика. Он тут же затих и обвис у Охотника на руках.

— Да не стойте же вы, как истуканы!

Николас отвесил хранителю такую оплеуху, что Аллен чуть не упал на землю. Это подействовало на него отрезвляюще, и он

на негнущихся ногах заковылял в сторону лошадей. Патрик с Николасом, который тащил на руках бездыханного Жана, последовали за ним. Лошади настороженно прядали ушами в сторону расползавшегося по небу яркого зарева. Охотник перекинул мальчика поперек коня, запрыгнул в седло и что есть мочи прижал пятки к круглым бокам. Серый выпучил глаза, подпрыгнул на месте и помчался вперед что есть мочи. Отвязанный пони со всех ног припустил за ним следом. Патрик с Алленом едва успели усесться на своих коней, как те сорвались в бешеный карьер за двумя удаляющимися в темноте светлыми пятнами.

Отъехав на безопасное расстояние Николас спешился и уложил юного пирокинетика на землю.

— Что ты с ним сделал? — спросил Патрик, усаживаясь рядом с братом.

— Ничего страшного, простой трюк, которому меня научили монахи Поднебесной. Жан проспит пару часов, охолонет чуток. А вот лицо заживать будет долго.

Охотник достал пузырек с мазью, приготовленной Эглаборгом еще в Храме Ветров, и осторожно наложил ее на большой ожег на щеке Жана. Аллен ссутулился, стараясь держаться вместе с остальными. Он не мог оторвать взгляд от расчерченной яркими всполохами линии горизонта. В приближающемся шуме все отчетливей слышался топот сотен копыт. Вскоре из-за леса показалось конное воинство. На полуразложившихся, поточенных червями тушах лошадей вперед неслись закутанные в ветхие плащи мертвецы. Пустые глазницы горели потусторонним зеленым светом. Голые кости гулко громыхали, раскачиваясь в жалких останках некогда пышных седел. Вслед за ними, оглашая долину громким лаем, бежала свора пышущих огнем гончих псов. Они пронеслись как раз в том месте, где несколько мгновений назад стояли лагерем хранитель со своими учениками.

— Это Дикая Охота[58], мертвячье воинство, — сказал Николас, отвечая на немой вопрос Патрика. — Дикая Охота прокатывается по земле в тех местах, где много неупокоенных. Она подхватывает за собой всех, кто попадается им на пути, и мертвых и живых. Смотри, они несутся к границе с Империей. Голубые капюшоны вчера ночью разорили Александрийское кладбище. Готов поспорить, что мертвячье воинство хорошо сегодня попирует на вскрытых могилах.

Вскоре Охота скрылась из виду. Аллен, наконец, расслабился и отвел взгляд от горизонта.

— Патрик, свяжи ему руки, — приказал он, тяжело

поднимаясь с земли.

— Но он же спас нас, — воспротивился мальчик.

— К тому же это абсолютно бесполезно. Если бы я хотел, я бы уже давно от вас сбежал, — покачал головой Охотник.

Заметно осмелевший Аллен выхватил из ножен меч и кинулся на него.

— Лучше не позорься, — пристыдил его Николас, словив клинок между ладоней, и с силой оттолкнул его назад, так что хранитель не удержался на ногах и упал навзничь.

Не обращая больше на него внимания, Николас расседлал коня и улегся на землю рядом с Жаном. Патрик последовал его примеру и лег с другой стороны от брата. Аллен отвернулся от них и побрел в сторону леса.

***

Николас проснулся на рассвете от тихого жалобного плача. Жан держал руку возле обожженного лица и, всхлипывая, глотал горькие слезы. Ни Патрика, ни Аллена видно не было.

— Не три, а то хуже будет, — назидательным тоном сказал ему Охотник

Жан вздрогнул и утер рукавом катящиеся по лицу слезы.

— Это останется навсегда? — безнадежно спросил он.

Николас пододвинул к себе лицо мальчика за подбородок и с видом знатока ответил:

— Не думаю, волдырь зарастет новой кожей через пару недель, а потом ты загоришь на солнце, и станет совсем незаметно.

Николас достал из кармана давешний пузырек с мазью и снова обработал ею ожог на лице мальчика. Жан немного успокоился. На смену бесконтрольным всхлипываниям пришла икота. Пока мальчик пытался ее побороть, Николас успел развести огонь и сбегать за водой на обнаружившуюся совсем рядом криницу. Глядя на костер, Жан грустно вздохнул и опустил голову.

— Почему у меня ничего не получается? — спросил он ни к кому в особенности не обращаясь. — Зачем мне этот дар, если я даже использовать его не могу? Когда хочу зажечь хворост, то ничего не выходит. А когда это совсем не к месту, огонь возникает сам по себе и обжигает меня…

— А давно у тебя проявился этот дар? — поинтересовался Николас.

— Пару месяцев назад… Вообще-то это люди из компании Норн сказали, что я могу зажигать огонь. Что я этот, ну как его…

— Пирокинетик, — помог ему Охотник.

— Ну да, именно так. А потом меня познакомили с Алленом

и отдали нас с братом ему в обучение. Правда, Аллен говорит, что я безнадежен.

— Знаешь, в детстве отец заставлял меня заниматься фехтованием. Мой учитель говорил, что я безнадежен. Я был мелким, щуплым, с трудом управлялся с тяжелым мечом. Мне все время приходилось думать о том, как бы удержать его и не поранить себя вместо того, чтобы отбивать атаки противника. Но потом у меня появился другой, более терпеливый и опытный учитель. Он начал с того, что показал, как примериться к собственному оружию, и перестать его бояться. Так и тебе надо побороть свой страх перед огнем.

Мальчик бросил задумчивый взгляд на танцующие языки пламени, а потом грустно вздохнул. Николас пошарил по дну своей сумки и извлек оттуда огарок свечи, завалявшийся там еще с Элама.

— Начни с малого, — он зажег фитиль от костра и передал свечу Жану. — Усмири огонь — потуши свечу.

Первым его порывом было просто задуть ее, но мальчик не стал этого делать. Жан повертел огарок на ладони, внимательно изучая его. Горячие капли воска стекали вниз и застывали, не попадая на кожу. Маленький огонек походил на лепесток диковинного цветка, какие они с братом видели за оградами особняков богачей в городе. Тогда так хотелось сорвать хоть один, чтобы рассмотреть поближе. Жан ухватился за эту мысль и накрыл фитиль двумя пальцами. Огонь тут же погас. Мальчик посмотрел на свою ладонь — на ней остались лишь крошки черной копоти от фитиля.

— Вот видишь, ты усмирил огонь. Теперь можешь попробовать ее зажечь.

— А как?

— Точно так же, как погасил.

Мальчик снова дотронулся двумя пальцами до фитиля, но ничего не произошло. Жан поднял глаза на Николаса.

— Ты неправильно дышишь, — подсказал ему Охотник. — Знаешь, откуда берется сила пирокинетиков?

Жан отрицательно покачал головой.

— От дыхания и эмоций. Чтобы зажечь огонь, вначале надо выровнять дыхание.

Жан успокоился и прислушался к себе, делая глубокий вдох и выдох.

— Хорошо, теперь закрой глаза, дотронься до свечи и дохни на нее огнем.

Мальчик сделал, как было велено, хотя не совсем понимал, что значит "дохнуть огнем".

— Эй, не теряй ритм, иначе огонь не удержать.

Жан открыл глаза и посмотрел на свечу. От фитиля поднималась тоненькая струйка дыма.

— Попробуй сначала, — видя его отчаяние, предложил Николас.

Мальчик снова выровнял дыхание, закрыл глаза и дотронулся до свечки. Из-под его пальцев вырос маленький огонек. Зацепившись за фитиль, он расцвел красным бутоном. Жан открыл глаза и с удивлением уставился на сотворенное им чудо. Он еще полчаса играл со свечей, то гася, то снова зажигая ее.

— Мастер Николас, а как черпать силу из эмоций? — спросил он, когда фитиль измочалился под его пальцами настолько, что утонул в плавленом воске.

— Из эмоций можно получить гораздо более мощный огонь, но для этого надо уметь их контролировать, а иначе не избежать таких вот несчастных случаев, — Охотник указал рукой на ожог на щеке мальчика. — Пока тебе надо научиться сохранять спокойствие, что бы ни происходило вокруг.

— Но это так сложно…

— Да, это непросто, но ничего в жизни не дается легко, иначе люди это просто не ценят. Но знаешь что, если ты справишься со своим страхом, то все остальное покажется тебе детской забавой.

Николас не успел закончить мысль, как из-за деревьев показались Аллен с Патриком. За собой они волокли тушу подстреленного ими кабанчика. Добыча была как нельзя кстати, потому что в ночной суматохе они не успели забрать свой провиант с пути Дикой Охоты. А поутру, когда все стихло, оказалось, что оставленные на поляне крупа и мясо изъедены червями и личинками.

Втроем, они быстро освежевали тушу и подвесили на рогатины запекаться над огнем. Патрик с Жаном о чем-то перешептывались. Маленький пирокинетик с радостью показал брату новый трюк со свечей. Аллен понурился и молча созерцал собственные колени. Николас сосредоточенно наблюдал за тем, чтобы мясо хорошо прокоптилось со всех сторон.

— Я провалил свое первое назначение, да? — тихо спросил Аллен, почему-то обращаясь к Николасу. Тот удивленно уставился на него. — Я месяц бился над тем, чтобы он перестал хотя бы обжигать себя, а тебе за час удалось показать ему, как управлять огнем.

— Зажигание одной свечи — это еще не управление огнем, — задумчиво ответил Николас. — Послушай, если ты действительно хочешь его чему-то научить, то тебе прежде самому надо научиться наблюдать, слушать и понимать. Но честно признаюсь,

ты самый неподходящий наставник для этого мальчика.

— Потому что я слаб и глуп? — тут же напрягся хранитель.

— Я этого не говорил. Твой дар действует совсем по-другому, чем дар пирокинетика. У него нет ни твоих инстинктов, ни обостренных чувств, ни звериной ловкости. Только страх и ярость, в наивысшей точке перерастающие в неукротимый пожар. Научишь его контролировать себя — и он по-настоящему сможет управлять огнем.

Обдумывая слова Охотника, Аллен перевел взгляд на Жана. Впервые за этот месяц он видел мальчика таким воодушевленным.

Николас неожиданно вздрогнул и уставился на пустое пространство между их лагерем и лесом, где они ночевали вчера. Аллен тоже встрепенулся и повернулся в ту сторону. Его глаза широко распахнулись от удивления. Он вскочил на ноги и быстрым шагом направился к привлекшему их внимание месту. Земля задрожала под ногами. Теперь даже увлеченные каким-то спором мальчишки подняли головы и наблюдали за бегущим в непонятном направлении хранителем. Неожиданно Аллен остановился, как будто встретил на пути невидимую преграду. Воздух перед ним начал уплотнятся, пока в нем появилась брешь.

— Телепортация? — пораженно выдохнул Охотник.

Телепортация являлась весьма своеобразной разновидностью телекинеического дара. Эта способность позволяла Стражам перемешаться из одной точки в другую за считанные секунды, даже если в них не были установлены пространственные воронки. Телепорты или попросту прыгуны рождались очень редко. Один-два в поколение. Остальным телекинетикам приходилось долго и упорно тренироваться, чтобы "переместиться" хотя бы на несколько саженей.

Последний известный прыгун Фейн был главой Стражей Авалора во время последней Войны за веру и погиб тридцать лет назад, после чего к единоверцам отошла большая часть острова.

Из образовавшегося прохода на поляну ступил высокий мужчина.

— Ого, как у вас тут хорошо, а в Дюарле льет как из ведра уже третий день, — приветливо сказал он, скидывая с плеч промокший насквозь плащ.

— Мастер Ноэль, чем обязаны такой честью? — заискивающе спросил Аллен. Было видно, что в присутствии этого человека ему очень не по себе.

— Разве не ты прислал голубя с донесением, что вы захватили вражеского "соглядатая"? Мне стало любопытно, — все так же по-простецки ответил Ноэль и быстрым шагом направился

к лагерю.

Ростом и телосложением он походил на Николаса, такой же высокий и худощавый, только в плечах немного шире. Коротко стриженные темные волосы серебрились сединой на висках. С правой стороны лицо пересекали два старых белесых рубца: один над бровью, другой — на щеке. Внимательные темно-синие глаза гостя осмотрели лагерь хранителя и остановились на Охотнике. Опытным взглядом оценив выправку Николаса и исходившую от него силу, новоприбывший подошел к Охотнику и протянул ему руку:

— Ноэль Пареда, адъютант главнокомандующего силами компании Норн в Нормандии. А вы, полагаю, Николас Комри, наследник Стражей Авалора?

Николас вымученно улыбнулся и пожал ему руку, хотя гораздо больше хотелось устроить диверсию, запрыгнуть в седло и умчаться прочь.

— Мы уже два года вас разыскиваем, — самодавольным тоном сообщил ему адъютант, несколько раз крепко дернув его за руку.

— Меня? — недоверчиво переспросил Николас.

— Да, вас. После последней зачистки на Авалоре мы связались с вашим наставником Гвидионом Галенским. Он сообщил нам, что вы отправились на Охоту в Священную долину Агарти. Мы направили отряд лазутчиков в веломовский Искер, и они принесли весть, что вы сгинули где-то на отрогах Снежных гор. Но мы не теряли надежду, и вот вы сами нашли нас. Разве это не перст судьбы?

В поисках поддержки Николас умоляюще посмотрел на Аллена. Но у того глаза от удивления были еще более круглые, чем у него самого.

— Ну что ж, нам пора отбывать в штаб, — с этими словами Ноэль потащил его в том место, куда он прибыл.

— Эй, погодите, какой еще штаб? Я знать вас не знаю. И про компанию вашу в первый раз слышу… ну, может, во второй. С какой это стати я должен с вами куда-то идти? — возмутился Николас, выворачиваясь из стальных объятий адъютанта.

— Не кипятитесь понапрасну, мастер Николас, мы на одной стороне, — Ноэль примиряющее поднял руки.

— Интересно, на какой? — бросил ему Николас, возвращаясь к своим вещам.

Головой-то он понимал, что находится на их территории и сбежать никуда не сможет. А сопротивлялся лишь для вида, чтобы успеть собрать таким трудом доставшиеся ему вещи.

— На той, что защищает Стражей, — с готовностью ответил

ему адъютант.

— Почему-то мне всегда казалось, что это Стражи должны людей защищать, а не наоборот, — скептично хмыкнул Охотник.

— Мы можем продолжить этот занимательный разговор в более подходящем месте? — поинтересовался Ноэль с уже куда более натянутым радушием, чем живо напомнил Николасу его брата Эдварда. Тому тоже терпения хватало не больше, чем на пять минут.

— Так, Патрик, заботься о брате. Не позволяй ему сильно нервничать, а то он опять себе что-нибудь подпалит. Жан, не отчаивайся, редко у кого все получается с первого раза. Запомни хорошенько то, что я тебе показал. Аллен, наблюдать и слушать, а не давить, хорошо?

Все трое охотно закивали и помахали ему на прощание. Ноэль обхватил Николаса за плечи и толкнул вперед. Их закрутило по спирали, а потом ощутимо тряхнуло. Ноги больно ударились о землю, как будто они прыгали с большой высоты. К горлу подступила дурнота.

— А у тебя крепкий желудок, — ехидно заметил Ноэль.

Николас неприлично выругался. Крупные капли падали ему на голову, а холодная вода ручейками стекала за шиворот. Здесь действительно вовсю лил холодный дождь. Дюарль, если Николасу не изменяла память, находился далеко на севере страны, на берегу Западного моря. Осень здесь ощущалась намного сильней, чем на южной границе Нормандии.

— Жаль, что нельзя переместиться сразу в штаб. Пол тут же начинает трескаться, — Ноэль с досадой накинул на голову капюшон и зашагал куда-то на север… или на юг? Из-за телепортации Николас потерял ориентацию в пространстве и никак не мог обрести ее снова. Он пару раз моргнул и покрутился на одном месте.

— Пошли, не мокни почем зря, — прикрикнул на него адъютант. — Для тебя уже и комнату должны были подготовить.

Охотник бросил свое бесполезное занятие и нехотя поплелся за Ноэлем. Штаб компании Норн, огромный роскошный особняк, окруженный подозрительно похожими на казармы зданиями, находился за чертой города. Во дворе под полосу препятствий была расчищена огромная площадка, где под немилосердно хлещущим дождем тренировались новобранцы.

Завидев Ноэля, они замерли. Заметив их реакцию, адъютант специально замедлил шаг, чтобы они в полной мере могли разглядеть его спутника. Николас чувствовал себя очень неуютно под их любопытными взглядами.

— Ноэль, не выставляй нашего гостя напоказ раньше

времени, — на пороге особняка появился высокий старик в темном сюртуке с золотыми нашивками. Седые волосы были острижены так же коротко, как и у Ноэля, а морщинистое лицо гладко выбрито.

Как только взгляд адъютанта упал на старика, его черты неожиданно смягчились, а на устах появилась вполне искренняя улыбка. Ноэль ускорил шаг и вскоре поравнялся со стариком.

— Мастер Жерард, это Николас Комри с Авалора, тот самый, — благоговейно сообщил он, подталкивая Охотника вперед.

— Ноэль, сколько раз тебя просить, чтобы ты называл меня дедом.

Адъютант тут же закатил глаза:

— Но это же несерьезно. Если мы хотим стать силой, с которой будет считаться даже армия единоверцев, то прежде всего мы должны строго подчиняться регламенту.

— Ноэль, расслабься, хорошо? Мы пока не на войне и даже не при дворе. Давай не будем тратить время на пустые формальности, — старик по-отечески положил руку на плечо адъютанта.

— А вы, молодой человек, не обижайтесь на моего внука. Порой он слишком увлекается своей игрой в солдатики, — добавил старик, кладя вторую руку на плечо Николаса.

Молоденький офицер, стоявший неподалеку, учтиво раскланявшись, открыл и придержал перед ними дверь. Он хотел было взять у Николаса сумку с вещами, но Охотник так красноречиво на него зыркнул, что тот отступил на несколько шагов.

— Вы пока тут устраивайтесь, а мы с внуком отправим вашему учителю донесение о том, что вас успешно встретили, — сказал Жерард

— А не лучше ли, чтобы все продолжали считать меня мертвым? — осторожно поинтересовался Николас.

— Но мой мальчик, зачем вам это нужно? Представьте, как обрадуются ваши друзья на Авалоре, когда узнают, что с вами все в порядке, — старик сделал вид, что не понимает желания Охотника сохранить в тайне весть о своем возвращении.

— А как обрадуются мои враги, — саркастично заметил Николас.

— О каких врагах вы говорите, мой мальчик? Откуда? — напускное удивление Жерарда начинало его нервировать.

— Из Священной Империи. У них есть прямой приказ убить меня, если вдруг выясниться, что я жив, — старик смерил его тяжелым взглядом.

— Ладно, поговорим об этом после.

Николас проследовал за перепуганным им ранее офицером. Обставлен особняк был шикарно, но без излишеств. Каждый предмет мебели здесь служил какой-то определенной цели: в шкафах стройными рядами располагались книги, стопками высились бумаги с донесениями. Посреди гостиной стоял большой круглый стол с семью стульями. На стене вдоль лестницы висели портреты знаменитых глав Стражей и картины, изображавшие их ратные подвиги.

Николасу выделили комнату на втором этаже в западном крыле. Она оказалось просторной и непривычно светлой, с огромным окном на всю стену. У стены находилась широкая кровать под балдахином. Рядом стоял платяной шкаф из дорогого красного дерева, ближе к окну располагался секретер с обитыми бархатом стульями. Из железной ванной на ножках поднимался густой белый пар.

Охотник подошел к окну, отвернул полупрозрачную гардину и уставился на узкую, едва заметную на фоне темного осеннего неба, полоску океана. Сейчас Николас находился всего в нескольких днях плавания от своего дома на Авалоре. Нет, на самом деле он находился больше, чем в четырех годах от дома. И возврата туда не будет уже никогда.

Николас отвернулся от окна, скинул с себя грязную одежду и сел в ванную. Горячая вода обжигала замерзшую на холодном дожде кожу. По телу медленно расползалась блаженная нега. Николас затаил дыхание и опустился в воду с головой. Не так хорошо, как в теплых источниках горы Кадзеямы, но куда лучше мутных илистых южных рек. Тщательно смыв с себя дорожную пыль, Охотник завернулся в теплый халат и упал на расстеленное на кровати мягкое покрывало. На тумбочке стояло блюдо с орехами и фруктами. Николас хотел было потянуться за ними, но вдруг передумал. Гроздь крупного зеленого винограда сама прилетела к нему в руку. За ней последовал большой желтый персик. Но предпочтение Охотник все равно отдал яблокам. Наевшись, Николас бросил взгляд на стопку бумаги, лежавшую на откинутой створке секретера. Все так же не вставая с кровати, Николас открыл один из его ящиков, где и обнаружился пузырек с чернилами и гусиным пером. Они поднялись в воздух и подлетели к Охотнику. Николас проверил на ощупь кончик пера. Оно оказалось остро заточено и будто само просилось в пляс. Николас открыл пузырек и понюхал чернила. Они были превосходны.

Он не брался за перо почти год, с самой гибели Юки. Тогда ему казалось, что вместе с мико умерла часть его самого, та

самая, которая позволяла ему рисовать. Но сейчас, после всех невзгод долгого, трудного и опасного пути, чистый, отогретый и, самое главное, сытый, он снова чувствовал, как в его голове рождается волшебная картина.

Перо окунулось в чернильницу и легко заскользило по листу, повинуясь воле Николаса настолько четко, как будто он только вчера окончил тренировки в Храме Ветров. Через час Николаса сморил сон. Он проспал до обеда.

Повалявшись еще немного на кровати, Николас сладко потянулся и встал. На столе лежал его рисунок. Охотник достал из сумки свой альбом, чтобы сравнить его с предыдущими, но вместе с ним из сумки случайно выпала книга в черной обложке. На раскрытой странице красовался искусно выполненный эстамп.

Николас бережно поднял книгу с пола. На картинке было изображено рождение мира, как о нем рассказывал старый Гвидион. Четыре стихии соединялись вместе, порождая жизнь. Высокие волны накатывали на пустынный берег, на котором огромный вулкан извергал пламя, а небо поглощало его и ветром рассеивало его над землей. Под эстампом находилась подпись на том же древнем языке, на котором была написана вся книга.

Прежде у Николаса не было возможности сесть и спокойно изучить свою находку. Он начала заинтересовано переворачивать страницы в поисках других эстампов. Их оказалось достаточно много. На следующей картинке исполинская белая птица летела над безбрежным океаном. Далее четыре мальчика стояли спиной к друг другу, глядя в разные стороны. На четвертой два воина отважно сражались с полчищем демонов.

Когда Охотник открыл пятый эстамп, то от изумления протер глаза и взял со стола недавно сделанный им рисунок. Они повторяли друг друга один в один, как две идеальные копии. Каждая черточка, каждый штрих был как будто срисован с этого эстампа. Николас остервенело принялся пролистывать книгу дальше. Совпадало еще два или три рисунка. Но самым поразительным было то, что все до единого эстампы были выполнены в его манере, как будто вышли из-под его руки.

В дверь неожиданно постучали. Охотник быстро сунул книгу обратно в сумку и поспешил открыть. На пороге стоял давешний офицер. Он пришел препроводить гостя мастера Ноэля в кабинет главнокомандующего.

Жерард Пареда сидел в высоком кожаной кресле за письменным столом. На длинном носу красовалось щегольское пенсне. Он читал какие-то донесения, сосредоточенно водя тощим кривым пальцем по неровно написанным строкам. Охотник деликатно закашлялся, обращая на себя внимание

старика.

— А, мастер Николас, как вы находите наши удобства?

— Они очень удобные, — попытался непринужденно отшутиться Охотник, но вышло как-то нелепо.

— Вы знаете, какие цели преследует наша компания?

— Вы защищаете Стражей, — пожал плечами Николас.

— Не совсем. Мы защищаем не Стражей, а людей с даром, даже тех, кто не в состоянии пройти Последнее Испытание. Мы разыскиваем их по всему Мидгарду, обучаем, предоставляем необходимую материальную помощь, интегрируем в общество.

— Собираете армию.

— Армию собирает мой внук, — Жерард повернулся в сторону окна. На площадке во дворе под проливным дождем стоял Ноэль и воодушевленно вещал перед вытянувшейся в шеренгу группой людей. — Вступление в нее — дело абсолютно добровольное и не предусматривает никаких особых привилегий.

Николас скептически хмыкнул.

— Что бы вы не думали, наша истинная цель — это восстановление общности людей с даром, которая существовала до войн за веру. Если нам это удастся, мы станем силой, с которой будут считаться даже Защитники Паствы. И вы — ключевая фигура для претворения в жизнь нашей цели.

— Я? — переспросил Николас.

— Ваша семья некогда принадлежала к самому древнему и почтенному роду Стражей во всем Мидгарде. Для многих она была символом благородства и добродетели, всего хорошего, что когда-либо было в общине Стражей.

— Но сила моего рода давно иссякла. И мой отец ни имел никакого отношения к сопротивлению на Авалоре.

— Не иссякла, а уснула на несколько поколений, чтобы в полной мере возродиться в вас.

— Вы меня переоцениваете.

— Вы смогли пройти Последнее Испытание. Сейчас хорошо, если во всем Мидгарде найдется с десяток людей таким же сильным даром.

— Ну, хорошо, — сдался Николас. — Чего вы от меня хотите?

— Ничего особенного. Просто поживите среди нас некоторое время, присмотритесь, может, вы найдете здесь занятие по душе.

— Как долго продлится это ваше "некоторое время"?

— Так долго, как вы сами того пожелаете, — добродушно ответил старик.

— Ладно, я согласен, но ненадолго.

— Замечательно. Я имел смелость пригласить для вас портного. Завтра мы идем на прием во дворец, поэтому вам

понадобится приличная одежда. Он придет примерно через час, а до этого вы можете тут осмотреться или передохнуть в своей комнате.

Николас смиренно покинул кабинет главнокомандующего и направился к себе в комнату.

Жерард подпер рукой голову и задумчиво посмотрел на книжный шкаф у стены. Неожиданно раздался скрип железных петель и шкаф отъехал в сторону, обнаруживая за собой потайной ход. Из него вышла сгорбленная старуха с абсолютно белыми глазами. Опираясь на кривую клюку, она подошла к столу главнокомандующего и села на стул.

— Ты уверена, что он тот, кто нам нужен? — пристально глядя на нее, спросил Жерард.

— Тебя что-то смущает? — хриплым голосом ответила старуха.

— Он кажется таким… обычным.

— Первое впечатление всегда обманчиво.

***

Николас нацепил на себя бело-зеленую офицерскую форму, которая висела у него в шкафу, накинул на плечи плащ, зашнуровал высокие кожаные сапоги и быстро спустился по лестнице. Ноэль внимательно следил за спарринго м между новобранцами во дворе. Николас встал рядом с ним и с любопытством изучал их технику. Противники сражались на мечах внушительных размеров. Броней служили кожаные доспехи и иногда легкие кольчуги. Это навело Николаса на мысль, что среди них нет ни одного телекинетика, которым доспехи не требовались.

— Ну как, нравится? — поинтересовался Ноэль.

Стиль был скорее рассчитан на грубую силу, чем на скорость и ловкость. Николас уже и забыл, что на его родине рукопашный бой велся именно так.

— Я бы и тебе предложил попробовать, но тебя сегодня ждет портной, так что извини, — не дождавшись ответа, продолжил адъютант.

— У вас все сражаются на таких тяжелых мечах?

— Разве это тяжелые мечи? — усмехнулся Ноэль и показал ему свой обмотанный тканью двуручник. — Вот это действительно тяжелый меч. Нравится?

— Я предпочитаю нечто более легкое и маневренное, — уклончиво ответил Николас.

— Странно такое слышать от Охотника на демонов. Мне всегда казалось, что чем мощнее оружие, тем легче уложить нечисть на лопатки.

— Не все решает сила, — пожал плечами Николас. — К большинству демонов очень трудно подобраться на расстояние удара, поэтому чаще в ход идет хитрость и ловкость.

— Понимаю, — кивнул Ноэль.

Николас еще немного посмотрел на тренировочные бои, а потом двинулся дальше. Минул полосу препятствий и прошел к длинным пятиэтажным баракам. За ними обнаружилось конюшни с небольшим ристалищем, где тоже упражнялись солдаты. Дальше находилось стрельбище, но оно, пожалуй, единственное на всей территории пустовало из-за плохой видимости. На противоположной стороне высились оборонная стена нормандской столицы Дюарля. Николас заметил, как открылись большие ворота. На дорогу выехал крытый экипаж и направился в сторону штаба. Должно быть, портной. Николас повернул обратно к главному зданию.

***

Портной оказался весьма почтенным господином с тоненькими, странно похожими на тараканьи, усами. Он неодобрительно смотрел на тощего, нестриженного и небритого мужчину, стоявшего перед ним на табурете. Не смея, однако, выказывать непочтение гостю господина Пареды, одного из самых влиятельных аристократов при Нормандском дворе, он безропотно снял с оборванца мерки и показал ткани лучших мануфактур в Нормандии.

Николас молча перебирал лоскуты темной материи, отчетливо осознавая, что он ничего в этом не смыслит. В конце концов, он вытащил наугад первый попавшийся кусок и вручил его портному. Тот удивленно хмыкнул себе под нос и оставил Охотника в покое. Через полчаса Николаса пригласили на ужин.

Обеденная зала находилась на нижнем этаже. За длинным столом, уставленным изысканными яствами, расположилось около двадцати человек. Жерард устроил Николаса во главе стола по левую руку от себя. По правую сидел Ноэль и с мрачным видом вылавливал из своей тарелки с супом белые шампиньоны. Слуга в светлой ливрее любезно предложил Николасу несколько блюд на выбор. Он с отчаянием вертел головой по сторонам в поисках помощи, потому что неблагозвучные названия ему ни о чем не говори. Заметив его затруднение, соседи, двое чересчур веселых мужчин в бело-зеленой форме, громко смеясь, подсказали ему, что выбрать.

Через пять минут перед Охотником стояла тарелка с телячьими мозгами и улитками в качестве гарнира. Офицеры дружно рассмеялись, а Николас закатил глаза. Уж лучше блюда с Островов Алого Заката. По крайней мере, выглядят аппетитно. Не

обращая на насмешников никого внимания (наверняка, те ни разу в жизни не брали в рот онигири с морским угрем), попросил принести ему обычный куриный окорок с обычными овощами. Слуга недоуменно пожал плечами, но выполнил его просьбу.

Люди переговаривались друг с другом, пересказывая свежие новости, произнося шутливые тосты, обсуждая злободневные проблемы. После полдюжины бокалов вина соседи Николаса захмелели и потеплели к нему. Теперь они вовсю зазывали Охотника на ночные гуляния по Дюарлю с обязательным посещением "дома запретных удовольствий", простодушно полагая, что эта "деревенщина" (где только мастер Жерард его откопал?) понятия не имеет, о чем они говорят. Николас сколько мог, отбивался от них, как от назойливых мух, пока их захмелевшие голоса не достигли ушей адъютанта.

— Вы что, собрались куролесить на ночь глядя? — резко осадил их Ноэль. — Уже без того набрались до белых демонов, хорошо, если к утру отоспитесь. А завтра побудка в шесть и ранняя тренировка, потому что после обеда мы идем на прием ко двору.

— Тренировка-тренировка, ты что-нибудь кроме своих игрушечных боев знаешь? — грубо ответил ему один из офицеров, а второй громко загоготал в поддержку.

Николасу стало по-настоящему неприятно. В Храме Ветров ему приходилось вставать и в пять, и в четыре утра и у него никогда не возникало и мысли возражать.

— По крайней мере, смысл моей жизни не сводится к кутежу, попойкам и посещению всех злачных заведений, — ответил насмешникам Ноэль, с силой ударяя по столу тарелкой.

Сидевшие за столом гости дружно вздрогнули от громкого звука. Ноэль поднялся, сухо извинился перед дедом и ушел. Николас хотел было воспользоваться ситуацией и последовать за ним, но чересчур общительные соседи не позволили ему это сделать.

— Ишь ты, возомнил себя самым лучшим, — проворчал один из них.

— Да не говори, тоже мне полководец великий выискался, — тут же поддакнул второй. — Сын великого Фейна.

— Что? — насторожился Николас.

— Ты не знаешь, кто такой генерал Фейн? — с насмешкой переспросил его сосед.

— Я знаю, кто такой Фейн, но какое отношение имеет к нему Ноэль? — быстро оборвал его Охотник, прежде чем его собеседники успели взять курс на обсуждение его невежества.

— Ах, ты об этом, — подхватил второй сосед и выложил все,

как на духу. — Тридцать лет назад это было во время последней Войны за веру. Дочка мастера Жерарда жила на Авалоре вместе ос своей матерью. Уж не знаю, из-за чего они с главнокомандующим разошлись… Когда началась война, мастер Жерард всеми правдами и неправдами добивался того, чтобы их увезли с осажденного острова. Но спасти удалось только дочку. Ее доставили сюда, в родовой замок семейства Пареда. А через пару месяцев обнаружилось, что она в интересном положении, — товарищ словоохотливого соседа гаденько ухмыльнулся, но тот шикнул на него, чтобы не мешал рассказывать. — Как мастер Жерард ее не умолял, но она отказывалась называть имя отца ребенка. А потом при родах она умерла, но перед смертью успела шепнуть отцу на ухо имя генерала Фейна. Вначале все думали, что она солгала, чтобы порадовать отца. Но потом некоторые вдруг уверовали, что она сказала правду.

— Да ну, глупости, это обычный подхалимаж перед главнокомандующим, — возразил ему товарищ.

— Почему? — спросил Николас, нахмурив брови. На его взгляд, это было вполне логично, учитывая, что дар чаще всего передается по наследству, тем более такой специфический, как телепортация.

— Ну как же, Ноэль — сын легендарного генерала Фейна? Бре-е-ед, — гнусаво протянул рассказчик и громко рассмеялся вместе с товарищем.

Николас махнул на них рукой и через пять минут улучил момент и ретировался из обеденной залы.

***

Дождь перестал лить только под утро. В шесть Николас спустился во двор. Там шеренгой строились солдаты Ноэля. Сам адъютант, бодрый и свежий, прошелся вдоль рядов новобранцев и офицеров, критически оглядывая свою "армию". Охотник с трудом сдержал снисходительную улыбку, глядя на заспанных, тайком зевающих "суровых воинов".

— Ну что, покажешь нам, на что ты способен? — шутливым тоном спросил адъютант у Охотника.

Тот коротко кивнул в ответ.

— Кто желает сразиться с нашим гостем из Авалора? — на этот раз он обратился к своим воинам.

— Я желаю! — гаденько ухмыляясь вперед вышел вперед один из вчерашних насмешников, тот, что был покрепче и покряжистей.

Он достал из ножен меч и встал наизготовку. Николас по привычке склонил перед противником голову, предварительно изучив его оружие и выправку. По толпе пронесся легкий

шепоток. Не дожидаясь сигнала о начале боя, офицер ринулся на Охотника. Николас дождался, когда он до него доберется, и молниеносным движением сбил противника с ног. Николас встал одной ногой ему на грудь, а второй оттолкнул меч от его руки. На тренировочной площадке воцарилось гробовое молчание. Николас смерил своего противника презрительным взглядом, давая понять, что в следующий раз пощады не будет, и отошел в сторону. Тихо скуля, его офицер поднялся и встал обратно в строй. Николас повернулся к замершим в испуге воинам.

— Кто-нибудь еще? — он говорил очень тихо, но его голос звенел будто колокол, отражаясь от каменных стен зданий.

Воины одновременно сделали шаг назад. Николас удивленно вздернул брови, но тут к нему подошел Ноэль, неся на плече свой огромный меч.

— Пожалуй, я попробую, — предельно спокойно сказал он.

"Да, этот бой будет намного продолжительней предыдущего", — подумал про себя Николас, подмечая, как наливаются желобки мышц на руках и адъютанта.

Ноэль сделал несколько шагов вперед. Николас понял, что медлить не стоит и двинулся ему на встречу. Сталь ударилась об сталь, со скрежетом высекая сноп искр. Охотник пошатнулся от силы удара, но тут же с ловкостью кошки поймал равновесие и контратаковал. Его клинок был меньше и тоньше двуручника Ноэля, которым адъютант владел в совершенстве. Но он сильно уступал Охотнику в скорости и ловкости. Это уровняло их шансы.

Воины компании Норн подались вперед, завороженные поединком двух пантер, ни одна из которых не уступала другой. Нет, сейчас их поединок не напоминал грациозный танец, скорее ураган, битву двух ветров, которые, схлестываясь, уничтожали все на своем пути.

Отбивая удары, Николас беспрестанно перемешался с места на место, чтобы не попасть под атаку и вымотать противника. Выпад, удар сверху, резкий уход в бок, еще выпад. Мечи скрещивались и разлетались в стороны. Давненько Охотник не дрался с таким противником, даже пот прошиб, мышцы гудели от напряжения. Николас упивался этим поединком. Он уже давно не чувствовал подобного запала. Даже дышать вдруг стало легче. А вот Ноэль наоборот заметно выдохся. Длинный тяжелый меч требовал от него слишком много усилий. От опытных глаз Охотника не ускользнуло, как сбилось дыхание противника, как удары его стали менее точными и сильными. Последний рывок, мелькнувшее в глазах отчаяние, сильнейший выпад, для которого адъютант собрал остатки своих сил. Противники разлетелись в стороны. Тяжело дыша, Ноэль поднял вверх руку и громко

крикнул:

— Ничья!

Николас покорно склонил голову и сунул меч обратно в ножны. Конечно, он бы мог с легкостью мог бы выиграть этот бой, но победа увлекала его в гораздо меньшей степени, нежели сама борьба. Ноэлю же было гораздо важней сохранить лицо перед собственной армией, поэтому Охотник решил поиграть в великодушие. Сбившиеся в толпу воины громко захлопали и засвистели.

— Сегодня вы имели возможность лицезреть боевое искусство великого мастера меча, Николаса с Авалора. Я смею надеяться, что он окажет нам честь воинскому подразделению компании Норн и научит нас своим хитрым приемам, — на удивление ровным, громким голосом сказал Ноэль.

Со всех сторон грянуло дружное ура.

— Я вообще-то не собирался тут надолго задерживаться, — шепнул на ухо адъютанту Охотник.

— А я бы на твоем месте не надеялся, что тебя так легко отпустят, — покачал головой Ноэль, а потом, скрипя зубами, как будто на них попал песок, добавил: — И спасибо за ничью… Я этого не забуду.

***

После обеда пришло время собираться на прием во дворец Дюарле. Николаса обрядили в узкий и неудобный костюм, сшитый по последней моде. Накрахмаленный воротник-стойка натирал шею. Щеки щипало от тщательного бритья. Несуразные туфли с узкими носами передавили пальцы. Николаса долго пытались уговорить коротко постричь волосы, как было принято в Нормандии, но он наотрез отказался. Пришлось скрутить волосы в жесткий жгут и заправить за ворот.

Дюарль казался огромным жужжащим ульем. Торговцы громко зазывали покупателей в лавки. В темных подворотнях высматривал жертв "лихой народ". Городские стражники, как ни странно, старались держаться от таких мест подальше в ожидании крупных рейдов, где навалиться можно будет всем скопом. Убогие и калеки, обряженные в грязные лохмотья, скалили рты с гнилыми зубами, не получая от прохожих требуемой ими милостыни. Иногда мимо проносились богато украшенные экипажи, звонко стуча колесами по мощенной булыжником мостовой.

По тому, как замолкали прохожие, замечая их компанию, Николас догадался, почему мастер Пареда отказался от поездки в карете, как полагалось по положению. Его снова выставляли напоказ, словно дрессированного медведя на одной из

Веломовских ярмарок. Скоморохи тянут его за собой на цепи, а прохожие восхищенно глядят на удальцов и кидают им монетки, за знатное представление. Только тут монетки заменяли какие-то тайные политические интриги.

Пышный, похожий на праздничный торт дворец Дюарле находился в центре города, окруженный неестественно аккуратным парком с лебединым прудом, где выводили свои трели бородавчатые квакушки.

У входа во дворец их встретили два лакея и проводили в зал для приемов, где уже собралось большое количество нарядно одетых людей. Король Нормандии, Орлен XII, высокий мужчина лет сорока с орлиным носом и цепким взглядом, восседал на обитом парчой кресле, заложив ногу за ногу. Гости почтительно расступились перед Жерардом и его людьми. Они остановились у трона и склонили головы в учтивом поклоне.

— Это тот самый Комри, ради которого вы устроили такой переполох? — спросил Орлен XII у главнокомандующего.

Николас бросил на главнокомандующего недоуменный взгляд. Они же договорились не разглашать его имени.

— Тот самый, — высоко вскинув голову, ответил Жерард. — Главной обязанностью компании Норн является помощь людям с даром, особенно тем, кого несправедливо преследуют Защитники Паствы.

Король испытующе глянул на Жерарда, а потом обратился к Николасу:

— По какой причине заниматься вашим семейством назначили самого магистра Защитников Паствы Авалора?

— Мне об этом ничего не известно. Я отправился на Охоту еще до того, как началась новая волна гонений.

К своему удивлению, Николас не потерял уверенности в себе перед лицом монарха. После долгих лет странствий по Мидгарду чувство благоговения перед чужим могуществом как-то сильно притупилось. Что ему король Нормандии, если он летал вместе с мудрой птицей Гамаюн, скакал верхом на легендарном Цильине и даже разговаривал с мертвым богом.

Орлен в задумчивости наморщил широкий лоб.

— Вы так же ничего не знаете о связи вашей семьи с опальным королем Авалора?

— Нет, не знаю.

— А вы уверены, что он настоящий? — монарх снова обратился к Жерарду.

Тот стойко вынес его тяжелый взгляд и громко, чтобы все слышали, ответил:

— В этом нет никаких сомнений. Это Николас Комри. И он

прошел обряд посвящения Стражей до самого конца.

Раздался вздох общего удивления. Придворные разглядывали Охотника с еще большим интересом. Николасу захотелось поскорей убраться отсюда, но он понимал, что теперь это невозможно.

— Что ж, тогда будь моим почетным гостем сегодня, мастер Николас.

"Как будто у меня есть выбор", — подумал про себя Охотник, предчувствуя, что дальше события будут развиваться не самым лучшим образом.

Король Орлен подал знак музыкантам. Начинался бал. Женщины в пышных платьях с глубоким декольте бросали на статного мужчину недвусмысленные взгляды. Николас вжался спиной в стену, надеясь просочиться сквозь нее и выбраться на улицу. Жерард потратил минут пять на то, чтобы убедить его принять участия в придворных увеселениях, но когда к Николасу с точно таким же отстраненным видом присоединился Ноэль, старик махнул на них рукой и ушел по своим делам.

Неожиданно среди кружащейся по залу толпы мелькнула знакомая фигура. Николас напрягся, разглядывая миниатюрную темноволосую женщину в ярком красном платье с белым лифом. Она танцевала в паре с мужчиной намного старше ее. Движения девушки, плавные и грациозные, завораживали своей красотой. Сердце неумолимо защемило в груди. "Нет, не она. Глаза широко распахнутые и светлые, полная грудь, слегка приоткрытые полные губы. Все другое…", — безуспешно пытался убедить себя Николас, не смея отвести взгляд от чарующего зрелища. Из-за этого Охотник не заметил возвращения главнокомандующий. В руке Жерард держал королевскую грамоту.

— Его величество просил передать, что он своей милостью дарует вам убежище в пределах Нормандии.

Николас с ошалелым видом принял от него грамоту и развернул ее. Ноэль бросил на него сочувствующий взгляд, как будто догадался, что там написано.

— Здесь сказано, что я должен находиться под постоянным наблюдением компании Норн, — в замешательстве заметил Николас.

— Его величеству нужны гарантии вашей безопасности. И только мы, компания Норн, можем ее обеспечить, — с непроницаемым видом ответил ему старик.

Николас скривился. Вот и захлопнулась мышеловка. Пути к бегству отрезаны. Судя по тому, что он слышал в Александрии, как только Защитники Паствы узнают о том, что последний Комри выжил, на него объявят большую охоту. Да и компания

Норн вряд ли выпустит его из-под своей власти. Ее агентурная сеть оплела всю страну, поэтому ему вряд ли удастся обойти их посты.

Николас снова нашел глазами приглянувшуюся ему девушку. Что понапрасну горевать об утраченной свободе? Ведь сделать все равно уже ничего нельзя. Так почему бы не наслаждаться тем, что есть?

Николас решительно подошел к темноволосой прелестнице. Та вся зарделась от его внимания, сама положила его руки себе на талию. Танцы придворных оказались для Николаса смутно знакомыми. В далеком детстве он разучивали их вместе с сестрами. А теперь, после сложных па для священных праздников в Храме Ветров, вальс и фокстрот казались ему детской забавой.

— Гляди-ка, а он принял это известие лучше, чем я думал, — усмехнулся Жерард. — Видишь, как ему весело?

Николас что-то зашептал на ухо своей партнерше, и они вместе звонко рассмеялись.

— Не обольщайся, дед. Не путай веселье с агонией… — горько сказал адъютант и осушил уже четвертый по счету бокал вина.

Тайна 8. Лютый зверь

Дюарль. Столица Нормандии, 1571 г. от заселения Мидгарда.

Тонкая изящная фигурка спящей девушки лежала поперек огромной двуспальной кровати. Темные волосы разметались по скомканной простыне, напоминавшей о плотских утехах прошлой ночи. И даже так эта девушка совсем не походила на ту другую, которую он никак не мог забыть.

Николас нашарил в темноте брошенную на полу одежду и вышел за дверь, не удостоив свою любовницу и взглядом на прощанье. Родовой замок семейства Пареда, служивший штабом компании Норн, еще спал. Николас любил это время суток больше всего на свете. Только в предрассветный час он чувствовал себя по-настоящему свободным. Он поспешно вышел во двор, зажмурился, представляя нужное место, и с тихим хлопком открыл портал. На другой стороне его ждал высокий утес посреди безлюдного песчаного берега. Ноги больно ударились о твердую скалу, но Охотник не обратил на это внимание.

Тридцать с половиной верст. За полтора года он научился телепортироваться на тридцать с половиной верст. Николас тяжело вздохнул. Это оказалось труднее, чем он думал, но сдаваться он не собирался. Николас окинул взглядом открывшийся перед ним простор. В ясную погоду отсюда можно было увидеть темнеющие на горизонте берега его родного острова, но сейчас от воды поднимался мягкий белесый туман и прятал их.

Солнце выглядывало из-за гор, окрашивая серый камень в красно-желтые цвета. Начинался отлив. Вода медленно покидала прибрежные бухточки, освобождая узкую желтую полоску пустынного пляжа. Было немного жаль, что ему не с кем разделить это прекрасное зрелище.

Николас натянул на себя рубашку из белых перьев, встал на край утеса, оттолкнулся и взмыл в небо, раскрывая огромные белые крылья. Легкие наполнил соленый пропитанный йодом воздух. Николас резко перевернулся, дернул руками, отделяя их от крыльев, и помчался в открытое море.

Налетавшись в свое удовольствие, он вернулся на берег, снял рубашку и нырнул в море. Холодная вода всегда отрезвляла его после пьянящего полета, но времени на купание оставалось не так много. Внимательно изучив точку для телепортации на завтрашнее утро (каждый раз он добавлял к предыдущему

расстоянию по 200 саженей, хотя хотелось уже добавлять по 300), он вернулся во двор штаба компании Норн. Замок начал потихоньку просыпаться. На улице появились первые заспанные офицеры, спешившие куда-то по своим делам.

Николас поднялся в свою комнату. Девушка уже проснулась, отвернула полог кровати и нежилась в лучах яркого летнего солнца.

— Почему ты никогда не дожидаешься, пока я проснусь? — спросила она, доставая из вазы гроздь винограда.

Николас пожал плечами, не желая отвечать на неудобный вопрос. Девушка, приподнявшись на одном локте, с видом опытной куртизанки положила себе в рот зеленую ягоду. Тонкая шелковая простыня соскользнула с ее плеч, обнажая молочно-белую грудь. Николас болезненно поморщился. Он терпеть не мог ее утренние игры. Кокетливо улыбаясь, девушка перебралась на угол кровати поближе к Охотнику и обняла его за плечи.

— Шанти, не сейчас. Мне надо идти, — грубо отстраняясь, сказал он.

Пристально глядя на него, она заговорила сладким воркующим голосом:

— Знаешь, что делают женщины из южных городов Священной Империи, чтобы их мужья не уходили из дому? Они подливают в вино на завтрак отраву, и если те не вернутся к вечеру, чтобы принять противоядие, то будут умирать в жутких мучениях.

— Интересно, а что делают мужья с неверными женами? — резко осадил ее Охотник.

Шанти тут же потупилась. Упоминание о муже мигом остудило ее пыл. Николас натянул на себя форму и поспешил убраться из комнаты, пока их милая беседа не переросла в скандал.

***

Бианка, ученица Николаса, смиренно ждала своего наставника уже больше часа за столом в библиотеке. Мануши или древнейшие, так называли ее народ в Священной империи, западном Эламе и южной Нормандии. Темнокожие, с яркими голубыми глазами, их мужчины лысели в раннем возрасте. Женщины же наоборот от природы имели густые волнистые волосы. Они вели кочевой образ жизни, зарабатывая деньги уличными представлениями. После того, как в Священной империи истребили всех Стражей, праведный гнев единоверцев пал именно на манушей. Их гнали из городов, как крыс, нередко били камнями или даже вешали. Бианке не повезло появиться на свет именно в этой враждебной стране. Ее родной табор перебили

на самой границе с Нормандией, чуть было не спровоцировав новую Войну за веру между двумя странами. Подоспевшим приграничным патрулям удалось спасти лишь одну тяжелораненую девочку.

Бианка заметно нервничала. Каштановые волосы каскадом ниспадали ей на плечи, закрывая непроницаемой вуалью правую сторону лица. Тонкие смуглые пальцы перемешивали стопку широких карт. Николас часто опаздывал, но именно сегодня тягостное ожидание было похоже на пытку.

Наконец, на лестнице послышались торопливые шаги. Бианка тут же их узнала. Она закрыла глаза, вытащила из колоды первую попавшуюся карту и положила ее на стол шапкой вверх.

— Ну что, моя любимая ученица, готова? — по-дружески подмигивая спросил Николас.

Все члены компании Норн были обязаны раз в полгода брать себе учеников. Обычно каждому доставалось по одному-двум новобранцам. Ноэль, с его неуемным энтузиазмом и энергией брал по четыре при том, что он одновременно занимался со своими воинами строевой подготовкой, конными и пешими боями. И где только время находил? Николасу тоже давали по три ученика из-за случайно обнаружившейся у него способности находить подход к самым безнадежным случаям. Не то, чтобы он сильно возражал. Чем сложнее ставилась перед ним задача, тем с большим запалом он брался за ее решение. Много читал, изучал, ломал голову в поисках возможных средств и способов. В такие моменты Николасу начинало казаться, что все это он делает по доброй воле, а не потому что оказался пленником компании Норн без возможности сбежать или вырваться силой.

Бианка была именно таким безнадежным случаем. Среди манушей ясновидцы встречались так же часто, как среди лапландцев. Но дар кочевников был очень своеобразным, неотрывно связанным с древними традициями этого народа. Чужаки редко могли понять его особенности. Когда на табор Бианки напали, она была еще слишком мала, чтобы постигнуть наследие свое народа. А после смерти манушей, когда компания Норн обнаружила у нее дар к ясновидению, брать ее в ученики все отказались. Никому не хотелось терпеть сокрушительное фиаско перед лицами своих товарищей.

Мануши всегда вызывали у Николаса большое любопытство, поэтому он решил не упускать свой шанс познакомиться с ними поближе. Проблема с даром Бианки заключалась в том, что ее не посещали видения, как это обычно бывало у ясновидцев. О прошедших, настоящих и будущих событиях ей говорили определенные символы, читать которые могли только мануши.

Для работы с ее даром необходимо было составить эти символы в определенную систему.

Такой системой стала обычная колода карт, которую Николас прихватил из одного модного салона в Дюарле, где любила бывать Шанти.

Бианке карты пришлись по душе. Она вспомнила, что похожие были у ее бабушки, широкие, посеревшие от времени, с чудными картинками. Она рассказывала, что эти карты пришли к манушам из стародавних времен, когда людей еще и в помине не было. В них, часто говорила старая кочевница, сосредоточена вся мудрость мира.

Бианка предписала каждой карте из игральной колоды свое значение, основываясь на воспоминаниях из глубокого детства. Дело сдвинулось с мертвой точки. Карты мастерски подсказывали ей ответы на любые вопросы. Главное было правильно истолковать их. А это получалось далеко не всегда.

Через некоторое время Николас сделал для Бианки ее собственную колоду. Она состояла из широких карт с рисунками, которые она запомнила из детства. Именно эта колода и стала главным инструментом в работе девушки. И хотя Бианка до сих пор не чувствовала в себе уверенности, предсказания ее стали намного менее туманными и, как правило, сбывались, хотя и не самым очевидным образом.

Уже прошло полгода с тех пор, как Бианка поступила в ученичество к Николасу. Она была последней из его группы, кто еще цеплялся за него, как клещ, боясь сделать свои первые самостоятельные шаги в этом мире. Нет, он не давил на нее и не торопил, но в один прекрасный день сказал ей, что пора бы уже пройти последнее испытание.

— Готова? — еще раз переспросил Николас.

На лестнице снова послышались шаги. Бианка инстинктивно сжалась. Их она тоже узнала. В коридоре показалась Шанти в красивом платье из тонкого шелка и элегантной маленькой шляпке, которая как нельзя лучше подчеркивала точеные черты лица.

— Если ты предпочитаешь мое общество этой…, то я лучше пойду домой, — гордо вскинув голову, сказала она Николасу, не обращая внимания на Бианку.

— Иди, — безразлично бросил ей Охотник.

Глаза Шанти широко распахнулись. Она бросила на Бианку полный неприкрытой ревности и презрения взгляд.

— Ну и оставайся со своей уродиной одноглазой!

Бианка приложила ладонь к части лица, скрытой под волосами.

— Думаешь, ты выглядишь лучше? — с совершенно невозмутимым видом осадил ее Николас.

Девушка разъяренно сверкнула глазами и вышла, громко хлопнув дверью.

— Зря ты с ней так, — слабым голосом сказала Бианка.

— Но она ведь тебя оскорбила, — Николас всегда поражался кротости манушской девушки.

— Она просто ревнует.

— Это глупо.

— Для тебя может и глупо, но я могу ее понять. Ты не тот человек, с которым легко расстаться, — девушка смущенно отвела взгляд.

— Ладно, давай приступим к испытанию, а то я и так уже сильно опоздал, — Николас резко сменил тему, чтобы замять неловкость.

— Что ты хочешь узнать? — сильно волнуясь, спросила Бианка. Она не ощущала себя готовой.

— Каково мое желание? — спросил Николас первое, что пришло в голову, и снял с колоды шапку.

Девушка выложила вокруг выбранной ей заранее главной карты узор из шести побочных и перевернула первую из них. На ней была изображена птица в клетке.

— Неволя. Ты чувствуешь себя пленником и твое желание — освободиться, — девушка посмотрела на него в поисках подтверждения своих слов. Николас коротко кивнул, тогда Бианка перевернула вторую карту.

— Дорога. Чтобы обрести желанное, ты отправишься в путь, — все так же неуверенно продолжила она и открыла третью карту.

— Интриги. Дорога будет связана с какими-то интригами или даже заговором.

Четвертой на стол легла карта с изображением волка.

— Лютый зверь[59]. Перевернутый. На пути тебе встретиться зверь, который вовсе не зверь, или человек в обличье зверя, — тут она замялась, путаясь в словах.

— Расслабься, прислушайся к тому, что подсказывает тебе чутье. Может, это оборотень? — помог ей Николас.

— Может, — она пожала плечами и перевернула пятую карту. — Меч. Ты будешь сражаться с этим зверем и…

Последняя карта выпала из ее дрожащей руки. На ней был изображен Жнец с костяными крыльями. Эта карта получилась особенно натуральной, так как Николас рисовал ее, вспоминая давнюю встречу с посланником смерти в Дрисвятской церкви.

— Смерть не единственное значение этой карты, — девушка

скорее пыталась убедить себя, чем его. — Она может означать обновление или освобождение… исполнение твоего желания.

— Молодец, — похвалил ее Николас. — Считай, что испытание ты прошла. И не надо было так волноваться. Я, Николас Комри, именем компании Норн и главнокомандующего Жерарда Пареды присваиваю тебе звание ясновидца второго уровня.

— Так легко? Но ведь я много сомневалась. И ответы были не такими уж четкими, — удивилась девушка.

— Но главное-то ты угадала правильно, — улыбнулся Николас.

— Да тут бы кто угодно догадался, — едва слышно пробормотала она.

— Бианка, дело вовсе не в сложности задания, а в том, насколько ты научилась сама себя понимать… Знаешь, какое испытание ждало Стражей в конце Охоты?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Встреча с самим собой. Им давалась возможность взглянуть на себя со стороны, осознать свои ошибки, понять себя. И как только ты научишься верить себе и слушать свой внутренний голос, сможешь получить звание первого или даже высшего уровня.

— Мастер Николас, мастер Келвин просит вас заездить его коня, — прервал его заглянувший в библиотеку офицер компании Норн.

— А сам он этого сделать не может? — раздраженно поинтересовался Николас. С некоторых пор на него стали сваливать всю рисковую работу в штабе.

— В том-то и дело, что не может. Конь его уже три раза сбрасывал. Да в последний раз так неудачно, что у мастера Келвина в спине что-то хрустнуло и теперь он еле ходит.

— Ладно, Бианка, я распоряжусь, чтобы тебе завтра выдали грамоту с назначением. Удачи.

Николас проследовал за офицером, оставив девушку наедине со своими смятенными мыслями.

Бианка тоже не хотела, не могла его отпустить. Но что поделаешь, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Она в задумчивости перевернула седьмую карту, обозначавшую человека, которому она гадала. На ней было изображено крылатое божество — единственная карта из бабушкиной колоды, точного значения которой Бианка так и не смогла припомнить.

***

Прошло полтора года, а костюм из немыслимо дорогой темно-синей ткани остался для него слишком тесным. Галстук

сдавливал горло. Светские беседы нагоняли тоску. Танцы, карты и кутежи смертельно надоели. Конечно, он всегда мог попробовать разыскать Шанти в толпе веселящихся людей, но сегодня здесь был ее муж. А прилюдно унижать его, тем более на приеме во дворце Дюарле у него не было никакого желания.

Николас ради приличия постоял рядом с Ноэлем в балльном зале, подпирая собой стену. Муж Шанти, невысокий сухощавый мужчина лет сорока, бросал на него недвусмысленные враждебные взгляды. В конце концов, Николас не выдержал: незаметно выскользнул на лестницу и поднялся на второй этаж, где находились покои придворных. Он прошелся по широкой галерее, освещенной неярким светом чадящих свечей. Здесь было намного тише и спокойней. Можно переждать до конца приема и вернуться только на поклон. Он нырнул в одну из темных ниш в стене, сел на пол, опираясь спиной о стену, и задремал. Но не прошло пяти минут, как послышались шаги. Николас тут же узнал звонкий мелодичный голосок Шанти, разлетающийся по всему коридору. Он хотел было выступить на свет, но когда услышал второй мужской голос, рассудил, что не стоит и затаился. Молодой человек в офицерской форме Нормандии шел деликатно придерживая девушку за талию. Николас смутно помнил, что их представляли друг другу. Кажется, офицер служил при посольской миссии в Веломовии и всегда выказывал определенный интерес к Дюарлийской красавице. Пара остановилась прямо напротив ниши, где прятался Николас и начала целоваться. Охотник озадаченно нахмурился. Но не от ревности, не потому, что вдруг понял, что ему изменяют, а от внезапно накатившего чувства отчуждения и безразличия. Это показалось ему плохим знаком. Несмотря ни на что, он встречался с Шанти все полтора года, что жил в штабе компании Норн и даже пытался убедить себя, что любит ее. Но сейчас он ощущал лишь невероятную усталость от всего этого притворства и лжи.

Офицер распахнул перед дамой дверь и она, заливисто смеясь, впорхнула в его комнату. Николас поднялся с пола, отряхнул костюм, и хотел уже было вернуться обратно в балльный зал, как мимо него вихрем промчался муж Шанти. Николас облегченно выдохнул и вылез из ниши.

— Где был? — не преминул спросить Ноэль, завидев Охотника.

— Ходил подышать воздухом.

— Понятно, — не слишком доверчиво ответил адъютант.

— Ноэль, я хочу уйти.

— Подожди, до конца приема осталось всего полчаса.

— Я не об этом.

— Николас, ты же знаешь, это невозможно, — развел руками Ноэль.

Охотник замолчал и отвел взгляд. Он взял бокал вина и начал медленно потягивать его, наблюдая, за танцующими парами. Минут через двадцать офицер, с которым ушла Шанти, спустился со второго этажа и присоединился к карточной партии за соседним столом. Выждав небольшую паузу, в зал вышла и сама Шанти. Лучезарно улыбаясь, она приблизилась к Николасу.

— Пойдем потанцуем? — спросила она как ни в чем не бывало.

Охотник ничего не ответил, увлеченно разглядывая свой пустой бокал. Тогда девушка решительно взяла его за руку и потащила его в центр зала.

— Почему ты вдруг стал таким холодным? — прошептала она над самым его ухом.

— Я всегда был таким. Просто надоело притворяться.

— Но разве я для тебя ничего не значу?

— Зато я для тебя много значу… Шанти, давай прекратим этот фарс. Я устал, да и ты с легкостью найдешь для себя новую игрушку, если уже не нашла, — Николас указал глазами на сдававшего карты офицера. Девушка обиженно поджала губы.

Краем глаза Николас заметил, что к ним приближается ее муж. Глаза его недобро горели, а ноздри раздувались, как у быка на бойцовской арене. Николас напряженно застыл, предчувствуя надвигающуюся бурю. Рогоносец с размаху влепил ему звонкую оплеуху. Музыка затихла, и внимание гостей полностью сосредоточилась на пикантной сцене, разыгравшейся посреди зала. Ноэль от стыда прикрыл глаза рукой. Ему хотелось сквозь землю провалиться.

— Жером, что ты творишь? — всплеснула руками Шанти.

— Что я творю? Что он творит, развлекаясь с моей законной супругой прямо у меня под носом?!

Николас приложил руку к ушибленной щеке. Она горела, как от огня.

— Мы просто танцевали! — продолжала возмущаться девушка.

— Хватит держать меня за полного идиота. Слышал я, как вы танцевали там наверху.

Шанти залилась пунцовой краской. Николас продолжал стоять, как пришибленный, слизывая капли крови с разбитой губы.

— Щенок, думаешь, если ты под покровительством мастера Пареды, так тебе все позволено?! — он схватил Николаса за края

пиджака и резко дернул на себя. — Небось потешались там надо мной, планы строили, как от меня избавиться и состоянием завладеть.

Боковым зрением Николас увидел, как ухмыляется давешний офицер, наблюдая за его унижением. Это послужило последней каплей. Николас резко отпихнул от себя рогоносца и, смерив его презрительным взглядом, ответил:

— Если вы не можете уследить за собственной женой, то это не моя проблема. В гробу я видал и вас, и вашу жену, и ваше состояние.

— Ах ты негодяй! Я не потерплю такой дерзости. Я… я… — от эмоций она начал захлебываться словами. — Я вызываю тебя на дуэль

В лицо Николаса полетела кожаная перчатка тонкой выделки. Охотник уже думал усомниться в умственных способностях своего оппонента. Весь дворец Дюарле знал, что в искусстве фехтования с ним мог сравниться разве что внук главнокомандующего.

— Что здесь происходит? — тягостную тишину нарушил грозный голос его величества короля Нормандии Орлена XII.

Гости склонились в учтивом поклоне. Монарх в сопровождении главнокомандующего компании Норн проследовал к месту, где разразился скандал.

— Позвольте вам напомнить, мастер де Годон, что дуэли в Нормандии были запрещены еще во время первой Войны за веру нашим батюшкой, Орленом XI, пусть земля ему будет пухом. Вы же не собираетесь заставить нас заключить вас под стражу за нарушение высочайшего указа?

Жером сжался под суровым взглядом короля и что-то промямлил себе под нос.

— Что же касается вас, мастер Комри, вам не кажется, что вы злоупотребляете нашим гостеприимством, омрачая благоденствие этой обители преступлением против священных брачных уз?

Николас промолчал. Он хоть и не был посвящен во все перипетии кулуарной жизни дворца Дюарле, но прекрасно понимал, что благоденствие этой обители подобными преступлениями нарушал каждый второй, присутствующий в этом зале. И король был не исключением.

— Надеюсь, впредь вы будете осмотрительней. Что же касается наказания за совершенный вами проступок… — Орлен решил выдержать пазу, чтобы его слова звучали еще весомее.

"Изгнание, изгнание, изгнание, ну пожалуйста!" — взмолился про себя Охотник.

— … то мы подумаем об этом позже.

Николас разочаровано выдохнул. Поняв, что на этом

инцидент исчерпан, придворные снова вернулись к своим занятиям.

— Николас, я… — попыталась объясниться перед ним Шанти, но Охотник оборвал ее на полуслове.

— Оставь меня, просто оставь… — едва слышным шепотом сказал он и пошел к выходу.

— Он хочет уйти, — задумчиво заметил Ноэль.

— Уже ушел, — ответил ему Жерард

— Я не об этом. Он хочет уйти из Дюарля, из компании Норн, из Нормандии.

— Это невозможно. Мы не можем его отпустить. Я же все тебе объяснял.

— Но ты же видишь, на нем рубашка горит. Он постоянно лезет на рожон. Дальше так продолжаться не может. Иначе он все равно уйдет от нас… Дед, помнишь, как в детстве ты рассказывал мне сказку о сладкоголосом соловье. Однажды император Поднебесной услышал его дивное пение и приказал слугам поймать его. Император посадил соловья в золотую клетку, чтобы тот днем и ночью услаждал его слух своими трелями. Но в неволе соловей потерял голос, начал чахнуть. В конце концов, император сжалился над птицей и выпустил ее. И вот когда он, всеми покинутый, лежал на смертном одре, соловей вернулся к нему и облегчил душу императора своим волшебным пением.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если мы не отпустим его сейчас, то рискуем потерять навсегда.

— Мне надо подумать, — с непроницаемым видом ответил главнокомандующий.

***

Жерард возвращался домой в одиночестве. У ворот штаба компании Норн его встретила сгорбленная фигура, укутанная в ветхий серый плащ.

— Мы теряем над ним контроль, — мрачно заметил главнокомандующий.

— Ну, это вряд ли. У вас никогда не было над ним контроля, — ответил ему скрипучий старческий голос.

— Ноэль просит, чтобы я его отпустил.

— Так отпусти.

— Но вдруг с ним что случится?

— Не бойся, его ведет воля куда мудрее твоей. Не мешай. Позволь случиться тому, что должно.

Жерард нахмурил брови. Ох уж эти вёльвы с их дурацкой привычкой говорить загадками.

***

Утром следующего дня главнокомандующий пригласил Николаса к себе в кабинет.

— Садись, король назначил для тебя наказание.

— Он меня изгоняет? — с надеждой спросил Охотник.

— Сейчас не время для шуток, — Жерард смерил его грозным взглядом, но видя, что все его старания пропадают втуне, смягчился. — В Ланжу неспокойно. Объявился исполинский волк, который убивает людей. Количество жертв насчитывает около десяти человек. Учитывая твой уникальный опыт, король желает, чтобы ты отправился туда и разобрался с проблемой.

Николас тут же просиял. Ланжу — глухая южная провинция на границе со Священной Империей. Две недели пути. Дальше от Дюарля в Нормандии и не придумаешь.

— Тогда я пойду седлать лошадь?

Главнокомандующий тяжело вздохнул и медленно склонил голову в знак согласия.

***

На ристалище уже толпился народ. Четыре или пять всадников упражнялись в верховой езде и конных боях. Николас прошел мимо них и распахнул двери большой светлой конюшни.

Он помнил, как Ноэль впервые привел его сюда и предложил взять лошадь. Охотник долго ходил от денника к деннику, не зная, кого и выбрать. Все животные были одинаково хороши. Высокие, с крутыми боками, длинной шеей и мощной грудью, шерсть лоснилась и блестела на широких спинах. Серых лошадей как назло в конюшне не оказалось. Наконец, Николас остановился возле высокой гнедой кобылы.

— Это Вестфольда. Великолепное животное. Верткая, сильная, устойчивая, бесстрашная. А какая чуткая, просто чудо.

— Так почему же я не вижу толпу желающих ездить на ней?

— Ну, она не каждому по плечу.

— Норовистая?

— Местами… Аккуратно с ней надо.

— Пожалуй, я попробую.

— Смотри только шею не сверни, а то главнокомандующий мне голову оторвет.

Кобыла седлалась на диво легко, даже удила сама в рот взяла, только уши прижала, когда Николас потуже затягивал подпругу на животе. Из конюшни вышла степенно, горделиво вскинув голову вверх, остановилась возле скамейки, с которой обычно садились в седло офицеры компании Норн, и терпеливо ожидала, пока Николас устроится сверху. Шаг у нее оказался высокий, тряский, но очень ритмичный. Охотник быстро к ней приноровился и, не набирая повод, коснулся шенкелями ее боков.

Кобыла мгновенно перешла на легкую неспешную рысь. Аллюр держала сама. Лишний раз принуждать ее совсем не требовалось. Ноэль одобрительно кивал, наблюдая за ними. Окрыленный первым успехом, Николас поехал шире, постепенно набирая повод. Попробовал повернуть влево-вправо, замедлить, остановить и снова поехать широкой рысью. Он уже практически полностью расслабился, как вдруг лошадь начала трясти головой, вырывая из рук поводья. По привычке, Николас резко взял ее на себя. Кобыла взвилась на вертикальную свечу. Охотник едва успел соскочить, прежде чем она перевернулась и упала на спину. Вестфольда поднялась и помчалась к конюшне.

— Что за фокусы? — недовольно спросил Николас, силясь изловить зловредное животное. — Ты же говорил, устойчивая.

Ноэль достал из кармана сухарь, и кобыла с заинтересованным видом направилась к нему.

— Так она на галопе устойчивая, а не на этом безобразии. Удовлетворил любопытство? Можно заводить?

— Нет, — Николас отобрал у него поводья и повел лошадь обратно к скамейке.

Та заметно горячилась, и сесть в седло стало намного сложней. Они снова проехали несколько кругов шагом, потом рысью. Николас снова попытался набрать повод, но при первом же усилии Вестфольда взбеленилась и начала ходить на задних ногах. Николас протянул руку и дернул поводья у самых удил. Кобыла только опустилась на землю, как вдруг снова взвилась на дыбы, да так резко, что усидеть на ней не было никаких шансов. Охотник больно ударился спиной о землю. Вестфольда опять удрала искать спасение у Ноэля с его сухарями.

— Ну, может, хватит? — с надеждой спросил адъютант.

Не удостоив его ответом, Николас снова забрался на лошадь. Но едва он успел просунуть ноги в стремена, как взбешенная кобыла снова принялась за свое. Охотник покраснел то ли от злости, то ли от напряжения, глаза налились кровью. Он опустил повод и попытался вытолкнуть строптивое животное вперед, но когда и эта мера не возымела действия, он всем телом навалился кобыле на шею и начал наотмашь лупить по длинным мохнатым ушам. Животное опешило от такого обращения, оттолкнулось от земли и взмыло в воздух, извиваясь всем телом. Николас вцепился в шею ногами и одной рукой, а второй продолжал бить по ушам. Наконец, кобыла приземлилась на все четыре ноги. Охотник мгновенно съехал обратно в седло, чувствуя, что это еще не конец. И он оказался прав. За свечкой последовала серия высоких хлестких козлов, на которых он удержался лишь чудом. Затем снова свечка, прыжок вверх с выгнутой спиной, и еще

козел. Так продолжалось около получаса, пока Николас сам не стек по седлу вниз, когда белая от выступившего мыла кобыла решила взять передышку.

— Может, помочь отшагать? — неуверенно спросил Ноэль, глядя, как Николас, еле волоча ноги, тащит за собой под уздцы взмыленное животное.

— Обойдусь, — грубо ответил Охотник и ускорил шаг, заметно покачиваясь.

— Упрямый идиот, — хмыкнул про себя Ноэль и оставил Охотника в покое.

Несмотря на неудачу, Николас не сдался. Гнедая кобыла стала для него навязчивой идеей, способом отвлечься от безвыходной ситуации, в которую он попал.

На следующий день Николас снова поседлал Вестфольду. Он привязал к ее удилам длинную веревку и начал гонять кобылу по кругу. Примерно через пять минут выяснилось, что сумасшедшая скотина умудряется перевернуться даже на веревке. Но это не охладило пыл Охотника. Две недели прошли в непрерывной борьбе. Животное упрямство против человеческого. К удивлению Ноэля, в этой смертельной схватке победила дружба. Николас пообвыкся и перестал выходить из себя каждый раз, когда кобыла устраивала истерику. Приноровился ездить так, чтобы лишний раз не дергать ее за рот, но при этом всегда держать в легком контакте, чтобы не вышло беды. Вестфольда тоже начала воспринимать своего седока, как нечто неизбежное, а потом и вовсе подобрела, оценив по достоинству силу и упорство доставшегося ей человека.

Николас прошелся по широкому проходу конюшни. Лошади высовывали морды из-за деревянных перегородок, чтобы удовлетворить свое любопытство. В дальнем углу приветственно гукнула его кобыла. Николас привычным движением смахнул с нее грязь, накинул на шею узду, надел седло, затянул подпругу потуже и закинул на спину мешок с вещами. Уже на улице он легко запрыгнул ей на спину и, не сказав никому и слова на прощание, направил ее по дороге, ведущей прочь от Дюарля.

1571 г. от заселения Мидгарда. Ланжу. Южная провинция Нормандии

В Ланжу Николас прибыл глубокой ночью. Волчий вой следовал за ним по пятам, как только он переступил границу южных земель Нормандии. Вестфольда тревожно прядала ушами, прислушиваясь к каждому шороху. Пару раз Николас замечал мерцающие в ночи желтые глаза хищников. Встреченная в

холодную зиму голодная стая по свирепости могла сравниться с ордой демонов. Но в середине лета, когда еды для хозяев нормандских лесов было вдоволь, они предпочитали не заступать дорогу всаднику, от которого за версту веяло смертельной опасностью.

Ланжу была самой отдаленной, редко населенной провинцией Нормандии, истощенной войной, непомерными налогами, чиновничьим произволом и несколькими неурожайными годами. Местное население, сплошь состоявшее из землепашцев и скотоводов, ютилось в маленьких деревушках на отрогах Волчьих гор. До Войны за веру Ланжу простиралась далеко на юг и занимала часть территории Священной империи. Сейчас же жители Нормандской провинции не имели даже возможности встретиться со своими родственниками из Священной империи, так как границы были строго-настрого закрыты королевским указом и неусыпно охранялись офицерами из компании Норн. Голод и своеобразная отчужденность региона от остальной страны обильно удобряли почву для народного недовольства, грозящего перерасти в крупномасштабное восстание.

В самом сердце провинции, где рельеф из горного переходил в холмистый, располагался родовой замок графа де Моро, который являлся главным представителем нормандской короны на территории Ланжу. Именно туда и лежала дорога Охотника.

Когда до конечной цели путешествия оставалось всего пару верст, Николас явственно начал ощущать присутствие оборотня. Охотник оглянулся по сторонам, пытаясь определить с какой стороны доносились легкие вспышки силы, но вдруг все затихло. Николас спешился и приложил ухо к земле. Послышался легкий перестук копыт дальше по дороге. Он запрыгнул обратно в седло и пустил лошадь в галоп, желая догнать неизвестного всадника.

Незнакомец оказался одет в давно вышедший из моды, но от того не менее добротный, костюм для верховой езды. Буланая лошадь под его седлом выглядела неброско, но довольно аккуратно по сравнению с обозниками и мулами, принадлежавшим местным вилланам.

— Добрый вечер, — позвал незнакомца Николас. Тот натянул поводья и обернулся. — Вы случайно не сын графа де Моро?

Раздался высокий звонкий смех.

— Нет, я его дочь, — ответил всадник мелодичным женским голосом. — Вивьен де Моро к вашим услугам.

— О, прошу прощения. Не ожидал встретить даму, выехавшую на прогулку среди ночи в полном одиночестве. Разве вам не страшно, ведь в округе столько волков? — Николас

галантно раскланялся перед девушкой по этикету Дюарля. Она снова громко рассмеялась.

— Волки в это время года не нападают. Да и не страшные они вовсе. Люди куда страшнее.

Николас внимательно посмотрел ей в глаза — миндалевидные, каре-зеленые с янтарными крапинками. "Пожалуй, она", — решил про себя Охотник.

— Так вы тот самый офицер из компании Норн, которого назначили разобраться с нашим лютым зверем? — девушка решила не позволять неловкому молчанию взять верх над их знакомством.

— Николас Комри, старший офицер компании Норн. Как вы догадались?

— В эти края чужаки редко захаживают. К тому же мы вас ждали. Правда, по нашим расчетам, вы должны были прибыть не раньше, чем через три дня. Вы всегда путешествуете по ночам?

— Случается, когда есть необходимость.

— А каков ваш дар? — с плохо скрываемым любопытством спросила Вивьен. Было заметно, что этот вопрос волновал ее больше всего.

— Что? — лукаво переспросил Николас.

— Ну, говорят, что у всех офицеров компании Норн есть этот особый дар. Вот я и подумала… — несказанно смутилась девушка. На этот раз засмеялся сам Охотник.

— Я телекинетик, если вы об этом.

— Всего-то телекинетик? А я-то думала, что по приказу короля сюда пришлют кого-нибудь посильнее.

— По-вашему, телекинетики недостаточно сильны? — нарочито обиженным тоном сказал Николас.

— Ох, простите, я не хотела вас задеть. Но ведь всем известно, что телекинез — самый слабый и презренный дар из всех прочих даров Стражей, достойный лишь фиглярских фокусов на представлениях бродячих артистов.

— Что ж, я очень люблю бродячих артистов и думаю, что смогу удивить вас парой-тройкой "фокусов", — шутя, ответил ей Николас, но ее слова задели больное самолюбие Охотника.

"Ох уж эти единоверцы. Не смогли победить силой, так теперь будут из кожи вон лезть, чтобы опорочить и слабаками обозвать".

Они остановились у больших кованых ворот. Навстречу неспешно вышел высокий молодой мужчина. Двигался он как-то странно, слегка припадая на одну ногу, будто бы хромая. Правая рука его безвольно висела на перевязи в такт неровного хода. Вивьен спешилась и скинула с головы капюшон дорожного плаща. Густые золотисто-рыжие локоны разметались по плечам,

освободившись от сдерживавшей их ткани. Мужчина осветил фонарем их лица и торопливо отворил калитку.

— Сколько раз тебе отец говорил не шляться одной по ночам? Это недостойное занятие для молодой девушки из приличной семьи, — проворчал он. — Кого еще ты к нам притащила?

— Николас Комри, старший офицер компании Норн, назначенный следователем по поручению его величества короля Нормандии Орлена XII. К вашим услугам, — поспешил представиться Николас.

Незнакомец перевел взгляд на Охотника. Вестфольда испуганно всхрапнула, начала пятиться. Николас упредительно кинул поводья и посильней прижал пятки к бокам. Она поставила передние ноги на землю. Николас, не теряя зря времени, спешился и взял кобылу под уздцы. Не хватало еще, чтобы бешеное животное устроило истерику прямо на людях.

Губы незнакомца растянулись в презрительной ухмылке. Он осмотрел Николаса с головы до ног и, задумчиво цокнув языком, пустил их внутрь.

— Ви, покажи ему конюшню, а я позову слугу, чтоб помог ему устроиться, — коротко бросил ей мужчина и удалился обратно в замок.

— Кто это?

— Кристоф, мой брат, — ответила Вивьен заметно потухшим голосом. Она неожиданно замолкла и ссутулилась, как будто вся тяжесть мира в мановение ока обрушилась ей на плечи.

Через несколько минут явился слуга в потрепанной ливрее. Он неуклюже расшаркался перед Охотником и поманил за собой. В замке они не встретили ни единой души. Видимо, все его обитатели уже собрались в гостиной за ужином. Слуга провел Николаса по узкой винтовой лестнице в одну из башен замка, где находилась комната, которую приготовили к приезду офицера из столицы. Точнее не успели приготовить. Как только распахнулась поточенная термитами дверь на скрипучих ржавых петлях, в горле неприятно запершило. В темных углах комнаты лежали горы пыли, полог большой кровати давно уже служил главным источником пищи для моли, а с потолка свисали толстая многолетняя паутина.

— Ну это… вы переоденьтесь и спуститесь к ужину, а я тут пока все приведу в порядок, — нескладно начал извиняться слуга.

— А помыться можно? — с сомнением спросил Николас.

— Это надо к ручью спускаться. Но ночью я вам сильно не советую. Вода там ледяная и звери разные бродят.

— А как вы зимой-то моетесь?

— Да сколько той зимы. Чай не северяне, всего пару месяцев

перетерпеть.

Николас задумчиво почесал затылок.

— Хоть ведро с водой можно?

— Только если внизу. Наверх мне тяжело поднимать… — замялся слуга.

— Да я сам подниму, покажите только где.

— Сейчас-сейчас, и вовсе незачем так раздражаться, — флегматично ответил слуга.

Николас возвел глаза к потолку. На нос приземлился жирный мохнатый паук. Охотник брезгливо передернул плечами, смахнул насекомое со своего лица и поплелся вслед за слугой обратно вниз.

***

Через двадцать минут Николас встретился с графом де Моро и его домочадцами за обеденным столом. Гостиная зала была хоть и куда чище выделенных ему покоев, но выглядела такой же мрачной и неуютной. Ковры на полу казались совсем ветхими, а гобелены уже давно начали выцветать. Стены были изборождены глубокими трещинами. Складывалось ощущение, что замок давно пришел в запустение, а хозяевам не хватало ни сил, ни средств, чтобы привести его в порядок.

Сидевшие за столом люди в мрачном молчании подняли на гостя головы, с недовольным видом изучили дорогой парадный костюм, гладко выбритое лицо, перетянутые кожаным шнуром волосы на затылке. Николас ощутил до боли знакомое чувство своей неуместности. Но в отличие от Дюарля, здесь никто не стягивал удушливую петлю на его горле.

— Батюшка, наши достопочтимые гости, это Николас Комри, офицер из столицы, которого прислали расследовать недавний инцидент, — в голосе Кристофа сквозил неприкрытый сарказм, как будто он сильно сомневался в том, что назначенный королем человек сможет хоть в чем-то им помочь.

Николас хотел было сказать что-то колкое ему в ответ, но осекся, встретившись с его тяжелым взглядом. В ночной темноте на улице он не успел разглядеть, что глаза графского сына были точь-в-точь как у Магистров Защитников Паствы — один бледно голубой, другой темно-зеленый. Николас зажмурился, сделал глубокий вдох и прислушался к собственным ощущениям. Ничего особенного. В комнате сидели самые обычные люди.

— Мастер Николас, позвольте представить моего отца, графа де Моро, — Охотник кивнул полному облысевшему мужчине, который сидел во главе стола. — И наших гостей: мастера Сатильона, — Кристоф указал на сухощавого старика в единоверческой рясе, — и мастера Франсуа, сына барона Лесоля

из той части Ланжу, что лежит за границей Норманлии.

Молодой мужчина в очень добротном, хоть и старомодном, костюме с длинными полами, старательно избегал взгляда Охотника, будто чувствовал себя не в своей тарелке в его присутствии.

— Так не соблаговолите ли рассказать нам, откуда вы? — прервал затянувшуюся после представления тишину граф де Моро.

— Из Дюарля.

— Но имя-то у вас не нормандское. И говор чудной.

— Я родился на Авалоре, если это вас интересует.

Граф брезгливо поморщился и шепнул "иноземец" на ухо Сатильону.

— Мне казалось, что в Авалорском королевстве таких, как вы, не сильно привечают, — перехватил разговор священник.

— Но мы ведь сейчас не в Авалорском королевстве, не так ли? — с достоинством ответил Николас и уселся на предложенное ему место возле Кристофа.

Изысканными блюдами нормандской кухни стол графа де Моро не отличался. Самая обычная грубая пища и закопченный на вертеле старый жилистый кабанчик, которого графу посчастливилось подстрелить на последней охоте. "Живут как в свиньи в хлеву, а гонору на десять королей с лихвой хватит", — раздраженно подумал про себя Николас.

Охотник с досадой заметил, что лучше бы он остался на ночь в лесу. Сон на свежем воздухе куда как крепче, да и ужин там он без сомнения смог бы сообразить куда вкуснее.

Вскоре дверь распахнулась и в комнату на цыпочках вошла Вивьен, стараясь не привлекать лишнего внимания.

— А, явилась-таки, — строго сказал ей отец. — Тебе уже замуж давно пора, а ты все по ночам по лесу бегаешь. Так на тебя точно ни один приличный жених не взглянет.

— Ну и не надо, — тихо пробормотала девушка и жестом велела Франсуа пересесть.

Тот с готовностью вскочил с места, усадил даму за стул, а сам устроился рядом. Но Вивьен даже не взглянула в его сторону. Все ее внимание было приковано к таинственному гостю из столицы.

— Расскажите же нам скорее, что вы собираетесь делать с нашей проблемой? У вас хотя бы есть опыт в подобных делах, — нетерпеливо спросил граф.

— О, поверьте, опыта у меня хоть отбавляй, но для того, чтобы что-то решить, надо увидеть проблему своими глазами.

— А вы не боитесь, что эта проблема сожрет вас прежде, чем

вы успеете хоть что-то решить? — издевательским тоном спросил графский сын.

— Фу, Кристоф, разве можно так с гостями? — укорила его Вивьен. — Мастер Николас обладает даром телекинеза. Он обещал нам показать пару своих фокусов.

Граф, его сын и священник в голос рассмеялись. Франсуа вздрогнул и испуганно уставился на Охотника.

— Ну что же вы, мастер Николас, — умоляюще взглянула на него девушка в поисках поддержки.

— Хорошо, сейчас будет фокус, — Охотник устало вздохнул и достал из кармана большую позолоченную эламскую монету.

Все замерли в напряженном ожидании. Он ловко прокатил монету между своими пальцами, привлекая внимание гостей. Вдруг она куда-то испарилась прямо из его руки. Николас коснулся пушистых волос Вивьен и достал оттуда пропавшую монету.

— Фокус, — заключил он, пряча ее обратно в карман.

Девушка разочарованно понурилась. Ее сосед облегченно выдохнул. Граф со священником в голос рассмеялись. Кристоф же смотрел на Охотника с гораздо большим интересом, как будто только он один понял тайный смысл этой демонстрации.

Ужин закончился в мрачном молчании. Николас высказал пожелание посетить места нападений завтра с утра, а заодно поговорить с семьями пострадавших. Граф с неохотой согласился выделить ему провожатого. На этом все разошлись по своим комнатам.

Спальню в башне так и не убрали, а Охотник слишком устал с дороги, чтобы возиться с нею сам. Лишь попытался отворить намертво заколоченные окна, а потом плюнул и повалился на сырую постель. Но сон его продлился не долго. На рассвете его разбудил перепуганный виллан.

— Мастер следователь, пожалуйста, проснитесь. Зверь снова напал. Мои дети вчера пасли овец у высохшей реки и не вернулись до заката. Мы всю ночь их искали, но нашли лишь вот это у Одинокой скалы.

Виллан протянул ему разодранную детскую рубаху.

— Помогите, ради всего святого, мастер следователь.

Николас натянул на себя штаны с рубахой и последовал за вилланом на место происшествия.

***

Одинокая скала находилась всего в двух часах пути от замка графа де Моро.

— Мы нашли ее вот здесь, — виллан указал Николасу на тропу, ведущую вглубь дремучего леса. — Как вы думаете, мои

дети еще живы?

Николас предпочел не отвечать. Холодный камень, да седой мох все еще хранили память о чем-то ужасном, что происходило здесь под покровом ночи.

— Эй, не топчитесь. Лучше постойте в сторонке, — крикнул он собравшимся вокруг скалы вилланам и опустился на корточки, внимательно разглядывая оставленные на мокрой земле отпечатки лап.

— Да что мы тут стоим в самом деле? По всему видать, волки их задрали. Надо бы капканов понаставить, да общую охоту устроить, — начал будоражить толпу один из мужиков, дородный, хорошо одетый, особенно по сравнению с остальными вилланами.

— Это не волчьи следы, — прервал его Николас, поднимаясь с колен. — Судя по всему, это животное куда крупнее и тяжелее… и детей оно погнало вон туда.

Следы привели их к краю крутого оврага. На дне обнаружилось тело тринадцатилетнего мальчика. Он лежал лицом вниз. Одна нога неестественно подогнута. На голой спине красовались глубокие багровые борозды от гигантских когтей. Николас перевернул мальчика лицом вверх. На нем застыла гримаса предсмертного ужаса. Живот внизу был распорот и из него неприглядно выглядывали внутренности. Видно, зверь играл со своей добычей, пока та, обезумевшая от боли и страха, не рухнула вниз с обрыва. Волки обычно так себя не вели. Да и пасть у зверюги, если судить по размерам оставленных на животе ран была куда больше волчьей.

Охотник внимательней пригляделся к глубокой ране. В самом углу застрял большой черный коготь. Николас аккуратно достал его. Тело подняли наверх на веревке. Убитый горем отец, молча, обернул мальчика в засаленную ткань собственного рубища.

— А как же мой второй ребенок? — потерянно спросил он.

— Сюда вела только одна пара человеческих следов. Давайте вернемся обратно и поищем там, — предложил Николас, задумчиво разглядывая свою находку. Это оказался вовсе не коготь, а железный шип. Ни звери, ни даже демоны не носили железной брони, а шип явно был выплавлен в человеческой кузнице.

Не желая делиться своими пока еще туманными догадками с вилланами, Николас еще раз осмотрел место, где обнаружили рубаху, пока вдруг не заметил узкую расселину в скале. Взрослый бы вряд ли смог туда пролезть, а вот ребенок…

— Эй, я нашел его, — позвал виллан Николас, пытаясь просунуться в темный проход.

— Бри! Бри! Ты меня слышишь? — вскричал взволнованный отец. — Неужели она тоже?

— Нет, кажется, она просто потеряла сознание. Но как же туда залезть? Может, попробовать так вытащить?

— Что? — удивился виллан.

— Расступитесь, — скомандовал Охотник.

Он сосредоточился на белеющем в темном проходе пятне, мысленно представил тело маленькой девочки и потянул его на себя с помощью телекинеза. Почувствовав, что размякшее, расслабленное тело наткнулось на непреодолимую преграду, Николас очень осторожно опустил его на землю. Он, конечно, мог попробовать силой протиснуть его в расселину, но при этом точно переломал бы малышке все кости.

"Надо придумать другой способ. Может, сделать сам проход чуть шире?", — Николас приложил руки по обе стороны от расселины и закрыл глаза. Охотник встряхнул головой, очищая ее от лишних мыслей. Сила медленно накапливалась в нем, но ее было недостаточно, чтобы разбить твердый прочный камень. "Рядом с тобой смог я сдвинуть горы, рядом с тобой мне беда нипочем", — некстати пришла на ум строчка из любовной баллады, что пели менестрели на улицах Дюарля. "Я уже чувствовал нечто подобное, вспомнить бы когда". Перед мысленным взором предстал чернильный рисунок, тот самый, что так часто повторялся в его альбоме. По телу разлилось приятное тепло. Кончики пальцев покалывало от сосредоточенной в них силе. "Раз, два", — начал считать про себя Охотник, — "три!" Земля содрогнулась, края расселены поползли в стороны. По лбу градом заструился пот. Из левой ноздри начала сочиться кровь. Николас открыл глаза и отер лицо рукавом. Края сдвинулись всего на пару вершков, но и этого было достаточно, чтобы протиснуть сквозь расселину тоненькое тело.

Вилланы помогли безутешному отцу перевезти детей в деревню. Маленькая Бри так и не пришла в сознание — слишком велик был пережитый этой ночью ужас. Николас же вернулся в замок де Моро, чувствуя себя разбитым и опустошенным. От перенапряжения и усталости голова раскалывалась на части. Не замечая уже ни пыльной комнаты, ни пробиравшей до костей сырости, ни запаха плесени, он, не раздеваясь, лег на кровать и провалился в глубокий сон без сновидений.

День уже шел на убыль, когда его разбудил громкий настойчивый стук в дверь. Николас застонал и засунул голову под тяжелую набитую гусиным пером подушку. Незваный гость, не дождавшись ответа, позволил себе войти.

— Мастер Николас, вы не спустились к обеду, поэтому я

собрала вам поесть, — донесся до него мягкий голос Вивьен.

Николас лишь махнул на нее рукой. Девушка покачала головой и распахнула побитые молью занавески на окне. Комнату тут же залил ласковый персиковый цвет заходящего солнца.

— Вы сегодня ездили на место нападения зверя? В деревне только и говорят о том, как вы скалу сдвинули. Похоже, наши вилланы сочли вас чем-то вроде миссии, даже легенды о древних Стражах вспомнили.

Из-под подушки донеслось сдавленное мычание.

— А? — не унималась Вивьен.

Николас, наконец, высунул голову наружу и перевернулся на спину.

— Я говорю, что Стражей не существует. Это миф, — неожиданно он оживился, почувствовав аппетитный запах. — Что это? Овсянка?

— Да, я слышала, что такое блюдо часто подают на Авалоре, хотя я не совсем понимаю… — Вивьен осеклась, заметив, с каким аппетитом гость уплетает клейкую, неаппетитно выглядящую массу.

— Сюда бы еще малинового джема и было бы совсем как в детстве, блаженно промурлыкал Николас, вылизывая тарелку до блеска.

— Так что вы думаете о нашем звере?

— Пока не знаю, но это точно не волк.

— Говорят, что это лютый зверь, посланный на наши земли в наказание за преступления против Единой веры.

— Кто говорит? — насторожился Николас.

— Мастер Сатильон. Да и зверь нападает лишь на семьи тех, кто в войну сражался против единоверцев, а тех, кто предпочел остаться в стороне, не трогает.

— Неужели? — Охотник призадумался, вспоминая слова Бианки.

Дорога, лютый зверь и связанные с этим интриги — все сходится один к одному. Зря он не дал ей первый уровень. Пускай бы эти высокомерные выскочки из компании Норн увидели, на что способна манушская[60] гадалка.

Его мысли прервал скрип дверных петель. На пороге показался молодой Франсуа, до того казавшийся Николасу немым. Собравшись с духом, он выступил вперед и сказал:

— Госпожа Вивьен, вас разыскивал ваш брат.

— Скажите ему, что я занята, — раздраженно бросила Вивьен, не отрывая взгляда от Охотника.

— Госпожа Вивьен, я считаю своим долгом напомнить, что молодой незамужней девушке вашего положения неприлично

находиться наедине с мужчиной в его комнате.

Девушка удивленно захлопала ресницами. Николас с трудом подавил рвавшийся наружу смех.

— Ступайте, в самом деле. Не компрометируйте благородную добродетель ваших родственников… — получив неожиданную поддержку Франсуа просиял, не уловив сарказма в тоне Охотника, — …ежели таковая еще не до конца покрылась пылью и плесенью, как весь этот замок.

Франсуа оскорблено насупился, а Вивьен с тоской обвела взглядом убогую комнату, полностью соглашаясь со словами Николаса.

— Вы спуститесь к ужину? — спросила она уже на пороге.

— Обязательно, — кивнул Охотник.

— И у вас что-то под носом, вы заметили? — перегибаясь через Вивьен, сказал Франсуа, надеясь таким образом отыграться за едкие слова.

Николас тихо выругался и стер ладонью запекшуюся под носом кровь.

***

Вечером Николасу все же пришлось выйти из комнаты, хотя он еще чувствовал себя, как будто по нему проехался экипаж, запряженный дюжиной лошадей. На негнущихся ногах Николас спустился к ужину, стараясь никоим образом не выдать сковавшую его тело слабость.

— Наш проводник прождал вас сегодня полдня, но вы так и не соизволили спуститься, — недовольно заметил граф де Моро.

— У меня были более важные дела, — сухо ответил Николас. Ему сейчас меньше всего хотелось ругаться с гордыми представителями обнищавшей Ланжуйской аристократии.

— Интересно, какие? Развлекать наших виллан своими второсортными фокусами? Не кажется ли вам, что вы уже достаточно выказали нам свое непочтение?

— Я воспользуюсь услугами проводника завтра, — прошипел Охотник сквозь стиснутые зубы, игнорируя претензии графа. От разговора на повышенных тонах у него снова началась мигрень.

Вивьен нигде видно не было. Судя по дурному настроению графа, его блудная дочка снова устроила ночную вылазку в лес.

Кристоф с Франсуа в гостиной играли в шахматы, причем последний всем видом показывал, насколько не по душе ему это занятие. Наконец, Кристоф мастерски съел его ферзя и с самодовольным видом объявил шах и мат. Франсуа облегченно вздохнул и поспешил ретироваться, пока гроссмейстер не успел заставить его сыграть еще одну партию.

Николас как раз доел свой ужин и собирался незаметно

улизнуть наверх, когда Кристоф перегородил ему дорогу.

— Голова болит? — поинтересовался он, пытаясь завязать вежливый разговор. — Вы постоянно виски трете, поэтому я сделал такой вывод. Не хотите ли сыграть со мной партию в шахматы, а то у всех моих оппонентов обнаружились какие-то срочные дела? На востоке эту игру считают лучшим лекарством от мигрени.

Охотник неожиданно легко согласился. Ему приходилось играть в шахматы в Эламе. Не то, чтобы он пылал большой любовью к сложным стратегическим передвижениям резных фигур по покрытой лаком деревянной доске. Но сейчас он испытывал безотчетное желание померяться силой с этим странным человеком. Да и разрядка бы вряд ли ему помешала. Николас уселся за предложенный стул.

— Вы прежде когда-нибудь видели шахматы? — покровительственным тоном спросил Кристоф.

— Да, меня научил играть один Эламский мудрец, — ответил Николас, расставляя черные фигуры на своей части доски.

— Что ж, тем лучше, не придется объяснять правила, — безразлично сказал Кристоф.

Надо добавить, что играл калека отменно. Знал столько ходов, сколько иные Эламские мудрецы за всю жизнь не смогли бы запомнить. И стратегия у него была гибкая, легко менялась в зависимости от тактики противника. Николас, чей опыт был далеко не так велик, как у Кристофа, с трудом держал оборону, но все же половина лежавших сбоку от доски фигур была белого цвета.

— Давно вы были в Эламе? — неожиданно заговорил Кристоф. До этого они сидели в полном молчании.

— Полтора года назад. А вы, где вы научились играть в шахматы?

— В Муспельсхейме.

— Где-где? Вы побывали на мертвом континенте? Мне казалось, что оттуда нет возврата.

— К сожалению, есть, — Кристоф отвел взгляд в сторону. — Когда мне было шестнадцать, мать отправила меня туда. Два долгих года я странствовал по дремучим дебрям вдоль безымянных полноводных рек. Добывал слоновьи бивни, искал золото давно погибших народов, охотился на диковинных тварей, пока одна из них не начала охотиться на меня.

Из-под перевязи выглядывала изборожденная глубокими шрамами кисть. Кристоф снова посмотрел Николасу в глаза, с вызовом.

— Сатильон спас меня тогда. Единоверец, священник, враг.

Это он лечил меня от лихорадки, он помог мне вернуться на родину и избежать плена. Он, а не кто-то из вашей вшивой компании Норн, которая вытягивает последние соки из и без того нищих нормандских провинций, чтобы кормить своих бесчисленных солдат.

На этот раз отвернулся Николас — понимал, что калека как никогда прав.

— Ваша очередь, — хмуро напомнил он.

Не глядя на доску, Кристоф сделал ход конем и съел вражескую ладью. На столе осталось три белых фигуры и три черных.

— Шах, — заметил Николас, передвигая своего офицера в опасную для белого короля позицию.

Кристоф задумчиво забарабанил пальцами по столу. Тяжело вздыхая, он прикрыл своего короля ферзем, который тут же поверженный слетел с доски. Черный офицер последовал за ним, когда на его место перебрался все тот же победоносный белый конь.

— Ничья? — тоскливо спросил Кристоф. Игра явно не доставила ему ожидаемого удовольствия.

— Ничья, — пожал плечами Николас.

Он встал, чувствуя горькую неудовлетворенность от такого исхода, и направился в свою комнату. Кристоф проводил его задумчивым взглядом, а потом быстро сгреб разбросанные по столу фигуры и запрятала их в коробку.

***

Несмотря ни на что на следующее утро Николас проснулся посвежевшим и отдохнувшим, умылся в ручье, который ему любезно показал старый слуга графа, оделся в чистый костюм и направился на встречу со своим проводником. Им оказался невысокий, щербатый графский ловчий с хитрым плутоватым взглядом. Вот ведь удивительное дело — на ловчего у графа средств хватало, а на приличную прислугу нет. Уже с первых его слов Николас понял, что его сюда прислали отнюдь не в качестве проводника, а чтобы тот проследил за действиями "достопочтимого офицера компании Норн". Охотника такая его роль крайне не устраивала. Поэтому он избавился от графского проводника в первом же деревенском трактире, купив ему пару больших кружек крепкого эля. Захмелевший ловчий быстро забыл о своей службе и повалился спать прямо на столе. Николас подозвал трактирщика и спросил дорогу к дому виллана, на чьих детей позапрошлой ночью напал зверь. Глядя на своего мирно посапывающего проводника, Охотник подмигнул трактирщику, бросил ему звонку серебряную монету и оставил ловчего на его

попечение.

Виллан жил в маленьком, но довольно аккуратном по сравнению с соседними хибарами доме. По словам трактирщика выходило, что он бежал из той части Ланжу, что находилась во владениях Священной империи во время последней Войны за веру, арендовал у графа землю, обжил ее и обзавелся семьей. Работал исправно, не то, что иные деревенские пьянчуги и лодыри.

Виллан сам открыл Николасу дверь. Он выглядел сильно осунувшимся и уставшим.

— Как ваша дочь? — вежливо поинтересовался Охотник.

— Она так и не пришла в себя, — понурив голову, ответил виллан. — Наш деревенский лекарь — единоверец. Он отказывается лечить тех, кто не разделяет его убеждения.

— А травников у вас нет? — несказанно удивился Николас. Насколько он мог судить, Волчьи горы были богаты редкими целебными растениями. Он даже жалел, что рядом нет Эглаборга. Тот бы обрадовался такому пышному изобилию.

— Травники-то у нас были и много, но граф уже пять лет как всех выгнал. Говорит, что они нечестивыми поступками и помыслами приносят больший вред, чем пользу.

Николас криво ухмыльнулся. Кажется, ему будет, что написать в отчете королю касательно дел в южной провинции.

— Можно, я посмотрю на нее? — спросил он.

— Да, конечно, проходите, — охотно кивнул виллан и проводил его к постели своей дочери.

Маленькая грудь вздымалась в такт тихому, едва заметному дыханию девочки. По-мертвецки бледные губы плотно сжаты. Тонкая белая рука безвольно висела на краю кровати, выглядывая из-под одеяла.

Николас достал из сумки мешок с остатками сильно пахнущего порошка и подставил его под нос девочки. Дыхание заметно участилось. Девочка чихнула. Веки медленно распахнулись. Зрачки сузились, привыкая к яркому дневному свету.

— Бри, ты очнулась! — вскричал взволнованный отец. — Вы сотворили, чудо, мастер Николас, настоящее чудо.

— Папа, — слабо улыбнулась девочка.

Николас протянул виллану пучок сушеной травы.

— Сделайте из этого отвар, давайте ей через каждый час. И не кормите до вечера, а там пусть выпьет куриный бульон. Думаю, на третий день силы должны полностью к ней вернуться.

Виллан благодарно кивнул и удалился на кухню. Николас устроился на стуле рядом с кроватью девочки.

— Как тебя зовут? — ласково спросил он.

— Бри.

— А сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Совсем большая, — усмехнулся Охотник. — Помнишь, что с братом твоим произошло?

Девочка испуганно вздрогнула.

— Мы пасли овец на лугу. Они вдруг чего-то испугались и разбежались кто куда. Мы пошли их собирать и не заметили, как стемнело. Мы вышли на опушку у Одинокой скалы и уже собирались повернуть домой, когда услышали такой странный звук похожий свист ветра. А потом на вершине скалы показался силуэт человека. Подле него стоял огромный зверь. Он бросился вниз со скалы и приземлился прямо возле нас. Я испугалась и спряталась в расселину. А брат не успел… Зверь прыгнул на него сзади и начал драть когтями. Я швырнула в него камнем. Зверь на мгновение отвлекся и мой брат побежал к лесу… А больше я ничего не помню.

— Бри, а что это был за зверь?

Девочка пожала плечами.

— Волк?

— Я никогда не видела таких больших волков.

— Тогда может в нем было что-то необычное, кроме огромных размеров?

— Он ступал очень мягко, словно кошка, и передвигался прыжками. А когда я бросила в него камень, то звук был, будто он о железку ударился.

— Человек и большая кошка в железном панцире. Не нравится мне все это…

В одной книге Николас читал, что в джунглях Муспельсхейма водилось множество диковинных животных. Среди них были и громадные, размером с годовалого теленка свирепые кошки. Если допустить возможность, что кто-то смог незаметно привезти сюда такое животное, то вряд ли бы ему хватило простого таланта к дрессуре, чтобы им управлять, да еще так ловко. Нет, во всем происходящем чувствовалась уверенная рука мастера. Зверолорд — человек с даром управлять животными — вот кто стоял за нападениями. У Николаса было несколько догадок относительно его личности, но почему-то до этого безукоризненно служившее ему чутье на чужую силу начало подводить.

В комнату вернулся виллан с чашкой горячего отвара для дочери. Николас поинтересовался, где в деревне можно найти проводника, который бы согласился показать ему места нападения зверя.

— А, ну так вам картограф нужен. Он живет тут недалеко на отшибе. У него и карта есть. Правда, он, собака, пьет много. Ну, ничего, он передо мной в долгу. Напомните ему об этом, и он вам обязательно поможет.

Николас отсчитал из кошелька три серебряника и сунул их виллану.

— Что это? Зачем? Я не возьму, — тут же возмутился он.

— Берите, — настаивал Николас. — Это не заменит вам сына, но зато позволит достойно его похоронить.

— Но в том нет вашей вины…

Охотник покачал головой и отвернулся, всем своим видом показывая, что назад денег он не возьмет. Попрощавшись с вилланом и малюткой Бри, Николас направился к картографу. Охотник без труда нашел его дом на краю деревни: облупленный и неухоженный, будто и не жили в нем вовсе. Трухлявая дверь оказалась не запертой. Не дождавшись ответа на свой стук, Николас ступил за порог и тут же услышал громкий раскатистый храп. От лежавшего на лавке мужика за версту разило резким хмельным запахом. Охотник взял со стола ведро с водой и выплеснул ее на храпуна.

— Эй, что за шутки?! — возмущенно закричал мужик, разлепливая опухшие от пьянства глаза.

— Подъем, солнце давно встало!

— Зато я еще не встал.

— Хватит ворчать, дело к тебе есть… государственной важности.

— Какое еще дело в такую рань?

— Я следователь из столицы. Зверя вашего ловить приехал. На места нападений взглянуть хочу. Покажи их мне.

— Какой еще зверь? Знать не знаю никаких мест… Лежал человек, никого не трогал, а тут пришли, разбудили, водой холодной облили. А я, между прочим, вам не какой-нибудь вшивый виллан, а королевский картограф. Меня раньше в самом Дюарле при дворе принимали.

— Меня тоже.

— Что, правда? — оживляясь, спросил пьянчуга.

Николас коротко кивнул.

— Ну, тогда ладно. Я сейчас.

Картограф, наконец, соизволил подняться с лавки, натянул на себя грязное засаленное рубище и вытянутые на коленях штаны, зашнуровал поношенные сапоги, достал из сундука несколько свитков и, пошатываясь, направился к выходу.

День уже начал идти на убыль, когда они приехали на последнее место нападения возле Одинокой скалы.

— Итого дюжина, — заключил Николас, проводя пальцами по глубоким царапинам на стволе дерева.

Из рассказов картографа и встреченных ими по дороге виллан выходило, что зверь появился в Ланжу около полугода назад. Нападал раз в две недели, не чаще. Поражало то, с какой тщательностью он выбирал жертв. В основном это были женщины и дети из семей, осевших здесь после Войны за веру нормандских солдат или беженцев из Священной империи.

Зверь никогда не обгладывал тело полностью, лишь вспарывал брюхо, выедал внутренности и оставлял выпотрошенные тела на растерзание лесным жителям. Во всем этом явно читался тайный умысел утопить провинцию в суеверном страхе перед мифическим чудовищем или того хуже, распалить пожар восстания против королевской власти.

— Странно все это, — вывел Николаса из задумчивости хриплый голос картографа. От долгой тряски на мелкой, мохнатой деревенской лошадке он окончательно протрезвел.

— Что странно?

— Места нападения расположены по окружности.

Николас взял из его рук карту и принялся пристально ее изучать.

— А что находится здесь, в центре?

— Заброшенная охотничья усадьба.

— А почему заброшенная? Не похоже, чтобы дичь перевелась в Ланжуйских лесах.

— С дичью-то, как и с охотой все в порядке, а в усадьбе обитают привидения.

— Какие еще привидения?

— Во время последней Войны за веру в этом лесу произошла одна из самых кровопролитных битв на территории Нормандии. Было столько трупов, что их даже похоронить нормально не могли. Просто сбрасывали всех в братские могилы: и своих, и чужих. Даже Дикая Охота, которая прокатывалась тут целых пять раз, не смогла всех забрать. Оставшиеся неупокоенные поселились в заброшенной усадьбе в лесной глуши. До сих пор, когда мимо проезжаешь, нет-нет, да услышишь, как они там бродят, гремят цепями и воют от незаживающих ран.

— Раны у привидений? — скептично осведомился Николас. — Да тебе в сказители надо было идти, а не в картографы.

— Не верите, можете сами проверить.

— Именно так я и поступлю.

— Только чур без меня. Не люблю я этих живых мертвецов.

— Ну, хоть до дороги проводишь?

Картограф угрюмо кивнул.

Охотничья усадьба находилась в самом сердце Ланжуйского леса. Извиваясь и петляя вокруг густых разлапистых елей и высоких стройных сосен, туда вела заросшая узенькая дорожка, больше похожая на звериную тропу. Глухое место могло бы послужить идеальным логовом для разбойников: вилланы стороной обходят, да и от главного тракта, по которому везут на торга пушнину и мясо, совсем недалеко. За последним поворотом показались почерневшие от времени каменные развалины некогда величественного замка. Николас удивленно присвистнул. Так вот что местные называют охотничьей усадьбой. Он спешился, привязал кобылу и подобрался поближе к руинам. Пористый кирпич все еще крепко держался на прочном растворе. Одну из уцелевших стен украшал выбитый в сером камня герб с ощерившейся волчьей пастью. Николас провел рукой по остаткам рунной надписи. Разобрать можно было только первый знак "Лу". Староверы, сразу догадался Охотник. Скорее всего, их замок разрушили во время Войны за веру. Ведь именно приграничным территориям пришлось держать первый сокрушительный удар единоверцев.

Откуда-то ощутимо тянуло гарью. Николас опустился на колени и оперся руками о землю, прислушиваясь к своим ощущениям. Земля под замком была полая. Скорее всего, его выстроили на одной из пещерных систем, что так часто встречались в этом суровом горном крае. В древности их часто использовали, как путь к отступлению при осаде. И выход мог находиться на расстоянии нескольких верст от замка. Николас приник ухом к земле. Без сомнения пещеры были обитаемы и поныне. Он как будто даже слышал стук кузнечного молота, топот десятков ног и гомон еле различимых голосов. Может, он действительно угодил в логово разбойников?

Николас встал и несколько раз обошел вокруг руин. Вход в пещеры обнаружился у восточной стены, правда, он был полностью завален камнями. Чтобы разобрать его, понадобилась бы, по меньшей мере, два десятка и рук и целый день в запасе, а солнце уже начало клониться за кроны деревьев.

Николас отвязал лошадь и запрыгнул в седло, гадая, где может находиться выход из пещер. Полагаясь на свою интуицию, он спустился с замковой насыпи и поехал по непроторенной дороге на восток. Вестфольда тревожно прядала ушами, настороженно кося глазами по сторонам. Николас начал потихоньку набирать повод, как вдруг кобыла громко всхрапнула, закусила удила и сорвалась в дикий карьер. Ветер засвистел в ушах, пролетающие мимо деревья слились в один бешеный

хоровод красок. Тропка как назло оказалась прямая и узкая, с одного боку крутой овраг, с другого непроходимый бурелом — даже завернуть взбесившуюся скотину некуда. А кобыла меж тем все набирала и набирала темп, казалась, что она уже просто стелется по земле, а копыта мелькают над самой головой всадника. Охотник сделал несколько безуспешных попыток замедлить ее, но Вестфольда лишь сильнее закусывала удила и неслась дальше, не глядя под ноги. Впереди замаячила глубокая лужа. Николас в отчаянии натянул повод, сжимая коленями бока. Кобыла заскользила на вязкой жиже и полетела прямо в овраг вместе со всадником.

— Идиотка, — в голос ругался Охотник, отирая с лица белую глину. — Глупая бешеная скотина! Посмотри, на кого мы теперь похожи?!

Кобыла выразительно глянула на него своими лиловыми глазами-бусинками.

— Эх, что с тебя, дуры безмозглой, взять, — махнул на нее рукой Николас и повел к замку графа де Моро в поводу, благо, идти оставалось совсем недолго.

Возле ручья он остановился, стянул испачканную одежду и начал смывать с себя засохшую грязь. Солнце уже скрылось за горизонтом, погружая землю в мягкий сумрак. Высушиться надежды никакой не было. Николас взял порванную в нескольких местах рубаху, мокнул ее в воду и начал оттирать глину с кобылы. Тут же выяснилось, что животное умудрилось на бегу засечься. Пришлось доставать сильно уменьшившийся за последнее время мешок, который оставил ему на прощанье целитель. Заживляющей мази там едва хватило на кобылину рану, а кроме этого осталась лишь одна порция противоядия да бесполезный порошок — результат последних экспериментов Эглаборга. Целитель хотел сделать средство, позволяющее видеть в темноте так же, как и при свете, но успел приготовить лишь этот порошок, от которого глаза начинали светиться зеленым светом.

Николас промыл рану чистой водой. Вестфольда недовольно поджала ногу, а когда он попытался наложить мазь, кобыла начала пятиться и чуть не сбила его с ног.

— Да погоди же ты, дуреха! Если я тебя сейчас не полечу, завтра будет хуже.

— С кем это вы разговариваете? — послышался приятный тонкий голосок.

Николас обернулся и увидел Вивьен в своем старомодном костюме для верховых прогулок. Она с нескрываемым любопытством разглядывала его обнаженный торс.

— Да тут, решил привести себя в порядок после долгого блуждания по вашим лесам.

— Так наши леса недостаточно чистые для мастера из столицы? — улыбаясь, поинтересовалась она. — У вас, кстати, лоб разбит, вы заметили?

Николас неблагозвучно выругался. Вестфольда, видя, что дело принимает дурной оборот, стала по стойке смирно, позволила себя намазать и замотать ногу двумя мягкими листами подорожника. Вивьен все это время внимательно за ними наблюдала.

— Ловко у вас с животными выходит.

— А? — переспросил Николас.

— Животные, они вас слушают.

Николас скептично глянул на увлеченно стригущую сочную зеленую траву кобылу.

— Сомневаюсь.

Они одновременно повернули головы на северо-запад. Оттуда доносился топот доброй сотни копыт.

— Кто это еще, на ночь глядя? — встревожено спросила Вивьен.

Николас напряженно застыл, наблюдая, как из-за холма на дорогу выходит отряд одетых в светло-зеленую форму элитного отряда Дюарля. Охотник болезненно застонал, поглядел на свою взъерошенную пораненную лошадь, махнул на нее рукой и отправился навстречу отряду пешком в одних драных штанах. Вивьен поспешила за ним.

— Мои боги, провалиться мне сквозь землю, если это не сам мастер Николас Комри из компании Норн, — нарочито издевательским тоном крикнул капитан отряда.

Охотник остановился, как вкопанный. Это был тот самый посольский офицер, с которым Шанти флиртовала на приеме в Дюарле.

— Вижу, вы и тут зря времени не теряли, — добавил он, ехидно глядя на непотребный вид Николаса и робко выглядывающую из-за его спины девушку.

— Могу я поинтересоваться, что вы делаете в приграничной глубинке? — как можно более спокойным тоном спросил Охотник.

— Мы здесь по приказу короля. Должны разобраться с местными хищниками. Слишком уж много они овец начали уносить.

— Это неправда. Никто наших овец не трогал, — возмутилась Вивьен.

Капитан снисходительно улыбнулся:

— Я имел в виду вашу проблему со зверем.

— А можно узнать, как вы будете с ним разбираться? — осторожно поинтересовался Николас, изо всех сил стараясь подавить в себе раздражение.

— Как обычно. Устроим большую охоту, перестреляем несколько десятков волков покрупнее и всего делов.

— Но причем же здесь волки? — ахнула Вивьен. — Они никакого отношения к зверю не имеют. Волки жили в ланжуйских лесах испокон веков, когда людей здесь еще и в помине не было. И они никогда не нападали без веской на то причины.

— Дорогая моя госпожа де Моро, вы ведь дочка графа? — девушка медленно кивнула. — Вы говорите об этих тварях так, как будто у них есть разум. Не переживайте вы так, через пару лет они снова наплодятся и продолжат таскать ваших овец.

— Никто наших овец не таскает! — обиженно выкрикнула Вивьен, но Николас ее остановил.

— Кто отдал приказ? — вкрадчиво спросил он.

— Его величество по совету вашего главнокомандующего, — гадко улыбаясь, ответил капитан.

Брови Охотника взметнулись вверх: "Что за игры компания Норн устраивает в этот раз?"

— Могу я теперь узнать цель вашего пребывания в Ланжу, мастер Комри? Неужели вам наскучили будуары Дюарлийских красавиц и вы решили сменить их на деревенский хлев или даже стог?

Лицо Николаса тут же налилось пунцовой краской. Потребовалось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки.

— Меня прислали по той же причине, что и вас — ловить зверя.

— О, в таком случае приглашаю вас завтра поучаствовать в нашей охоте. Хоть какая-то польза от вас будет.

Николас недовольно поморщился. Капитан пришпорил коня и, поднимая столб пыли, помчался по дороге к замку вместе со своими солдатами.

— Вот скотина! — раздосадовано сплюнул Охотник.

— А откуда вы его знаете? — робко поинтересовалась Вивьен.

— Да было дело. Будуар мы с ним один не поделили, — рассеяно махнул рукой Охотник.

— Что? — озадаченно переспросила девушка.

— Не важно. Вас, кажется, отец ждет.

— О нет! — всплеснула руками Вивьен и побежала домой.

Николас тяжело вздохнул, глядя ей в след, и пошел искать оставленную без присмотра лошадь.

***

Ранним утром во дворе замка де Моро уже собралось около сотни человек. К отряду из Дюарля присоединились ланжуйские лесорубы, охотники, наемники, больше похожие на разбойников и вилланы из близлежащих деревень. Даже граф с сыном изволили поседлать коней.

Николас как раз проезжал мимо Кристофа, когда уловил в воздухе знакомый запах. Кобыла снова напряглась. Николас ободряюще провел рукой по ее шее. "Хоть сегодня веди себя прилично". Та прижала уши и косилась на графского сына, угрожающе сверкая белками глаз.

— Кажется, король решил, что вы не справитесь со зверем в одиночку и прислал вам подмогу? — злорадно ухмыляясь, спросил Кристоф.

— Это скорее меня прислали на подмогу им. Отряд выступил в Ланжу на день раньше меня, — парировал Николас и, глядя на висевшие у Кристофа на поясе метательные ножи, добавил: — А что, вы тоже желаете поучаствовать в охоте?

— Конечно. Делать-то тут все равно особо нечего, — пожал плечами графский сын и снял с пояса нож. — Вот мое оружие против волков. Тетиву-то я взвести не могу.

Кристоф повернулся к нему, боком выставляя искалеченную руку на обозрение.

— Вы смазываете их ядом?

— О, это совершенно уникальный состав. Всего одна капля на острие ножа и противник будет умирать долго и мучительно. Вначале он почувствует боль в суставах, затем ослабнут мышцы, наступит полный паралич, и жертва задохнется.

— Я знаю этот уникальный состав. Он зовется Элапедай. Его используют для своих стрел кочевники из племени хааб, что живут в Эламской пустыне. Да только они не раскрывают свои секреты чужакам.

— А вы занимательный человек, мастер Николас. Всюду бывали, все знаете, ничем вас не удивишь… Вот что, не хотите ли заключить со мной пари? Кто убьет больше волков, тот и выиграет.

— Пожалуй, я откажусь. Лучше обратитесь к капитану Густаву, он такие вещи любит.

Николас дотронулся пятками до боков лошади, и та с удовольствием убралась подальше от шумной толпы.

По дороге в ланжуйский лес его нагнала Вивьен. В седле она держалась лучше многих мужчин, да и невысокая сухая лошадка с удивительно мягким ходом слушалась ее беспрекословно. Поравнявшись с Охотником, девушка натянула поводья.

— А почему вы не участвуете в охоте?

— Участвую, только дичь у меня другая, — пожал плечами Николас.

— Какая? — не унималась девушка.

— Я еще сам до конца не знаю. Глядите, что это там? — Охотник указал на поросшие седым мхом руины.

— Здесь когда-то была сторожевая башня князей Волчьих гор, — печально ответила Вивьен.

Девушка спешилась и подошла к каменной кладке фундамента.

— Они погибли во время войны. В живых осталась одна младшая дочка князя. Тогда-то мой отец и пришел в Ланжу, захватил окрестные земли. Потом насильно женился на княжне, чтобы узаконить в глазах виллан и короля свою власть…

Казалось, что девушка затерялась в потоке собственных мыслей, ее тонкие пальцы скользили по разбитым краям кирпича.

— В детстве мы с братом часто играли тут, изображая из себя героев маминых сказок. Кристоф был моим лучшим другом, защитником, единственным, кто меня понимал, а потом… потом он отправился в Муспельсхейм и оттуда вернулся совершенно другим человеком. Он стал злым, язвительным, холодным… Вы бы видели, как он иногда на меня смотрит. Я не понимаю этих взглядов. Не хочу понимать… Если бы я только могла убежать отсюда… куда угодно, хоть на край света, лишь бы подальше от этого замка, от отца с братом, от…

Она не успела договорить, как на дороге показался ее неусыпный хранитель Франсуа.

— Госпожа Вивьен, — с укоризной начал он, — девушке вашего положения не пристало участвовать в таком опасном предприятии, как охота на волков.

Девушка закатила глаза. По всему было видно, что пламенный воздыхатель тут появился совсем не вовремя.

— О, мастер Франсуа, а сколько волков вы уже успели убить? — она специально задала такой вопрос, на который ему отвечать бы было крайне неловко. Сын барона, готовившийся к поступлению в семинарию, был весьма слаб в боевых искусствах.

— Ни одного, но меня больше волновала ваша безопасность, нежели развлечения, — с гордым видом ответил тот.

— Разве охота на зверя — развлечение? — удивилась Вивьен.

— Я сильно сомневаюсь, что нападавший на людей зверь — волк.

— Тогда кто же? — насмешливо спросил Николас.

— Оборотень.

Вивьен неожиданно поперхнулась, Охотник с трудом сдержал снисходительную улыбку.

— Да-да, оборотень, человек больной ликантропией[61]. Мастер Сатильон говорил, что эта болезнь передается со слюной, как бешенство. Если человека укусит оборотень, то в следующее полнолуние он сам станет волком. И заболевают этой болезнью, заметьте, только те, кто не чтит Единого, который защищает нас от скверны. Поэтому зверь и нападает только на староверов.

Николас не выдержал и рассмеялся вслух. Вивьен ограничилась легкой снисходительной улыбкой.

— Ликантропия — это миф, созданный и распространяемый вашими священниками, — начал объяснять Охотник. — Укус оборотня не опасней укуса обычного волка. Оборотничество — это одна из способностей Стражей, передающаяся исключительно по наследству.

— Ну, значит, это просто сумасшедший оборотень, который нападает исключительно на своих.

— Вряд ли. Слабоумие у оборотней встречается крайне редко. Да и по внешнему виду они мало отличаются от своих животных-тотемов[62], а эта тварь куда больше обычного волка.

Франсуа пристыжено потупился, но вдруг заметил что-то за их спинами. Его зрачки расширились от испуга. Он выхватил из висевшего за спиной колчана стрелу и натянул тетиву. Николас с Вивьен мигом обернулись. На дороге, замерев, стоял матерый волк с подранным ухом. Его взгляд остановился на карих глазах девушки. Вивьен испуганно вздрогнула. Николас жестом приказал Франсуа спрятать оружие и тот нехотя подчинился. Волк развернулся и убежал обратно в лес. Девушка облегченно выдохнула.

— Из всех глупостей, что вы успели наделать за сегодня, это была самая большая, — шепнул Николас на ухо Франсуа. Губы молодого барона задрожали от обиды.

— Госпожа Вивьен, я думаю, нам стоит уйти, — упрямо сказал он девушке.

— Вивьен, ступайте, в самом деле, не стоит вам на это смотреть.

— На что? — не поняла девушка.

— На охоту, — пояснил Николас, выразительно глядя в сторону, куда ушел волк.

Вивьен опустила голову, забралась обратно в седло и последовала за Франсуа.

Оставшись в одиночестве, Николас еще раз обошел руины сторожевой башни. На единственной уцелевшей стене здания красовался тот же самый герб, что и в охотничьей усадьбе. Надпись под нем сохранилась куда лучше, и Николас без труда смог разобрать две последние руны. Лугару[63] — волчье племя —

так называли в старину один из сильнейших кланов Стражей юго-западного Мигарда.

Николас был наслышан об их доблестных подвигах. Во время Войны за веру они до последней капли крови защищали родные земли от захватчиков с юга. Он-то думал, что никого из них в живых уже не осталось. Но старые кланы умирают долго, в жуткой агонии. Он и сам служил тому неопровержимым доказательством.

Охотник еще раз объехал все места нападения в поисках того, что он мог упустить вчера. Потом снова вернулся к охотничьей усадьбе и проехал по той тропе, по которой они неслись вчера сломя голову. Сегодня кобыла вела себя на удивление спокойно. Даже ухом не повела возле того места, где в прошлый раз сорвалась в бешеный карьер. Николас спешился и привязал лошадь к дереву. Тут же обнаружился второй вход в пещеры. Правда, он тоже оказался закрыт массивной плитой. Глубокие борозды в земле навели Охотника на мысль, что плита отодвигалась, освобождая проход, но следов приводившего плиту в движение механизма заметно не было. Николас осмотрел все близлежащие кусты, но так и не нашел ничего подозрительного, кроме ощущения того, что под ним находится целый подземный город, живущий своей собственной невидимой жизнью.

Неподалеку от пещер на краю глубокого ущелья находилась плоская смотровая площадка, с одного боку которой рос высокий непроглядный кустарник. Замечательное место для засады, осталось только подготовить наживку. Но что любит зверь, кроме старообрядцев?

***

К вечеру у замка де Моро выросла гора в три, а то и четыре сотни волчьих туш: больших, маленьких, матерых волков, беременных волчиц и совсем детенышей. Даже привычный к виду мертвых тел Николас старался не останавливаться взглядом на истерзанных стрелами трупах. Капитан Густав, напротив, внимательно изучал волчьи шкуры, пока не выбрал особенно свирепо выглядевшее животное с черной шерстью. Между ребер волка торчала рукоять метательного ножа. Других повреждений на теле видно не было. Капитан вынул оружие и откинул его в сторону.

— Эй, мастер Жув, гляньте, этот вам подойдет?

"Мастер Жув?" — удивился Охотник. — " Королевский таксидермист? Что он тут забыл? Или они решили сделать Ланжуйского зверя своими руками? Оригинальные, однако, у Нормандского короля способы борьбы с религиозными заговорами".

Из-за плеча капитана выглянул невысокий худощавый мужчина средних лет, отпихнул служивого в сторону и начал деловито исследовать мертвое тело: заглянул ему в пасть, поднял веки.

— Вполне, и шкура целенькая, — удовлетворенно ответил мужчина.

— Так что, возвращаемся в Дюарль? — с надеждой спросил капитан. — А то меня от местного гостеприимства скоро совсем вши и блохи одолеют.

— Да куда ж это на ночь глядя? — возразил собеседник. — И тушка подпортится. Освежевать ее надо побыстрей. Я за ночь как раз со всем управлюсь, а вы отдохнете с дороги.

— А до Дюарля она никак не дотянет?

— Нет, освежевать надо прямо сейчас, потом будет поздно, — непреклонно ответил мужчина, взвалил волка себе на плечи и направился в подвал.

"Значит, завтра зверь будет пойман. Так или иначе", — решил про себя Николас и поднялся в свою комнату.

***

С рассветом элитный отряд Дюарля, размещенный во дворе замка де Моро начал собираться в путь. Волчьи шкуры растащили охотники и вилланы, а то, что нельзя было приспособить под использование в хозяйстве, свалили в кучу и закопали в яме в версте от замка. Николас спустился из своей башни и обнаружил в холле выставленное на всеобщее обозрение чучело. Это был громадный зверь с горящими красными глазами, вздыбленной смоляной шкурой и громадными неестественно белыми клыками. В нем с трудом можно было узнать вчерашнего мертвого волка.

— Ну как, нравится наш зверь? — ехидно улыбаясь, спросил капитан.

Николас болезненно скривился, но ничего не ответил.

— И это тоже идея вашего главнокомандующего, — не замедлил напомнить ему Густав.

— Что это за ужас? — перебил их разговор взволнованный женский голос. Прижимая Прикрыв рот руками, к зверю подошла Вивьен.

— Это, моя дорогая, лютый зверь, убитый доблестными солдатами Орлена XII, спасителя всех овечек Ланжу, — патетично ответил ей капитан

— Но ведь это неправда. Мастер Николас, да ведь он ненастоящий, как ваш фокус с монетой.

— Настоящий или не настоящий, госпожа Вивьен, но зверь найдет и убит, — развел руками Охотник.

— Но как же мы? Как же настоящий зверь? Он продолжит

убивать, если вы с ним ничего не сделаете.

— Такова высочайшая воля, и я не тот, кто станет ей противиться, — с притворным смирением ответил Николас.

— Я думала, что вы Страж, вы настоящий, вы — тот, кто нас спасет. А теперь… вы просто бросаете нас. Вы так же лживы и ничтожны как ваши дурацкие фокусы. Убирайтесь! Мы самим защитим наши земли, — глотая горькие слезы, Вивьен убежала к себе наверх.

— Гляжу, отдых на природе пошел на пользу вашим суждениям, а мастер Николас? — гадко ухмыляясь, спросил капитан.

— Заткнись, — зашипел на него Охотник.

— А я ведь могу и на дуэль вызвать, — с надменным видом напомнил ему капитан

— А я ведь и согласиться могу, — тут же парировал его Николас и зашагал прочь, показывая, что разговор окончен.

Охотник быстро собрал вещи, навьючил ими кобылу и повел ее в поводу ко входу в пещерный город. Он привязал животное в небольшой рощице за примеченной вчера площадкой, ослабил подпругу и пустил на сочную зеленую траву, а сам отправился на поиски пасшихся на высокогорных лугах отар овец. Идею насчет наживки подал ему капитан со своими глупыми намеками относительно жителей провинции. Заплатив первому встречному пастуху тройную цену за самую паршивую овцу из его стада, Николас перегнал ее поближе к площадке, дождался наступления темноты и вспорол ей горло, стараясь не забрызгать одежду. Ночной воздух наполнился солоноватым запахом крови.

— Справляете свои кровавые ритуалы? — вдруг послышался за его спиной голос Франсуа.

Николас вздрогнул. Похоже, он настолько сосредоточился на том, что происходило у него под ногами, что не услышал приближающихся шагов сына барона. Николас витиевато выругался и потянул его за собой в засаду на холме.

— Отпустите меня, что вы себе позволяете! — возмутился от такого обращения Франсуа.

— Шкуру твою спасаю, дурья башка. Какого демона ты тут забыл?

— Я… Я… — тут же стушевался молодой барон, глядя на разгневанного Охотника.

— Что я-я? Язык проглотил?

— Вивьен была очень расстроена вашим отъездом и тем… как вы решили проблему со зверем. Поэтому я хотел догнать ваш отряд и высказать вам свое негодование. Но вас там не оказалась, поэтому я начал прочесывать лес и наткнулся на пастуха, у

которого вы купили овцу. Он-то и указал мне, в какую сторону вы пошли.

— А для единоверца ты совсем не плох, — задумчиво заметил Николас.

Франсуа покраснел от такой похвалы и отвернулся:

— Зачем вы обидели Вивьен? Она ведь вас боготворила, а вы растоптали ее чувства. А я предупреждал, что у вас все показное, а внутри вы пустышка. Ну, ничего, я заберу ее к себе в Священную империю, выучусь в семинарии, стану священником, может даже епископом, и уж тогда вы все увидите…

— Она не сможет жить в Священной империи, — грустно ответил ему Николас.

— Это еще почему? Вы думаете, что без вас она потеряет смысл существования? Ну, так вы ошибаетесь!

— Там ее приговорят к сожжению на костре.

— Что за глупость? У нас приговаривают только нечестивых, таких вот как вы!

— Тихо, — махнул на него рукой Охотник, скорее почувствовав, чем увидев какое-то движение на площадке.

— Что вы вообще здесь делаете?

— На зверя охочусь. А теперь тихо!

Откуда-то из кустов на площадку вышло гигантское животное. Железный панцирь поблескивал в неярком лунном свете. Знать бы еще, как и где он крепится. Скорее всего, как седло на лошади под брюхом, возможно, а еще на шее и на ногах. Принюхиваясь, зверь подошел к распластанной на земле овечьей туше.

— Что это еще за тварь?

— Ланжуйский зверь, настоящий, — ответил Николас, натягивая тетиву лука и целясь прямо под брюхо животного. Несмотря на ночное время, площадка хорошо освещалась лунным светом. Охотник выпустил стрелу, и та попала точно в цель, разрезав кожаный ремень, следующая чиркнула животное по шее. Зверь громко зарычал, пытаясь угадать направление, где засел неприятель.

— Ну, давай, еще чуточку постой на месте, — молился Охотник, запуская следующую стрелу.

Доспех съехал на бок, обнажая тело животного.

Четвертую стрелу запустить он уже не успел. Учуяв запах, зверь огромными прыжками устремился к холму, на котором они засели в засаде. Но тут, откуда ни возьмись, на зверя обрушилась свирепая белая волчица.

— Вот же дура! — хватаясь за голову, воскликнул Николас. — И чего ей дома не сиделось-то?!

Франсуа непонимающе уставился на него. Меж тем волчица кидалась на зверя так отчаянно, будто защищала собственных детенышей. Тот стоял, как вкопанный, не смея отвечать на ее атаки. Волчьи клыки и зубы впились в незащищенный бок животного. На шерсти уже красовались красные полосы. Зверь попытался было уйти, но волчица молнией металась вокруг него, перекрывая пути к отступлению. Казалось, конец Ланжуйского убийцы совсем близок, но тут сверкнуло короткое лезвие метального ножа. Тело хищницы претерпело незаметную для человеческого глаза метаморфозу. Вместо волчицы на землю упала обнаженная девушка.

— Только не это! — взмолился Охотник. — Держи.

Он бросил Франсуа кожаный мешок с порошком.

— Что это?

— Противоядие.

— Зачем?

— Попытаешься ее вылечить.

— Кого?

Не теряя больше ни секунды, Николас помчался вниз к застывшему над потерявшей сознание девушкой зверю. Тот просто обнюхивал ее, не смея притронуться. По направлению от входа в пещеры вышли два человека в масках. В руках у них были легкие сабли.

— Надо ее добить, а тело сжечь. Кристофу потом скажем, что она с тем следователем из компании Норн сбежала, — деловито осматривая девушку, сказал тот, что был повыше ростом.

— Волчье отродье, — второй пнул бездыханное тело в бок и занес саблю для удара. В тот же миг, со свистом разрезав воздух, в его руку впилась стрела. Сабля полетела на землю, не достигнув цели. Зверь громко зарычал на бегущего к ним Охотника.

— Сатильон, ты же сказал, что он отбыл вместе с солдатами, — разозлился второй, выдергивая стрелу из своей руки.

— Так оно и было. И не называй меня по имени, — ответил первый и направил на пришельца свою саблю. Она как по волшебству вырвалась из рук негодяя и полетела в сторону. Шеи обоих злоумышленников как будто удавкой сдавило, стало трудно дышать, затем сильнейший удар поверг их на землю.

— Вивьен, Вивьен! — Франсуа узнал девушку, лишь приблизившись к ней вплотную. — Да что же здесь происходит?!

— Она и есть оборотень, последняя из клана Лугару, который некогда хранил покой Ланжуйского леса. Бедняжка, видно, надеялась в одиночку совладать с этой тварью и отомстить за волков, что были убиты во время охоты.

— Но… я не понимаю, как такое возможно. Оборотни — это зло. Но она не может быть злом. Она — самое чистое и доброе создание, что я встречал. А эти люди? Кто они? И за что хотели ее убить?

— Мне жаль тебя огорчать, Франсуа, но думаю, что это граф де Моро и мастер Сатильон. А убить ее хотели, чтобы не мешала им осуществить план по свержению короля Нормандии Орлена XII с помощью вот этого зверя.

— Но он же ее отец… Как он мог так с ней поступить?

— Боюсь, что она для него была, как бельмо на глазу у коровы. Отрезать и дело с концом.

— Но что же с ней будет?

— Если поспешишь и дашь ей мое средство, думаю, она выживет, если нет — задохнется. Решать тебе.

Франсуа склонился над Вивьен и высыпал ей в рот противоядие.

— И что теперь? — спросил он, видя, что вниманием Николаса успел завладеть подобравшийся к ним вплотную зверь.

— Забери ее отсюда. Куда угодно, лишь бы подальше от Ланжу и от Священной империи.

Франсуа схватил тело девушки в охапку и со всех ног кинулся в рощу, где была привязана его лошадь.

Зверь сверкнул глазами и, лязгая волочившейся по земле броней, кинулся на Охотника. Телекинез на него не подействовал. Николас выхватил меч и на лету и ударил зверя по опутывавшим его тело кожаным ремням. Тяжелый панцирь скатился на землю, и перед ним предстала громадная саблезубая кошка с короткими закругленными ушами. Она угрожающе зарычала. Николас снова попробовал ударить ее телекинезом, но животное было как будто заговорено. Кошка снова бросилась на него, выпуская длинные черные когти. Николас увернулся и выставил меч вперед, отбивая атака свирепого хищника.

Злоумышленники меж тем успели очухаться после сокрушительно удара и пришли на подмогу зверю. На перевязи у первого висели те самые метательные ножи, один из которых поразил Вивьен. Он начал метать их в Охотника, но те отскакивали от окружавшего тело Николаса телекинетического щита. Значит, его сила не действовала только на зверя. Кошка все теснила его к краю ущелья. Граф со священником подобрали с земли сабли и начали обходить сражающуюся пару с боков. Наконец, Николасу удалось достать зверя мечом, но тот резко рванулся вперед, заставляя Охотника сделать тот самый роковой шаг. Нога соскользнула с края обрыва, и он упал вниз, хватаясь руками за каменный выступ. Раненный в бок зверь отошел в

сторону и позволил людям довершить за него грязную работу. Тот, что поменьше ростом, склонился над Николасом и оперся рукой об его голову.

— Прощайте, мастер Николас, — противно посмеиваясь, сказал он.

— Не прощайтесь, мастер де Моро, я вас из могилы достану, — Охотник отпустил одну руку, сорвал со злоумышленника маску и камнем полетел в темноту глубокого ущелья.

— Глупый мальчишка! — крикнул ему вслед граф.

— Идемте, а то Кристоф нас хватится. Надо еще придумать, как ему объяснить, что произошло с драной кошкой.

Скинув маски Сатильон с графом де Моро зашагали обратно к пещерам. Раненный зверь последовал за ними.

Как только плита за ними задвинулась, из-за деревьев показался небольшой отряд солдат в бело-зеленой форме компании Норн.

— Эй, ты цел? — крикнул Ноэль, заглядывая в ущелье.

— Вроде да, — из непроглядной тьмы послышался усиленный эхом голос. — Лови!

Вверх подлетел запачканный кровью меч. Ноэль схватил его за рукоятку и положил на землю. Через мгновение из ущелья показалась слегка потрепанная голова Охотника.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Николас, подтягиваясь на руках наверх.

— Тебе помогаю, дуралей, — укоризненно ответил ему адъютант.

— Ну и зря. У меня все под контролем, — начал хорохориться Охотник.

— Ну, конечно. У тебя, кстати, кровь вот здесь, заметил?

Николас потер рассеченный лоб и задумчиво посмотрел вниз.

— Что будем делать?

— Осаждать и подавлять. Что еще можно делать с заговорщиками? Вход в их логово мы вроде бы нашли, так что дело за малым. Ты с нами?

— Вы хоть знаете, сколько там человек?

— По моим подсчетам не больше сотни.

— Но ты-то с собой едва ли два десятка привел.

— Зато посмотри на них. Это обученные воины, сильные, смелые, готовые вступить в смертельную схватку по первому моему приказу.

— Ну, вот и пусть вступают, а у меня есть идея получше.

— А?

— Они ведь подумали, что я разбился.

— Вообще-то мы все так подумали. Не делай так больше.

— Здесь бытует одна легенда про призраков последней Войны за веру.

— К чему это ты?

— С суеверным страхом нужно бороться суеверным страхом.

— Собрался в призрака перевоплотиться?

— И не только я, — задорно подмигнул ему Николас.

***

Ноэль с отрядом тайно прибыл в Ланжу этим утром и успел прочесать местность. Полагаясь на архивные сведения с довоенных времен, ему удалось отыскать спрятанную в лощине между гор долину, куда вел еще один выход из пещер. Там обнаружились следы пребывания большого количества людей: искусственно насыпанная возвышенность, явно обтесанный человеческими руками алтарный камень и вытоптанная сотней пар ног трава. Зная дорогу, долину легко можно было окружить даже при помощи небольшого отряда. Именно на это Ноэль и рассчитывал, когда вел сюда своих ребят. А импровизация Николаса добавила в его план немного хитрости. Обвязав копыта коней тряпками, они заняли боевую позицию и затаили дыхание в ожидании сигнала к действию.

В долине к тому времени собралась довольно большая толпа народа, ничуть не меньше той, что участвовала в охоте на волков. Все присутствующие были одеты в белые плащи, а их лица закрыты черными масками. На возвышении стоял человек и громко вещал голосом Сатильона.

— Разве мы не предупреждали кроля о необходимости принятия правильной веры? Разве не говорили, что только в Едином наше истинное спасение? Но нет, побоявшись поступиться своей властью и польстившись на посулы нечестивых, он развязал кровопролитную войну с нашим когда-то добрым соседом и верным другом. Нас заставили биться против собственных братьев с другой стороны Ланжуйского леса, обложили непомерными налогами. Из-за его прихоти наши дети умирают от голода в нищете и неверии. Только вытравив эту заразу с нашей земли, мы сможем вернуть назад старые добрые времена, когда Ланжу правили единоверцы. Для очищения нам послан был этот священный зверь. Он истребит скверну и станет тем камнем, который поднимет лавину. И пожар восстания охватит не только провинцию Ланжу, но и всю неверующую Нормандию. Так давайте же почтим этого зверя и смиренно склоним перед ним головы…

Откуда ни возьмись на помост вскочил белый всадник на такой же белой лошади с горящими потусторонним светом

глазами, и заговорил голосом мертвеца:

— Тот, кто зверю нечестивому поклоняется, сам погибнет от его когтей. Кто придет к нам с оружием, сам от него падет. Проливший невинную кровь, да понесет заслуженную кару. Предатель да убоится неотвратимого возмездия нашего. Да разверзнется земля от праведного гнева. Да поглотит она демонов, ее осквернивших. Да освободится этот край от лиха подлого. Да погибнет оно на острие наших клинков. Да будет так!

— Да будет так! — эхом отозвались ему со всех сторон такие же белые всадники.

Толпа взревела от ужаса и бросилась врассыпную.

— Да будет так! — заливаясь зловещим хохотом, выкрикнул единственный оставшийся на месте заговорщик.

Рядом с ним стояла раненая кошка и свирепо глядела на белого всадника на помосте, как будто знала, что это он виноват в ее мучениях. Заговорщик положил уродливую, покрытую шрамами руку животному на загривок, а здоровой сорвал с лица маску. Это был Кристоф, сын графа де Моро. И глаза его, один голубой, другой зеленый, тоже горели в темноте, но только не от чудесного порошка. Николаса аж передернуло от ощущения чего-то настолько враждебного и мерзкого, что с ним мог сравниться разве что Ловец желаний из Дрисвят. Кристоф зачем-то поманил его рукой с маской или вовсе не его, а Вестфольду. Кобыла пронзительно взвизгнула, и, не слушая всадника, помчалась на графского сына. Глаза Кристофа широко распахнулись от удивления, но он не стушевался и указал своей кошке на приближающегося всадника. С диким рычанием животное бросилось на лошадь, Николас едва успел соскочить на землю. Оставшись без всадника, Вестфольда легко увернулась от когтей хищника и ударила его в макушку коваными копытами. Кошка отступила на несколько шагов, мотая головой, чтобы разогнать кружившиеся вокруг нее звезды, а потом снова пошла в атаку.

Кристоф сладко облизнулся, глядя на битву двух животных, и вынул из-за спины странной формы меч. Николас поднялся с земли и попробовал выбить оружие из рук противника телекинезом. Не сработало так же, как с кошкой. Охотник поднял меч и встал наизготовку.

— Я знаю, кто ты. Ты — Ловец желаний. Я встречал таких, как ты раньше, — хриплым от напряжения голосом сказал Николас.

— Фу, что за вульгарное имя? Никакого уважения к древним. И чему вас только ваши боги учат? — усмехнулся Кристоф, его глаза загорелись еще ярче. — Я тень, призрак, ждавший своего часа в самом темном уголке мира, пока этот глупый тщеславный

юноша не приполз ко мне на коленях, умоляя спасти его от гибельных ран, нанесенных Муспельсхеймскими хищниками. И я принял его, как родитель принимает свое блудное чадо, и наставил его на путь истинный, на путь Единого. Я бы мог сделать то же самое для тебя. Закончив свои дела здесь, тебе придется вернуться в Дюарль и служить там дрессированным медведем, но я мог бы освободить тебя от этих оков. Прими меня и получишь то, чего так желает твое сердце.

— Сменить одного хозяина на другого? Какой в этом смысл? — криво усмехнулся Николас.

— Ты очень интересный человек, мастер Николас. Давненько я не встречал такого противника. Очень жаль, что придется тебя убить.

С этими словами Кристоф взмахнул мечом. Тот просвистел в воздухе, будто кнут, и вытянулся в размерах. Оказалось, что он состоял из мелких пластин, соединенных между собой леской из невероятно гибкого метала. Лезвие чуть не достало до лица Николаса.

— Забыл предупредить, мой меч тоже смазан Элапедаем.

Охотник, не теряя времени даром, контратаковал противника. Хлесткий меч-кнут не позволял ему подойти на расстояние удара. Лезвие плясало вокруг него, будто пламя, и он не мог вырваться из его плена. Мышцы загудели от сильного напряжения. Николас двигался на пределе своих возможностей, но все равно не мог пробиться сквозь защиту противника. Оставалось лишь отчаянно отбиваться. Леска обмоталась вокруг его меча. Пластины сжали его с двух сторон и, прежде никогда не подводившая его сталь, дала трещину. Меч рассыпался на осколки, а одна из пластин оцарапала плечо.

Охотник отшатнулся, чувствуя подступившую к горлу дурноту. Перед глазами все поплыло.

"Возьми меч, Николас", — прозвучал в его голове голос Мертвого бога, который он не слышал вот уже почти два года.

"Но он сломался", — слабо возразил Николас.

"Не этот меч", — ответил Тангрум.

"Прими меня, хозяин", — к его голосу прибавился еще один, скрипучий, с металлическими нотками. — "Я обещаю служить тебе верой и правдой, только не позволяй ему завладеть мной".

"Но… да какая к демонам теперь разница", — в отчаянии подумал Охотник. Меч выскочил из висевших на боку кобылы ножен и перелетел к нему в руку. Рукоять больно впечаталась в кожу. Клинок завибрировал и окрасился в фиолетовый цвет. Николас с трудом поднялся на ноги и пошел в атаку.

— Как ты еще держишься? — удивился Кристоф. — Нет, этого

не может быть…

Над головой снова просвистел меч-кнут, но Николас легко от него увернулся, двигаясь навстречу противнику. Движения Кристофа неожиданно замедлились. Охотник с легкостью их предугадывал и парировал, пока не добрался до своей цели. На этот раз он сам позволил леске намотаться на лезвие своего клинка, а потом резко крутанул его на себя. Леска резко отскочила и намоталась вокруг тела Кристофа. В следующий миг Николас пронзил его грудь фиолетовым клинком и несколько раз повернул его для верности. Графский сын грузно осел на землю и захрипел. Из глаз потоком хлынула вонючая темная жидкость. Тело на глазах начало разлагаться.

Николас отвернулся от тошнотворного зрелища и взглядом нашел свою кобылу. Вестфольда неподвижно лежала на земле, вытянув вперед ноги. Из разодранного клыками горла струилась алая кровь. Кошка с проломленным черепом валялась всего в двух шагах от нее. Николас с трудом переставляя грозившие отказать в любой момент ноги, дошел до кобылы и повалился рядом с ней. Вестфольда в последний раз скосила на него свои лиловые глаза-бусинки и испустила дух. В тот же миг сознание покинуло тело Охотника.

***

Ему снова чудилось, что он вновь оказался в ледяной пещере. И как будто лед, сковавший тело Мертвого бога, начал таять. Он приблизился к саркофагу и заглянул внутрь. Его начала колотить крупная дрожь, как будто он увидел нечто жуткое, но он так и не смог вспомнить, что именно.

Николас проснулся от стука колес по мощенной булыжником дороге. Он открыл глаза и обнаружил, что едет в просторной, обитой пурпурным бархатом карете. Напротив сидел Ноэль и задумчиво глядел куда-то в даль. Николас приложил руку к поврежденному плечу, но вместо раны обнаружил там мягкие белые перья рубашки матушки Умай. Это показалось ему странным, так как он не помнил, что надевал ее.

— Ноэль, — тихо позвал Николас.

— А, брат, ты, наконец, очнулся, — отвлекаясь от своих мыслей, сказал адъютант.

— Почему ты назвал меня братом? — удивился Охотник.

— Кто я? — смущенно переспросил Ноэль. — Да тебе просто послышалось. Ну и напугал же ты нас всех третьего дня.

— Третьего дня?

— Ты два дня был без сознания.

— А что произошло?

— Когда мы выскочили на этих заговорщиков, перемазанные

белой глиной, они чуть с ума от страха не сошли. Видать, подумали, что это Лугару встали из могил, чтобы их покарать… И разверзнется земля… Откуда ты вообще это взял?

— Из старой детской сказки.

— От страха этим бедолагам показалось, что нас не два десятка, а две тысячи. Мы перебили всех и даже парочку взяли в плен.

— А как же Сатильон и граф де Моро?

— Им удалось уйти, но ненадолго. Ланжуйские волки. Похоже, они решили отомстить за убитых соплеменников. Мы нашли только обглоданные останки.

— А король не покарает нас за убийство его подданных?

— Он сам отдал приказ уничтожить всех заговорщиков, чтобы чума восстания не расползлась по всей Нормандии.

— Так он знал?

— Знал главнокомандующий, а его величество Орлен XII очень прислушивается к мнению моего деда. Лучше расскажи, что произошло с хозяином зверя. Когда мы вас нашли, он выглядел так, будто его только что откопали из могилы, где он пролежал, по меньшей мере, несколько лет.

— Не знаю. Мне кажется, его телом завладел какой-то демон, но прежде я таких не встречал. Послушай, когда вы меня нашли, на мне была эта рубашка? — Николас отвернул край плаща, которым укрывался.

— Не помню.

— Ты не помнишь, как нашел мое окровавленное тело? — поразился Николас.

— Окровавленное? — переспросил Ноэль. — Да на тебе и царапины не было. Даже те, что на лбу раньше были, пропали. Мы думали, ты просто перенапрягся и потерял сознание.

Николас проверил свой лоб. Действительно ни царапины.

— А вот Вестфольду жалко, — продолжил Ноэль. — Знатная была кобыла.

Николас понурился, вспоминая ее последний вздох. И зачем он ее так ругал все время?

— Знаешь, пару лет назад прямо перед твоим появлением мы возили ее к знаменитому Зареченскому жеребцу, который по слухам мог перемахнуть через трехсаженную яму. И жеребеночка от него она славного родила, правда, мои недотепы не довезли его до Нормандии. Умудрились потерять где-то в Веломовских лесах. А из него ведь королевская лошадь могла бы выйти с такими-то кровями.

Николас угрюмо молчал, свыкаясь с мыслью, что его любимого боевого товарища больше нет. Он выглянул в окно.

Вдали проносились бескрайние поля южных провинций Нормандии. До конца свободной жизни осталось всего ничего. А потом снова плен золоченой клетки, сбежать откуда нет никакой возможности.

— Не печалься. У меня есть для тебя великолепная новость. Думаю, она с лихвой воздаст тебе за все горести последних дней. Теперь ты официально мертв.

— Что?

— Я отправил королю отчет, в котором значится, что ты погиб в схватке с ланжуйским зверем. Сорвался в ущелье. Теперь и Защитники Паствы, и компания Норн оставят тебя в покое. О том, что ты жив, знаем только я, главнокомандующий, да доверенный мне отряд из Ланжу.

— Так я свободен? — возбужденно спросил Николас.

— Не совсем, — замялся Ноэль. — Мы с дедом будем следить за твоими перемещениями. И тебе все так же придется раз в полгода брать учеников. Мы ведь не можем позволить себе потерять такого талантливого наставника. Но Дюарль больше над тобой не властен. Мы только соберем твои вещи и выдадим кое-какие бумаги, чтобы на границе не возникло проблем. Ты уже решил, куда отправишься?

— В Упсалу, — не раздумывая, ответил Охотник.

— В Лапландию? Но ведь там жутко холодно и демоны… Может, у тебя там очередная подружка? — подначивал его адъютант.

— Ноэль?

— Что?

— Заткнись.

Карета со скрипом повернула в сторону большого торгового тракта, ведущего прямиком в столицу.

Тайна 9. Легион Теней

Упсала, Лапландия, 1571 г. от Заселения Мидгарда.

Снег в этом году выпал очень рано, на месяц раньше обычного. Или здесь на севере он всегда выпадал в это время, а Николас просто забыл об этом за семь лет? За ночь намело сугробы по колено, и идти приходилось, высоко поднимая ноги, чтобы проложить дорогу двигающимся позади спутникам.

Как только они пересекли границу с Лапландией, Николаса накрыло какое-то безумное веселье. Даже дышать стало легче от осознания того, что он, наконец, свободен. От дворца Дюарле, от компании Норн, от Защитников Паствы, от указаний Мертвого бога. Последнего Николас не слышал с самого происшествия в Ланжу, и это радовало. Однако с недавних пор на роль его главного собеседника начал претендовать проклятый меч. Как оказалось, зловредному оружию тоже прискучило убивать всех своих хозяев и разговаривать только со своими ножнами. Он не ожидал, что Охотник сможет услышать его речь там в Ланжу. Как только обнаружилось, что кто-то еще способен его понимать, меч начал осаждать Николаса нудными речами о своем богатом на события прошлом, боевых стратегиях и приемах, качестве современной ковки и кодексе чести Стражей. Хотя иногда он мог выдавать стоящие идеи, большую часть времени он мешал, не позволяя Охотнику сосредоточиться на своих новых учениках, или попросту ныл, что ему хочется испить крови неприятеля. При посторонних Николас старался ему не отвечать, но иногда это было довольно сложно.

Учеников было трое. Ноэль препоручил их Охотнику еще на выезде из Нормандской столицы. Первым был немолодой уже купец, к которому неожиданно стали являться мертвые родственники с мелкими просьбами: не продавать дом, покормить любимого кота или раскопать спрятанный ими при жизни горшок с золотом. Поняв, что дело — дрянь, он обратился в компанию Норн с просьбой избавить его от надоедливых привидений. Когда офицеры обнаружили, что проблема купца заключалась вовсе не в живых мертвецах, его направили в штаб на обучение.

Вторым учеником стал сверстник Николаса с ловкими руками и удивительной способностью левитировать из карманов людей деньги и ключи. Однажды ему не повезло обворовать таким способом кого-то из компании, и тогда пройдоху-вора живо препроводили в штаб для дальнейшего разбирательства.

Естественно, в таком обществе шестнадцатилетняя дочка графа де Волонсон из северо-восточной провинции Нормандии, воспитанная в строгости и целомудрии, с редкой способностью исчезать в самый неподходящий момент, чувствовала себя очень неуютно. С ней-то и было больше всего проблем. Купца можно было напоить элем, тогда у него развязывался язык и он выкладывая перед Охотником все свои проблемы и ощущения от общения с усопшими как на духу. Для того, чтобы заставить вора вернуть очередную "позаимствованную" невесть у кого побрякушку и наставить его на праведную стезю, достаточно было лишь слегка пригрозить мечом, радостно шипевшим "ату, ату".А вот найти графскую дочку, если на то не было ее воли, оказалось не так-то просто. Но и с этой напастью Николасу удалось справиться. Когда она услышала, что Охотник не раз бывал на приемах во дворце Дюарле и даже танцевал с прекрасными фрейлинами, одетыми в дорогие наряды с горностаевыми воротниками и немыслимыми высокими прическами, то сразу же оттаяла и заинтересовалась. Про придворные сплетни, манеры и моду графская дочка готова была слушать часами. И ради нового рассказа готова была преодолеть собственный страх перед грубоватыми "простолюдинами" и даже смириться с тяготами долгого путешествия в дикую северную страну.

Настоящего имени Охотника ученики не знали. Для них он был просто Николя дю Комрой, приставленный к ним наставник из компании Норн, невесть зачем тянущий их за собой в Лапландию. И относились к нему совсем по-другому, чем в Дюарле, где его история была известна каждой дворовой собаке. Все-таки приятно начинать все с чистого листа. Будто и не было этих тягостных 18 месяцев неволи.

До Упсалы оставалось всего несколько часов пути. Николас не сильно надеялся, что Эглаборг до сих пор ждет его возвращения из осажденной Александрии. Все-таки два года прошло с тех пор, как они расстались в тот памятный день в Мараканде. Но ханская награда уже не имела значения. Лапландская земля богата на демонов — работа для Охотника всегда найдется. Да и главнокомандующий Пареда оказался весьма щедр, назначив ему баснословное содержание. По приезду в Упсалу поселится у кого-нибудь до весны, а там за лето и сруб поставит, благо лесов тут много и к работе руками он привык за время своего четырехлетнего путешествия.

Погруженный в свои мысли, Николас не заметил, как напряглись его спутники, указывая куда-то в сторону заснеженного плато.

— Смотрите, что это? — испуганно спросила графская дочка.

— Кажется, это лошадь! — удивленно воскликнул купец.

— Мастер Николя, а в Лапландии водятся демонические лошади? — пихнул его в бок локтем молодой вор.

— Только если Ненниры[64], но это не они, — задумчиво ответил Охотник.

На горизонте четко обозначился силуэт огромного вороного коня. Он так легко и быстро летел по глубокому снегу, что создавалось впечатление, что конь и вовсе не касается ногами земли. В лучах яркого зимнего солнца его шкура отливала серебряным лунным светом. Дугой изгибалась мускулистая шея. Длинный хвост возбужденно задран вертикально вверх. Из широких ноздрей клубами вырывался белый пар.

— Кажется, он бежит к нам, — графская дочка встревожено приложила руку ко рту.

Николас нахмурился. У него появилась дикая догадка относительно чудесного животного. Но поверить в это было слишком сложно.

— Может, нам надо спрятаться? — аккуратно предложил вор, стараясь не выдать своего страха.

— Не думаю, что он опасен, — покачал головой Николас и двинулся навстречу вороному коню.

Тот резко остановился в нескольких шагах от Охотника и буквально подплыл к нему легкой высокой рысью. Николас протянул руку к точеной сухой голове с огромными раздувающимися ноздрями.

— Харысай, ты ли это? — удивленно присвистнул он, но тут животное больно цапнуло его за плечо.

— За что? — возмущенно вскрикнул Охотник, быстро отдергивая руку.

— За то! — ответил ему конь низким баритоном. — Где тебя демоны носили все это время?! Ты ведь сказал, что только съездишь в Александрию и вернешься, а сам пропал куда-то на два года. Мы с Эглаборгом уже не чаяли тебя живым увидеть.

— У меня возникли… неожиданные затруднения, — расплывчато ответил Николас, потирая ушибленное плечо.

Ученики испуганно таращились на него. Конечно, они и раньше замечали, как их наставник бубнит что-то себе под нос, но чтоб вот так в открытую ругаться с бессловесной тварью… А ведь он даже не звероуст.

— Какие еще затруднения?! — продолжал негодовать Харысай. — Подружку себе нашел? — тут конь принюхался к его одежде. — Или изменял мне с другой лошадью?!

Николас закатил глаза.

— Не хватало мне баб, так теперь вот лошадью ревнивой

наградили.

— И не надо из себя невинность строить. Это я тут жертва! Ты хоть представляешь себе, как я тосковал? Меня между прочим даже заездить было некому.

Конь резко развернулся на задних ногах, обсыпал Охотника снегом и помчался прочь.

— Стой! — сквозь смех крикнул Николас. — Хоть до города проводи.

Конь притормозил, недобро покосился на Охотника и, гордо вкинув голову, повел их за собой через плато.

Харысай не пошел в город, а свернул к стоявшему на отшибе скиту — огромному двухэтажному деревянному срубу на толстых дубовых сваях с высокой двускатной крышей, наверху которой красовался резной конек. Ставни чистых светлых окон раскрыты настежь. С одной стороны от сруба баня, с другой большой сарай, похожий на конюшню, рядом небольшой погребок.

"Да, вот именно такой бы дом я себе построил", — подумал про себя Николас, разглядывая рунные узоры на двери.

Харысай встал посреди двора, поднялся на дыбы и пронзительно заржал. Дверь сарая поменьше тут же распахнулась, и оттуда выбежал худощавый, гладко выбритый, седовласый мужчина с изборожденным глубокими морщинами лицом.

— Вот негодник! — заругался он на коня. Харысай смущенно опустил голову. — Где тебя демоны полдня носили?! И кого это ты притащил на хвосте?

Конь с надеждой глянул на Николаса. Мужчина тоже повернулся в его сторону. Его глаза широко распахнулись, лицо озарила счастливая улыбка.

— Мастер Николас! — вскричал он, сгреб Охотника в охапку и начал колыхать на руках, словно малое дитя. — Вы вернулись… А этот пройдоха бургомистр говорил, что вы сгинули где-то на южной границе Нормандии, но я ему не верил. Я знал, что вы вернетесь. Вы ведь обещали.

— Эглаборг, — сдавленно прохрипел Николас. — Полегче, задушишь.

— Ой, извините, — тут же отпустил его целитель.

— И вообще-то Николас Комри действительно погиб в южной провинции Нормандии. Теперь я Николя дю Комрой, старший офицер компании Норн, поданный короля Нормандии Орлена XII.

— Что-то случилось? — нахмурился Эглаборг.

— Да, но об этом потом. Просто не называй моего настоящего имени при посторонних, — Охотник выразительно глянул на мявшихся за его спиной учеников.

Эглаборг только заметил их присутствие и приветливо

улыбнулся.

— Ой, да что ж это я. Видать, совсем старый стал — из ума выжил. Вы с дороги наверняка устали, проходите скорее, дом свой посмотрите, а я пока баньку затоплю да какой-нибудь снеди на ужин соберу.

— Погоди, ты сказал мой дом?

— Ну конечно ваш, а чей еще? Вы же сами перед отъездом сказали все здесь устроить. Дом, банька, сарай для скотины всякой, — Эглаборг махнул рукой на вороного коня. Харысай тут же насупился. — Еще погребок, помещение для моих трав и снадобий. Правда, кузницу и птичник не успел к вашему приезду доделать.

— А зачем нам птичник?

— Будем почтовых голубей разводить. Надо же чем-то на жизнь зарабатывать, когда маракандское золото закончится, да и дело это полезное очень. По нашим снегам по полгода ни один скороход пройти не может. Я уже и с бургомистром договорился. Осталось только птиц из Нормандии выписать.

— Таких птиц? — спросил Николас, снимая навьюченную на одну из его лошадей клетку с голубями.

— Какая прелесть! — хлопнул в ладоши целитель. — Но откуда они у вас?

— Должностная привилегия. Одна из… — целитель непонимающе уставился на него. — Компания Норн, забыл?

Эглаборг пошел за покупками на рынок. Николас сообщил своим ученикам о предстоящем завтра выпускном испытании и оставил разбирать вещи, а сам отправился по делам в город.

Часть его имущества должна была прибыть из Дюарля с обозом в течение недели-двух. До этого Охотник хотел успеть разобраться со всеми проблемами, возникшими при переезде в другой город.

За прошедшие восемь лет Упсала почти не изменилась. Разве что прибавилась пара-тройка простеньких домов, да выросло несколько новых вересковых холмов за домом бургомистра. Как и в день своего прибытия в городской порт, Николас первым делом направился на главную площадь к ратуше. За столом бургомистра сидел тот же самый помощник, что и восемь лет назад и увлеченно перебирал какие-то отчеты. Николас деликатно закашлялся.

— Как можно увидеть вашего бургомистра?

— Мастер Гарольд сейчас за городом осматривает свой табун. Вернется ближе к ночи. Если хотите, можете его подождать или сообщить мне свое дело, и я подумаю, как вам помочь.

— О, нет, пожалуй, я сам лучше разыщу его за городом.

Помощник безразлично пожал плечами и вернулся к своим бумагам.

Николас направился в знакомое ему место, где раньше гулял табун бургомистра и не ошибся. Гарольд находился именно там. Он внимательно наблюдал, как несколько крепких мужиков выезжают молодняк по глубокому снегу.

— Мастер Гарольд, — позвал его Охотник.

— Я, — не отрывая взгляда от лошадей, отозвался бургомистр.

Он тоже мало изменился за прошедшие годы, разве что стал чуть шире в талии, да заработал несколько прядей седых волос на голове, которые впрочем, были мало заметны на фоне густой соломенной шевелюры.

— Я прибыл из Нормандии на поселение в Упсалу. Вот мои бумаги, — отрапортовал Охотник и передал свиток с печатью королевской канцелярии Нормандии. Гарольд развернул его и принялся читать.

— Э-э-э, потише, ты ж так ноги ему оторвешь! — подняв глаза от бумаг крикнул он на молодого краснолицего парня, который лупцевал тонкошеего жеребчика, заставляя его бежать настильным галопом по глубоким сугробам. — Вот стервец!

— Похоже, тут все в порядке, — наконец, ответил бургомистр. — Вам надо будет уплатить пошлину в три золотых, ну и прийти на общий сход третьего дня, чтобы я вас со всеми познакомил, мастер Ни-ко-ля дю Ком-рой, — прочитал он по слогам из свитка.

Бургомистр встрепенулся и поднял глаза на Охотника.

— Демоны меня подери, Николас! — вскричал он, с трудом признавая в высоком широкоплечем мужчине бледного худощавого мальчишку, которого он знал когда-то. — Живой! Здоровый!

Николаса снова схватили в охапку и начали трясти.

— И даже целый! — закончил за бургомистра Охотник.

— А почему дю Комрой? — спросил Гарольд выпуская его из стальных объятий.

Николас протянул ему запечатанное красным сургучом письмо с гербом компании Норн.

— Неужели мастер Пареда смилостивился и внял моим просьбам послать нам своего офицера? А то от этих ливонских рыцарей никакого толку, только лясы точить могут, — тут же просиял он. — А что за история с твоей гибелью в Ланжу?

— Хитрый политический ход. Чтобы не искали.

— У нас не будут, — заверил его бургомистр. — Край света как-никак. Ближе к червоточине уже просто некуда. Живи в

Упсале и ничего не бойся. Работа для тебя у нас всегда найдется… То Ненниры к городу слишком близко подберутся, то Дану с холмов куролесить начнут, то еще какую-нибудь дрянь из океана к нам на берег волной прибьет.

— Я тоже так подумал… Кстати о Неннирах, что это, мастер Гарольд? — Николас указал на коренастого лохматого серого жеребца, которого с трудом удерживал самый крупный из всадников.

— Где? — заливаясь краской, переспросил бургомистр.

— Вот! Разве это не Неннир? — спросил его в лоб Охотник.

— Ах, это, — нарочито небрежным тоном ответил Гарольд. — Да кобыла из моего табуна нагуляла где-то, родила полудемона, а он такой хорошенький, ладненький как назло получился. Как-то жалко его на бойню.

Жеребец, в конце концов, высадил надоевшего ему седока, победоносно гикнул и подбежал к бургомистру. Гарольд любовно провел рукой по мягкой шерсти.

— Ну, разве он не прелесть?

Николас предпочел убраться подальше от агрессивно клацающей зубами морды. С досадой заметив, что жертва сбежала, конь начал мягко теребить губами куртку Гарольда.

— Ничего, мы найдем тебе другого, лучшего наездника, — проворковал он, хлопая коня по шее. — Ну, а как ваш эламский жеребец? Что собираетесь с ним делать? Я было хотел помочь Эглаборгу его заездить, да уж больно горячий оказался. Мои парни в один голос закричали, что лучше Неннир, чем он… Может, уступишь мне его, как производителя, а я тебе первого жеребенка отдам.

— Нет, я, пожалуй, откажусь. Думаю, я найду подход к своему коню, как и вы к этому… полукровке, — Неннир снова оскалил зубы в его сторону, но чувствуя на плече руку хозяина, тут же успокоился.

— Дяденька-дяденька! — дернул Николаса за штанину невысокий мальчик с взъерошенными темными волосами. — Вас мама зовет!

— Знакомый? — удивился Гарольд.

Николас заглянул в раскосые глаза ребенка.

— Да, — задумчиво ответил он. — Мастер Гарольд, передавайте привет жене и детям. Заходите, если что надо будет.

Николас проследовал за мальчиком.

— Дяденька, вы туда без меня идите, к вересковым холмам. У ребят сейчас битва снежками с детьми рыбаков началась. Боюсь, без меня им не выстоять.

Охотник лукаво усмехнулся и коротко кивнул. Мальчик

сорвался с места и побежал обратно к городу.

Николас зашел за дом бургомистра и поднялся на самый высокий холм. Там его уже ждала Эйтайни, королева Дану Лапландии, все такая же ясноглазая и прекрасная, как и раньше. На плечах ее был накинут теплый плащ с меховой оторочкой.

— Ваше величество, — Николас склонил голову в учтивом приветствии.

Лицо королевы озарила счастливая улыбка. Ее тонкие пальцы коснулись его подбородка и приподняли голову.

— А ты изменился. Уезжал мальчишкой с необсохшими от материнского молока губами, а вернулся настоящим мужчиной, сильным и мудрым.

Николас промолчал, не смея смотреть ей в глаза. Почему-то рядом с этим небесным созданием он не чувствовал себя ни возмужавшим, ни тем более поумневшим.

— Как прошло твое путешествие?

Охотник пожал плечами.

— Неужели все было так плохо?

— Не плохо, просто тяжело, — наконец, смог выдавить из себя Николас. — Я рад, что вернулся. Хоть это не Авалор, но ближе к дому мне не подобраться. Но вы, верно, не за этим за мной послали?

— Не за этим, — согласилась Дану. — Я хотела пригласить тебя на нашу вечу, как представителя от города.

— Представителя? — нахмурился Охотник. Он слабо представлял себя в роли посредника между людьми и Дану.

— Мне нужно доказать вече, что не все люди — дикари с топорами и вилами. Видишь ли, наши северные селения приходят в упадок. Все больше Дану перебирается в окрестности Упсалы. Думаю, мы не сможем больше скрываться от людей. Надо попробовать жить в мире. Но для этого я должна убедить своих сородичей, что с вами можно иметь дело.

— Ну хорошо, я не могу вам отказать и приду на собрание… Но на вашем месте, я бы не слишком надеялся, что с помощью меня, вы сможете кого-то в чем-то убедить. Боюсь, что политические игры — не одна из моих сильных сторон.

— Все лучше, чем стоять перед ними совсем одной, — тяжело вздохнула Эйтайни. — Веча назначена на десятую ночь после Самайна, то есть на завтра. Приходи сюда на закате. Я отведу тебя в залу для собраний. А до этого времени мы должны что-нибудь придумать.

Однако ни вечером, ни на следующий день времени на то, чтобы обдумать свою стратегию на вече у Николаса так и не нашлось. Испытание продлилось вдвое дольше ожидаемого, а

потом ученики никак не могли с ним проститься, переживая о своей дальнейшей судьбе.

— Неужели все? — ошарашено спросил купец, когда Николас вручил ему грамоту компании Норн.

— А вы хотите еще что-то показать?

— Да, нет, просто неправильно это, — замялся он.

Графская дочка и вор молча созерцали пол, но уходить тоже не спешили.

— Я не чувствую себя… просветленным, — продолжил купец, с трудом подыскивая нужные слова.

— Просветленным? — ошарашено переспросил Охотник. — А какого просветления вы, собственно, ждете?

— Ну, хотелось бы понять, как жить с этим дальше, — он начал искать поддержки у своих товарищей. Те ободрительно кивнули и опустили глаза.

— Как хотите, так и живите, — Николас всем видом показывал, что не понимает сути вопроса. — Послушайте, мое дело — лишь научить вас использовать свой дар так, чтобы не причинять вред себе и окружающим. А уж то, как вы станете им распоряжаться: помогать заблудшим душам, воровать у рассеянных прохожих деньги из карманов или всю жизнь прятаться от проблем — решайте вы сами. И ответственность за это ляжет только на вас.

Он обвел своих учеников суровым взглядом, убеждаясь, что каждый из них хорошо расслышал и понял его слова. Но тут его перебил громкий стук в дверь. Николас не успел даже к ней подойти, как в прихожую ввалилось трое суровых детин с длинными бородами, мохнатыми лисьими шапками на головах и большими топорами наперевес.

— Вы Николя де… то есть дю… короче, вы на демонов охотитесь? — вышел вперед один из них.

— Ну, я, — закатил глаза Николас. Зачем было придумывать новое имя, если его никто и выговорить не сможет?

— Так это… бургомистр сказал, что вы нам поможете.

— В чем?

Гости неловко переглянулись, потом одновременно стянули с себя шапки.

— Тролли[65], мастер Охотник. Они напали на нас возле моста Биворн, когда мы на вырубку шли. Съесть грозились, мы насилу ноги унесли. Помогите, а?

Николас задумчиво почесал затылок. Строго говоря, тролли, вопреки людской молве, к человечине особой любви не испытывали, в отличие от своих более примитивных и агрессивных сородичей огров[66]. Искусные колдуны, настоящие

горные тролли очень редко попадались на глаза людей, а если такое и происходило, то имевшие несчастье их повстречать мигом об этом забывали.

— Как хоть они выглядели, ваши тролли?

— Как обычно… — ответил один. — Ну большие такие. Седые все и лохматые.

— В оленьих шкурах. На них были оленьи шкуры, — добавил второй.

— А запах? От них чем-нибудь пахло?

Лесорубы нахмурились и дружно начали себя обнюхивать.

— Не-не, ничем не пахло, — заключил третий.

— Понятно, — хмуро ответил им Николас и повернулся к своим ученикам: — Так чего вы ждете? Можете приступать к своим назначениям. Денег на дорогу вам должно хватить.

— Но… — начала было графская дочка, нервно перебирая в руках развернутый свиток, но заметила тяжелый взгляд Охотника и тут же осеклась. Коротко кивнув, она скатала бумагу и решительно направилась наверх собирать вещи. Воодушевленные ярким примером самой робкой из них, остальные ученики тоже решили оставить бесполезные споры и отправить в свой первый самостоятельный путь.

— Э, мастер Охотник, — обратил на себя внимание младший лесоруб. — А что именно вам понятно?

— Что дело ваше непростое, и я вряд ли поспею к обеду, — вздохнул он, затягивая тугой кожаный пояс на овчинном полушубке.

— Это-то понятно, но хотелось бы знать, во что нам это станет, — тактично поинтересовался старший.

— На месте разберемся, — махнул им рукой Николас, зашнуровывая высокие голенища кожаных сапог.

***

Каменный мост Биворн находился всего в пяти верстах от города. Он проходил через ущелье на отроге Утгардских[67] гор. Люди забредали в эти дикие суровые земли только по крайней нужде. Лишь охотники да лесорубы отваживались ходить за мост Биворн, сработанный неизвестными мастерами в глубокой древности.

Людские владения заканчивались прямо здесь, за Упсалой. Но север Лапландии вовсе не был необитаем. В трудно доступных горах, в скрытых от людских глаз долинах жило множество не похожих на людей Мидгарда племен.

Еще на подъезде к мосту они почувствовали ароматный запах горящего ельника. В чистое морозное небо поднималась тоненькая струйка серого дыма. Николас жестом остановил

лесорубов на краю лесной опушки, а сам вышел вперед. У разведенного возле моста костра сидело четверо довольно свирепых на вид великана. Бледно-серая кожа не имела обычного для троллей зеленоватого оттенка. Не было у них и острых, торчащих из-под верхних губ клыков, как у огров. Великаны грели руки на огне и хмуро о чем-то переговаривались на незнакомом языке гор. На земле рядом с ними валялись сосновые палки, в то время как огры предпочитали шипастые дубовые палицы, а тролли носили с собой тонкие черные посохи с набалдашниками в форме козлиной головы, выкрашенной в кранный цвет.

Великаны казались абсолютно поглощенными беседой, но услышав скрип снега под ногам приближающегося Охотника, они тут же схватили палки и стали в оборонительную позицию.

— Пр-р-р-роваливай отсюда, — зарычал самый большой и волосатый из них, по всей видимости старейшина. — А не то живо попадешь к нам в котелок.

— Какой котелок? — спокойно переспросил Николас.

— А? — тут же растерялись горе-людоеды.

— Котелок. Где ваш котелок, куда я попасть должен?

— Э, ну так это… он у наших товарищей. Они там, за горой. Скоро придут, так что тебе лучше уносить ноги подобру-поздорову, — вперед выступил великан помоложе.

— Мы злые горные тролли! Мы любим человечину! — поддакнул ему третий людоед.

— Ты что, дурак, тролли не едят людей, — тут же поправил его четвертый, самый молодой из великанов. — Это делают огры.

— Да тихо ты, — зашипел третий подложный тролль. — Какая к демонам разница? Думаешь, он знает, чем они отличаются?

— Представьте себе! — встрял их разговор Николас. Ему уже порядком надоело это импровизированное представление. Все четверо великанов оторопело уставились на него. — Хватит чушь нести. Лучше расскажите, что четыре Гримтурса[68] делают так далеко от своих ледяных пещер?

Великаны испуганно переглянулись, потом один из них шепнул что-то на ухо остальным и они уже с куда большим интересом начали рассматривать стоявшего перед ними Охотника.

— Мы бежали из северных пещер Етунхейма[69], что находятся в самом сердце Утгардских гор, — начал самый молодой великан. — В наш край пришло какое-то лихо из Хельхейма[70], стало неспокойно. Мы отправили наших жен и детей в южную часть гор, а сами решили оставаться до последнего… А потом оно шапкой черного дыма накрыло наши

пещеры и убило всех, кто не успел уйти.

— Наше поселение пришлось перенести на южные отроги Утгарда, — продолжил за него старейшина. — Мы никогда не подходили к людским поселениям так близко, поэтому выставили тут сторожевой пост, чтобы не подпускать никого к нашему последнему убежищу.

— Вы ведь Страж, верно? — снова взял в свои руки инициативу молодой Гримтурс. — Мы и не думали, что среди людей остались такие, как вы. Может, вы сможете нам помочь?

— Смогу, — задумчиво ответил Николас, — если пойму, о чем вы толкуете. Что за лихо вас одолело?

— Мы и сами не знаем. Никогда прежде с таким не сталкивались.

— Да, нет. В хрониках гор говорится, что темный дым приходил и раньше.

— Кевельгар, это тайное знание.

— Да кому нужны ваши тайны, если от Гримтурсов ничего не останется? — взбешенно вскричал великан.

Остальные трое потупились. Губы старейшины задрожали, как будто он искал и не мог найти ответ на горячие слова своего соплеменника.

— Я хронист, поэтому больше других знаю о том, что происходило в Утгарде в незапамятные времена. Хроники гор сохранили отрывочные сведения о войне богов, что чуть было не уничтожила весь наш мир много веков назад. Тогда-то лихо и выползало из Хельхейма в последний раз.

— И как его победили?

— Говорят, сам бог неба отдал свое бессмертие и жизнь, чтобы лихо покинуло наш край.

— Бог неба — это отец четырех ветров? — подозрительно поинтересовался Николас и прислушался к себе. Тангрум все так же молчал.

— Он самый. Покровитель всех гор Мидгарда, — охотно подтвердил хронист.

— А далеко до ваших пещер?

— Часа три ходу, если напрямик.

— Три часа туда, три — обратно, — начал считать вслух Николас. — К обеду я вряд ли управлюсь, хоть бы к вече успеть вернуться. Но с другой стороны, не хотелось бы упустить такой шанс… Ладно, ведите меня в свои пещеры.

Гримтурсы так и не сняли караул возле моста. Николасу с трудом удалось уговорить лесорубов переместиться на некоторое время на юго-восточное плато, где породы деревьев были куда менее ценными, чем на отрогах Утгарда. В страну гор с

Николасом отправились лишь двое великанов: хронист Кевельгар и старейшина. Гримтурсы шагали по заснеженным лапландским горам с удивительной скоростью. То расстояние, которое бы человек преодолевал несколько дней они покрывали всего за час. Сидеть у них за спиной, как заплечный мешок с пожитками, было не очень почетно, но привыкший за свое путешествие по Мидгарду к передвижению на самых неожиданных созданиях, Николас не воспринимал это, как унижение его достоинства. Чем глубже они заходили в Утгардские горы, тем холоднее становился воздух. Николас уже пожалел, что оделся так легко. Его согревала разве что рубашка из белых перьев, которую он всегда носил с собой после битвы в Ланжу.

Вход в пещерный город Гримтурсов находился у подножья горы Хольгорма, которая служила отметкой центральной точки Утгардского нагорья. От нее словно дыры в нормандском сыре, расходились подземные галереи, соединяя сотни, а может даже тысячи пещерных залов.

У входа в галерею, ведущую строго на север, они остановились. Николаса аж передернуло от ощущения чего-то враждебного, подобного тому, что он испытывал при встрече с Ловцами желаний в Дрисвятах и Ланжу.

— Все, дальше мы не пойдем, — хмуро сообщил старый Гримтурс.

— Страшно? — ухмыляясь спросил Николас.

— Страх — не порок, особенно когда ты видел, как умирают твои собратья, — ответил он с вызовом глядя Охотнику в глаз.

Николас пожал плечами. В такие моменты он обычно чувствовал себя дураком, которому больше всех надо. Ведь он даже не настоящий Страж. Единственные его обязательства перед компанией Норн. Так зачем же он всякий раз лезет на рожон? Но делать было нечего. Раз добрался досюда, придется зайти в пещеры и столкнуться лицом к лицу с таинственным лихом.

Николас зажег факел и, опасливо ступая по заледеневшему камню, пошел на встречу неведомому. Внутри слышался какой-то странный гул, как будто там кружился рой пчел. Отвлекшись на звук, он споткнулся об распластанное на полу тело. Гнилая плоть уже обнажила белые кости. Хорошо сохранились лишь седые волосы на обтянутом иссушенной кожей черепе. Николас наклонился к нему, силясь понять, от чего наступила смерть, но тут давящий на уши навязчивый жужжащий шум превратился в гомон тысяч голосов, эхом отдававшийся у него в висках. Вначале, чтобы разобрать слова, приходилось сильно напрягаться, но с каждым мгновением речь звучала все более четко.

"Чего ты желаешь?" — спрашивали одни. "Свободу?" —

предлагали вторые. "Богатство?", — вмешивались третьи. "Могущество?" — перебивали четвертые. "Покорись нам", — призывали пятые. "Отдай душу, стань частью нас", — хором пели шестые.

Из горла Охотника вырвался сдавленные хрип. Воздух будто пропитался свинцом и давил на грудь. Голова буквально раскалывалась на части. Николас положил руку на эфес меча. Клинок загорелся фиолетовым пламенем, затмевая свет от факела. Давящий на уши гул перекрыл один знакомый, хоть и не самый приятный голос.

"Нам предстоит битва, хозяин?"

"Пока не уверен".

"Эти твари нас без боя не отпустят".

"Ты их знаешь?"

"Конечно. Это Легион Теней, души тех, кто позарился на посулы Ловцов желаний. Они следуют за волей своих повелителей и питаются жизненными силами других созданий. Выедают их до последнего кусочка, как саранча, сметая все на пути".

"Но как мне их победить?".

"Никак. Это души. Победить можно только тело. Чтобы Легион исчез из этого мира нужно уничтожить Ловцов, которые им управляют".

"Гляди-ка, они вроде бы отступают".

Дышать стало заметно легче. Казалось, тьма бежала прочь от сияния небесного клинка.

"Вспомнили, видать, как мы с последним хозяином сражались против них во время Битвы Богов".

"Так может, мне удастся отогнать их подальше от пещер Гримтурсов?"

"Попробуй для начала хотя бы просто загнать их внутрь".

Николас снял меч с перевязи и выставил вперед. Каменная зала осветилась так ярко, что стало заметно, как черная дымка спешно отступает по узким каменным галереям вглубь горы. Тела убитых Гримтурсов встречались все чаще. Николас добрался до развилки и задумался.

"Да тут без разницы. Думай-не думай — результат один", — вклинился между его мыслями меч. — "Ты пойдешь на север, они побегут по западной галерее, на восток — вернутся обратно к выходу. Надо возвращаться. Одни мы тут не справимся. Слишком их много, да и мобильность в разы превышают нашу".

Охотник бросил последний взгляд на осторожно выглядывающие из прохода черные щупальца и повернул обратно. Он и так тут слишком задержался. Надо вернуться в

Упсалу до заката.

***

Разочарованные Гримтурсы проводили его до моста Биворн, откуда Николас направился прямиком домой. Вместо того, чтобы переодеться в парадный костюм для вечернего собрания, он лихорадочно потрошил свои сумки в поисках книги. За полтора года он хорошо запомнил все ее эстампы. На одном из них был изображен такой же черный туман, что он видел в горах. Наконец, Охотник нашел книгу и открыл ее на нужной странице. На эстампе люди с факелами гнали туман к открытой воде. Николас присмотрелся внимательней. А вдруг эти длинные палки на картинке вовсе не факелы? И свет от них исходил совсем не ласкового красно-желтого оттенка? Николас снова положил руку на эфес меча. Кажется, он придумал способ, как изгнать Легион из Утгарда.

Так и не успев переодеться, Николас со всех ног помчался к вересковым холмам на окраине города. Там его уже ждал давешний темноволосый мальчик. Правда, на этот раз он был гладко причесан и одет в длинную шубу, совсем не как городской босяк. Он степенно прошествовал к подножию самого большого холма, выставил вперед руку и распахнул невесть откуда появившуюся дверь. От входа крутая винтовая лестница вела прямо вниз через выбитый в горной породе туннель. Вскоре показался вход в большую, освещенную факелами залу. Вдоль стен полукругом располагались четырехъярусные трибуны. Они уже были полностью заняты высокими, бледными темноволосыми Дану. Десятки глаз с нескрываемой враждебностью уставились на Охотника.

Старший народ, как себя называли Дану, никогда не испытывал большой любви к людям. Положение усугубилось после того, как более плодовитая и живучая раса начала расширять ареал обитания на север, заставляя исконных жителей этих земель уходить все ближе к губительному Хельхейму. Дану были искусными воинами и колдунами, но дети у них рождались редко и полной зрелости достигали лишь к пятидесяти годам, поэтому не могли оказать достойное сопротивление превосходящим числом захватчикам с юга.

Человек, пусть даже очень сильно напоминавший Стражей, некогда служивших связующим звеном между людьми и прочими разумными расами, населяющими Мидгард, был для них врагом. Лишь по велению королевы Эйтайни, последней из древнего рода, они терпели его общество.

Сама королева стояла в середине окруженной трибунами сцены рядом с высоким стройным мужчиной. Его лицо можно

было назвать эталоном красоты, если бы не холодная надменность, сквозившая в малейших его движениях. "Верно, это и есть тот самый злокозненный Асгрим, муж королевы", — догадался Охотник.

Мальчик, до этого величаво выступавший перед Николасом, неожиданно сорвался с места, подбежал к матери и ухватился за подол ее платья. Асгрим недовольно поморщился. Видно, он считал, что его сыну не пристало цепляться за материнскую юбку. Королева ласково провела рукой по волосам ребенка и указала на место в первом ряду. Мальчик понимающе кивнул. Когда королева увидела Охотника, напряженное лицо тут же расслабилась. Королева подозвала его едва заметным жестом. Асгрим тоже повернулся к Николасу. Он окинул его с ног до головы оценивающим взглядом, задержался на его мече и презрительно ухмыльнулся. Если бы Николас не прожил полтора года в Дюарле, подобное отношение могло бы его задеть. Но теперь ему было все равно.

— Пожалуй, можно начинать. Я, королева Дану, Эйтайни Ульмигриэль, рада приветствовать представителей кланов северной Лапландии на всеобщей вече. Я собрала вас здесь сегодня, чтобы обсудить будущее нашего народа. Как вы, должно быть, знаете, на севере сейчас стало небезопасно. Нашим собратьям пришлось покинуть свои земли и искать приют в наших холмах.

По толпе прошелся недовольный ропот. Многие считали, что северяне просто решили посягнуть на чужие территории.

— Более того, людские поселения продолжают расширяться на север. Мы не можем дальше жить в той изоляции, в которой мы провели последние три века.

— Правильно, давно пора прищучить этих зарвавшихся светловолосых бородачей! — послышалось из нескольких мест сразу.

— Это наши земли! Выгоним отсюда захватчиков! — раздалось еще несколько возгласов.

Тихий голос Эйтайни потонул в шквале недовольных возгласов. Стоявший рядом с ней мужчина закатил глаза и подался вперед.

— Тишина в зале, когда с вами изволит говорить Королева! — перекрывая царивший в помещении шум, крикнул он.

Дану мгновенно успокоились и расселись по своим местам.

— Люди вовсе не так плохи, как вы о них думаете. Если бы мы попытались узнать их поближе, — продолжила свою речь королева, но тут ее снова перебили.

— Не хотим мы узнавать их поближе. Вы видели, кому они теперь поклоняются? Они сжигают собственных сородичей на кострах живьем! И после этого они смеют называть нас демонами?!

— Но мы смогли бы им помочь, поделиться своими знаниями. Мы могли бы продавать им пушнину, скот, самоцветы, что северяне добывают в горах Утгарда и покупать у них еду.

— Ваны[71] продают нам достаточно рыбы, чтобы прокормиться. Нам не нужны подачки от длиннобородых!

— Но нельзя же все время питаться одной рыбой. И наши дети, наши дети хотят играть под солнцем вместе с детьми людей, — попыталась найти хотя бы один стоящий аргумент королева.

— Это только ваш подменыш[72] хочет! — выкрикнул один особо ретивый Дану[73].

Бледное лицо Асгрима налилось краской, как спелое яблоко. Он одним прыжком оказался у трибун и схватил позволившего себе лишнего Дану за шиворот.

— А ну ка повтори, что ты сказал, — сквозь зубы прорычал муж королевы.

Дану вертел головой по сторонам в поисках поддержки, но все отводили взгляды.

— Я только выразил то, о чем здесь все думают, — упрямо ответил тот.

— Мой сын — не подменыш! — со всей силы дернул его за плечи Асгрим и начал душить.

Трое молодцов повисли на нем, пытаясь отодрать его от слишком дерзкого подданного. Эйтайни умоляюще посмотрела на Николаса. Тот выступил из тени и громко закашлялся.

— Они посмели притащить сюда человека? — прошел по трибунам недобрый шепоток.

— Мое имя Николя дю Комрой. Я являюсь уполномоченным лицом компании Норн в Лапладии для разрешения споров между людьми и прочими разумными существами. Сегодня я пришел сюда в качестве парламентера, чтобы мы могли обсудить совместное будущее наших народов.

Асгрим продолжал выкручиваться из рук пытавшихся его усмирить сородичей. Все остальные оценивающе глядели на Николаса: съесть прямо сейчас или погодить чуть-чуть.

— Мы не ведем переговоров с людьми на нашей вече, — поднимаясь со своего места, сказал ему один из старейшин. — Тебе должно быть это известно, о светлейшая!

Эйтайни бросила на Охотника непонимающий взгляд. Они же условились, что он назовется Стражем.

— Зато люди ведут. Мы живем на одной земле, питаемся одними и теми же ее дарами. Мы одинаково чувствуем холод и голод, горе и несчастье. И беды у нас тоже общие. То, с чем не смогли справиться мы сегодня, нападет на вас завтра. Чтобы выстоять в этой борьбе мы должны быть едины.

— Единственный, кто на нас нападает — это вы, люди.

— Это ложь, — спокойно ответил Николас. — Спросите у своих сородичей, от чего они бежали?

Все взгляды обратились на сиротливо жавшихся в углу северян.

— Разве люди выгнали вас из поселений в Утгарде?

— Да что с этих трусов взять? — крикнул кто-то из толпы.

Северяне сдвинули свои ряды еще плотнее, но тут, расталкивая своих сородичей, вперед вышел невысокий совсем еще юный Дану. Однако его лицо уже успело украсить пару глубоких шрамов.

— Мы — не трусы, — разгневано крикнул он. — Я Бельгейн, последний выживший из Хельхеймского караула. Это я принял решения оставить наши поселения на севере. Я видел полчища чудовищ, порождаемых червоточиной. Я укрощал диких Ненниров на плато Эбергус в южном Утгарде, я сражался со стаями свирепых варгов в Дрогольском ущелье. Я видел, как сотнями умирают мои братья. И после этого вы смеете обвинять меня в трусости? Где были ваши смельчаки, когда тень накрыла наши земли? Почему вы не ответили на нашу мольбу о помощи? Почему не вступились, когда наши воины погибали один за одним в битве с неведомым врагом?

На этот раз потупились южане. Однако старики продолжали взирать на юного воина с неодобрением.

— Мы жили на границе и защищали вас все это время, пока вы беззаботно почивали на лаврах. Где же ваша благодарность теперь, когда у нас больше не осталось сил огрызаться на атаки врагов? Тень накрыла Утгард не за один день. Мы вас предупреждали. Мы просили вас о помощи, но так и не дождались ее. Нам пришлось сражаться в одиночку. И мы проиграли. Тем, кто выжил, пришлось оставить свои земли и бежать. А вы, вы приняли нас, как бродячих псов, достойных лишь презрения.

Несколько северян попытались его утихомирить, но это оказалась не так-то просто.

— А как вы предлагали нам поступить? — поинтересовался все тот же старейшина. — В ваших посланиях не говорилось ничего определенного. Безотчетный страх, бесплотные голоса, черные щупальца, иссушающие плоть и отбирающие души. Это

было больше похоже на бред перебравших эля длиннобородых, чем на речи бесстрашных воинов-Дану. Мы и сейчас ни за что не поверим, что ваш таинственный враг действительно существует.

Глаза Бельгейна полыхнули от гнева. Он резко дернулся вперед, повалив на пол сдерживающих его молодцов, и направился к старейшине.

— Ну и зря, — нарочито громко заметил Николас. Кажется, ему удалось отвлечь склочных обитателей холмов от драки. — Зря не верите. Враг действительно существует. И если мы сейчас ничего не предпримем, то вполне вероятно, что завтра вы окажитесь в такой же ситуации, как и ваши сородичи с севера. Только бежать будет уже некуда.

— Откуда тебе об этом знать? — спокойно спросил старейшина.

— Сегодня я был в ледяных пещерах Гримтурсов. Тень добралась и до туда. Не верите — можете отправить гонцов к южным отрогам Утгарда. Теперь великаны живут там.

— Кем ты себя возомнил, что можешь без страха общаться с нами и даже с Гримтурсами? Уж не Стражем ли? — с насмешкой сказал старейшина. Эйтайни бросила на Охотника еще один вопросительный взгляд.

— Я уже говорил, я представитель компании Норн. Компания Норн — это сообщество людей с необычными способностями. Мы принимаем в свои ряды всех, даже тех, кто никогда бы не смог пройти "последнее испытание" Стражей. Я, как старший офицер, был назначен в Лапландию решать дела подпадающих под интересы компании людей. Так же в мою компетенцию входит решение споров между людьми и прочими народами. Теперь вас удовлетворяет мое объяснение?

— Так все-таки Страж? — намного более почтительным тоном спросил старейшина, но, не дождавшись ответа, продолжил: — Даже если предположить, я сказал только предположить, что ваш мифический враг существует, то мы все равно не знаем, как с ним бороться. Или вы предлагаете отправить всех наших воинов в горы на верную гибель и оставить холмы без защиты?

— Бороться с этим врагом я вам не предлагаю. Это гм… бесполезно. Зато его можно припугнуть.

— Припугнуть тень? — удивился Бельгейн. — Но у нее нет разума.

— Ошибаешься. Разум или, по крайней мере, память у нее есть.

Николас достал из ножен свой меч. Увидев исходившее от клинка свечение, весь зал ахнул.

— Колдовство? — спросил старейшина у Эйтайни.

Королева подошла поближе и протянула руку к клинку, но тут же отдернула ее, ясно ощутив исходившую от древнего оружия волну враждебности.

— Колдовство, — задумчиво сказала она. — Только не наше.

— Госпожа Эйтайни, вы сможете сделать так, чтобы оружие ваших воинов светилось так же? Сегодня я имел возможность убедиться, что Легион теней, то, с чем столкнулись ваши сородичи с севера, реагирует на это оружие. Возможно, он сталкивался с ним в прошлом. Мне кажется, что, использовав его силу, мы сможем обратить тень в бегство. Но боюсь, что одного меня будет мало. Понадобится ваша помощь, моя королева. Способны ли ваши чары заставить светиться сталь других мечей таким же светом?

— Думаю, да. Асгрим? — Дану все это время сдерживавшие ее мужа, покорно отпустили его.

Он вернулся к королеве, мрачно оглядываясь по сторонам. Эйтайни взяла его меч, сделал несколько пасов и от него тоже начал исходить тусклый фиолетовый свет.

— Тогда все, что от вас требуется — это пол сотни воинов для похода на дальний север, — заключил Николас. — Это займет месяц, максимум два.

— Вы хотите оставить холмы беззащитными на два месяца? — старейшина оставался непреклонен. — О, светлейшая, даже ради вас мы не сможем позволить себе ввязываться в подобную авантюру. Что, если это ловушка и пока наши воины будут на севере, длиннобородые нападут на нас?

— Длиннобородые не нападут на вас по одной простой причине, — Николас сделал паузу, чтобы придать словам особую значимость. — Они пойдут на север вместе с вами.

Повисло тяжелое молчание. Дану явно не знали, что хуже: оставить свои дома незащищенными или пойти в поход вместе с лютыми врагами.

— Успех моего плана напрямую зависит от нашего числа, — пояснил Охотник.

— Хорошо, но для такого длительного похода нам понадобятся лошади. Где мы их возьмем? — нарушил тишину Бельгейн, которому явно претило занимать чужой дом из милости своих сородичей.

— Лошадей я тоже возьму на себя, — ответил Николас.

— Если у вас нет других возражений, тогда дело можно считать решенным. Мы отправляемся в поход вместе с людьми, — объявила Эйтайни.

— Но светлейшая, так же нельзя… Они же… — начал было

старейшина, но глядя на то, как легко Охотнику удалось завоевать расположение северян и королевской четы махнул рукой. Да еще этот меч…Он напоминал ему о чем-то из древнейших легенд, что рассказывали старики, когда он сам был ребенком. Сути тех историй он, конечно, не знал, но хорошо понимал одно — это предзнаменование. Скоро все изменится. Но к лучшему ли? Этого не дано было знать даже древним пророкам.

Едва встало солнце, как Николас направился на лошадиный выгон за городом. Бургомистр был уже там. Наблюдал за тем, как седлают и готовят к работе его коней.

— Что там за проблема с лесорубами? — поинтересовался Гарольд, внимательно разглядывая следовавшего за Охотником юнца.

— Я как раз шел поговорить об этом. Но в начале… этот смельчак хотел бы попробовать объездить вашего Неннира.

Гарольд с сомнением посмотрел на невысокого хрупкого на вид мальчишку.

— Пусть пробует, — безразлично пожал он плечами.

Юнец взял узду и подошел к серому коню, от которого другие наездники старались держаться дальше. Жеребец оскалил клыкастую морду и плотоядно клацнул зубами по куртке смельчака. Тот ловко увернулся и стукнул его кулаком по необъятному пузу. Конь испуганно выпучил глаза. Обычно чтобы отвадить назойливых людишек ему хватало одной демонстрации. Но на этом вредное животное не сдалось, а попыталось отбить по мальчишке задним копытом, но снова мимо. Юнец резко ушел в бок и ударил по брюху ногой. Конь начал злобно надувать ноздри. Наездник поднес к его голове узду, но тот задрал морду так высоко, что достать ее не было никакой возможности. Мальчишка отвязал повод, перекинул его через шею и с помощью него притянул морду к низу, ухватился одной рукой за храп, а второй нажал на край рта, где не было зубов, заставляя чудовище открыть пасть, чтобы просунуть туда удила. Надев уздечку, наездник шепнул коню на ухо одно слово и ловким движением запрыгнул на спину без седла, потом снова что-то сказал. Жеребец таращил глаза, орошал свою могучую грудь слюной, беспорядочно топал ногами, но сбрасывать всадника не смел, как будто его заколдовали. Бельгейн, а это был именно он, проехал пару кругов галопом, чтобы животное "выпустило пар", а потом перешел на шаг, очень аккуратный и ровный, словно конь уже десять лет под седлом ходил.

— Ловкий малый, — присвистнул бургомистр. — Так что там с мостом?

— Беда, мастер Гарольд, я там один не справлюсь.

— Тролли? Там их много?

— Это не тролли и дело даже не в них, а в том, что идет за ними следом. Легион Теней. Он уже накрыл половину Утгарда, уничтожая все живое на своем пути. И если мы ничего не предпримем, то через шесть месяцев нас может постичь та же участь.

— Легион Теней? Извечная тьма из сердца самого Хельхейма пришла в движение? — нахмурился бургомистр. Видно, до него тоже доходили слухи о том, что на севере творится что-то неладное. — Но что нам делать, если даже ты не знаешь, как справиться с этой напастью? Неужели придется снова посылать в Дюарль за помощью? Боюсь, на этот раз они точно не успеют, тем более…

— Я знаю способ, но понадобиться ваша помощь. Выделите мне сотню коней и полсотни мужиков покрепче, и мы загоним этих тварей обратно в Хельхейм.

— Это весь мой табун.

— Я прослежу, чтобы ваши лошади вернулись целыми и невредимыми. Только сбор надо объявить сейчас же. Нельзя терять ни минуты.

— Но ты хочешь оставить город без защиты? — бургомистр слово в слово повторил сказанное старейшиной Дану. — А вдруг во время вашего отсутствия на нас эти… из холмов нападут.

— Не нападут, — тяжело вздохнул Николас. Ему уже порядком надоело всех уговаривать.

— Откуда такая уверенность? — продолжал сомневаться Гарольд.

— Потому что они пойдут с нами, — коротко ответил Охотник

— Что? — глаза бургомистра потешно выпучились.

— Я уже обо всем условился. Это общий враг. Чтобы победить его, мы должны выступить единым фронтом, — сделал последнюю попытку убедить его Николас.

— Но они… они хоть верхом ездить умеют? — скептически хмыкнул Гарольд.

Николас кивнул в сторону Неннира, который послушно поворачивал на рыси и даже пытался немного согнуться в шее.

— Это д… Да ты что, — не поверил ему бургомистр. — Я думал, они зеленые и клыкастые.

— Это тролли, — поправил Николас.

— Ах, ну да. А по-другому никак?

— Никак, мастер Гарольд.

— И если я откажусь…

— То у меня не останется другого выбора, как написать обо

всем в своем отчете для компании. И о Неннире тоже, — последние слова были сказаны таким спокойным тоном, что бургомистру стало не по себе. Гарольду ничего больше не оставалось, кроме как положиться на план Николаса.

— Ну что ж, ты взял меня за жабры, мой мальчик. Снова.

***

В поход выступили быстро. Уже на следующий день были собраны необходимые припасы в дорогу, теплая одежда, поседланы все сто голов из табуна Гарольда, которых он собирался продать по осени в Нормандию. По началу люди и Дану смотрели друг на друга с подозрением. Но когда к ним присоединиться ледяные великаны Гримтурсы, взявшиеся показать им лошадиную тропу до собственных пещер, и те и другие поняли, что разница между ними не так уж велика.

Как и предполагал Николас, лошади не могли двигаться по глубокому снегу и крутым скалистым склонам так же быстро, как горные великаны. Пришлось ехать в обход. На преодоление того расстояния, на которое жители пещер тратили четыре-пять часов, лошадям потребовалась почти неделя.

Когда они добрались до места, сотканные из темного тумана щупальца уже вылезали из пещер. Шепот бесплотных голосов был слышен на привале в дне пути от пещер. Поэтому прежде, чем совершить последний переход, Николас заставил свое воинство заткнуть себе уши и спешиться.

Но через пару часов выяснилось, что эта мера не возымела успеха. Поняв, что слова не достигают их слуха, неприятель начал атаковать разум. Теперь голоса гулким набатным боем звенели прямо в голове, заставляя мысли путаться. Несколько человек и Дану в переднем ряду не выдержали и с остекленевшими взглядами рванулись вперед. Николас вместе с Бельгейном едва успели догнать их и отбросить назад, предварительно хорошо встряхнув, чтобы выбить из них всю дурь.

Ждать долее было опасно. Охотник подал команду доставать мечи. Заговоренная королевой Эйтайни сталь ярко сияла на фоне искристого белого снега. Голоса, осаждавшие разум, захлебнулись леденящим воплем ужаса и начали отступать. Клещи, стянувшие голову, медленно, со скрипом отпускали. Но Николас не поддался на первый порыв броситься вперед и обратить неприятеля в бегство. Что-то подсказывало ему, что так просто с этим древним, практически неуязвимым неприятелем им не справиться.

В пещеры он взял с собой два десятка людей и Дану, которые за время путешествия проявили себя самыми стойкими и надежными. Получив от Гримтурсов подробное описание всех

туннелей, они выступили вперед, направив в каждый коридор по паре воинов. Оставаться наедине с врагом, умевшим воздействовать на разум, никому не хотелось.

За полдня им удалось оттеснить тень к противоположной стороне горы, где ее уже ждала оставшаяся часть воинов. Соединившись с теми, кто преследовал тень в пещерах, они погнали неприятеля дальше на север.

Путь через Утгард к Ледовитому Океану, что отделял Мидгард от Хельхейма, был долог и полон опасностей. Несколько раз их чуть не накрыло сходившими с гор лавинами. Во время буранов, приходилось прятаться в узких ложбинах, прислушиваясь к завыванию ветра, кружившего в воздухе хлопья колючего снега. Когда они вышли на плато, вдалеке показался табун диких Неннировв, но они поспешили уйти к востоку, не желая встречаться с превосходящим по численности конным воинством.

На северных отрогах все чаще попадались следы огромных лап. Здесь водились свирепые йети, но либо эти снежные создания тоже пострадали от великой тени, либо попросту не желали показываться на глаза.

На исходе месяца перед войском забрезжил покрытый толстой коркой льда океан. Изможденные долгой дорогой кони неуклюже ступали по скользкой поверхности. Они прошли не больше двух-трех верст[74], пока лед не начал трескаться под конскими копытами. Еще версту пешком они уводили тень прочь от Мидгарда, пока теплое подводное течение не истончило лед настолько, что дальше двигаться стало невозможно. Тогда Николас велел воинству поворачивать, а сам остался ждать у кромки тающего льда.

Как только преследователи скрылись из вида, тень начала возвращаться, медленно протягивая губительные щупальца к одинокой фигуре, выделявшейся на фоне алого закатного небосвода. Голоса уже не взывали к нему — поняли, что это бесполезно. Вытянувшись в острые пики тени рванулись к Охотнику, желая пронзить тело того, кто посмел встать у них на пути.

Фиолетовый клинок со свистом рассек воздух, обрубая те щупальца, которые посмели подойти слишком близко. Легион взревел, удостоверившись, что это именно то оружие, которого они так сильно страшились. За этим последовала новая атака, гораздо более стремительная и жестокая. Тени окружали его с нескольких сторон. Николас вновь ощутил, как его телом овладевает неведомая сила. Все мышцы разом напряглись, заставляя его двигаться на грани возможностей человека, так

быстро, словно он стал эманацией ветра, бушующей, безудержной. Дикая пляска с тенями продолжалась несколько часов, пока враг не дрогнул, свернулся клубком и уполз обратно в свои норы в краю вечной мерзлоты.

Николас смутно помнил, как в одиночестве нагонял свое воинство, как упал с коня в изнеможении и потерял сознание. Обратно в Упсалу его принесли Гримтурсы. Очнулся Охотник уже дома в теплой постели.

— Нельзя себя так загонять, — посетовал Элаборг, подавая ему чашку с горячим травяным настоем.

— Тень остановилась? — выдавил из себя Николас, жадно приникая губами к напитку. Его мучила нестерпимая жажда.

— Великаны, те, что принесли вас сюда, сказали, что выставили посты на берегу Ледовитого океана. Если заметят какое-то движение со стороны Хельхейма, то мы узнаем об этом через несколько дней.

— Хорошо, когда вернутся все остальные?

— Две недели, может, три. Гримтурсы повели их в обход Утгарда. Там лошади смогут двигаться быстрее. Не переживайте. Вам сейчас надо отдыхать.

Он закрыл глаза, опустился обратно на подушку и вскоре снова провалился в сон.

Через пару дней он, наконец, оклемался и встал на ноги. Долго разлеживаться в кровати не позволял ни характер, ни вороной конь, каждый день, дежуривший у его окна.

Харысай сильно осерчал из-за того, что даже по возвращении домой у хозяина не хватало на него времени. Полтора месяца тягостного ожидания сделали его нрав совершенно невыносимым. Жеребец носился козлами по двору, раскидывал пуки старательного заготовленного для него же сена, ломал забор беспощадно лупцуя его ногами. Николас выловил коня во дворе, когда он обгладывал какое-то хвойное дерево.

Охотник натянул на длинные уши узду коня, укрыл спину толстым одеялом, наверх кинул войлочную подушку и приладил седло. Тугая подпруга пришлась Харысаю не по вкусу. Он недовольно прижимал уши и пихался мордой, пока Николас затягивал ее потуже.

Сразу садиться в седло Николас не захотел. Решил обождать, пока вернется из похода Бельгейн. Глядя на то, как Харысай, закусив удила начал пытаться таскать его за собой по всему двору, Охотник уверился в правильности своего решения. Пару советов от укротителя зловредных демонов ему бы явно не помешали.

Через пару дней тулпар немного успокоился и начал слушать

хотя бы то, что говорил ему Николас. Команды, подаваемые от повода и от давления на бока, доходили до Харысая туго, хотя в Дюарле Николас видал и более тяжелые случаи.

Как и предсказывал Эглаборг, воинство вернулась с севера через восемнадцать дней со счастливым известием, что никаких следов тени на берегу Ледовитого океана больше видно не было. Тягости пути сильно сплотили враждовавшие до того народы. Вечером в городе устроили большой праздник в честь освободителей. Крепкий эль с охотой наливали как длиннобородым лапландцам, так и долговязым темноволосым дроу.

На следующий день Николас показал своего тулпара Бельгейну.

— Э, нет, — задумчиво протянул Дану. — Я на него не сяду.

— Почему? Он ведь не злой. Шебутной, конечно, немного, но я видал и более горячих. Неужели он хуже Неннира?

— Не в этом дело. Неннир — животное, хоть и демонического происхождения. Мои предки ловили и дрессировали их в течение многих веков. Я знаю все их повадки, любую пакость предсказать могу. Но этот… не конь это вовсе. Не возьмет он меня к себе на спину. Он, как твой меч. Тебе — верный друг, а другим и за рукоятку взять страшно. Хочешь его укротить — полезай сам. Может, тебе он покорится.

— Ну, хоть сесть поможешь?

Бельгейн кивнул и придержал коня, пока Николас медленно и аккуратно переносил вес тела на спину коня. Харысай вытерпел посадку в седло на удивление спокойно и послушно начала шагать вокруг державшего его за веревку Дану.

— Я попробую рысь.

Конь, неспешно перебирая ногами, перешел на более быстрый аллюр. Движения у тулпара были легкими, гибкими, тряски почти не ощущалось, как и скорости. А конь меж тем набирал и набирал темп, пока не пошел галопом. Бельгейн начал мелодично посвистывать, пытаясь успокоить разгорячившееся животное. Вдруг его глаза поползли на лоб:

— Демоны, не могу удержать, — крикнул он, пытаясь забрать веревку на себя. — Ой-ей, держись, сейчас плохо будет.

Николаса ощутимо тряхнуло вперед и он вывалился тулпару на шею. Харысай резко оттолкнулся от земли задними ногам и вихрем взмыл в небо, помогая себе невесть откуда взявшимися исполинскими крыльями.

От мощного рывка Дану упал на землю и выпустил край веревки.

— Что ты творишь?! — закричал Николас

— Тебя проверяю, — ехидно ответил жеребец, закладывай крутой вираж в воздухе.

Николас едва не сорвался, но потом все же сполз на спину, обняв ногами крутые конские бока.

— Прежде, чем покориться тебе, тулпар должен проверить, достоин ли ты того, чтобы он носил тебя на своей спине, — своевременно сообщил ему Харысай.

— Ты что, прошел пол Мидгарда, чтобы меня угробить?

— Почему сразу угробить? Ты же настоящий батыр[75]. Я это знаю, и ты это знаешь. Поэтому провала и быть не может, — воодушевил его крылатый конь. — Держись крепче, я спускаюсь.

Он пошел вниз так резко, что у Николаса заложило уши. Дух напрочь вышибло из легких. В висках застучала кровь. Охотник благодарил всех известных ему богов и духов за то, что с недавних пор всегда носил под одеждой рубаху из перьев. Сейчас только она могла спасти его от падения.

Тулпар таскал Николаса по безоблачному зимнему небу около часа, то поднимаясь так высоко, что от ледяного холода становилось больно дышать, то опускаясь так низко, что Охотнику казалось, что они разобьются о землю, то поворачивая так круто, что он едва не переворачивался под самое лошадиное пузо. Налетавшись вдоволь, тулпар спустился на землю и сложил свои крылья. Теперь никто бы и мысли допустить не смог, что они у него когда-то были. Николас спрыгнул на землю. Ноги гудели от перенапряжения.

Харысай тяжело дышал, широко раздувая тонкие ноздри. Охотник отвязал от узды веревку, ослабил подпругу и потащил его за собой. Шагать пришлось долго, прежде чем коню удалось восстановить дыхание. Он явно еще не привык к таким нагрузкам.

Побродив немного по лесу, они вышли на высокий утес на берегу Западного моря. Николас устроился на краю обрыва, подложив под себя полу длинной соболиной шубы. Погода стояла тихая и безветренная. Заходящее солнце оставляло на воде желто-красную дорожку. Где-то там за горизонтом лежал его родной остров. Так близко и так недостижимо далеко.

Харысай сел по собачьи на задние ноги рядом с хозяином и так же молча уставился в пустоту.

— Ты скучаешь по дому? — неожиданно спросил Николас.

— Иногда, — тихо ответил тулпар. — Но там не осталось никого, кто был мне дорог. Только место. Отец умер, милостивый хан Саргал тоже. Теперь ты мой хозяин, а значит мой дом рядом с тобой, хоть он и не похож на тот, где я родился и вырос.

Он поглядел в грустные далекие глаза Николаса и добавил:

— Знаешь, ведь снег — это тот же песок, только мягкий и

холодный.

Охотник улыбнулся и ласково похлопал коня по шее.

Тайна 10. Око Бури

1575 г. от заселения Мидгарда. Лапландия. Упсала

Зима пришла в Лапландию поздно в этом году. Приближался Йольтайд[76], а снежные сугробы за Упсалой едва доходили до колена. Дни стояли теплые, ясные и лишь ночью мороз крепчал. Табун Ненниров переместился на восточное плато Утгарда, совсем рядом с Упсалой. Рыба в поисках лучшей доли ушла далеко от берега на юг. В остальном все было спокойно. Даже слишком. Как будто наступило короткое затишье перед бурей.

В преддверии Йольтайда дни стали совсем короткими, а ночи наступали так быстро, что человеческий глаз едва успевал заметить, как закатывалось за горизонт холодное зимнее солнце. Тогда горожане расходились по домам укладывать детей и рассказывать им чудесные в своей жуткой красоте сказки севера. Огоньки в окнах потухали один за другим, пока милосердная тьма не опускалась на город.

Было уже глубоко за полночь. Город спал. Лишь в одном доме на отшибе горел свет. Дрова тихонько трещали в камине. Возле поленницы валялось несколько скомканных листов бумаги. Николас сидел за столом у огня и сосредоточенно выводил пером один и тот же рисунок, оценивал его как неудачный и кидал в сторону камина, нисколько не заботясь, попадет ли он в камин. Николас давно уже оставил бесплотные попытки сделать этот рисунок с помощью телекинеза. Казалось, что даже руки не хотели ему повиноваться и отображать на бумаге то, что он хотел видеть.

Желая расправиться с очередным своим творением, он уже занес руку, чтобы скомкать лист, как вдруг раздался громкий стук. Николас поднялся со стула и подошел к окну. На подоконнике сидел белый почтовый голубь и долбил клювом стекло, привлекая внимание хозяев. Охотник распахнул ставни, впуская в дом морозный воздух с улицы, и снял привязанный к ноге птицы футляр с письмом.

В этот момент в комнату вышел заспанный целитель. Приоткрыв один глаз, он недовольно покосился на своего хозяина:

— Мастер Николас, у вас что, снова бессонница? Может, отвар белладонны, а?

Охотник не стал отвечать, слишком занятый своими мыслями. Он сорвал с футляра сургучную печать компании Норн и развернул бумагу. Глаза заскользили по неровным строчкам.

— Мастер Николас, что с вами?

— То же, что и всегда, Эглаборг. По дому тоскую, — ответил Охотник, не отрываясь от письма. — Может, попробовать нанять корабль до Леннокса и оттуда лесными дорогами пробраться к Озерному краю… Хоть одним глазком взглянуть на их могилы.

— Мастер Николас, вас же схватят, — Эглаборг безнадежно махнул рукой и подошел к столу.

На нем лежал неописуемой красоты портрет. Рисунок был выполнен настолько искусно, что казалось, изображенная на нем девочка вот-вот должна сойти с бумаги и устроиться возле камина рядом с Охотником. Эглаборг перевел взгляд на раскиданные по полу листы.

— Может, вам действительно стоит отдохнуть. Съездить куда-нибудь, не на Авалор, конечно, а, например, в Веломовию, — задумчиво спросил целитель.

— Зачем? — рассеяно переспросил Охотник.

— Хотя бы для того, чтоб избавиться от этого наваждения, — Эглаборг поднял со стола его рисунок.

Николас оторвался от письма, отобрал у него свою работу и положил на окно сохнуть.

— Десять лет уже прошло, Эглаборг. Она меня и не вспомнит. Сколько ей сейчас? Восемнадцать? Наверное, давно уже замуж вышла, семьей обзавелась… — Николас отвернулся к окну, пряча от друга лихорадочно блестевшие глаза.

Но тот и так все понял, встал рядом и по-отечески положил руку ему на плечо:

— Вот поезжайте и сами все увидите.

— Сейчас не могу, — Николас помахал письмом. — Через пару дней должны приехать ученики с востока. Надо будет оценить их последнее испытание.

— Опять будете злобствовать? — усмехнулся целитель.

Год назад Николаса торжественно повысили в звании. Теперь он проверял учеников других офицеров перед выпуском. В отличие от самого обучения эта обязанность очень тяготила Охотника. Что бы ни делали другие наставники для своих учеников, как бы они ни работали с ними, Николасу всегда казалось, что можно устроить все по-другому, намного лучше и действенней, что новобранцы не полностью выкладывают свой потенциал, а учителя и сами до конца их не понимают. Из-за этого Николас часто оставлял их на неделю-две у себя, чтобы суметь хоть что-то изменить. Надо ли говорить, что за это он не пользовался большой популярностью у наставников, которые считали его заносчивым щенком, стремившимся во что бы то ни стало доказать всему миру свою исключительность.

Охотник внимательно посмотрел на Эглаборга. Напряженная морщинка, залегшая глубоко над бровями, расслабилась. Губы растянулись в добрую улыбку.

— Пожалуй, что и нет. Поставлю всем высокие оценки. Мне что, жалко? Зачем я только на этих неблагодарных столько времени и сил трачу?

— В самом деле, зачем?

— И в Веломовию я обязательно съезжу.

— Правильно, мастер Николас.

— Но не для того, чтобы искать встречи с ней.

— Ну уж, конечно.

— Эглаборг.

— Что?

— Давай свою белладонну. Попытаюсь заснуть.

Целитель охотно кивнул, взял с камина накрытую тканью деревянную чашку и подал ее Николасу. От отвара шел приятный терпкий запах. Он дурманил голову не хуже, чем сам напиток. Пару глотков и покрасневшие от усталости глаза сами начали слипаться. Николас спрятал рисунок в альбом и улегся спать.

Пробуждение его было не из приятных. По дому разносился мерзкий смердящий запах. Желудок болезненно скрутило. Подавив в себе рвотные позывы, Охотник встал с кровати, накинул на плечи халат и спустился в гостиную. Там пахло еще хуже.

— Что случилось, Эглаборг? — позвал Николас.

Он заглянул на кухню, прикрывая нос рукавом, так как от царившего там смрада дышать было вообще невозможно.

— Перекупщик из порта, скотина такая демонами не добитая, продал нам тухлую рыбу, — послышался из-за двери голос целителя.

— Зачем ты у него вообще что-то покупаешь? — спросил Николас, раскрывая настежь двери и окна. — Все ведь знают, что он несвежее продает.

— А что вы предлагаете? Рыбаки уж три недели, как без улова сидят. Только у перекупщика какой-то товар в загашнике остался.

— Только уж очень несъедобный этот товар. Терпеть не могу тех, кто наживается на чужом несчастии.

— Ну, так пойдите и скажите это ему, а не мне, — огрызнулся целитель. — А я пока тут все проветрю.

Николас не стал спорить. На улице уже вовсю светило яркое зимнее солнце. Девственно чистое небо узкой полоской на горизонте сливалось с безмятежным будто выутюженным прачкой морем. Морозный воздух приятно щекотал легкие. Запахнувшись

в овчинный тулуп, Николас зашагал по направлению к городу.

Для начала он решил заглянуть в булочную, чтобы хоть как-то позавтракать. Там, несмотря на ранний час, уже собралась толпа народу. Было заметно, что отсутствие съедобной рыбы плохо сказалось не только на хозяйстве Охотника. Среди толпы Николас увидел и самого бургомистра. Тот выслушивал доклад своего расторопного помощника:

— Охотники уже начали поднимать цены на свое мясо. Если рыбный промысел не возобновится в ближайшее время, то придется резать домашний скот, чтобы пережить зиму, а это, безусловно, повлечет за собой большие убытки, как для каждой семьи в отдельности, так и для всего города.

— Придется занимать денег в Готланде, — хмуро заключил Гарольд.

— Но их ростовщики сдерут с нас три шкуры, и в результате все равно будет голод, — возразил помощник.

Бургомистр тяжело вздохнул и повернулся к двери булочной лавки. Оттуда как раз выходил Николас с двумя буханками хлеба в руках и ватрушкой во рту.

— Мастер дю Комрой, вы-то мне и нужны, — хлопнул его по спине бургомистр.

Охотник поперхнулся и ватрушка выпала изо рта. Он недовольно закряхтел, переложил хлеба в одну руку и наклонился за своим ускользающим завтраком.

— У нас пропала вся рыба, — сообщил ему бургомистр.

— Я заметил, — Николас потряс в его сторону промокшей от снега булкой.

— Рыбаки возвращаются с пустыми сетями, на удочку тоже ничего не клюет. Даже на мелководье мальков не видно. Я думаю, это по вашей части, а господин офицер?

— Ну, может, рыба ушла на нерест? — сделал предположение Охотник.

— Нерест зимой? — переспросил Гарольд.

— Время года перепутали.

— И холод не почувствовали?

Николас пожал плечами.

— Рыба нерестится каждый год, но никогда такого не было, чтобы она вся куда-то пропала.

Охотник откусил кусок ватрушки и поморщился. Мокрая булка — не самое изысканное блюдо, что он пробовал на завтрак.

— Хорошо, я посмотрю, что можно сделать, — быстро сдался Николас.

Мимо шумной стайкой пробегали городские мальчишки.

— Лейв! — выловил бургомистр из толпы своего младшего

сына. — Отнеси матери хлеб, а то дома есть совсем нечего.

Мальчик недовольно обернулся к своему товарищу и что-то кротко шепнул на ухо.

— Эйсмунд, — подозвал второго мальчика Николас. Тот разочаровано развел руками перед сыном бургомистра и подошел к Охотнику. — Держи, один занесешь ко мне, второй отдашь матери.

С этими словами он передал Дану две буханки хлеба. Мальчишки недовольно покривились, водрузили всю снедь на салазки и дружно потащили их в сторону видневшихся за городом холмов.

Гарольд вместе с помощником ушел в сторону ратуши, а Николас, освободившись от покупок, направился на рыночную площадь. Найти перекупщика рыбы не составило большого труда из-за сильного запаха. Другие лавочники старались держаться от него подальше, чтобы и их товар не пропах тухлятиной. Тем не менее, наиболее отчаянные горожане не брезговали даже этой вонючей рыбой. Николас терпеливо дождался очереди, чтобы высказать свою претензию.

— Вы продали мне тухлую рыбу, — сухо констатировал он, указывая на выложенный на снегу товар.

— Не покупайте, если не нравится, — безразлично ответил торгаш.

— У кого вы только ее закупаете, такую вонючую? — пожаловалась стоявшая рядом лавочница.

— Известно у кого, у капитана Мейдоголды. Он со своими моряками последний видел рыбу в водах Упсалы, — ответил спекулянт. — Проходите, если не собираетесь ничего брать.

Николас еще раз взглянул на товар, с боков которого уже начали отходить темные чешуйки. Желудок издал жалобный урчащий звук, не в силах больше выносить исходившей от рыбы вони.

***

Порт обезлюдел. Рыбаки, отчаявшись получить хоть какой-то улов в прибрежных водах, сидели по домам, судорожно пытаясь придумать, за какую работу им взяться, чтобы заплатить хотя бы за хлеб. Даже пассажирские суда стояли без дела у пристани.

Мейдоголда оказалась довольно большим кораблем с тремя высокими мачтами и большими белоснежными парусами. На носу красовалась выкрашенная в белый цвет фигура дельфина. Не успел Охотник преодолеть последнюю сотню шагов до судна, как его окликнул мелодичный женский голос.

— Ваше величество, — почтительно поздоровался он с королевой Дану. — Куда вы направляетесь?

— Домой. Вот удалось достать немного рыбы на обед, — грустно вздохнула Эйтайни и показала ему двух совсем мелких, но, тем не менее, еще живых рыбешек.

— Где это видано, чтоб сама королева Дану ходила на базар за рыбой? — шутливо спросил Николас.

— В тяжелые времена и не такое увидишь, — пожала плечами Эйтайни. — И я ходила не на базар, а навестить друга.

— Везучего друга, как я погляжу. Говорят, что рыба в водах Лапландии перевелась. Неужели ее нет даже у ванов? — аккуратно начал допытываться Николас.

— Рыбы неразрывно связаны с водной стихией. Они гораздо более чувствительны к капризам природы, чем мы, жители земли, — задумчиво ответила Дану.

— Вы думаете, рыбы, как ясновидящие, способны предчувствовать надвигающуюся беду?

— Не знаю, это лишь мои догадки, — неопределенно ответила Эйтайни.

— Но вы ведь знаете кого-то, кто знает, — Охотник испытующе посмотрел ей в глаза. — Кто ваши таинственные доброжелатели?

— Николас, только не начинай снова. Ваны хотят держать в тайне свое пребывание здесь. Даже от тебя. Я храню их секрет так же, как храню и твой. Не заставляй меня идти на предательство.

— Послушайте, но я ведь не собираюсь на них нападать. Мне просто надо поговорить. Вот и все.

— Значит, тебе придется искать их в другом месте, — упрямо сказала королева и повернулась к нему спиной, показывая, что разговор окончен.

Николас пожал плечами и направился к заинтересовавшему его судну. Возле него на табурете сидел высокий мужчина, на вид едва старше самого Охотника. Он сосредоточенно латал большую рыболовную сеть, нисколько не обращая внимания на морозный зимний воздух. В зубах его был зажат росток водоросли. Когда он завязывал на веревке очередной узел, то перекатывал темно-зеленую нить из одного уголка рта в другой.

— Я бы хотел поговорить с капитаном этого судна, — обратился к нему Николас.

Мужчина медленно поднял голову и посмотрел на Охотника. Его глаза были весьма необычного темно-синего оттенка, настолько глубокие, будто в них отражалась самое сердце океана.

— Я капитан этого судна, — ответил он. — Мое имя Сайлус. Чем могу служить?

— Говорят, что вы последним видели рыбу у наших берегов.

— Кто говорит? — не замедлил поинтересоваться капитан.

— Перекупщик.

— Он, поди, вам еще и не такое скажет. В последний раз мой корабль приходил с уловом три недели назад, как и все остальные рыбацкие судна в этом порту.

Николас еще раз внимательно на него посмотрел. Что-то в этом Сайлусе очень насторожило его. Только он никак не мог разгадать, что именно. Пахло от него… нет, даже не рыбой, а соленой, перенасыщенной йодом, цветущей морской водой, несмотря на то, что на пороге был Йольтайд и повсюду лежал снег.

Николас снял с руки перчатку и коснулся деревянного борта лодки. На ощупь она оказалась невероятно гладкой, даже просмоленных швов между досками видно не было, как будто ее целиком вырезали из гигантской сосны. Капитан недовольно оскалился, с ревностью наблюдая, как непрошенный гость покушается на его главное сокровище. Николас передвинулся ближе к носу, чтобы коснуться необъяснимо манившего к себе дельфина.

— Ну, хватит! — вспылил вдруг капитан, отталкивая Охотника от своей посудины. — Если меня в чем-то обвиняют, то пусть ведут к бургомистру, а корабль свой я трогать никому не разрешаю.

— Я просто хотел посмотреть, — искренне удивился такой реакции Николас. — Я пытаюсь разобраться, отчего ушла рыба.

Сайлус снисходительно ухмыльнулся:

— Всего-то, но тут же и дураку ясно.

— Что ясно? — не понял Охотник.

— Чуешь, откуда ветер дует?

Николас облизнул палец и поднял его в воздух.

— С запада, — уверенно ответил он.

— Правильно, с запада. А что бывает, когда дует Западный Ветер?

— Грозы, бури и ураганы. Ты хочешь сказать, что будет шторм?

— Причем небывалой мощи. Рыбы, поди, не зря на юг умотали. Подальше от Ока бури. А оно, по моим расчетам, должно находиться как раз недалеко отсюда, в поле айсбергов.

— Поле айсбергов? — Николас заходил так далеко на север лишь раз, когда они гнали Легион Теней из Утгарда. Рыбаки обычно не рисковали заплывать в поле айсбергов. Все они испытывали суеверный страх перед царством вечной мерзлоты, но капитан Мейдоголды говорил о нем так запросто. — А ты что ли был там, ну на поле айсбергов?

— Ну, может и был, а тебе-то что?

— Сможешь меня туда отвезти?

Капитан аж поперхнулся от удивления:

— Что, прямо сейчас? Ты с ума сошел? Да нас смоет первой же штормовой волной, если до этого не протаранит айсберг. Ищи другого дурака себе в пару.

Он проглотил свисавшую изо рта водоросль и поднялся на корабль, предварительно захватив с собой табурет. Николас еще постоял некоторое время возле злосчастного судна, размышляя, что ему делать дальше. И не найдя более достойного способа решить возникшую проблему, чем нажаловаться бургомистру, отправился прямиком в городскую ратушу.

— Что насчет рыбы? — не замедлил поинтересоваться Гарольд.

— Я работаю над этим. А что вы знаете про капитана корабля Мейдоголда? — начал издалека Охотник.

— Сайлуса? — удивился Гарольд его вопросу. — Добрый малый. Людей в Нормандию иногда возит. Рыбаков часто у нас нанимает. Все с удовольствием к нему идут. Говорят, удачлив, как морской демон, смел, как Муспельсхеймская саблезубая кошка. В порт на своем корабле может с закрытыми глазами войти. Знает, где рыба косяками ходит, ветер и течение угадать умеет. Зачем он тебе?

— Есть основания полагать, что он связан с исчезновением рыбы. Сайлус последний приходил с уловом три недели назад. Да к тому же все эти истории о его лихой удаче… Не бывает, чтобы человеку так везло. Подозрительно все это, вы не находите?

— Странно слышать такие речи в Упсале, да еще и из твоих уст. Что ты предлагаешь? Спалить его на костре на главной площади за ворожбу? Чем мы тогда лучше единоверцев будем?

— Какой к демонам костер? Да и сомневаюсь я, что дело тут в человеческой ворожбе, а даже если и в ней, такие варварские меры рыбу не вернут. Я хочу с ним в море выйти и сам посмотреть, чему из людской молвы верить можно.

— Ну, а если он не имеет к пропаже рыбы никакого отношения, будет скандал. Мы, главный порт свободной Лапландии, беспочвенно обвиним человека в колдовстве. Да соседи нас на смех подымут, десять лет потом вспоминать будут. А другие моряки не станут заходить к нам в порт из-за такой славы…

— Доверьтесь моему чутью. Раньше оно меня ни разу не подводило, — остановил бургомистра Николас до того, как тот успел дойти в своих рассуждениях до начала новой Войны за веру.

— Хотелось бы иметь за душой нечто более осязаемое, чем

твое чутье, если мне придется злоупотреблять положением, — мрачно заметил бургомистр. — Ладно, надо так надо. Веди меня к своему капитану.

Когда Николас вместе с бургомистром Гарольдом вернулся к причалу, где была пришвартована Мейдоголда, ее капитан снова сидел на табурете, надвинув на глаза шляпу с широкими полями, и курил трубку. Из нее кольцами вырывался дым, пахнувший отнюдь не табаком, а водорослями.

— Привел подмогу? — спросил он, не поднимая головы. Удивительно было, как он вообще их разглядел.

— Мастер Сайлус, ввиду сложившейся в городе чрезвычайной ситуации я, властью данной мне жителями славной матушки Упсалы, прошу вас оказать содействие Николя дю Комрою в поисках пропавшей рыбы.

— Николя дю Комрой? Ну, что за несуразное имя, — ехидно усмехнулся капитан из-под шляпы. — Если вы меня просите, то я могу отказаться?

— Мастер Сайлус, я вынужден настаивать. Вы должны понимать, что это для общего блага… — Гарольд хотел уговорить строптивого морского волка по-хорошему.

— Если этот умалишенный хочет утонуть в море для общего блага, то я не против, но зачем же меня с Мейдоголдой с собой на дно тянуть? — грубо оборвал его капитан.

— Утонуть? — нахмурил брови бургомистр и перевел взгляд на Охотника.

— Вы хоть слышали, куда он плыть собирается? — Сайлус все-таки сдвинул с глаз шляпу и испытующе поглядел на Охотника. — В самое Око бури в поле айсбергов.

— Вы, наверное, что-то не так поняли, правда, мастер Николя? — со слабой надеждой спросил бургомистр.

— Нет, он все понял верно. Думаю, что в поле айсбергов мы найдем все ответы на интересующие нас вопросы, — спокойно ответил Охотник, буравя взглядом своего противника.

Гарольд понял, что возражения бесполезны и обреченно сказал:

— Отвезешь его, куда он хочет. Это приказ бургомистра.

Сайлус недовольно закатил глаза, зашептал что-то на непонятном языке и высыпал из трубки пепел на снег.

— Хорошо, только на Мейдоголде мы не поплывем. Она мне слишком дорога, чтобы разбить ее об айсберг из-за такого, как ты. Да к тому же мы с ней вдвоем не управимся, понадобятся матросы, а мне в отличие от некоторых никого на корм кракенам[77] или ермунганду[78] тащить не хочется.

Николаса одолевало раздражение, но устраивать разборки в

присутствии бургомистра он не решился. Они спустили на воду узкую, как сельдь, плоскодонку. Сайлус достал со своего корабля длинный шест и кинул его в лодку вместо весел. Это всколыхнуло в Охотнике какие-то смутные детские воспоминания о таинственных лодочниках, что по ночам причаливали к берегам Туманного острова для совершения своих странных обрядов.

— Нет, ну так вы точно разобьетесь, — встревожено воскликнул бургомистр.

— Я же сказал, для большого корабля нужна команда, а с этой лодчонкой я и один управлюсь, если мы, конечно, в шторм не попадем. Не смотрите, что она неказистая. Просмолена недавно, и не течет совсем, устойчивая просто чудо, — похвалил капитан свое маленькое судно, а потом, увидев притороченный к поясу Охотника меч, прикрикнул: — Эй, с оружием я тебя не повезу. Пока я капитан, закон для всех один — в море никакого оружия. Можешь оставить его на Мейдоголде, там никто не тронет, будь спокоен.

— За его сохранность я и так спокоен, — не замедлил ответить Николас.

Когда потревоженное оружие начало призывать Охотника вспороть наглецу брюхо, он про себя добавил: "А вот за сохранность того, у кого достанет глупости посягнуть на этот меч, стоит поволноваться". И с чистой совестью оставил его в камбузе корабля Сайлуса.

Захватив с собой вяленую оленину и баклажку с водой, они отчалили. Был уже почти полдень. Подхваченное сильным северным течением утлое суденышко быстро понеслось по волнам, огибая побережье Утгарда. Темно-синее покрывало морской воды едва заметно колыхалось, вспениваясь и закручиваясь барашками у самого берега. Холодный зимний ветер совсем стих.

— Такой штиль бывает на море лишь в преддверие большой бури, — мрачно сообщил Охотнику капитан. — Показал свою удаль? Ну, может, хватит? Нет тут никакой рыбы. Давай повернем домой, пока не поздно.

Николас покачал головой и лишь натянул на голову капюшон. Сайлус медленно погружал шест в морские пучины, но не для того, чтобы придать лодке движение, а скорее, чтобы удержать курс. Плыть пришлось долго, несколько дней, на ночь останавливаясь в уединенных бухточках, которые не затапливало во время прилива. На закате третьего дня, когда воды моря окрасились в багровые тона, на горизонте показались первые айсберги. Они казались совсем крохотными островками, белыми звездами в темной морской пучине, но это было обманчивое

впечатление. Огромные глыбы льда могли уходить под воду на многие версты, скрывая свои истинные размеры, а напоказ выставляя лишь ничтожную часть.

Солнце полностью скрылось за горизонтом, погрузив мир в первозданный мрак. Николас поднялся со своего места, внимательно вглядываясь в звездное северное небо. Где-то там вдалеке над безграничным айсберговым полем разворачивалось грандиозное светопреставление. Рваной занавесью, зубастой короной на фоне темного ночного неба разгоралось северное сияние. Яркая красная полоса, рядом с ней зеленая. Краски перемешивались между собой, сливаясь в фантастические оттенки то одного, то другого цвета.

— Вот это красота! — восхитился Охотник, впервые наблюдавший подобное явление.

— Это зловещая красота, — глухо пробормотал Сайлус. — Северное сияние… Открывается червоточина Хельхейма, чтобы исторгнуть очередное чудовище.

На море опустилась звенящая тишина.

— Вот теперь точно будет шторм, — мрачно сообщил капитан. — И мы в самом его центре.

— Тебе-то что? — грубо оборвал его Николас. — Обернешься рыбиной и вернешься в свой родной Ванахейм.

— На что это ты намекаешь? — тут же оскалился Сайлус.

— Я ни на что не намекаю, — спокойно ответил Охотник, смиряя свою "добычу" тяжелым взглядом. — Просто делаю вывод из всего, что видел и слышал о тебе за последние дни. Ты приплыл невесть откуда, родственников нет, дома тоже. Ты на редкость удачлив и ловок. Знаешь, куда уходит рыба и умеешь предсказывать погоду.

— Это смешно, — начал оправдываться капитан. — Так может каждый опытный моряк.

— Опытный? Но ты едва ли старше меня или внешность ванов не отражает их истинный возраст? — вкрадчиво спросил Николас.

— Я человек! — зарычал на него капитан. Его глаза вспыхнули зловещим синим светом.

— Знаешь, в чем твоя главная ошибка, "человек"? — как ни в чем не бывало продолжил Николас. — Эта лодка. Никто из людей не смог бы проплыть на ней так далеко в открытое море, да еще и с шестом вместо весла. Так куда ты дел рыбу?

— Я же сказал, будет шторм. Она ушла южнее, чтобы не погибнуть тут.

— Верни ее обратно.

— Не могу, — развел руками ван.

— Значит, придется по-плохому, — устало вздохнул Николас.

— У тебя даже меча нет, — усмехнулся Сайлус.

— А я и без него с тобой управлюсь, — ответил Охотник.

В этот момент ван резко качнул лодку в бок и нырнул в воду, но Николас успел скинуть с себя тулуп, оттолкнуться от деревянного борта и взлететь в ночное небо на огромных белых крыльях.

— Какого демона? — удивился Сайлус, выныривая из воды и ступая по ней, будто по суше.

— Не все же тебе одному фокусы показывать, — крикнул Николас, делая круг у него над головой.

— Думаешь, в небе я тебя не достану? — ван широко расставил ноги и сделал странный жест руками.

Вода, вторя его движениям, всколыхнулась. В одно мановение ока поднялась гигантская волна. Ее гребень едва не захлестнул Охотника — тот успел увернуться в последний момент. За первой последовала вторая, еще более мощная, но Николас уже был готов и с легкостью сбил ее с помощью телекинеза. Брызги проливным дождем накрыли Сайлуса, но тот развел руками и вода разлетелась в стороны, не задевая его. Охотник улучил момент и нанес удар по самому вану. Тот пошатнулся, едва не потеряв равновесие, но все же устоял, посылая за Николасом очередную волну.

Яркие зимние звезды на ночном небе испуганно укрылись черными тучами. Поднялся шквалистый ветер, завыл в кронах заснеженных вековых сосен, застучал в окна домов. Дворовые собаки забились поглубже в будки. Люди спешили поплотнее закрыть ставни, чтобы не слышать жуткого стенания ветра на улице. Метель мела с неистовством чистоплотной хозяйки. Снег шел плотной непроглядной пеленой. До этого безмятежное море грозно забурлило и разбушевалось. Громадные штормовые волны с чудовищной силой бились о берег, желая погрести под собой лодки и жилища, находившиеся в опасной близости от берега. Стихия разыгралась не на шутку. Такого шторма и бурана жители севера не наблюдали уже давно. Как будто сам Повелитель Морей вступил в схватку с неистовым Западным Ветром, грозя смести все, что попадется на пути.

Николас с Сайлусом кружили друг против друга, в пылу схватки не замечая ничего вокруг. Для каждого существовал только противник, которого нужно было победить, повергнуть в морскую пучину во что бы то ни стало. Повод и предлог уже давно стерлись из памяти. Осталась только кипучая, неудержимая ярость, пожаром бушевавшая в их сердцах. Снежные вихри сталкивались со штормовыми волнами, идущими одна за другой,

как верные клятве солдаты на войну за своего короля. Ветер бичом хлестал по ним, разнося брызги и грохот на многие версты. Израненное море стенало, и ветер, несший равные потери, вторил ему.

Не вынеся их криков, из самой глубокой впадины вынырнул корабль Губчатого капитана. Он устало поглядел на беснующихся мальчишек в пылу игры крушивших все свои игрушки. Его верный подручный гигантский осьминог-кракен схватил обоих драчунов за шиворот, швырнул на палубу к своему хозяину и ушел обратно под воду.

— Ну а теперь, полюбуйтесь, голубчики, что вы натворили, — пристыдил их Губчатый капитан.

Николас с Сайлусом обескуражено переглянулись и уставились на царивший на море хаос.

— Так это и есть Око бури? — пораженно спросил Николас.

— Кажется, мы немного перестарались, — сделал слабую попытку оправдаться Сайлус.

— Из-за чего хоть драка была? Надеюсь, не из-за бабы какой? — спросил Губчатый капитан.

Николас с Сайлусом одновременно поморщились и замотали головами:

— Нет!

— Вот и хорошо. Все остальное можно поделить. Ну же, пожмите друг другу руки, и пойдем обмоем ваше примирение.

Бывшие враги с явным отвращением протянули друг другу руки и нехотя поплелись в камбуз, потому что каждый из них прекрасно знал, что спорить с Губчатым капитаном бесполезно. Хозяин гостеприимно раскупорил большой бочонок с ромом и разлил его по кружкам для гостей.

— Послушайте старого Эльма, все споры лучше решать за карточным столом, чем устраивать бурю в кружке с ромом, правда, Сальиэрмус? — раздобревший от хмеля старик хлопнул по плечу присмиревшего вана.

— Сальиэрмус, — про себя усмехнулся неблагозвучному прозвищу Охотник, в то время как Сайлус гневно сверкнул на него глазами.

— Вся рыба из-за вас от страха на юг сбежала, — как ни в чем не бывало, продолжал капитан Эльма.

— Я же говорил, что я тут ни при чем, — шепнул на ухо Охотнику ван. Николас хотел было возразить, но потом передумал, сообразив, что к сегодняшнему ненастью он и сам руку хорошенько приложил.

— Как насчет партии в покер? — старик уже доставал карты с блаженным видом.

— Только не это, — застонали в два голоса ван с Охотником.

— Ну же, мальчики, допивайте ром и сыграем. За добрую память. Сколько мы не виделись: год, два?

— Десять, — подсказал Николас.

— О боги, как летит время. Тем более, вы просто обязаны уважить меня хорошей игрой.

Николас с Сайлусом обреченно кивнули. Карты бойко застучали по столу. Прошло несколько часов. Перед ваном и Охотником выросли внушительные горы золотых монет. Старик Эльма меж тем, наконец, уронил голову на стол и громко захрапел. Поняв, что их наказание окончено, Николас с Сайлусом положили карты на стол.

— Ты уж извини меня, что я… — начал было Охотник, снимая с камина свою рубашку.

— Да ладно, пустяки, — ответил ван, закладывая руки за голову. — Инстинкт, демоны его побери, даже у таких высших существ как мы может верх над разумом взять. Радует одно, к утру рыба должна вернуться в воды матушки Упсалы.

— Кстати об Упсале, почему ты решил там обосноваться?

— А чем плоха Упсала? Город тихий, море рядом, гонений нет. Раньше я часто заходил в порт Леннокса на Авалоре, но в последние годы это стало не безопасно, — мрачно ответил Сайлус.

— А ты бы мог туда меня отвезти? — со слабой надеждой спросил Николас

— В Леннокс? Совсем с ума сошел? Да там же нас Голубые Капюшоны на медленном огне, как рыбу, зажарят, — возразил ему ван, но, заметив его затуманенный взгляд, осекся. — У тебя там семья?

Охотник отвел взгляд, сожалея о том, что он вообще начал этот разговор.

— А почему ты не возвращаешься в Ванахейм?

— Ванахейм? Я там бываю… изредка. В незапамятные времена мой народ разделился на две ветви: тех, что всю жизнь провидят на дне морском в Ванахейме и тех, кто выбирает земной путь. В Ванахейме последним не очень рады.

— И ты никогда не жалеешь?

— О чем?

— Что не можешь вернуться на родину.

— Иногда, — задумчиво ответил Сайлус. — Редко. Обычно в такие моменты я вспоминаю, что мне принадлежат все воды мира. Что значит какой-то клочок дна в сравнении с таким несметным богатством?

Николас подошел к окну.

— Светает, — отметил Охотник. — Пора возвращаться, а то все решат, что мы утонули.

— Тогда давай будить старика Эльма, — Сайлус не очень почтительно пихнул храпуна в бок.

— Свистать всех наверх, — громогласно затрубил Губчатый капитан, спросонья не разобравшись, где он и что происходит.

— Не надо никого свистать. Мы домой пойдем, солнце уже высоко, — сказал Николас, выходя на палубу.

— Как, так быстро? — расстроился Эльма.

Ему было жаль расставаться с дорогими гостями. За последние пару сотен лет его единственным собеседником был кракен, а какого веселья можно ждать от осьминога, пусть и исполинских размеров?

— Не скучай, старик. Может, еще встретимся, — махнул ему на прощание Сайлус.

— Обязательно встретимся, — подтвердил Охотник.

— Ну что ж, бывайте тогда, сорванцы. И не устраивайте больше драк, — снова пристыдил их капитан.

По левому борту проплыла стайка крупных рыб. Николас с Сайлусом переглянулись.

— На перегонки до Упсалы? — предложил Николас, ван озорно подмигнул в ответ.

Один взмыл в воздух белокрылой чайкой, второй нырнул в волны шаловливым дельфином.

— Мальчишки! — погрозил им пальцем Эльма, завидуя молодецкой силушке.

На месте корабля возник водоворот, захватил его и завертел во все стороны, опуская на самое дно.

— Ничья, — объявил Сайлус, когда он выбрался на берег возле Мейдоголды одновременно с Охотником.

Николас забрал свой меч и уже собирался уходить в город, когда ванн вдруг окликнул его.

— Эй, выспись сегодня хорошенько!

— Зачем?

— Завтра Йоль, — напомнил ему Сайлус.

— Ну и что? — не понял Николас

— В Йоль все изменится. Поверь мне, другого шанса отдохнуть у тебя еще долго не будет.

Охотник пропустил его предсказание мимо ушей и направился прямиком домой.

***

— Ну и буря вчера была. Такие волны на море поднимались, чуть всю прибрежную полосу не затопили. Мы так за вас переживали, мастер Николас, — начал причитать Эглаборг, как

только Охотник ступил за порог своего дома.

— У нас есть что-нибудь от похмелья? — хриплым голосом спросил он. — Напомни, когда я проснусь, что я ненавижу ром.

Эглаборг удивленно потупился, но промолчал. Он прекрасно знал, что в таком состоянии Николаса лучше не трогать. Охотник глотнул какого-то отвратительного соленого отвара, завалился на кровать, да так и проспал до самой глубокой ночи. Спал бы и дольше, если бы на подоконнике не появился из ниоткуда рыжий кот. Он таинственно сверкнул глазами и просочился сквозь стекло в комнату, прыгнул на пол, а с пола на кровать. Понюхал выбившуюся из-под одеяла руку, вскарабкался на грудь, улегся в том самом месте, где билось сердце, лизнул в небритый подбородок и растворился в ночной тьме.

Все менялось. Ворот истории неутомимо крутил свои шестеренки. Охотник медленно пробуждался ото сна, еще не зная, что приготовил ему щедрый на подарки Йоль, а в запасе у него было немало сюрпризов.

Минск 2011 г.

notes

Примечания

1

Мидгард — германо-сканд. "среднее огороженное пространство", мир, населенный людьми.

2

Самайн — кельт. праздник окончания сбора урожая, отмечался 31 октября.

З

Бельтайн — кельт. праздник начала лета, отмечался 1 мая.

4

Джордж Драконоборец — англизированное "Георгий Победоносец", победитель Змия.

5

Муспельхейм — "огненная земля", один из 9 миров в герамано-сканд. мифологии

6

Бригантия — кельт. божество, помогавшее женщинам при родах.

7

Рогатый хранитель леса — кельт. божество природы и плодородия Кернунн, покровитель охотников.

8

Белен — кельт. бог солнца и исцеления

9

Мары (англ. mare) — англо-сканд. демон, приносящий дурные сны. По тексту больше связано с образом кикиморы из слав. мифологии, которая крадет младенцев из люльки.

10

Руна Перт — четырнадцатая руна германского алфавита, при гадании предвещает тайну, приключение.

11

Феи — кельт. "маленькие люди", миниатюрные девушки с крыльями бабочек.

12

Сажень — 2,134 м

13

Пядь — 17,78 м

14

Фейри — кельт. общее название группы шаловливых сверхъестественных существ.

15

Аванк — миф. существо, похожее на бобра или крокодила, победу над которым приписывают королю Артуру.

16

Аконит или борец — растение, из которого в Индии и Непале готовили один из самых ужасных ядов "Бик".

17

Вёльва — сканд. провидица.

18

Долина Агарти — санскр. "недоступный", легендарная подземная страна в Тибете или Гималаях.

19

Беловодье — слав. молочная река с кисельными берегами, страна свободы, ассоциирующаяся с вирием.

20

Рифейские горы — возвышенности, дающие начало рекам Скифии, традиц. ассоциируются с Уралом.

21

Эльм, Эразм — христианский святой покровитель мореплавателей. Разряды в форме пучков или шариков на концах мачт кораблей при большой напряженности электрического поля в атмосфере называют огнями святого Эльма. Они предупреждают моряков о приближающемся шторме. Считается, что легенда о Летучем Голландце могла возникнуть из-за этого эффекта.

22

Кобольд — сканд. домовой и горный дух, дал название металлу кобальту.

23

Вужалак — бел. ужиный царь, который напускает мор и прочие несчастья на тех, кто обижает его подданных.

24

Вересень — бел. сентябрь

25

Жнивень — бел. август

26

Дик — бел. дикий кабан

27

Хобгоблин — кельт. шаловливые домашние духи.

28

Брауни — кельт. домашние духи и духи водопадов и ручьев, менее шаловливы и более могущественные, чем хобгоблины.

29

Волколак — бел. волк-оборотень

30

Свитязь-озеро — бел. карстовое озеро, с которым связано множество легенд о русалках.

31

Мавки — слав. дети, которых забрали к себе русалки.

32

Жнец — средневек. Персонификация смерти виде закутанной в ветхий плащ фигуры с косой.

33

Китеж-град — слав. сокровенный город, ушедший под воду во время татаро-монгольского нашествия.

34

Шамбала — мифическая страна в Тибете, по совр. эзотерической традиции — место нахождения Великих Учителей.

35

Лозоходцы — магическая практика поиска воды с помощью специальной рамки — лозы.

36

Кирин, Цильинь — кит. Химера-единорог, по легенде предзнаменовавшее рождение и смерть Конфуция.

37

Тулпар — тюрк. летающий конь

38

Кадзеяма — яп. "гора ветра"

39

Йокай — яп. демон, злой дух.

40

Тануки — яп. енот-оборотень

41

Мико — яп. жрица в синтоистских храмах

42

Гайдзин — яп. "иностранец"

43

Канабо — яп. палица с шипами — главное оружие Оньи

Юки — яп. "снег"

45

Оньи — яп. демон-людоед.

Ками — яп. "боги"

47

О-тя — яп. "чай"

48

Каппа — яп. водяной демон

49

Кагура — яп. священный танец

50

Мононоке — яп. "разгневанный дух", человек или животное, обратившееся в йокая испытывая сильные негативные чувства, такие как гнев или скорбь.

51

Онигири — яп. блюда из риса, круглой формы с начинкой.

52

Снежная ведьма, Юки-онна — яп. йокай, появляющийся во время метели. Предстает ввиду прекрасной женщины в белых одеждах. Приманивает своих жертв, преимущественно мужчин, а потом высасывает из них все соки или замораживает поцелуем.

53

Акбузат, Харысай и Идель — персонажи башк. эпоса "Урал-батыр"

54

Василиск — европ. король змея, убивающий одним взглядом.

55

Каркаданн — перс. свирепый единорог, способный убить слона.

56

Птица Рух — перс. свирепая хищная птица, питающаяся слонами, способная истребить целый корабли с моряками, если те посмеют разорить ее кладку.

57

Норны — сканд. три женщины-пряхи, определяющие судьбу людей и богов.

58

Дикая Охота — сканд. группа мертвых или зачарованных всадников с собаками, летящая по небу и захватывающая не успевших спрятаться вовремя людей.

59

Лютый зверь — здесь и далее идет пересказ истории о нападениях гигантского волка в провинции Жеводан, на юге Франции в 1764–1767 гг.

60

Мануш — западная ветвь цыган, более известная как синти.

61

Ликантропия — болезнь, в результате которой человек превращается в волка.

62

Тотем — амер. инд. животное-покровитель человека

63

Лугару, ругару — франц. люди-волки

Ненниры — сканд. лошадь-оборотень серой масти.

65

Тролль — сканд. горные великаны-колдуны.

Огр — сканд. великаны-людоеды.

67

Утгард — сканд. "внешнее отгороженное пространство", мир великанов.

Гримтурс — сканд. инистые великаны.

69

Етунхейм — сканд. мир, населенный великанами-етунами.

Хельхейм — сканд. мир мертвых.

71

Ваны — сканд. группа богов обитавших в Ванахейме и враждовавших с асами. По тексту так же связано с персонажами из фольклора Оркнейских островов, морскими народом Финами, что слыли искусными лодочниками и колдунами. Жили они в подводном царстве Финфолькхейме.

72

Подменыш — сканд. ребенок мифологических существ, оставленный в замен человеческого.

73

Дану, Туаты, Сиды — кельт. племена богини Дану, которые обитали под холмами.

Верста — 1 066,781м

Батыр — тюрк. "доблестный воин"

76

Йоль — сканд. праздник зимнего солнцеворота, традиц. совмещенный с христианским Рождеством. Йольтайд — время с последней ночи перед Йолем до 12 ночи после него.

77

Кракен — гигантский осьминог.

Ермунганд — гигантский морской змей